

Олдос
Хаксли
(1894-1963)

Олдос
Хаксли
Вечная
философия

Philosophia
P e r e n n i s

Э К С М О
2 0 0 4

Об авторе этой книги

Олдос Леонард Хаксли (1894—1963) родился 26 июля 1894 в Годаминге (графство Суррей, Великобритания) в семье с богатыми интеллектуальными традициями — его дедом, например, был известнейший британский ученый, биолог-эволюционист Томас Генри Хаксли (в отечественной традиции Гексли).

Счастливого и безоблачного время закончилось для Олдоса Хаксли в 14 лет, когда его мать неожиданно умерла от рака. Через 2 года с опаснейшим недугом пришлось бороться уже ему самому — он заканчивал престижнейшую британскую школу в Итоне, когда заболевание глаз поставило его на грань полной слепоты. Болезнь удалось приостановить, однако Хаксли на всю жизнь остался полуслепым. Ослабленное зрение заставило его забыть о научной карьере, которая была его мечтой, и избавило от окопов 1-й мировой войны, куда Хаксли издал вместе со многими своими друзьями и сверстниками.

Тем не менее он смог поступить в Оксфорд, который закончил с отличием. Среди друзей Хаксли имел репутацию человека, который знает и прочел все, несмотря на то что книги ему приходилось осваивать в основном при помощи большого увеличительного стекла.

В Оксфорде Хаксли познакомился с писателями Литоном Стретчи и Бертраном Расселом, а также подружился с Дэвидом Гербертом Лоуренсом. К этому времени относятся и его собственные литературные пробы — свою первую книгу, сборник стихотворений, Хаксли издал в 1916 г.

В 1919 г. Хаксли женился на бельгийке Марии Нис; в следующем году родился их единственный сын Мэтью. Молодая семья жила попеременно то в Лондоне, то где-нибудь в Европе, например, в Италии. В 1925—1926 гг. они предприняли кругосветное путешествие, во время которого побывали во многих странах, в частности, в Индии и США.

Хаксли постепенно становился все более известным писателем; упрочению его литературной репутации способствовали интеллектуальные романы «Желтый Кром» (1921), «Шутовской хоровод» (1923)

и «Контрапункт» (1928). В 1932 г. вышел роман-антиутопия «О дивный новый мир», сделавший Хаксли по-настоящему знаменитым писателем. Картины западного тоталитарного общества, нарисованного в романе беспощадными красками, были навеяны автору тем, что он увидел в фашистской Италии и прочел о ленинско-сталинском режиме в Советском Союзе.

В 1936 г. вышел новый роман Хаксли «Слепой в Газе», а год спустя они всей семьей переехали в США, где писатель начал успешную карьеру голливудского сценариста (одной из его картин стала экранизация романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение» с Лоуренсом Оливье в роли Дарси).

Хаксли не оставляет литературное творчество (в 1939 г. увидел свет его роман «И после многих весен...»), равно как и попытки отыскать альтернативу шатким ценностям западной цивилизации в восточной философии и религиозном мистицизме («Вечная философия», 1946). Дальнейшие поиски духовной опоры во внутренней сути человека приводят его в 1950-е гг. к экспериментам с психоделическими наркотиками типа мескалина и ЛСД. В общей сложности Хаксли экспериментировал с наркотиками около 10 лет; его целью при этом было отыскать такое вещество, которое позволило бы человеку уйти от самого себя без какого-либо физического или социального ущерба. Свои впечатления он отразил в двух книгах — «Врата восприятия» (1954) и «Небеса и преисподняя» (1956).

Заметными явлениями в позднем творчестве Хаксли стали также новая антиутопия «Обезьяна и сущность» (1948), блестящее психологическое исследование «Дьяволы Лудена» (1952), сборник эссе «Возвращение в прекрасный новый мир» (1958) и роман «Остров» (1962); всего им было написано 47 романов. Всю свою жизнь Хаксли оставался убежденным пацифистом, экологически мыслящим интеллектуалом, стремившимся отыскать хрупкое равновесие между современной цивилизацией, утратившей связь с первоосновами бытия, и суверенным духовным пространством отдельной человеческой личности.

Введение

Philosophia perennis — Вечная Философия — эта формула принадлежит Лейбницу; но ее сущность — метафизика, признающая Божественную Реальность, субстанциональную по отношению к миру вещей, жизни и разума; психология, которая открывает в душе нечто родственное или даже тождественное Божественной Реальности; этика, которая ставит конечной целью человека познание имманентного и трансцендентного Основания всего сущего, — была и остается всеобщей и бес-

смертной. Зачатки Вечной Философии можно обнаружить в традиционных верованиях примитивных народов во всех уголках мира, а в развитой форме она присутствует в каждой из сложившихся религий. Главнейший Общий Фактор всех предшествующих и последующих теологий впервые был изложен письменно более двух с половиной тысячелетий назад. С тех пор к этой неисчерпаемой теме возвращались вновь и вновь, на базе каждой из религиозных традиций и на всех основных языках Азии и Европы.

Читатель этой книги познакомится с тем, как я свел воедино некоторые отобранные мной выдержки из этих писаний. Прежде всего, я отдавал предпочтение тем из них, что казались мне наиболее значимыми, недвусмысленно поясняющими некий определенный момент в общей системе Вечной Философии, сохраняя при этом свою внутреннюю красоту, и запоминаемыми. Эти отрывки скомпонованы и, если можно так сказать, поданы в обрамлении моих собственных комментариев, в которых я предпринял попытку установить их внутреннюю связь, развить, а там, где это необходимо, и пояснить заложенные в них истины.

Познание — это функция бытия. Когда происходит изменение в бытии познающего, соответственно изменяются природа и содержание познания. К примеру, рост, развитие и обучение преобразуют бытие ребенка в бытие взрослого; среди результатов этой трансформации — революционные изменения в способе познания, а также в характере и объеме познаваемого. По мере того как человек взрослеет, его знание становится более концептуальным и систематическим по форме, при этом несопоставимо возрастает доля фактического, утилитарного содержания. Одновременно определенно ухудшается качество непосредственного восприятия, притупляется и теряется интуитивная сила. Представьте, каких изменений

в восприятии может добиться ученый с помощью своих инструментов. Астроном, вооруженный спектроскопом и шестидюймовым рефлектором, становится, по крайней мере в том, что касается зрения, просто-таки сверхчеловеческим существом. Нет ничего неожиданного в том, что знание, которым будет обладать это сверхчеловеческое существо, очень отлично, и качественно, и количественно, от того, которое доступно какому-нибудь звездочету, полагающемуся лишь на остроту и силу своих обычных человеческих глаз.

И не только физиологические или интеллектуальные изменения влияют на человека и его познание. То, что мы познаем, зависит также от того, кем мы, как существа нравственные, предпочитаем быть. «Практика, — как сказал Уильям Джеймс*, — может изменить наши теоретические горизонты, притом двояко: она может открыть новый мир и вооружить новой силой. Знание, которого мы никогда не достигнем, оставаясь теми, кто мы есть, может быть обретоно как следствие более высоких сил и возвышенной жизни, приобретаемых нравственными усилиями». Выражаясь более лаконично: «Благословенны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Та же мысль, выраженная наукообразной метафорой, звучит у поэта-суфия Джалаледдина Руми**: «Астролябия, которой измеряются тайны Божии, — это любовь».

Эта книга, повторюсь, — антология Вечной Философии, но даже в таком виде в ней не много отрывков из сочинений профессиональных литераторов; и даже когда речь идет о философии, почти ничего —

* Уильям Джеймс (1842—1910) — американский философ и психолог, один из основателей прагматизма.

** Джалаледдин Мухамед бен Бахааддин Руми, известный также как «Мауляна» («наш господин» (1207—1273) — персидский поэт-мистик, основатель и неформальный руководитель суфийского братства маулавийа.

от профессиональных философов. Причина этого очень проста. Предмет Вечной Философии главным образом составляет единая Божественная Реальность, которая представляет собой содержательную основу многообразного мира предметов, жизней и сознаний. Но по своей природе эта единая Реальность такова, что ее прямое и непосредственное постижение открыто лишь тем, кто готов подчиниться определенным условиям, став любящими, чистыми сердцем и нищими духом.

Почему все обстоит именно так? Мы не знаем. Это лишь один из моментов, которые следует принять, нравится это нам или нет, какими бы невероятными и малопривлекательными они бы ни показались.

Наша повседневная жизнь не дает нам никаких оснований предполагать, что вода состоит из водорода и кислорода; однако когда мы подвергаем воду определенному воздействию, достаточно интенсивному и радикальному, природа ее составляющих элементов становится очевидной. Подобным же образом ничто в нашей обыденности не дает слишком много причин предполагать, что разум обычного человека имеет одной из своих составляющих нечто, напоминающее Реальность, которая есть сущность многоуровневого мира, или даже тождественное ей. И все же, когда этот разум подвергается сильнодействующей обработке, Божественный элемент, из которого он состоит, по крайней мере отчасти, открывается, и не только самому разуму, но также через свое отражение во внешнем поведении и разумах других. Нам по силам открыть внутреннюю природу материи и ее возможности, только лишь проводя физические эксперименты. И только физиологические и нравственные эксперименты помогут нам открыть истинную природу сознания и его возможности. В условиях повседневной

чувственной жизни эти возможности остаются под спудом и не проявляются. Если же мы поставим целью открыть их в себе, то нам потребуется выполнить определенные условия и подчиниться некоторым правилам, действенность которых была подтверждена опытным путем.

Возвращаясь к профессиональным философам и писателям, лишь об очень немногих из них с уверенностью можно сказать, что они многого достигли на пути выполнения условий, необходимых для достижения непосредственного духовного знания. Когда поэт или метафизик говорит о том, что составляет содержание Вечной Философии, такое знание, скорее всего, получено из вторых рук. Но каждое столетие знало и таких людей, которые делали выбор в пользу выполнения упомянутых условий, ибо факты говорят, что лишь в таком случае может быть получено подобное непосредственное знание.

Лишь немногие оставили после себя свидетельства о той Реальности, которую они таким образом смогли постичь и о которой постарались рассказать, в единой всеобъемлющей системе мысли — каждый отдельный момент своего постижения с другими подобными моментами другого своего опыта. Таких представителей Вечной Философии, получивших свои знания из первых рук, обычно называли «святыми» или «пророками», «мудрецами» или «просветленными». В основном к ним, а не к профессиональным философам или писателям я и обратился, хотя бы потому, что есть достаточно оснований предполагать, что они знали то, о чем говорили.

В Индии признают два вида священных текстов — *шрути*, или вдохновенные писания, которые авторитетны сами по себе, поскольку представляют собой плод непосредственного проникновения в граничную Реальность; и *смрити*, которые основываются на *шру-*

ти, и из них черпают свою авторитетность. «Шрути,— как говорит Шанкара*, — основываются на непосредственном восприятии. Роль *смрити* подобна введению, поскольку, как и у введения, обоснованность их слова исходит из подлинности источника иного, чем они сами». Таким образом, и эта книга — антология, с пояснительными комментариями, различных отрывков, выбранных из *шрути* и *смрити*, которые создавались в разное время и во многих местах.

К сожалению, знакомство с традиционными священными текстами зачастую порождает не то чтобы пренебрежение, но нечто, если говорить о практических целях, ничуть не лучшее — а именно своего рода уважительное безразличие, духовное оцепенение, внутреннюю глухоту к смыслу священных слов. По этой причине, подбирая материал для иллюстрации учений Вечной Философии, в том виде, как они излагались на Западе, я почти никогда не обращался к Библии. Те христианские *смрити*, фрагменты которых я использовал, основаны на *шрути* канонических книг, однако их весомое преимущество в том, что они менее известны и, следовательно, более жизненны, и, если можно так сказать, более слышимы, чем Библейские тексты. Более того, по большей части эти *смрити* — труд мужчин и женщин, отмеченных подлинной свято-

стью, которые на практике подтвердили, что не понаслышке знают, о чем говорят.

* Шанкара — индийский философ, проповедник и реформатор индуизма, творивший, по современным датировкам, в VII—VIII вв. Известен своим учением о Брахмане — простом, безличном и «бескачественном» мировом сознании.

В результате, их слово вполне можно расценивать само по себе как форму вдохновенного и подтвержденного их трудами *смрити*, притом в существенно большей степени, чем многие из писаний, включенных в Библейский канон.

В недавние годы неоднократно предпринимались попытки разработать систему эмпирической теологии. Но, несмотря на пронизательность и интеллектуальную силу таких авторов как Сорли, Оман и Теннант*, предпринятые усилия увенчались лишь частичным успехом. Даже в руках своих наиболее одаренных приверженцев эмпирическая теология выглядит не слишком убедительной. Причину, как мне кажется, следует искать в том, что теологи-эмпирики ограничили круг своего внимания почти исключительно опытом тех, кого теологи старой школы называли «необращенными», — иначе говоря, опытом не слишком преуспевших в выполнении необходимых условий духовного знания. Но непреложным остается тот факт, многократно подтвержденный за две или три тысячи лет религиозной истории, что граничная Реальность ясно и непосредственно постигается лишь теми, кто открыли в себе любовь к ближнему, сделали себя чистыми сердцем и нищими духом. И потому стоит ли удивляться, что теология, основанная на опыте хороших, заурядных, но необращенных людей, не слишком убеждает.

Эмпирическая теология стоит в точности на той же основе, что и эмпирическая астрономия, опирающаяся на опыт тех, кто невооруженным глазом наблюдает светила. Можно, глядя на созвездие Ориона, высмотреть там крошечное, едва заметное облачко, но весьма сомнительно, чтобы, основываясь на наблюдении этого пятнышка, можно было бы вывести сколь-ни-

* *Уильям Риччи Сорли* (1855—1935) — английский философ, автор ряда работ по этике и отличной от гегелевской философии духа. Рассматривал дух как действующую силу, присутствующую во всех вещах, в том числе и неживых.

Джон Вуд Оман (1860—1939) — английский пресвитерианский теолог. Придерживался либеральных взглядов.

Фредерик Роберт Теннант (1866—1957) — английский теолог и философ. Автор работ по эмпирической эпистемологии.

будь весомую космогоническую теорию. Можно сколько угодно и как угодно теоретизировать, выдвигать оригинальные и изобретательные предположения, но мы не узнаем о галактических и внегалактических туманностях столько же, сколько позволит прямое знакомство с ними с помощью хорошего телескопа, камеры и спектроскопа. Точно так же никакое теоретизирование об отблесках Реальности, которые едва проглядываются в многообразии заурядного, необращенного опыта мира, не в состоянии сказать нам столько же о Божественном, которое разум непосредственно постигает в состоянии отрешения, сострадательности и смирения.

Естественные науки эмпиричны, но они не ограничивают себя лишь рамками того, что может постичь человек в своем человеческом, невооруженном состоянии. Что заставляет теологов-эмпириков смириться с этим препятствием, об этом остается только догадываться. И конечно же, пока они будут ограничивать эмпирический опыт в таких, слишком человеческих пределах, они обречены снова и снова терять плоды своих лучших усилий. Из того материала, который они предпочитают рассматривать, даже самый одаренный разум не сможет извлечь что-то большее, чем возможное или, в лучшем случае, правдоподобное и вероятное. Подтверждающая сама себя точность непосредственного восприятия по самой природе вещей не может быть достигнута никем, кроме тех, кто вооружен нравственной «астролябией тайн Божиих». Если же ты сам не святой и не мудрец, то лучшее, что ты можешь сделать в области метафизики, — это взяться за труды тех, кто были мудры и святы, кому оказалось по силам изменить обычный человеческий образ существования и узнать то, что недоступно обычному человеческому познанию.

Глава первая. Это есть Ты

Изучая Философию Вечности, мы можем начать наш путь от подножия, от практик и нравственности, или же с вершины, с рассмотрения метафизических истин; наконец, с середины, из того средоточия, где в психо-

логии человека встречаются материя и разум, действие и мысль. Нижним вратам отдают предпочтение учителя — строгие практики, которые, подобно Гаутаме Будде, не видят пользы в умозрительных рассуждениях. Для них задача первостепенной важности — погасить в сердцах людей губительный огонь алчности, злобы и страсти. В верхние врата входят те, чье призвание думать и размышлять — философы и богословы. Средние же врата открыты для представителей того, что называют «духовной религией», — это бхакти — созерцатели Индии, суфии ислама, католические мистики позднего средневековья, в протестантской традиции — такие люди как Денк и Франк, Каstellio, Эверард и Джон Смит, первые квакеры и Уильям Ло.

Именно через срединные врата, и только лишь потому, что они срединные, мы также откроем для себя предмет, которому посвящена эта книга. Психология Вечной Философии берет свои истоки в метафизике и, что вполне логично, порождает этическую систему и становится основой для особого образа жизни. Избрав отправной точкой сердцевину учения, разуму далее не составляет уже труда повернуть в любом из направлений.

В этой главе мы сосредоточимся только лишь на одной отличительной черте, самой важной, более других выделяемой всеми представителями Вечной Философии в традиционной психологии и, добавим от себя, наименее психологичной. Дело в том, что доктрина, которую мы постараемся пояснить в настоящей главе, принадлежит скорее к аутологии, чем к психологии — к науке не личного «эго», но вечного «Я» в глубинах наших разобъединенных личных «я», тождественных или, по меньшей мере, родственных Божественному Основанию. Опираясь на непосредственный опыт тех, кто реализовал в себе необходимые условия подобного знания, это

учение вполне лаконично определяется санскритской формулой *tat tvam asi* («*Это есть Ты*»). Атман, или имманентное вечное «Я», едино с Брахманом, Абсолютной Первоосновой всего существования, и конечная цель каждого человеческого существа — непосредственно открыть для себя, кто он есть в действительности.

Чем больше Бог присутствует в сущем, тем дальше Он от него. Чем больше Бог внутри, тем больше Он снаружи.

Экхарт

Только трансцендентное, полностью иное может быть имманентным, при этом не став тем, в чем оно пребывает. Вечная Философия учит, что желательно, и на самом деле даже необходимо, знать Духовное Основание всего сущего не только во внутреннем мире души, но и во внешнем мире, и, вне души и мира, в его трансцендентной инаковости — «на небесах».

Хотя Бог вездесущ, ты можешь открыть Его в себе только в глубочайшем средоточии твоей души. Чувства не могут постичь Бога или же соединить тебя с Ним. Нет, твои восприятие, воля и память способны лишь следовать за Богом, но не в силах сотворить Его обитель в тебе. Но есть в тебе некий корень, некая глубина, из которой и исходят внутренние пути понимания, подобно тому как лучи исходят от центра, а ветви — от ствола дерева. Эта глубина зовется средоточием, основой или же подножием души. Она есть единство, вечность — я едва не сказал: безграничность — твоей души, ибо она настолько безгранична, что ничто не в силах насытить или успокоить ее, лишь одна безграничность Божия.

Уильям Ло

На первый взгляд, приведенный отрывок противоречит сказанному выше, но это противоречие кажущееся. Бог внутри, Бог сна-

ружи — это абстрактные понятия, которые можно понять и выразить словами. Но то, к чему обращены эти понятия, невозможно осознать и прочувствовать иначе, как «в глубочайшем средоточии твоей души». И это верно и в отношении постижения Бога не только внутри, но и извне. Хотя два эти абстрактные понятия необходимо осознать (пользуясь свободной метафорой) в одном и том же месте, подлинная природа осознания Бога внутри качественно отлична от осознания Бога извне. Каждая же в свою очередь отлична от постижения Основы одновременно и внешней, и внутренней — как «Я» постигающего и в то же время (как сказано в Бхагавад-Гите) «Того, Кем весь этот мир постигается».

Когда Шветакету было двенадцать лет, его отправили к наставнику, у которого он учился, пока ему не исполнилось двадцать четыре. Изучив все Веда, он вернулся домой, исполненный самомнения, полагая свою ученость безупречной, и во всем взыскательный.

Его отец сказал ему: «Шветакету, сын мой, ты исполнен учености и так взыскателен, но спрашивал ли ты о знании, которым слышат неслышимое, постигают непостижимое, о знании, которое нельзя знать?»

«Господин, поведите мне об этом знании», — сказал Шветакету.

Отец отвечал: «Зная комок глины, можно познать все, сделанное из глины, отличное лишь названием, но истинным будет то, что все это — глина. Таково, сын мой, и то знание, которым мы можем познать все».

«Несомненно, почтенные наставники, учившие меня, были в неведении о подобном знании. Обладая им, они поделились бы и со мной. Господин, не откажите мне в этом знании».

«Да будет так, — отвечал отец... и сказал: Принеси мне плод дерева нягродхи».

«Господин, вот он».

«Разломи его».

«Вот, господин».

«Что же ты видишь внутри?»

«Семена, господин, очень маленькие».

«Разломи одно семя».

«Вот, господин».

«Что же ты видишь?»

«Внутри ничего нет».

Отец сказал: «Сын мой, вот эта тонкая сущность внутри, которой ты не понимаешь, — в ней заключена жизнь высокого дерева нягродхи. В этой тонкой сущности все сущее имеет свою основу. В том Истина, в том «Я», и это, Шветакету, есть Ты».

«Молю, господин, — сказал сын, — поведайте мне более».

«Да будет так, сын мой, — отвечал отец и продолжил: Положи соль в воду и приходи ко мне завтра на рассвете».

Сын исполнил все по слову отца.

Следующим утром отец сказал: «Принеси мне соль, которую ты положил в воду».

Сын принялся искать соль, но не смог найти, ибо соль, несомненно, успела раствориться.

Отец приказал: «Отпей воды у горлышка сосуда. Какова она на вкус?»

«Соленая».

«Отпей воды из середины. Какова она?»

«Соленая».

«Отпей воды у доньшка. Какова она?»

«Соленая».

Отец сказал: «Ступай, выплесни воду, а затем возвращайся ко мне».

Сын повиновался, но соль не исчезла, ибо соль существует вечно.

Тогда отец сказал: «Так же, сын мой, и в своем нынешнем теле ты не можешь постичь Истину, хотя вот она, перед тобой. В том, что

есть этой тонкой сущностью, все существующее имеет свое «я». В том Истина, в том «Я», и это, Шветакету, есть Ты».

Из Чхандогья Упанишад*

Тот, кто стремится узнать свое «это», что есть «ты», может взяться за дело одним из трех способов. Он может начать с того, что всмотрится в свое личное «я», и, добываясь того, чтобы «умереть для себя» — себя в рассуждении, себя в желании, себя в чувствовании, — наконец, придет к познанию своего «Я», Царства Божия внутри. Или же он может начать с тех «я», что существуют

вокруг него, и постараться осознать их сущностное единство с Богом, и, через Бога, друг с другом и с его собственным существованием. Или же, наконец (и это, несомненно, самый лучший способ), попытается приступить к предельному «Это» извне и изнутри. Таким образом, ищущий познает Бога опытным путем сразу как первопричину своего собственного «я» и всех остальных «я», одушевленных и неодушевленных. Полностью просветленная человеческая личность знает, как говорил Ло, что Бог «присутствует в глубочайшем средоточии его собственной души», но, также и в то же время она остается среди тех, кто, по словам Плотина:

* Чхандогья — одна из Упанишад — древнеиндийских священных текстов (относящихся к категории шрути), представляющих собой религиозно-философские комментарии к Ведам. Слово «упанишад» означает «сидящий рядом», а называемые им тексты являются, таким образом, «сокровенным знанием», которое передавалось мудрецами избранным ученикам. Корпус упанишад составляют 108 текстов. Наиболее авторитетными и древнейшими считаются 10 упанишад — Айтарея, Кена, Чхандогья, Катха, Тайттирия, Иша, Брихадараньяка, Прашна, Мундака, Мандукья.

...видят все земное не в его становлении, но в Сущем, и видят самих себя в осталь-

ных. Каждый содержит в себе всю полноту постижимого мира. Поэтому Всеобщее есть повсюду. Каждый есть Всем, и Все — в каждом. Человек, каков он ныне, перестал быть Всем. Но когда он уходит от своей обособленности, но снова возвышает себя до единения со всем миром.

Именно в этом, более или менее безотчетном, интуитивном осознании единства и заключены источник и основание всего того многообразия, в котором берет свое начало философия. И не одна только философия, но также и естественная наука. Наука в целом, как выразился Мейерсон*, — это сокращение многообразия до уровня тождественности. Разделяя Единое внутри и за пределами множества, мы обнаруживаем внутреннее правдоподобие в любом объяснении различия в терминах единого принципа.

Мы снова встречаем философию Упанишад, развитую и обогащенную, в *Бхагавад-Гите*** , а в IX веке нашей эры она была окончательно систематизирована Шанкарой. Учение Шанкары (теоретическое и практическое одновременно, как и у всех подлинных выразителей Философии Вечности) было подытожено в его стихотворном трактате *Вивекачудамани* («Сокровищница мудрости»). Нижеследующие строки взяты из упомянутого труда, кратко и лишенного вычурности.

Атманом постигается Вселенная, но он остаётся непостижим, заставляет просить все вокруг, и его ничто не в силах заставить засиять...

Природа Единой Реальности должна быть познана не иначе, как собственным ясным духовным восприятием; ее нельзя выведать у пандита (ученого). Она — как луна,

* Мейерсон Иньяс (1888—1983) — французский психолог, создатель школы сравнительно-исторической психологии.

** *Бхагавад-Гита* — древнеиндийская религиозно-философская поэма, которую считают наиболее полным и четким изложением философии Вед.

форму которой можно лишь увидеть своими глазами. Как можно увидеть ее чужими?

Кто, как не Атман властен устранить оковы неведения, страсти и эгоистичных деяний?

Освобождения невозможно достичь иначе, как через постижение единства своего духа с Всеобщим Духом. Не принесет освобождения ни йога (физические упражнения), ни санкхья (умозрительная философия), ни отправление религиозных обрядов или же просто учение...

Когда лечат болезнь, лекарство не называют, а принимают его. Освобождения достигают, не повторяя слово «Брахман», но непосредственно переживая Брахман...

Атман — Свидетель человеческому разуму и его деяниям, это абсолютное знание...

Тот мудрец, кто понимает, что суть Брахмана и Атмана — Чистое Сознание, и кто осознал их нераздельную тождественность. Атман и Брахман — одно и то же, об этом свидетельствуют сотни священных текстов...

В Брахмане нет касты, веры, семьи, привязанности. Брахман не имеет ни имени, ни формы, превосходит достоинства и недостатки; он вне пределов времени, пространства или явлений чувственного постижения. Таков Брахман, и таково «то, что есть ты». Размышляй над этой истиной в своем сознании...

Единый, все же Брахман — причина множества. Нет другой причины. И все же Брахман неподвластен закону причинности. Таков Брахман, и таково «это есть ты». Размышляй над этой истиной в своем сознании...

Истину о Брахмане можно постичь разумом. Но (даже у тех, кто постиг) желание собственной обособленности сильно, глубоко укоренилось, ибо существует от начала времен. Оно порождает мнение: «я тот, кто действует, я тот, кто переживает». Это мнение — причина привя-

занности к приходящему существованию, рождения и смерти. Избавиться от нее можно, лишь усердно стараясь жить в неразрывной связи с Брахманом. Святые называют истребление этого мнения и страсти к личной обособленности Освобождением.

Не что иное, как неведение, заставляет нас отождествлять себя с телом, разумом, чувствами или прочим из того, что не-Атман. Тот мудрец, кто преодолевает неведение преданностью Атману...

Когда человек следует за миром, или за плотью, или за обычаями (когда он верит в религиозные предписания и обряды, словно они сами по себе святы), в нем не может проявиться знание Реальности.

Мудрые говорят, что этот Тройственный путь подобен железной цепи, которой скованы ноги у тех, кто дерзает бежать из темницы этого мира. Тот, кто освободится от этой цепи, достигнет и освобождения.

Шанкара

Когда о Вечной Философии говорят даосы, они, не менее настойчиво, чем Упанишады, Гита и Шанкара в своем трактате, выделяют всеобщую имманентность трансцендентной Духовной Основы всего сущего. Приведем ниже отрывок из одного из величайших классических текстов даосизма — «Чжуан-цзы»*, созданного в своем основном объеме, по всей видимости, на рубеже IV и III веков до Р. Х.

Не спрашивай, в чем Первооснова — в том ли или в этом, — она во всех существах. Именно поэтому мы даем Ей имя верховной, всеобщей, единой... Ею установлено, что все преходящее должно иметь свой предел, но лишь Она не имеет границ и не имеет пределов. Проявляясь в материальном мире,

* «Чжуан-цзы» — важнейший трактат даосизма. Его автор — философ эпохи Борющихся Царств Чжуан Чжоу (369—286 гг. до н. э.), известный как Чжуан-цзы, то есть Мудрец Чжуан. Текст имеет и название, присвоенное ему покровителями даосизма, императорами династии Тан — «Истинный Канон Страны Южных Цветов» (Наньхуа чжэнь цзин).

Она становится причиной тех перемен, что следуют одна за другой, но остается неизменной. Она творец причины и следствия, но не есть причиной и следствием. Она создает уплотнения и рассеяния (рождение и смерть, изменчивость состояний), но не есть уплотнение и рассеяние. Все проистекает из Нее, все Ей подчинено. Она во всем, но не сводится к существу, поскольку в Ней нет ни различий, ни ограничений.

Чжуан-цзы

От даосизма мы переходим к буддизму Махаяны, который на Дальнем Востоке так тесно переплелся с даосизмом, заимствуя и, в свою очередь, одаривая его, что наконец они слились в то, что теперь известно как дзэн. В тексте Ланкаватара-сутры*, из которой взят следующий отрывок, основатель дзэн-буддизма недвусмысленно советует своим первым ученикам:

Те, кто поглощены бесплодными спорами, суетным разумом, не обладая пониманием истины, заблудились в дебрях Виджняна (различных форм относительного знания), отклоняясь то в одну, то в другую сторону и пытаясь оправдать свое понимание эго-субстанции.

То «я», которое реализовано в центральной глубине вашего сознания, проявляется в своей чистоте; это и есть Татхагата-гарбха (до-словно: лоно Будды), которое не станет обиталищем тех, кто следует лишь рассудку...

Чистый в своей природе и свободный от категорий конечного и бесконечного, Всеобщий Разум — это и есть незамутненное лоно Будды, которое ложно понимается существами мира чувств.

* Ланкаватара-сутра — «Сутра о пришест-вии [Будды] на Ланку», один из самых значительных памятников буддизма Махаяны.

Ланкаватара-сутра

Одна Природа, совершенная и всепроникающая, наполняет собой все природы.

Одна Действительность, всепостигающая, содержит в себе все действительности.

Одна Луна отражается всюду на водной глади,
 И все луны, отраженные в воде, притекают к единой Луне.
 Тело дхармы (Абсолют) всех Будд входит в меня,
 И мое существо открывается к единению со всеми Буддами...
 Внутренний Свет не подвластен хуле и славе;
 Не имеет пределов и не знает границ.
 Вот он — с тобой, внутри тебя, все так же безмятежен,
 не знает ущерба.

Но не пробуй поймать его: тут же потеряешь;
 Не удержишь, но и освободиться тоже не сможешь.
 Ты не властен над ним; он же идет своим путем.
 Ты безмолвствуешь, а он говорит; ты говоришь, а он словно немой.
 Великие врата милосердия распахнуты настежь, и нет перед
 ними преград.

Юнцзя Таши

Я несведущ в этом вопросе, да и не место здесь обсуждать доктринальные различия между буддизмом и индуизмом. Отметим лишь, что Будда, когда утверждал, что все человеческие существа по своей природе «не-Атман», очевидно говорил о личном «я», а не о всеобщем «Я». В некоторых из текстов на пали* выведены брахманы-полемисты, однако они даже не упоминают о ведангистской доктрине тождественности Атмана и Божества и не-тождественности «эго» и Атмана. То, на чем они настаивают, а Гаутама отвергает, — это подлинно существующая и продолжающая существовать в вечности индивидуальная душа. «Как неразумный ищет, где же скрывается источ-

* Пали — один из индийских (индоарийских) языков (средне-индийский период) название неясного происхождения, обозначающее средне-индийский литературный язык, на котором написаны буддийские тексты. В настоящее время пали является литературным языком государств Шри-Ланка, Мьянма и Таиланд.

ник музыки в корпусе лютни, так же он ищет душу среди «скандх» (материальных и психических сгустков, из которых состоит ум-тело отдельного человека)».

О существовании Атмана, который есть Брахман, как и на большинство прочих метафизических тем, Будда отказывается вести речь, на том основании, что подобные беседы не ведут к назиданию или духовному прогрессу монахов той общины, которую он основал. Но хотя у метафизического рассуждения есть свои опасности, хотя оно может стать самым увлекательным, самым серьезным и благородным из интеллектуальных развлечений, метафизическое мышление неизбежно и, в конечном счете, необходимо. Это пришлось признать даже последователям Хиньяны; поздним же махаянистам довелось разработать, в связи с практиками их религии, великолепную и внушительную систему космологической, этической и психологической мысли. Эта система основывалась на постулатах строгого идеализма и в своих доктринальных положениях обходилась без идеи Бога. Однако нравственный и духовный опыт оказался сильнее философской теории, и, опираясь на непосредственное переживание, составителям сутр Махаяны пришлось проявить немалую изобретательность, чтобы пояснить, почему Татхагата и Бодхисаттвы проявляют бесконечное милосердие к существам, которых в действительности не существует.

В то же время махаянисты расширили рамки субъективного идеализма настолько, чтобы вместить и Всеобщий Разум; дополнили представление об отсутствии индивидуальной души учением о том, что, очистившись, индивидуальный разум может отождествить себя с Всеобщим Разумом лона Будды. Продолжая придерживаться представлений об отсутствии Божественного, они утверждали, что постижимый Всеобщий Разум есть внутреннее сознание

вечного Будды и что буддовость отождествляется с «великим сострадательным сердцем», которое желает освобождения каждого чувственного существа и простирает божественную милость на всех, кто предпринимает серьезное усилие достичь конечной цели человеческого существования. Одним словом, несмотря на свой неудобоваримый лексикон, лучшие из сутр Махаяны содержат все те же неподдельные истины Вечной Философии — истины, которые в определенных отношениях (как нам предстоит увидеть, когда мы подойдем к главе «Бог в Мире») более целостны, чем любые другие.

В Индии, как и в Персии, мусульманская мысль также обогатилась учением о том, что Бог имманентен так же, как и трансцендентен. Одновременно с этим в мусульманскую практику вошли нравственные дисциплины и «духовные упражнения», посредством которых душа подготавливается к созерцанию или единящему знанию Божественного. Отметим тот значимый исторический факт, что поэт и святой Кабир считается единоверцем индустами и мусульманами. Те, кто стремятся к непреходящим ценностям, всегда будут миротворцами; только идолопоклонники прошлого и будущего, реакционные в традиции и утопичные в мечтаниях, становятся гонителями и развязывают войны.

Во всем ты замечай Одно, другое — вот что уведет тебя с пути.

Кабир

* *Ричард Ченевикс*

То, что понимание природы вещей и первопричины добра и зла доступно не только святому, но, пусть и безотчетно, признается всеми людьми, доказывается самим строением нашего языка. Ибо язык, как уже давно отметил Ричард Тренч*, зачастую

Тренч (1807—1886) — английский теолог и филолог-библеист, священник англиканской церкви. Автор работ «Заметки о притчах Господа нашего», «Исследование о словах», словаря «Синонимы в Новом Завете».

«мудрее, и не только простонародья, но даже мудрейших из тех, кто говорит на нем. Подчас язык скрывает истины, которые однажды были хорошо известны, но впоследствии оказались забыты. В других случаях он содержит в себе ростки истин. И пусть они никогда не были явственно различимы, гению их творцов, в счастливый миг вдохновения, мог на мгновение открыться заложенный в них высший смысл». Насколько важной, к примеру,

* *Арсен Дармстетер* (1846—1888) — французский филолог и лингвист, открыватель т. н. «закона Дармстетера», объясняющего закономерности в образовании французских слов от латинских.

** *Джон Беньян* (1628—1688), английский религиозный писатель и неконформистский проповедник, классик английской религиозной литературы, автор знаменитой книги «Путь паломника» (1678), представляющей собой аллегорическое повествование о тернистом пути через Болото отчаяния, Долину тени смерти, Ярмарку тщеславия и другие места, по которому следует Кристиан («христианин»), направляющийся в Небесный град.

оказывается открытая Дармстетером* закономерность: в индоевропейских языках корень слова, означающий «два», также подразумевает и негодность. Греческая приставка «дис» (как в слове «диспепсия») и латинская «дис-» (как в «дисквалификация»), обе они происходят от *duo* — «два». Родственное слово «бис» придает уничижительный смысл таким словам в современном французском языке, как *bevue* («просчитаться», дословно «смотреть в обе стороны»). Следы этого *duo*, «второго, что уведет тебя с пути», также можно найти в таких словах, как английское *doubt* и немецкое *Zweifel*, «сомневаться», ибо сомневаться — значит быть двоедушным. Беньян** в своей книге показывает нам Двоедушного: в современном американском сленге «обманывать» — «ходить на две стороны». Неосознанно, подсознательно мудро, наш язык подтверждает от-

крытия мистиков и свидетельствует о том, что «раз-деление» — изначально и в своей сути порочно.

Отметим здесь и то, что культ единства на политическом уровне — это лишь эрзац, которым идолопоклонники подменяют подлинную религию единства на личном и духовном уровнях. Тоталитарные режимы оправдывают свое существование, прибегая к философии политического монизма, по которой государство — это Бог на земле, единение под пятой божественного государства — это спасение, а все средства для такого единения, какими бы по существу порочными они ни были, правильны и могут использоваться без сомнений и колебаний. Подобного рода политический монизм на практике ведет к бесконтрольности привилегий и власти для некоторых и подавлению многих, к недовольству внутри страны и войне за ее пределами. Чрезмерная власть и привилегии постоянно провоцируют гордыню, алчность, заносчивость и жестокость; подавление приводит к страху и зависти; война порождает ненависть, страдания и отчаяние. Все эти негативные эмоции губительны для духовной жизни. Только чистые сердцем и нищие духом могут прийти к познанию и единению с Богом. Получается, что попытки втиснуть общество в состояние бóльшей сплоченности, чем готовы принять отдельные его члены, делает психологически почти невозможным для тех же самых членов общества осознать свое единство с Божественным Основанием и друг с другом.

Среди христиан и суфиев, к чьим писаниям мы теперь возвращаемся, самыми значимыми оказываются человеческий разум и его божественная сущность.

Мое Я — это Бог, и не знаю другого Я, кроме Самого моего Бога.

Св. Катерина Генуэзская

Во всех тех отношениях, в которых душа несходна с Богом, она несходна и с самой собой.

Св. Бернар

**Я шел от Бога к Богу, пока Они не закричали на меня из меня:
 «Я — это ты!»**

Баязид Бистунский*

Пожалуй, два примера об этом святом-суфий заслуживает того, чтобы привести их здесь. «Когда Баязида спросили, сколько ему лет, он ответил: “Четыре года”. Ему сказали: “Как так может быть?” Он ответил: “Мир закрывал от меня Бога семьдесят лет, и лишь последние четыре года я видел Его. Пока не жил с Богом — все равно что не жил вообще”». В другой раз кто-то постучал в дверь к святому и громко спросил: «Баязид, ты здесь?» Баязид ответил: «А есть ли кто здесь, кроме Бога?»

Чтобы узнать меру души, мы должны мерить ее по Богу, ибо Основание Бога и Основа Души — едины и нераздельны.

Экхарт

Дух в своей неприкрытой природе обладает Богом, а Бог — духом.

Рёйсбрук

* *Баязид Бистамский* (Абу Йазид Ал-Бистами) (ум. 875 г.) — прославленный персидский суфий. Описал состояние полного растворения личности в Боге, известное в суфизме как «фана».

И хотя душа превосходит все глубины, погружаясь в Божественном Единении, она никогда не достигнет дна, ибо по самой своей сути бессильна измерить глубины своего Творца. Как можно здесь говорить о душе, когда она рассталась со своей природной от-

деленностью ради нераздельности Божественной Сущности. Здесь имя ей будет не душа, а неизмеримое бытие.

Экхарт

Познаваемое — одно с познающим. В простоте своей люди представляют, что Бога видят так, словно Он — здесь, а они — там. Это не так. Бог и я — мы одно в познании.

Экхарт

«Не я живу, но Христос во мне». Возможно, точнее будет использовать переходную форму глагола и сказать: «Я живу, но не я, ибо это Логос живет мною» — живет мной, как актер живет своей ролью. Актер здесь, конечно же, несоизмеримо больше, чем роль. Но там, где начинается реальная жизнь, уже нет шекспировских персонажей, скорее аддисоновские Катоны, а чаще тети Чарли и мсье Перришоны, выдающие себя за Юлия Цезаря или Принца Датского. Но милосердием Промысла Божьего и в силах любого персонажа придать своим примитивным глупым репликам сверхъестественный смысл и перевоплотиться в божественный аналог Гаррика*.

О мой Боже, откуда это в нашем несчастном мире, что Ты так велик, и все же никто не находит Тебя; что ты взываешь так громко, и никто не слышит Тебя; что Ты так близок, и никто не чувствует Тебя; что Ты отдаешь Себя всем, и никто не знает Твоего имени? Люди бегут от Тебя; и говорят, что не могут найти Тебя; обращают к Тебе спину и говорят, что не видят Тебя; закрывают уши и говорят, что не слышат Тебя.

* Дэвид Гаррик (1717—1779) — великий английский актер, театральный деятель и драматург.

** Ханс Денк (1500?—1527) — немецкий теолог религиозный деятель немецкой Реформации, один из лидеров анабаптистского движения в Южной Германии.

Ханс Денк**

Между католическими мистиками четырнадцатого и пятнадцатого веков и квакерами семнадцатого, если говорить о духовной жизни, зияет провал во времени — отвратительная, немилосердная эпоха религиозных войн и гонений. Однако два края этой пропасти связует воедино цепочка людей, которых Руфус Джонс* назвал «духовными реформаторами». Денк, Франк, Каstellio, Вейгель, Эверард, кембриджские платоники — апостольская преемственность оставалась нерушимой, несмотря на безумие и кровопролитие. Те истины, которые были высказаны в «*Theologia Germanica*»** — книге, которую Лютер, по его словам, так любил и из которой почерпнул так откровенно

* Руфус Мэтью Джонс (1863—1948) — один из лидеров движения квакеров, философ, мистик, автор трудов по истории квакеров.

** *Theologia Germanica* — «Германская теология», анонимный мистический трактат XIV в., отредактированный и опубликованный Мартином Лютером в 1516—1518 гг. Его публикация оказала большое влияние на историю Реформации.

*** Джордж Фокс (1624—1691) — английский религиозный деятель, основатель Общества друзей, на основе которого развилось движение квакеров.

мало, как можно судить по его жизненно-му пути, — заново были высказаны англичанами в эпоху гражданской войны и диктатуры Кромвеля. Этой мистической традицией, которую сберегли духовные реформаторы протестантизма, была пропитана религиозная атмосфера времени, когда Джордж Фокс*** получил свои первые великие откровения и узнал из непосредственного опыта,

что Каждый Человек просветлен Божественным Светом Христа, и я видел, как этот Свет сияет во всех; и что все те, кто уверовали в Него, выходили из-под проклятия и приходили к Свету Жизни, и становились Его Дети; те же, кто возненавидели Его и не уверовали в Него, были прокляты им, хотя и исповедовали Христа. Это видел я в чистом

Откровении Света, без помощи кого-либо из Людей, также неизвестно мне было, где об этом говорится в Писаниях, хотя впоследствии я нашел и это, исследуя Писания.

Из «Дневника» Фокса

Учение о Внутреннем Свете приобрело более четкие очертания в сочинениях второго поколения квакеров. «Есть нечто, — писал Уильям Пенн, — что ближе нам, чем Писания, а именно Слово в сердце, от которого происходят все Писания». А немногим позднее Роберт Барклай стремился выразить непосредственный опыт «*lat tuam asi*» в терминах августиновской теологии, которую пришлось, конечно же, порядком подработать и подправить, прежде чем она смогла соответствовать истине. Человек, провозгласил Барклай в своих знаменитых тезисах, — падшее существо, неспособное к добру, пока не соединится с Божественным Светом. Божественный Свет — это Христос в душе человеческой, всеобщий, как и семя греха. Все люди, как язычники, так и христиане, наделены Внутренним Светом, даже если им ничего не известно о земной жизни Христа. Оправданы будут те, кто не противится Внутреннему Свету и тем допускает новое рождение святости внутри себя.

Праведности нет нужды входить в душу, ибо она, только неразлично, уже присутствует там.

Theologia Germanica

Когда Десять Тысяч вещей видятся в своем единстве, мы возвращаемся к Истоку и остаемся там, где мы и пребывали всегда.

Сень Цзень

Лишь потому, что мы не знаем, Кто мы, потому как не подозреваем, что Царство Небесное внутри нас, мы ведем себя в основном глупо, зачастую безумно, иногда преступно. Спасает, освобождает и просвещает нас постижение прежде непостижимого добра, которое уже находится внутри нас, когда мы возвращаемся к нашей вечной Основе и остаемся там, где мы, сами не зная того, всегда и находились. Мы можем найти это и у Платона, в его «Государстве», когда он говорит, что «добродетель мудрости более, чем что-либо другое, содержит в себе божественный элемент, что пребывает в ней вечно». И в «Теэтете» он особо отмечает, и это снова и снова выделяют те, кто практикует духовную религию, что, только становясь Богоподобными, мы можем знать Бога; стать же Богоподобным — значит отождествить самих себя с Божественным элементом, который на деле составляет сущность нашей природы. Мы же о существовании этого элемента, по нашему, в большей части добровольному невежеству, предпочитаем оставаться в неведении.

На пути к истине те, кто постигают Бога при помощи божественного, Свет постигают светом.

Филон*

* *Филон Александрийский* (ок. 20 до н. э. — ок. 50 н. э.) — еврейский мыслитель, автор множества сочинений. Наиболее значительным для последующего развития христианской теологии и философии явилось представление Филона о Логосе, имманентном разуму трансцендентного Бога.

Филон был представителем эллинистической религии мистерий, которая сложилась, как показал профессор Гудинаф, среди евреев диаспоры между 200 г. до Р. Х. и 100 г. после Р. Х. Филон, истолковывая Пятикнижие по-своему, в терминах метафизической системы, которая берет свое начало от платонизма, неопифагорейства

и стоицизма, преобразовал полностью трансцендентного и почти до антропоморфности личного Бога Старого Завета в имманентно-трансцендентный Абсолютный Разум Вечной Философии. Но как важно, что в это значимое столетие, которое было свидетелем, помимо распространения учения Филона, также и первых ростков христианства и разрушения Иерусалимского Храма, мы слышим мистические высказывания даже от ортодоксальных книжников и фарисеев, даже от охранителей Закона. Гиллель*, великий равви, чьи слова о смирении и Божией любви к человеку читаются как ранние, черновые наброски Евангельских проповедей, произнес их, как передают, в собрании на Храмовом Дворе. «Если Я здесь,— (это Иегова говорит через уста пророка),— тогда все здесь. Если Меня нет здесь, тогда никого нет здесь».

**Возлюбленный — Он все во всем, кто любит — тот лишь
тень его;
Возлюбленный — во всем, что живо, любящий — мертвец.**

Джалаледдин Руми

Есть дух в душе, неприступный времени и плоти, проистекающий от Духа, пребывающий в Духе, сам же всецело духовный. В этой первооснове — Бог, неувыдающий, цветущий во всем веселии и славе Своего подлинного Я. Иногда я давал этой первооснове имя Обитель души, иногда — духовного Света, но тут же говорил, что это Искра. Но теперь скажу, что она выше и того, и другого, как небеса выше земли. Так что теперь я выберу ей более благородное имя... Она свободна от всех имен

* Гиллель (?—10), палестинский раввин, выдающийся законоучитель во время правления царя Ирода. Гиллелю приписывается разработка семи герменевтических правил, на которых основывалось выведение еврейского законодательства из положений Торы.

и лишена любых форм. Проста и едина, как Бог прост и един, и никто никоим образом не может созерцать ее.

Экхарт

В зачаточном виде начала некоторых из доктрин Вечной Философии можно обнаружить в мировых доцивилизационных системах мировосприятия у так называемых примитивных народов. У маори, к примеру, каждое человеческое существо рассматривается как составное четырех элементов: Божественной вечной первопричины, которая называется «тойора»; «эго», которое исчезает со смертью; духа-тени, или души, которая продолжает жить после смерти, и, наконец, тела. У индейцев-оглала Божественный элемент называется «сикан», и считается, что он тождественен «тон», или Божественной сущности мира. Прочие составляющие «я» — «наги», личность, и «нийя», душа, живущая в теле. После смерти «сикан» воссоединяется со всеобщей Божественной Основой, «наги» продолжает жить в мире духов, а «нийя» растворяется в материальной вселенной.

Впрочем, ни об одном из «примитивных» сообществ двадцатого века мы не вправе сказать, что подобные мировоззренческие взгляды не были заимствованы или не могли появиться под влиянием какой-либо более высокой культуры. Соответственно, мы не можем доводы, справедливые для настоящего, переносить на прошлое. Только лишь потому, что у многих племен в наше время есть эзотерическая монотеистическая философия, и данный монотеизм временами можно считать разновидностью «Это есть Ты», это не дает нам права тут же делать предположение о том, что такие же воззрения были у неолитического или палеолитического человека.

Более приемлемы и в действительности более правдоподобны выводы, которые можно сделать из того, что мы знаем о нашей собственной физиологии и психологии. Мы знаем, что человеческий разум совершенно определено способен на все — от кретинизма до квантовой теории, от «Майн Кампф» и садизма до святости Филиппа Нери*, от метафизики до кроссвордов, политики силы и *Missa Solemnis*** . Мы также знаем, что человеческий разум определенным образом ассоциируется с человеческим мозгом, и у нас есть вполне обоснованные причины предполагать, что не одну тысячу лет в размере и устройстве человеческого мозга не было существенных изменений. Значит, вполне оправданным будет предположить, что человеческий разум в отдаленном прошлом был способен на столь же разнообразные и сложные виды деятельности, как и разум современного человека.

Несомненно, однако, что многие предприятия, за которые берутся люди в настоящее время, совершенно не мыслились в отдаленном прошлом. Тому есть несколько очевидных причин. Определенного рода мысли совершенно невозможны, если для них не существует соответствующего языкового выражения, притом лишь в рамках соответствующей системы классификации. Если же таких необходимых инструментов сознания не существует, мысли в форме вопросов не выражаются и даже не зарождаются. И это не все: побуждение развивать инструменты определенных типов мышления бывает не всегда. В течение долгих периодов истории и предыстории, как видится, мужчины и женщины, вполне на это

* *Филипп Нери* (1515—1595) — католический святой, мистик, основатель благотворительной католической организации, получившей название «Конгрегация оратории».

** *Missa Solemnis* — торжественная месса (лат.).

способные, не желали замечать те задачи, которые их потомки находили исключительно интересными. К примеру, нет причины предполагать, что между тринадцатым веком и двадцатым человеческий разум прошел через какого-то рода эволюционные изменения, сопоставимые, скажем, с изменениями физического строения копыта лошади на протяжении несравнимо более длительного промежутка геологического времени.

На самом деле произошло то, что люди переключили свое внимание с одних аспектов действительности на другие. Результатом, среди прочего, было развитие естественных наук. Наше восприятие и наше понимание направляются, в значительной части, нашей волей. Мы осознаем и осмысливаем те вещи, которые, по той причине или другой, мы хотим увидеть и понять. Там, где есть воля, всегда есть и понимание того, как добиться желаемого. Возможности человеческого разума почти безгранично велики. Чего бы мы ни желали, чего бы ни добивались — будь то единая истина Божественного или же производство самоходных огнеметов, — мы в силах этого достичь при условии, что наше стремление к этому будет достаточно сильным и продолжительным.

Ясно, что многому из того, на чем современный человек предпочел остановить внимание, его предшественники не придавали значения. В результате самих способов ясно и плодотворно осмысливать эти темы так и не было, и не только на протяжении доисторического времени, но даже к началу современной эпохи.

Отсутствие подходящего словаря и возможности рассмотреть задачу в соотнесении с точной понятийной системой, а также отсутствие сильного и непреходящего стремления изобрести эти необходимые инструменты мысли — вот две достаточные причины того, что многие из почти бесконечных возможностей человеческо-

го ума оставались незадействованными столь долгое время. Еще одна и, на своем собственном уровне, не менее убедительная причина заключается вот в чем: наиболее оригинальные и плодотворные мысли по большей части принадлежат людям слабым физически и крайне непрактичного склада ума.

В таком случае, коль цена чистой мысли, аналитической или интегральной, более-менее ясно признается повсюду, и в прошлом, и в настоящее время каждое цивилизованное общество старается предоставить мыслителям определенную степень защиты от неизбежных тягот и потрясений жизни в обществе. Отшельничество, монастырь, колледж, академия и исследовательская лаборатория; нищенская сума, пожертвования, покровительство и дотации на деньги налогоплательщиков — таковы основные способы, которыми пользуется активная часть общества, чтобы сберечь эту редкую птицу, религиозного, философского, художественного или научного мыслителя.

Во многих же примитивных обществах условия суровы, и нет излишка богатств. Тем, кто рождены созерцателями, приходится сталкиваться с борьбой за выживание и доминирование в обществе без какой-либо защиты со стороны общества. И вот, в большинстве случаев, такой человек или умирает молодым, или полностью занят собственным выживанием без всякой надежды посвятить свое внимание чему-либо еще. Во всех подобных случаях преобладать будет философия закаленного экстраверта — человека действия.

Это проливает свет, хоть и тусклый, на проблему неизменности Вечной Философии. В Индии священные тексты всегда воспринимались не как данные в конкретный момент времени, но как вечные откровения. Идущие от вечности к вечности, они

не более чем сосуществуют с человеком или, если на то пошло, с любым другим плотским или бесплотным существом, наделенным разумом.

Подобная точка зрения выражалась и Аристотелем, который рассматривал основополагающие истины религии как непреходящие и незыблемые. Подъемы сменяются падениями, периоды (дословно «круговые дороги», или циклы) прогресса — регрессом, то, что Бог — Перводвижитель вселенной, через которую проявляется Его божественность, — эта великая Истина всегда была и оставалась неоспоримой.

В свете того, что мы знаем о доисторическом человеке (а то, что нам известно, сводится не более чем к нескольким обтесанным камням, скульптурам, наскальным рисункам и картинам), и того, что мы можем обоснованно выводить из других областей знания, лучше подтвержденных документально, — какое мы можем составить мнение об этих учениях, пришедших к нам из древности?

Мое собственное мнение: они могут быть истинны. Мы знаем, что на протяжении исторического времени неоднократно и достаточно часто рождались мыслители и созерцатели, способные к аналитической и интегральной мысли. Следовательно, есть все основания предполагать, что они появлялись и до того, как история стала записываться. Несомненно, что многие из этих людей умирали молодыми или не смогли проявить свои дарования. Но не все же погибали, должно быть, кому-то из них удавалось выжить.

Немаловажно в этой связи то, что среди многих современных примитивных народов можно найти два типа понимания и объяснения мира: экзотерическое для большинства, не склонного к фи-

лософствованию, и эзотерическое (зачастую монотеистическое, с верованием в Бога — носителя не только силы, но также доброты и мудрости) — для немногих посвященных. Нет причин предполагать, что жизненные условия были как-то труднее для доисторических людей, чем те, в которых живут многие современные дикари. Но если эзотерический монотеизм того рода, который, по видимому, естественно зарождается у прирожденного мыслителя, возможен в современных примитивных сообществах, где большинство принимает тот тип политеистической философии, которая вполне естественно подходит для человека действия, подобное эзотерическое учение могло быть распространено и в доисторических обществах.

Это верно, что современные эзотерические учения могут иметь свои истоки в более высоких культурах. Но даже если истоки этих представлений таковы, очень значимо, тем не менее, что они представляли ценность для определенных членов примитивного сообщества и воспринимались как достаточно важные, чтобы заботливо сберегаться. Мы уже видели, что многие мысли невозможны без соответствующего запаса слов и представлений. Но основополагающие представления Вечной Философии можно высказать очень простыми словами, и весь тот разнообразный опыт, который описывают эти представления, может и на деле должен восприниматься непосредственно и отстраненно от любых, каких бы то ни было слов.

Удивительные открытия и откровения о Божественном даруются временами просто малым детям, которые зачастую глубоко переживают и навсегда остаются под впечатлением этих опытов. У нас нет причин предполагать, что в далекой древности не могло происходить того же, что теперь бывает с людьми, не наделенны-

ми особенно богатым запасом слов. В современном мире (как мы узнаем, среди прочих, от Воэна, Трахерна и Уордсворта) ребенок стремится перерастать свое ощущение прямой близости с единым для всего Основанием, ибо навык аналитического мышления губителен для интуиции интегрального мышления, будь то «психический» или духовный уровни. Склонность к переживаниям образов, порожденных психической деятельностью, может быть и часто является основной преградой, заграждающей путь подлинной духовности.

В наши дни (можно предположить, что и в отдаленном прошлом) примитивные сообщества не просто живут представлениями, которые черпаются из мира психических феноменов, они развили просто-таки талант к переживанию образов, рожденных психическим мышлением. Но некоторым людям удается преодолеть путь от психического к подлинно духовному опыту — подобно тому, как даже в современном индустриальном обществе некоторые люди преодолевают всеобщую одержимость материальным и через господствующую привычку к аналитическому мышлению приходят к непосредственному переживанию духовной Основы бытия.

Вот таковы, вкратце, причины предполагать, что исторические традиции восточной и нашей собственной классической древности могут быть верны.

Будет интересно узнать, что, по крайней мере, один из современных выдающихся этнологов согласен с Аристотелем и ведантистами. «Ортодоксальная этнология, — пишет Пол Радин в книге «Первобытный человек — философ», — представляет собой не что иное, как восторженную и совершенно не критичную попытку применить дарвиновскую эволюционную теорию к явлениям об-

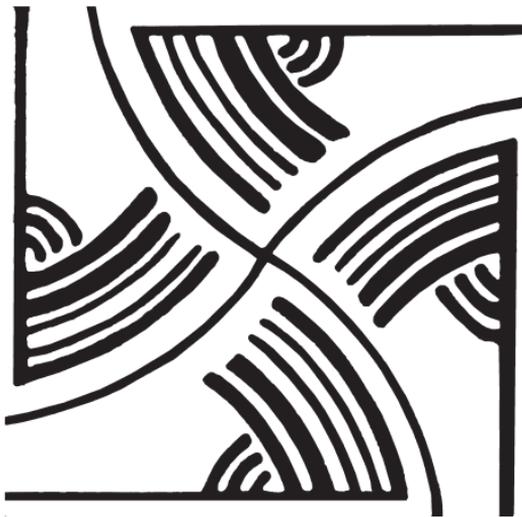
щественного опыта». И добавляет, что «мы не сможем достичь никакого прогресса в этнологии, пока ученые раз и навсегда не избавятся от странного мнения, будто у каждого явления есть своя история, пока они не придут к пониманию, что определенные представления и концепты так же имеют свой предел в отношении к человеку как общественному существу, как специфические биологические процессы — к человеку как существу биологическому». В числе этих конечных концептов, по мнению д-ра Радина, и монотеизм. Подобный монотеизм — часто не более, чем признание некоей темной и таинственной Силы, которая правит миром, хотя он может подчас нести в себе и подлинно нравственное и духовное зерно.

Одержимость историей и пророческим утопизмом, столь присущая девятнадцатому веку, сказалась на том, что даже самые противительные мыслители этого века оказались слепы к непреходящим явлениям вечности. Так и получается, что мы находим у Т. Г. Грина представления о мистическом единстве, словно это какой-то эволюционный процесс, а ведь так очевидно, что подобное состояние человек, всякий человек, всегда был в силах проявить в самом себе.

«Животный организм, имеющий свою историю во времени, постепенно становится проводником вечного в полноте сознания, которое само по себе не имеет истории, кроме истории процесса, в котором животный организм становится его проводником».

В действительности же только в отношении к второстепенному и частному знанию может отмечаться реальное историческое развитие. И правда, должно пройти немало времени, чтобы человечество могло накопить самые разнообразные сведения и умения, — без этого знание о материальном мире так и будет оста-

ваться несовершенным. Но непосредственное переживание «вечного в своей полноте сознания», которое есть основой материального мира, — это возможность, которую периодически открывают для себя некоторые люди почти на любой стадии своего личного развития, от младенчества до старости, и в любой период истории своего народа.

Глава вторая. Природа основания

Нашей отправной точкой была психологическая доктрина «ты есть То». Вопрос, который естественно последует в этой связи, вполне метафизического свойства: что же

представляет собой «Тю», с которым «ты» можешь открыть свою близость?»

На этот вопрос развитая Вечная Философия всегда и везде давала один и тот же ответ. Божественное Основание всего сущего — это Духовный Абсолют, невыразимый в категориях логического мышления, но (при определенных обстоятельствах) открывающийся в непосредственном опыте и переживании человеку. Абсолют этот — тот же Бог, не имеющий формы, о котором говорят индийские и христианские мистики. Конечная цель и основополагающая причина существования человека — единение в познании с Божественным Основанием, познании, которое может прийти лишь к тем, кто готов «умереть для себя», тем самым приготовив место для Бога. Из каждого данного поколения только очень немногие достигают этой конечной цели человеческого существования, но сама возможность прийти к единству в знании будет, так или иначе, постоянно предлагаться, пока все чувственные существа не осознают, Кто на самом деле они есть.

Абсолютное основание всего сущего имеет и личностный аспект. Проявление Брахмана — Ишвара, а Ишвара далее воплощается в индуистской Троице и, на нисходящих уровнях, в других божествах или ангелах индийского пантеона. Таким же образом для христианских мистиков непостижимое, лишенное атрибутов Божественное проявляется в Ликах Троицы, в которых уже утверждаются такие присущие человеческой природе качества, как праведность, мудрость, милосердие и любовь, но только в несопоставимо более высокой степени.

И, наконец, — Боговоплощение, то есть воплощение Бога в человеке: обладая теми же личностными качествами, которые присущи и личному Богу, Богочеловек проявляет их с теми ограничени-

ями, которые неизбежно накладывает заключение внутри материального тела, рожденного в земном существовании в определенный момент времени. Для христиан всегда было и, *ex hypothesi*, вообще возможно только одно Божественное воплощение; для индийцев таковых, не исключено, было много. В христианстве, как и на Востоке, созерцатели, которые следуют путем благочестия, представляют, да и в действительности непосредственно ощущают такое воплощение как постоянно возобновляющийся факт личного опыта. Христос всегда будет порождаться в душе Отцом, и детские игры Кришны — это псевдоисторический символ той вечной истины психологии и метафизики — того, что по отношению к Богу душа человека всегда женственна и пассивна.

Буддизм Махаяны учит все тем же метафизическим доктринам в понятиях «трех тел» Будды. Абсолют Дхармакайя также известен как Изначальный Будда, или Разум, или Ясный Свет Пустоты; Самбхогакайя соответствует Ишваре, или личностному Богу иудаизма, христианства и ислама, и, наконец, Нирманакайя, материальное тело, в котором Логос воплощается в земном существовании как живой, исторический Будда.

У суфиев аль-Хакк, Подлинный, по всей видимости, представляется как бескрайнее Божественное, на котором основывается личностность Аллаха, в то время как Пророк, уже вне всякого исторического контекста, рассматривается как воплощение Логоса.

Некоторое представление о неисчерпаемом богатстве Божественной Природы можно составить, исследуя, слово за словом, молитвенное обращение, с которого начинается молитва Господня — «Отче наш, сущий на небесах». Бог — наш, в той же нераздельности, в том же личном понимании, в котором *нашими* можно называть наше сознание и нашу жизнь. Но, будучи имманентно нашим,

Бог — также трансцендентно-личный Отец, любящий свои творения, а те отвечают ему любовью и верностью. «Отче наш, сущий»: выделив и рассмотрев это слово само по себе, мы понимаем, что имманентный/трансцендентный личный Бог — также имманентно-трансцендентный Единый, суть и основание всего существования. И наконец, Бог пребывает «на небесах»: Божественная природа иная, несоизмеримая с природой творений, в которых пребывает Бог. Вот почему мы можем достичь познания, ведущего к единению с Богом, только тогда, когда мы сами становимся в некоторой мере Богоподобными, только когда мы позволяем прийти Царству Божию, уходя от нашего собственного тварного царства.

Поклоняться Богу и созерцать Его можно в каждом из Его аспектов. Но выбирать для поклонения только один аспект, исключая все остальные, — значит подвергать себя серьезной духовной опасности. Ведь если мы подходим к Богу с непоколебимой уверенностью в том, что Он — исключительно личный, трансцендентный, всемогущий властитель мира, мы рискуем запутаться в религии обрядов, умиловительных жертв (иногда самого чудовищного свойства) и ограниченности закона. Это совершенно неизбежно, если Бог — далекий неприступный властелин, отдающий таинственные приказания. Такой тип религии вполне соответствует устройству нашего мира. Единственное, что говорит в пользу обрядовой законности, — это то, что она способна улучшить поведение человека. Однако она при этом почти не меняет характер человека и совсем не способна изменить его сознание.

Намного лучше обстоят дела, когда трансцендентный всемогущий личный Бог также воспринимается как любящий Отец. Искреннее поклонение такому Богу меняет и характер, и поведение, а в чем-то — и сознание человека. Но полная трансформация

сознания, которая есть «просветление», «освобождение», «спасение», приходит только тогда, когда Бога мыслят таким, каким Его признает Вечная Философия — в той же степени имманентным, как и трансцендентным, личным, и в то же время сверхличным — и когда религиозные практики приспособлены к такому представлению.

Когда Бог воспринимается только лишь в Его имманентности, законничество и внешние обряды отбрасываются, их место занимает сосредоточение на Внутреннем Свете. Опасности в этом случае — квиетизм* и антиномианизм**, частичное изменение сознания, бесполезное и даже вредное, потому как не сопровождается изменением характера, а это — необходимая предпосылка полной, всецелой и духовно-плодотворной трансформации сознания.

Наконец, можно думать о Боге исключительно как о сверхличностном существе. Многим людям такое представление кажется слишком «философским» и поэтому оказывается неспособным действительно помочь им изменить свои убеждения, а следовательно, не имеет практической ценности.

Было бы ошибочным, конечно, предполагать, что те, кто поклоняются одному аспекту Бога, исключая все остальные, неизбежно столкнутся со всеми различными типами затруднений, описанными выше. Достаточно не слишком упрямствовать в тех убеждениях, которые уже достались им в готовом виде, покорно присходит с ними в процессе поклонения, иняя то, что про-

* *Квиетизм* — общее название сходных религиозных течений, распространившихся в 17 в. в Испании, Франции и Италии. С квиетизмом связаны имена Мигеля де Молиноса, мадам Гюйон и Фенелона, архиепископа Камбре. Квиетисты считали церковь недостаточным средством для единения души с Богом и выдвинули учение о присущем человеческой душе непосредственном знании Бога.

** *Антиномианизм* — религиозная доктрина, согласно которой вера в Христа освобождает христиан от соблюдения моральных заповедей Ветхого Завета. Термин введен Мартином Лютером.

и Бог, имманентный и трансцендентный одновременно, личностный и более чем личностный, может открыть им Себя во всей полноте. Тем не менее факт остается фактом: нам все легче будет достичь цели, если мы не будем создавать себе преград в виде набора ложных или ограниченных убеждений о природе того, что мы ищем, а также о том, как правильно прийти к тому, к чему стремимся.

Каков Бог? Лучшее, что я мог бы ответить, это — Он Сущий. Как еще подобает говорить о той вечности, которая суть Бог. Назовите Бога благим, великим, святым, премудрым, выберите другое подобное слово — все это уже есть в словах: Он Сущий.

Св. Бернар*

Все слова имеют одну цель — показать значение того, о чем идет речь. Слова, воспринимаемые на слух, должны давать возможность слушателю понять это значение, попадающее в одну из четырех категорий: состояния, действия, качества и отношения. К примеру, корова и лошадь относятся к категории состояния. «Он ест» или «он молится» — к категории действия. Белый и черный — к категории качества. Распоряжаться деньгами или владеть коровами — к категории отношения. Однако нет такой категории состояния, к которой принадлежит Брахман, нет общего рода. Его, следовательно, нельзя описать словами, обозначающими «существо», — в обычном смысле как некий предмет. Нельзя приписать ему и качество, ибо он не имеет качеств; ни действия, поскольку в нем нет действия: «Нерушим, нет в нем членения или действия», — как сказано в священных текстах. Нельзя его описать и отношением, ибо в нем «нет второго» и нет объекта, есть только лишь он один. Получается, его нельзя

* Св. Бернар Клервоский (1090–1153) — христианский святой и учитель церкви. С 1115 г. настоятель цистерцианского аббатства Клерво в Шампани. Выдающийся церковный деятель и теолог. Главными проблемами, затронутые в его сочинениях: отношения между Богом и человеком, единение Бога и человека в таинстве воплощения, отношение церкви и благодати и мистический опыт.

определить с помощью слова или представления; как говорится в священных текстах, он Един, «перед которым поникли все слова».

Шанкара*

От Безымянного происходят Небо и Земля;

обладающее именем — мать, что опекает десять тысяч существ, каждое по-своему.

Поистине, «лишь тот, кто навеки избавился от желания, может узреть Тайный Эликсир».

Тот, кто не избавился от желаний, может видеть лишь Проявленное.

Лао-цзы**

Одно из величайших благодеяний, которые изредка в этой скоротечной жизни даруются душе, — чтобы она смогла отчетливо увидеть и глубоко прочувствовать, что не в ее силах постижение Бога. Такие души в этом мире словно святые на небесах. В совершенстве своего знания о Нем столь же ясно те понимают, как бесконечно Он непостижим. Обладающие же менее ясным видением не понимают так ясно, как те другие, сколь велико Он превосходит их видение.

Хуан де ла Крус***

Когда я выхожу от Божественного к множественности, все живое вопиет: «Здесь Бог!» (личный Творец). Где теперь мое благословение, ведь тем самым я осо-

* Шанкара — индийский философ, проповедник и реформатор индуизма, творивший, по современным датировкам, в VII—VIII вв. Известен своим учением о Брахмане — простом, безличном и «бескачественном» мировом сознании.

** Лао-цзы (VI—IV вв. до н. э.) — основоположник даосизма, оппозиционного конфуцианству идейного течения. Его имя буквально означает «Старый Ребенок»: согласно легенде, он родился стариком. Главное произведение, отражающее его идеи и носящее его имя — «Лао-цзы», также известно как «Дао дэ цзин» — «Школа Пути и благодати».

*** Св. Хуан де ла Крус (1542—1591) — испанский мистик и поэт. Под руководством св. Терезы Авильской основал первый монастырь «босоногих кармелитов». Сочинения св. Хуана включают ряд произведений на вероучительные темы и несколько стихотворений.

знаю себя как творение. Но в отдельные проникновенные мгновения я более чем остальные творения; я — не Бог и не творение; я тот, кем я был и останусь на веки вечные. В этом мой порыв, который возносит меня над всеми ангелами. Порыв этот обогащает меня настолько, что уже и Бога мне недостаточно, ибо пока еще Он — лишь Бог в своих Божественных трудах. В эти проникновенные моменты я постигаю, что Бог и я — одно. Там я — то, чем был прежде. Там я не вырастаю и не умаляюсь, ибо там я недвижим тем, что движет всем. Здесь человек снова отвоевал то, что он есть вовек и пребудет вовек. Здесь Бог принимается в душу.

Экхарт*

Божественное все уступает Богу. Божественное — бедно, обнажено, так пусто, как если бы его вовсе не было; оно не имеет, не желает, не стремится, не трудится и не стяжает. Бог — его сокровище и его невеста; Божественное так же пусто, как если бы его не было совсем.

Экхарт

* Иоганн Экхарт (ок. 1260 — ок. 1328), известный под именем Мейстера Экхарта, — знаменитый средневековый немецкий мистик и богослов, учивший о присутствии Бога во всем сущем. Оказал влияние на своих современников и последователей — Иоганна Таулера, Генриха Сузо, Рейсбрука и др. Однако его сочинения считались еретическими, и к концу средневековья он был почти забыт. Интерес к его учению возобновился в начале XIX в.

Мы можем понять нечто, что лежит вне нашего опыта, рассмотрев уже знакомые нам вещи, подобные ему. Так, между отношениями мира с Богом и Бога с Божественным, с одной стороны, и отношениями, которые связывают тело (с его окружением) и душу, и душу с духом — с другой, можно провести аналогию. В свете того, что нам известно о душе — а знаем мы, к сожалению, не так много, — мы можем составить некоторые неточные — но не безнадежно — представления о теле.

Разум влияет на тело четырьмя способами: подсознательно — через невероятно тонкий физиологический разум, который Дриш* назвал энтелехией; сознательно — намеренными волевыми актами; снова подсознательно — реакцией физического организма на эмоциональные состояния, не имеющие ничего общего с органами или процессами, на которые оказывается воздействие, и, сознательно либо подсознательно, — некими «паранормальными» проявлениями. Вне тела сознание может воздействовать на материю двумя способами: во-первых, посредством тела и, во-вторых, с помощью некоего «паранормального процесса», который с недавних пор изучается в лабораторных условиях и был описан как «эффект ПК»**. Разум может установить связь с другим разумом подобным образом: непосредственно — приказав телу предпринять определенные действия символического значения, к примеру говорить или писать; или «сверхъестественно» — непосредственно обращаясь к другому разуму с помощью чтения мыслей, телепатии, экстрасенсорного восприятия.

Давайте рассмотрим эти отношения чуть ближе. В некоторых областях своей деятельности физиологический разум работает по собственной инициативе, например когда направляет безостановочный процесс дыхания или, скажем, усвоения пищи. В других случаях физиологический разум выполняет повеления сознания, когда мы желаем совершить некое действие, но не в состоянии отдать приказ мускулам, железам, нервной и сосудистой системам действовать в направлении желаемой це-

* Дриш, Ганс Адольф Эдуард (1867—1941) — немецкий биолог-экспериментатор и философ. Его исследования в области эмбриологии привели его к тому, что он стал одним из главных сторонников витализма — учения, рассматривавшего жизнь как особое явление, подчиняющееся не законам мироздания, а влиянию особых жизненных сил.

** ПК, или психикинез, — способность влиять на предметы на расстоянии, не прилагая известных физических сил.

ли. Хороший пример необычайной природы тех способностей, которые демонстрирует физиологический разум, — это простое, на первый взгляд, действие звукоподражания. Когда попугай (пользуясь, не будем забывать, клювом, языком и голосовыми связками птицы) имитирует звуки, которые издают губы, зубы, нёбо и голосовые связки человека, задействованные в произнесении слов, что в точности происходит? В ответ на желание сознания подражать определенному событию, которое было запомнено или непосредственно осознано, неким, пока еще до конца не выясненным способом физиологический разум приводит в движение значительное число мускулов, координирует их усилия с таким уникальным умением, что в результате получается более или менее совершенная копия оригинала. Работая только на своем собственном уровне, сознательный разум — и не только попугая, но и наиболее одаренного из всех человеческих существ — сам заведет себя в тупик, попытавшись справиться с более-менее сложной проблемой.

В качестве примера третьего способа, с помощью которого наш разум влияет на материю, мы можем привести прекрасно знакомый феномен «несварения на нервной почве». У некоторых людей симптомы диспепсии проявляются, когда их сознательный разум встревожен негативными эмоциями, такими как страх, ревность, гнев или ненависть. Эти эмоции направлены на события или людей во внешнем окружении, но, так или иначе, подобного рода психический беспорядок неблагоприятно влияет на физиологический разум и приводит, помимо прочего, к «несварению на нервной почве». Немало других телесных недугов — от туберкулеза до язвы, сердечные заболевания и даже кариез, как выясняется, тесно связаны с определенными нежелательными состояниями сознания. И наоборот, любой врач скажет, что у пациента, находящегося

в спокойном и бодром расположении духа, больше шансов на выздоровление, чем у того, кто подавлен или возбужден.

Наконец, мы подошли к таким явлениям, как исцеление верой и левитация — явлениям «сверхъестественно» необычным, но, тем не менее, подтвержденным множеством свидетельств, которые трудно полностью отвергнуть. Каким в точности образом вера исцеляет болезни (будь то в Лурде* или в кабинете врача-гипнотизера) или как св. Иосифу из Купертино** удавалось игнорировать законы притяжения, мы не знаем. (Но не будем забывать, что мы столь же несведущи и в том, как связаны ум и тело в самых обыденных из повседневных действий.) Точно так же нам не под силу составить определенное мнение о том, как же все-таки действует то, что профессор Райн*** назвал «эффектом ПК». Тем не менее сам факт, что состояние сознания некоторых людей может влиять, например, на то, как именно выпадут игральные кости, в наши дни, кажется, уже не вызывает сомнения. И если «эффект ПК» в настоящее время можно продемонстрировать в лабораторных условиях и составить вероятностную статистику, тогда, очевидно, неподдельное правдоподобие разрозненных эпизодических свидетельств прямого воздействия разума на материю, как в самом теле, так и вне его пределов, во внешнем мире, значительно возрастет. То же справедливо и в отноше-

* Лурд — город в юго-западной Франции, в Пиренеях, где в одном из местных гротов в 1858 г. 14-летняя девочка Бернадетт Сублиру (впоследствии св. Бернадетт) имела видение Девы Марии. Считается, что воды подземного источника в этом гроте обладают целебными свойствами.

** Св. Иосиф (Джузеппе) Купертинский (1603—1663) — францисканский монах, прославившийся своей способностью к левитации.

*** Джозеф Рэнкс Райн (1895—1980) — американский психолог. Его исследования экстрасенсорного восприятия включали эксперименты с предвидением, ясновидением, телепатией.

нии экстрасенсорного восприятия. Явные его примеры постоянно проявляются в повседневной жизни. Однако наука почти бессильна объяснить это явление, взятое в каждом отдельном случае. Возведя свою методологическую беспомощность в ранг критерия истины, наши ученые-догматики часто навешивают ярлык неправдоподобного и даже невозможного на все, что не укладывается в рамки их ограниченной компетенции. Но тесты на экстрасенсорное восприятие, если повторить их в лабораторных условиях, показывают, судя уже с позиции закона вероятности, что сам предмет исследования (даже для самых непримиримых оппонентов) имеет определенную долю научной достоверности.

Так выглядит, вкратце и просто, самое важное из того, что нам известно о разуме в связи с его возможностью влиять на материю. Опираясь на это скромное знание о самих себе, к каким выводам мы вправе прийти относительно божественного предмета нашего почти абсолютного невежества?

Что касается творения, во-первых: если разум человека может непосредственно влиять на материю не только внутри, но даже и за пределами собственного тела, тогда можно предположить, что Божественный разум, имманентный вселенной или трансцендентный по отношению к ней, способен придать форму прежде существовавшему хаосу бесформенной материи. Возможно даже, что, замыслив сами формы, Божественный разум порождает к существованию и наполняющее их содержание.

Однажды созданная или божественным образом приобретающая форму вселенная должна обеспечиваться чем-то. Необходимость в непрерывном воссоздании мира становится очевидной. Согласно Декарту, «когда мы рассматриваем природу времени или протяженность вещей во времени, свойства его таковы, что отдельные

его части не бывают взаимосвязанными и никогда не сосуществуют. Соответственно, из того факта, что мы есть сейчас, отнюдь не вытекает то, что мы будем продолжаться в следующее мгновение, если только некая причина, а именно та, что создала нас впервые, не будет постоянно воспроизводить, то есть сохранять, нас». Здесь, по всей видимости, мы имеем аналогию на космическом уровне тому психологическому разуму, который и в людях, и в животных неустанно контролирует поведение их тел. Несомненно, физиологический разум может со всей вероятностью рассматриваться как особый аспект всеобщего воссоздающего Логоса. В китайской терминологии — это Дао, проявляющее себя на уровне живого тела.

На тело человека воздействует добро или зло в его разуме. Аналогично, существование в самом сердце творения божественной безмятежности и доброй воли может рассматриваться как одна из причин, почему недуги этого мира, будучи хроническими, еще не стали смертельными. И если в психической вселенной должны быть и другие, более чем человеческие сознания, одержимые помыслами зла, эгоизма и бунта, это следует отнести, вероятно, на счет непомерной и немислимой греховности человеческого поведения.

Действия, направляемые нашим разумом, совершаются или посредством физиологического разума и тела, или, совсем в исключительных случаях и в очень ограниченных пределах, направляются сверхъестественными средствами наподобие «эффекта ПК». Таким же точно образом ситуации в физическом мире, создаваемые по воле Божественного Провидения, могут устраиваться непрерывно творящим Разумом, который поддерживает вселенную. В таком случае Провидение на первый взгляд выполняет свою ра-

боту целиком природными способами; или же, крайне редко, Божественный Разум может воздействовать на вселенную извне — в таком случае работа Провидения и дары благодати могут показаться чудесными. Божественный Разум может общаться по своему усмотрению с индивидуальным разумом, управляя миром людей и вещей таким способом, чтобы тот индивидуальный разум, к которому в этот момент обращаются, сумел придать ему значение; также возможно и непосредственное сообщение, сравнимое с передачей мысли.

По словам Экхарта, Бог, создающий и постоянно воссоздающий мир, «прибывает и убывает». Другими словами, он существует, по крайней мере до некоторой степени, во времени. Временный Бог по своей природе может походить на традиционного Бога евреев Ветхого Завета; или же Он может быть ограниченным божеством, о котором пишут некоторые философы-теологи нынешнего столетия. Также, в качестве альтернативы, он может быть Богом, проходящим процесс становления, далеким от духовности в момент своего начала в Альфе, и постепенно вырастая в своей божественности, пока эоны катятся к некоей гипотетической Омеге. (Почему такое движение должно быть к большему и лучшему, а не к меньшему и худшему, и скорее вверх, чем вниз, — на самом деле никто не знает. Кажется, нет причины, почему Бог, который исключительно временен Бог, который просто пребывает и не укоренен в вечности не может быть целиком и полностью подвластен времени как индивидуальный разум, взятый отдельно от духа. Бог, который пребывает, — это также и Бог, который перестает быть, и в конечном счете именно прекращение может преобладать, так что окончательное состояние возникающего божества может быть и более худшим, чем первоначальное.)

Основание, в котором укоренены различные и ограниченные во времени души,— это простое, безвременное узнавание. Сделавшись чистыми сердцем и нищими духом, мы можем открыть в себе это узнавание и отождествить себя с ним. В своем духе мы не только обладаем, но и являемся этим познанием, ведущим к единению с Божественным Основанием.

Схожим образом Бог во времени имеет основу в вечном «сейчас» бесформенного Божественного. Именно в Божественном все созданное, жизни и разумы, имеют свое существование; именно через Бога они обретают свое становление — становление, цель и задача которого — возвращение к вечности Основания.

А тем временем я умоляю тебя вечной и бессмертной истиной и моею душой: рассуди и постигни неслыханное. Бог и Божественное — несравнимы, как небеса и земля. Недостигаемо небо для земли, и даже так Божественное превышает Бога. Бог прибывает и убывает. Тот, кому ясны слова этой проповеди, пусть идет с миром. Но если бы и не было никого, кто бы внимал моему слову, я все так же проповедовал бы это, хотя бы и кружке для пожертвований.

Экхарт

Как и св. Августин*, Мейстер Экхарт в определенной степени был жертвой своих литературных дарований. «*Le style c'est l'homme*» («Стиль — это человек»), — говорят французы, и в этом можно не сомневаться. Но обратное также отчасти верно. «*L'homme c'est le style*». — «Человек — это стиль». Обладая неким литературным даром, мы обнаруживаем, что сами стали, в некоторой степени, собствен-

* Св. Августин (полное имя Аврелий Августин) (354—430) — учитель церкви. В теологии осуществил синтез христианства и классической образованности. Августин преподавал, критиковал и приспособлявал для новых нужд «свободные науки» своего времени, ставя их на службу христианской теологии.

ной манерой письма. Мы сами начинаем подстраиваться под присущую только нам разновидность красноречия. Экхарт был одним из родоначальников немецкой прозы, и его крайние позиции были в чем-то спровоцированы этим впервые обретенным мастерством драматической экспрессии — доктринально стать образом его мощных и чрезвычайно выразительных предложений. Поневоле пове-ришь, прочитав утверждение, подобное приведенному выше, что Экхарт презирал то, что ведантисты называют «нижним знанием» Брахмана, не Абсолютное Основание всего сущего, но Бога-личность. На самом деле он, как и ведантисты, принимает «нижнее знание» как подлинное и рассматривает поклонение личному Богу как лучшее приготовление к познанию, ведущему к единению с Божественным.

Стоит также напомнить, что лишенное свойств Божественное Веданты, буддизма Махаяны, христианского и суфийского мистицизма — это Основание всех качеств, которыми обладают личный Бог и Богочеловек. «Бог не благ, это я благ», — экспрессивно и неистово, как всегда, утверждает Экхарт. На самом деле он хочет сказать: «Я добр всего лишь как человек; Бог несказанно благ; Божественное *есть*, и эта “есть-ность” (*istigkeit*, на немецком Экхарта) содержит доброту, любовь, мудрость и все остальное в своей сущности и первооснове».

В результате, Божественное для представителя Вечной Философии будет не просто Абсолютом академических метафизиков, но чем-то более чистым в своем совершенстве, тем, что следует почитать с большим благоговением, чем личного Бога или Его человеческое воплощение. Будет Бытием, по отношению к которому возможно испытывать самую глубокую любовь и преданность и в отношении которого необходим (если и вправду стремиться к тому

знанию, что ведет к единению с ним, — конечной цели человека) духовный труд, более ревностный и неослабный, чем любое из послушаний, которое может быть наложено авторитетом церкви.

Есть отличие и несходство, в соответствии с нашими представлениями, между Богом и Божественным, между действием и всем остальным. Плодотворная природа Ипостасей Троицы вечно трудится, пребывая в живом различении. Но простое Существо Бога, как следует из Его природы, — это Вечное Остальное Бога и всего Им сотворенного.

Рёйсбрук*

(В Реальности, познаваемой мистиком в единении с ней), мы уже не можем говорить ни об Отце, Сыне и Святом Духе, ни о любом из творений, — лишь об одном Существо, которое есть подлинная суть Божественных Лиц. Там все мы были едины пред творением нас, поскольку оно и есть наша сверх-сущность. Божественное есть простое существование без действия.

Рёйсбрук

Божественный свет веры так чист, что по сравнению с ним каждый отдельный свет не более чем нечистота, и даже образы святых, Непорочной Девы и видение Иисуса Христа в его человеческом облике — лишь преграды на пути видения Бога в его чистоте.

Ж.-Ж. Олье**

Это утверждение, учитывая, что оно принадлежит убежденному католику эпохи Контр-реформации, может показаться

* Ян ван Рёйсбрук (1293—1381) — нидерландский писатель и теолог-мистик. Основные его сочинения: трактаты «Красота духовного брака» (1350) и «Зеркало вечного блаженства» (1359).

** Жан-Жак Олье — французский католический деятель XVII в. В 1642 г. основал орден сульпициан — т. н. светскую конгрегацию, объединяющую священников, которые принесли «временные» обеты (в отличие от «торжественных» и простых «вечных» монашеских обетов).

достаточно неожиданным. Но будем помнить о том, что Олье (человек святой жизни и один из наиболее влиятельных религиозных учителей XVII столетия) говорит здесь о таком состоянии сознания, к которому на самом деле редко кто из людей когда-либо приходит. Для тех же, кто продолжает жить обыденной жизнью, он советует другие способы познания. Например, одному из тех, на кого Олье наложил епитимью, он посоветовал читать, в дополнение к сочинениям св. Хуана де ла Круса и других представителей чистой мистической теологии, откровения св. Гертруды* о Божественном воплощении и даже о физиологических аспектах Божественного. По мнению Олье, с которым согласились бы многие из подлинных духовников и наставников, будь то католики или индийцы, было бы просто неразумно рекомендовать поклонение Богу, не имеющему облика, людям, которые в состоянии осознать Божественное Основание только в личностном аспекте, только через Боговоплощение.

Это совершенно здравая позиция, и нас никто не вправе осудить, если мы станем действовать в соответствии с ней, — при том условии, что всегда будем отчетливо помнить о том, что ее принятие может сопровождаться определенными духовными опасностями и неудобствами. Пояснению и обсуждению природы этих опасностей и неудобств будет посвящена одна из глав.

* Св. Гертруда Великая (ок. 1255 — 17.11.1301 или 1302) — немецкая католическая святая-мистик. Книжку, в которой собраны рассказы о ее откровениях (из пяти глав книги лишь вторая написана самой Гертрудой), назвали «Вестник любящей благодати Божией».

Пока что достаточно будет процитировать предупреждение, исходящее из уст Филона: «Тот, кто мнит, что у Бога множество признаков и что он не Един, оскорбляет не Бога, но себя».

Тебе следует любить Бога как не-Бога, как не-Духа, не-личность, не-образ, но таким, каков Он есть, — как чистое, незамутненное,

нераздельное Единое, неприступное ни разделению, ни раз-двоенности, в котором мы должны вовек погружаться из небытия в ничто.

Экхарт

То, что Экхарт описывает как чистое Единое — абсолютного не-Бога, в котором мы должны погружаться из небытия в небытие, — в буддизме Махаяны называется «Чистый Свет Пустоты». Ниже приводится формула, с которой тибетский жрец обращается к человеку, находящемуся на смертном одре.

О достойный, пришло твое время искать Путь. Твое дыхание скоро прервется. В прошлом твой учитель свел тебя лицом к лицу с Ясным Светом; теперь же тебе предстоит пережить его в его Реальности в состоянии *Бардо* («промежуточное состояние», которое немедленно следует за смертью. В этом состоянии душу судят — или, скорее, она сама себя судит, выбирая, в зависимости от характера, сформировавшегося за время жизни на земле, какого рода посмертная жизнь ей предстоит). В этом состоянии *Бардо* все предстанет перед тобой как безоблачное небо, а обнаженный, непорочный Разум — как мерцающая Пустота без края или средоточия. В этот миг узнай себя и пребывай в этом состоянии. Я тоже в это время буду следовать вместе с тобой.

Тибетская «Книга Мертвых»*

Если заглянуть еще чуть глубже в прошлое, мы обнаруживаем в одной из самых ранних Упанишад классическое описание Абсолютного Единого как Сверх-Сущностного Ни-Что.

* *Тибетская Книга Мертвых (Бардо Тёдол*, «Книга Великого Освобождения») — одна из так называемых сокровенных книг тибетского буддизма. По преданию, написана учителем Падмасамбхавой в VIII в. и обнаружена позднее, в эпоху расцвета тибетского буддизма. Впервые переведена на английский язык ламой Кази Дава-Самдупом и издана в 1927 г. в Оксфорде У. И. Эвансом-Вентцем.

Значение Брахмана выражается словами *neti neti* (не то, не то); называя что-то, говоришь: не то, далее, за пределами этого ничего нет. Его имя, однако, это «Подлинность подлинности». Это означает, что чувства подлинны, и Брахман — их подлинность.

Брихадараньяка Упанишада*

* *Брихадараньяка* — название одной из «Упанишад» — священных и тайных книг браминов; *Араньяка* — это трактат, прибавленный к Ведам и считавшийся темой специального изучения для тех, кто удалился в джунгли (лес) с целью религиозной медитации.

** (Псевдо-) *Дионисий Ареопагит* (ок. 500) — христианский богослов. На рубеже V и VI вв., вероятно в Сирии, написал ряд богословских трактатов на греческом языке. Эти сочинения опирались на Библию и на традицию неоплатонизма. Для авторитетности автор издал их под именем *Дионисия Ареопагита*, жившего в I в. Такие мистификации были нередки в древности, но эта оказалась одной из самых удачных.

Иначе говоря, существует иерархия Реального. Многообразие нашего повседневного опыта реально, и эта относительная реальность на своем собственном уровне не вызывает вопросов. Однако ее существование обусловлено и вмещается Абсолютной Реальностью, описать которую, по причине несопоставимой инаковости ее вечной природы, мы и надеяться не можем, даже обладая возможностью непосредственно постигать ее.

Нижеследующий фрагмент имеет огромное историческое значение. Он взят из трактатов «Мистическое богословие» и «О божественных именах», написанных в V веке автором, который известен под именем *Дионисия Ареопагита*** . Главным образом через эти труды средневековое христианство установило связь с неоплатонизмом и, соответственно, несколько опосредствованно, с метафизической мыслью и практиками Индии. С тех пор, как в IX веке обе эти книги перевел на латынь

Скот Эриугена* их влияние на развитие философского поиска и религиозную жизнь Запада было обширно, глубоко и плодотворно. Именно к авторитету Ареопагита обращались христиане — представители Вечной Философии, когда они подвергались преследованиям (а их всегда преследовали) со стороны тех, для кого более всего были значимы ритуал, законничество и церковная дисциплина.

Автора этих трактатов ошибочно отождествляли с Дионисием Ареопагитом, первым из афинян, обращенных св. Павлом. По этой причине его авторитет расценивался почти как апостольский, а по правилам игры, принятым в католичестве, обращение к подобному авторитету нелегко было проигнорировать. Это относилось даже к тем, для кого книжная мудрость ничего не значила. Несмотря на раздражающую необычность следовавших путем Дионисия Ареопагита, их приходилось терпеть. Освободившись однажды, чтобы принести духовные плоды, некоторые из них достигли столь явной святости, что даже для глав испанской инквизиции оказалось невозможным осудить древо, на котором произросли такие плоды.

Простые, совершенные и непреложные тайны божественной Истины сокрыты в сверхсветлой тьме той тишины, что обнаруживает себя в тайне. Ибо эта тьма, хотя и совершенно непроницаема, в то же время лучезарно ясна. Недоступная зрению и ося-

* Иоанн «Скот» Эриугена (ок. 810 — ок. 877) — христианский философ IX в. Родился в Ирландии, возможно, в шотландской семье (отсюда прозвище Скот — Шотландец). Перевел (ок. 858) на латинский язык сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, снабдив перевод обширными комментариями. Однако его отказ представить свой труд на одобрение Папе навлек на него немилость церковных властей, и его главный труд «О разделении природы» был осужден церковью. Несмотря на разногласия с папством, Эриугену принято считать первым великим схоластом.

занию, она переполняет наши незрячие умы сиянием запредельной красоты... Нам чрезвычайно необходимо пребывать в этой прозрачной тьме и, не видя и не зная, видеть Его, недоступного видению и знанию, — в силу того, что не видим Его и не знаем Его. Это значит подлинно видеть и знать и, отрешившись от всего видимого, славить Того, кто вне и свыше всего сущего. Таково искусство тех, кто вырезает, словно живые, образы из камня — убирая со всех сторон все, что заслоняет ясное видение скрытой в камне формы, открывает ее потаенную красоту освобождением от ненужного. Ибо кажется мне, что более подобает славить Его скорее отнимая у Него свойства, чем прибавляя их Ему; ибо мы приписываем Ему их, когда начинаем от всеобщего и нисходим через промежуточное к частностям. Но здесь мы удаляем от Него все, начиная от частного, восходя к всеобщему, так, чтобы нам в открытую познать непознаваемое, что скрыто под покровом и в сердцевине всего того, что может быть познано. И мы узреваем эту тьму вне бытия, недоступную для всякого природного света.

Дионисий Ареопагит

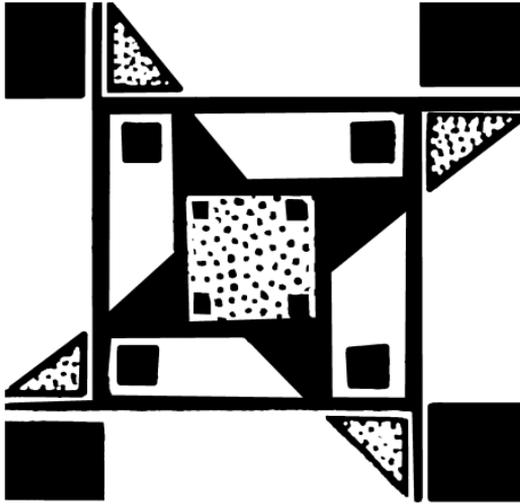
Мир — такой, каким он воспринимается обыденными чувствами, — состоит из неопределенного количества последовательных и, как предполагается, причинно связанных событий и включает в себя неопределенное количество обособленных единичных предметов, житей и мыслей, и все это в целом составляет предположительно упорядоченный космос. Именно чтобы описывать, обобщать и обустроить эту вселенную здравого смысла и были изобретены человеческие языки.

Но если, какая бы ни была тому причина, мы хотим понять мир не таким, как он представляется здравому смыслу, но как континуум, то обнаруживаем, до какой степени неадекватными этой зада-

че оказываются наши традиционные синтаксис и словарный запас. Математикам ради этого пришлось изобрести радикально новую систему символов. Но Божественное Основание всего сущего — это не просто континуум, оно также находится вне времени и отлично, не только количественно, но и качественно, от тех миров, в которых можно обходиться традиционными языками и языком математики. Отсюда во всех интерпретациях Вечной Философии нередки парадоксы, причудливость речи, подчас даже кажущееся кощунство. Никто пока еще не изобрел Духовного Исчисления, в терминах которого мы могли бы связно и вразумительно говорить о Божественном Основании и о мире, который полагается как Его проявление. Так что пока нам придется сохранять терпимость по отношению к словесной эксцентрике тех, кто вынужден описывать один порядок опыта с помощью системы символов, приспособленной для описания явлений другого и совершенно отличного порядка.

На сегодняшний день в отношении полностью адекватной передачи Вечной Философии семантическая проблема неразрешима. Этот факт следует постоянно принимать во внимание всем, кто прочтет ее основные положения. Только так мы сможем хотя бы приблизительно понять, о чем идет речь. Возьмем, к примеру, все те негативные дефиниции трансцендентного и имманентного Основания Сущего. В утверждениях, подобных Экхарттовским, Бог тождествен Ничто. И в определенном смысле это равенство верно, ибо Бог действительно Ни-Что. В тех словах, которые подбирает для этого Скот Эригена, Бог — не что, он — То. Иными словами, Основание можно обозначить как «бытие там», но нельзя определить его как обладающее качествами. Сказанное означает, что рациональное знание об Основе — это не только нечто, отстоящее всего лишь на один, пусть даже на несколько шагов, подобно

знанию, выводимому с помощью умозаключения, от действительности, непосредственно воспринимаемой нами. Это есть и, по самой природе нашего языка и стереотипов мышления, должно быть таковым: парадоксальное знание. Непосредственное знание об Основании можно обрести только в единении с Ним, а единение не может быть достигнуто иначе, как уничтожением эгоистичного «я» — подлинного препятствия, отделяющего «тебя» от «Того».

Глава третья. Личность, святость, Божественное в о п л о щ е н и е

Слова, заимствованные из латыни, как нам предъявляется, имеют оттенок некой

интеллектуальной, моральной и эстетической «классики» — оттенок, которого мы не замечаем у их эквивалентов из нашей повседневной речи. «Патерналистский», к примеру, означает то же самое, что и «отцовский»; «интоксикация» — отравление, — однако какие поистине утонченные оттенки значения! И когда Шекспиру понадобилось назвать комический персонаж, он предпочел дать ему имя сэра Тоби Белч, а никак не кавалер Тобайес Ирактэйшн*.

Слово «персональный» также происходит из латыни, и его употребление общепринято. Но, по странной филологической причине, его синоним употребляется значительно реже. А жаль. Ибо если бы это слово употребляли так же часто, как слово «отрыжка» вместо «эруктации», — разве стали бы люди поднимать такую подобострастную шумиху вокруг «персонального», какая в последнее время замечается за философами, моралистами и теологами? «Персональное», как нас постоянно заверяют, — это высшая форма реальности, о которой мы можем обладать знанием. Несомненно, стоило дважды подумать, прежде чем делать или принимать такое заявление, если бы вместо слова «персональное» предстал его старинный синоним «самоличный». Ибо это слово, хотя и означает в точности то же самое, не имеет той «высококачественности», которой обладает «персональное». И наоборот, основное

* Сэр Тоби Белч — персонаж комедии У. Шекспира, любитель выпить: его фамилия (Belch) в переводе с англ. яз. означает «отрыжка». *Eruclation* — медицинский латинизм с аналогичным значением, «эруктация» (рус. мед. устар.).

значение слова «самоличный» доходит до нас без прикрас, режет слух, словно звук треснувшего колокола. Ибо, как всегда утверждали все сторонники Вечной Философии, неотвязная поглощенность самим собой и настойчивое стремление человека быть обособленной личностью — это окончательная и наиболее существенная

помеха на пути к единому знанию Бога. Быть личностью для них есть первородный грех, а умереть для своего «я», в чувствовании, воле и разуме, — это окончательная и всеобъемлющая добродетель. Именно эти их призывы к нам пробуждают те неприятные ассоциации, с которыми связано слово «самоличный»*. Что же касается излишне благоприятных ассоциаций, связанных с «персональным», то отчасти они порождены действительно присущей личности возвышенностью, но также и тем фактом, что Лица Троицы в западной традиции именуется Персонами. Но Лица в Троице не имеют ничего общего с личностью из плоти и крови, так хорошо знакомой нам, — ничего, кроме пребывающего в нас Духа. Нам следовало бы стремиться отождествить себя с этим Духом — для этого мы и предназначены, хотя большинство из нас предпочитает пренебречь Духом в угоду нашей обособленной самоличности. То, что эту затмевающую Бога и антидуховную обособленность приходится именовать так же, как и Лица в Троице, Богом, который есть Дух, — это, по меньшей мере, прискорбно. Как и все такого рода ошибки, эта, вероятно подспудно, неким непостижимым образом, все же по сути добровольна и намеренна. Мы любим нашу личность, мы стремимся оправдать эту нашу любовь; и вот, мы нарекаем нашу личность тем же именем, которое богословы употребляют, говоря об Отце, Сыне и Святом Духе.

Вот ты спрашиваешь меня, как разрушить это ничем не скрытое знание и ощущение собственного бытия. И, возможно, ты подумаешь, что, если разрушить эту преграду, все прочие так же падут. Если ты помышляешь так, то помышляешь верно. И таким на это будет мой ответ, что без особой благодати, которая ниспосылается Господом, и соответствующей способности

* О. Хаксли употребил здесь слово «selfness», которое имеет в английском языке также значение «эгоизм».

обрести эту благодать, это ничем не скрытое знание и ощущение собственного бытия никоим образом не разрушится. И способность эта есть не что иное, как сильная и глубокая душевная скорбь... Всякому человеку есть причина скорбеть; но особенная причина для скорби есть знание и чувство того, что он *есть*. Все прочие скорби, сравнительно с этой, словно забавы для того, кто серьезен. Ибо тот скорбит всерьез, кто знает и чувствует не только, *кто* он есть, но и что он *есть*. И тот, кому не знакома сия скорбь, пусть испытает ее, ибо еще не доводилось ему испытать скорбь совершенную. Подобная скорбь, когда испытываешь ее, очищает душу не только от греха, но также и от боли, которую душа заслужила за свой грех; а также делает душу способной обрести ту радость, которая в противном случае отъята от человека, живущего знанием и чувствами своего бытия.

Эта скорбь, если воистину испытать ее, исполнена священного желания, иначе человеку и за всю жизнь не стало бы сил снести или вытерпеть ее. Ибо если бы душа каким-то образом не питалась бы неким утешением от его праведных трудов, человек не смог бы вынести боль, причиняемую ему знанием и ощущением своего бытия. Когда он будет обретать подлинное знание и ощущение своего Бога в чистоте духа (насколько это возможно здесь), а затем чувствовать, что не имеет более сил, — ибо вечно будет открывать в своем знании и своем ощущении, что они как бы заняты и наполнены нечистой и зловонной глыбой его «я», тем, что вовек должно быть ненавидимо, презираемо и отвергнуто, если человек намерен быть совершенным последователем Божиим, научаемым Им самим на вершине совершенства, — тогда он будет близок к скорбному безумию...

Эту скорбь и это желание должна обрести каждая душа и чувствовать их в себе (тем или иным образом), насколько угодно будет Богу учить своих последователей в духе согласно Его доброй воле и их способности в теле и в душе, в достоинстве и в намерении, прежде чем при-

дет им время совершенно объединиться с Богом в Его совершенной милости — такой, какая может быть здесь, если Бог того соизволит.

«Облако Неведения»*

Какова природа этой «зловонной глыбы» самоличности, о которой должно сокрушаться так страстно и которой следует полностью отмереть, прежде чем окажется возможным какое-либо «подлинное знание Бога в чистоте духа»? Самая ограниченная и уклончивая из гипотез принадлежит Юму**. «Человечество, — пишет он, — есть не что иное, как скопление или сплетение различных перцепций, которые сменяют одна другую с непостижимой быстротой и находятся в непрерывном изменении и движении». Почти идентичный ответ дают и буддисты. Буддистское учение об *анатте**** — это отвержение какой-либо постоянной души, существующей вне потока переживаний и различных психофизических скандх (во многом похожих на «пучки» Юма), которые составляют более устойчивые элементы личности.

Юм и буддисты дают достаточно реалистичное описание самоличности в действии, но им не удается объяснить, как и почему эти сплетения сплетаются. Составляющие их атомы опыта — сходятся ли они вместе самопроизвольно? Если так, тогда почему, каким образом, в пределах какого рода не-пространственной вселенной? Дать

* «Облако Неведения» (The Cloud of Unknowing) — религиозное сочинение, написанное анонимным английским монахом в конце XIV в. Оказало большое влияние на христианскую мистику.

** Дэвид Юм (1711—1776) — шотландский философ, историк, экономист и литератор, оказавший влияние на развитие двух философских школ: эмпиризма и скептицизма.

*** *Анатта* (пали «не-сущность») — буддийское учение об отсутствии у человека вечной субстанции души. Личность, согласно этому учению, состоит из постоянно изменяющихся факторов сознания (хандха, скандха).

приемлемый ответ на указанные вопросы в терминах *анатты* так сложно, что мы просто вынуждены отказаться от этого учения в пользу представления о том, что за пределами потока, в самих сплетениях существует некая вечная душа, которая и организует опыт и которая, в свою очередь, пользуется данным организованным опытом с тем, чтобы стать особой и неповторимой личностью. Это точка зрения ортодоксального индуизма, от которого отделилась буддистская мысль, а также и почти вся европейская мысль еще с доаристотелевских времен и по сей день. Но, несмотря на то что большинство современных мыслителей пытается описать природу человека в терминах дихотомии взаимодействующих души и физической природы или неразделимой целостности этих двух элементов в рамках отдельных наделенных телом «я», все представители Вечной Философии утверждают в той или иной форме, что человек есть некая троица, состоящая из тела, души и духа. Самоличность — это продукт первых двух элементов. Третий элемент (тот *quidquid increatum et increabile**, как называет его Экхарт) сродни или даже тождествен Божественному Духу, который есть Основание всего бытия. Конечная цель человека, задача его существова-

* *Quidquid increatum et increabile* — безгранична, что ничто не в силах (*лат.*)

** Уильям Ло (1688—1761) — английский священник и религиозный писатель, посвятивший свое творчество проблематике этического идеала в христианстве.

ния — любить, знать и объединиться с имманентным и трансцендентным Божественным. И это отождествление «я» с духовным «не-я» может быть достигнуто только умиранием самоличности и жизнью для духа.

Как можно было бы начать отвергать свое «я», если бы не было в человеке чего-то, отличного от «я»?

Уильям Ло**

Что есть человек? Ангел, зверь, пустое место, весь мир, ничто, окруженное Богом, нуждающееся в Боге, вмещающее Бога, полное Богом, если того пожелает.

Беруй*

Обособленная тварная жизнь, в противоположность жизни в единении с Богом, есть только жизнь разнообразных потребностей, нужд и желаний, и не может, пожалуй, быть ничем более. Сам Бог не может заставить свое творение быть в себе или в своей природе чем-либо, кроме состояния пустоты. Высшая жизнь, природная и тварная, не может подняться выше этого; она только может быть открытой способностью к праведности и, возможно, не будет доброй и счастливой, если только жизнь Бога не пребудет в ней и в единении с нею. Такова эта двойственная жизнь, которую, никуда от этого не деться, должно свести воедино в каждом добром, совершенном и счастливом создании.

Уильям Ло

Писания говорят о человеческих существах, что есть внешний человек и еще, рука об руку с ним, — внутренний человек.

Внешнему человеку принадлежит все то, что зависит от души, но соединяется с плотью и пропитано ей, и совместная деятельность нескольких членов, таких как глаз, ухо, язык, рука и так далее.

Писание говорит обо всем этом как о ветхом человеке, земном человеке, внешней личности, враге, слуге.

В каждом из нас внутри пребывает другая личность, внутренний человек, которого Писание называет новым человеком, небесным человеком, юной личностью, другом, господином.

* *Пьер де Беруй* (1575—1629) — французский религиозный и политический деятель, кардинал, один из создателей французской Конгрегации Оратории, оппонент кардинала де Ришелье.

Экхарт

Зерно Божие — в нас. Дай его разумному и усердному земледельцу, и оно прозябнет и прорастет к Богу, ибо оно есть зерно Божие, а значит, и плоды принесет Божественной природы. Зерно грушевое прорастает в грушевое дерево, орех — в лещину, а зерно Божие — в Бога.

Экхарт

Воля — свободна, и мы вольны отождествлять наше существо то ли исключительно с нашей личностью и ее интересами, понимая ее как независимую от обитающего в ней Духа и трансцендентно-го Божественного (в таком случае мы будем бездейтельно прокляты или деятельно чудовищны); то ли исключительно с Божественным внутри и вне нас (в этом случае мы будем святыми) или, наконец, с «я» в одном случае и в одном контексте и с духовным «нея» в другом случае и в другом контексте (в таком случае мы будем обычными гражданами, слишком теоцентричными, чтобы быть полностью потерянными, и слушом эгоцентричными, чтобы достичь просветления и полного освобождения).

Поскольку человеческие устремления ничто не может удовлетворить, кроме единящего познания Бога, и поскольку тело-разум способно на приобретение чрезвычайно разнообразного опыта, мы свободны отождествлять себя с почти бесконечным числом возможных объектов — с удовольствиями чревоугодия, к примеру, или невоздержанностью, или чувственностью; с деньгами, властью или славой; с нашей семьей, понимаемой как собственность или как действительное продолжение и проекция нашей собственной личности; с движимым и недвижимым имуществом, с нашими увлечениями, нашими накоплениями; с артистическими или научными дарованиями; с увлечением какой-то особой областью знаний, некоей «излюбленной темой»; с нашими профессиями, политичес-

кими партиями, нашими церквями; с нашими страданиями и недугами, с воспоминаниями об успехах или неудачах, с надеждами, страхами и планами на будущее; наконец, с Вечной Реальностью, в которой и через которую все остальное обретает свое существование. Мы свободны, конечно же, отождествлять себя более чем с чем-то одним из этого всего, одновременно или в последовательности. Так появляются совершенно поразительные, до невероятия, сочетания черт характера, которые составляют сложную личность. Так, человек может быть одновременно хитрейшим из политиков и жертвой своего собственного пустословия, питать слабость к бренди, деньгам и не меньшую — к поэзии Джорджа Мередита*, несовершеннолетним девочкам и своей матери; к скачкам, детективным рассказам и благополучию своей страны — и в придачу ко всему втайне бояться адского огня, ненавидеть Спинозу** и чинно являться на воскресную службу в своей церкви.

Личность, получившая при рождении психофизическое строение одного рода, будет стремиться отождествить себя с одной группой интересов и желаний, в то время как личность с темпераментом другого рода отдаст предпочтение совершенно отличной самоидентификации. Но все эти устремления (возможно, исключительно мощные, если они обусловлены явно выраженной предрасположенностью организма) не следует считать фатальными. Люди могут и сопротивляются им, могут и на деле

* *Джордж Мередит* (1828—1909) — английский писатель-романист и поэт, произведения которого отличаются подчеркнутой сложностью стиля и психологической глубиной проработки образов.

** *Бenedикт Спиноза* (Барух д'Эспиноза) (1632—1677) — великий голландский философ, один из крупнейших рационалистов 17 в. Его философия представляет собой попытку построить рациональную универсальную систему, обходящуюся без сверхъестественных санкций и какого-либо обращения к библейскому откровению.

противятся тому, чтобы отождествлять себя с тем, кем быть так легко и естественно; могут и становятся лучше, совершенно другими, нежели их собственное «я».

Приведем здесь небольшую статью «Мужчины в критической ситуации» из недавнего номера журнала «Харперз Мэгэзин»*, весьма показательную для нашей темы. «Молодой психиатр, который в качестве медицинского наблюдателя совершил пять боевых вылетов в составе 8-й бригады Королевских военно-воздушных сил, сообщает, что в момент повышенной опасности мужчины, как правило, реагируют вполне однотипно, даже если при нормальных условиях они значительно отличались по личностным качествам. Во время одного из вылетов самолет Б-17 и сам экипаж пострадал так сильно, что спасение казалось невозможным. Психиатр уже провел в «наземных» условиях изучение индивидуальных особенностей членов экипажа и обнаружил, что их поведенческие типы оказались чрезвычайно разнообразны.

Об их действиях в критической ситуации он сообщил следующее: «Их реакции были в высшей степени схожи. Во время жестокого сражения и ситуаций во время боя, требовавших немедленно реагирования, они все четко и беспрекословно выполняли инст-

* *Харперз Мэгэзин* (*Harper's New Monthly Magazine*, позднее *Harper's Magazine*) — основанный в 1850 г. американский журнал. В сер. XX в. — крупнейший в США общественно-политический форум. О. Хаксли нередко писал статьи для него.

рукции и были решительны в действиях. Хвостовой стрелок, башенный стрелок и штурман получили серьезные ранения в самом начале боя, однако все трое продолжали исполнять свои обязанности точно и без пауз. Основную нагрузку в этой ситуации пришлось принять на себя пилоту, инженеру и башенному стрелку, и все действовали быстро, с отработанной точностью, не делая лишних движений. Решения, во вре-

мя и в особенности после боя, легли главным образом на пилота и, во второстепенных деталях, на второго пилота и бомбардира. Быстрые и взвешенные приказы исполнялись беспрекословно и, как показал ход сражения, в точности соответствовали ситуации. В момент, когда предполагалось обострение ситуации, составлялись альтернативные планы действия — четко, с единой мыслью о безопасности всего экипажа. Все в этот момент были спокойны, без возбуждения энергичны и в целом готовы к любому повороту событий. Ни разу за все время я не отметил паралича воли, паники, спутанности мысли, неправильных или нерешительных оценок или попытки спрятаться за спину товарища ни в ком из этой команды.

Никто бы, вероятно, не смог сказать, судя по их поведению, что один из них отличается неустойчивым настроением, а другой — застенчивый, тихий, склонный к самоанализу человек. В своих действиях все были спокойны, точны в мыслях и скоры в действиях.

Подобное поведение типично для команды, которая не понаслышке знает, что такое страх, и, не реагируя на чувство страха, умеет пользоваться психологическими спутниками этого чувства. Они прошли хорошую выучку, так что могут с точностью координировать и направлять свои действия и обладают чем-то большим, чем личное доверие друг к другу, что спаивает их в единый экипаж».

Мы видим, что в момент наступления кризисной ситуации каждый из этих молодых людей забывал о том, что является особенной личностью, выстроенной из элементов, доставшихся ему от наследственности и окружения, в котором он вырос; что один из них противостоял непреодолимому в нормальных условиях искушению отождествить себя с сиюминутным настроением, другой — искушению отождествить себя со своими личными фантазиями, и так — весь экипаж. Все летчики вели себя удивительно сходным образом и по-

просту замечательно, иначе не скажешь. Все обстояло так, как если бы опасность и предварительная подготовка к ней освободили их от несхожих обособленных личностей и подняли на некий более высокий уровень.

Иногда достаточно одного кризиса, без всякого подготовительного обучения, чтобы человек забыл свое привычное «я» и стал на некоторое время чем-то полностью другим. Так самые разные люди, оказавшись в беде, на время превращаются в героев, мучеников, беззаветных тружеников на благо своих ближних. Также очень часто приближение смерти приводит к аналогичному результату. К примеру, Сэмюэл Джонсон* почти всю свою жизнь вел себя одним образом и совершенно другим — во время своей последней болезни. Обворожительно-сложная индивидуальность, которой увлекались шесть поколений босвеллианцев** — дебошир и гурман, суеверный интеллектуал, убежденный до фетишизма христианин, храбрец, испугавшийся приближения смерти,—

* Сэмюэл Джонсон (1709—1784) — крупнейший английский лексикограф, литературный критик и эссеист.

** Босвеллианцев — т. е. почитателей таланта Джеймса Босуэлла (1740—1795), шотландского писателя, важнейшим произведением которого была «Жизнь Сэмюэла Джонсона» — двухтомная биография знаменитого лексикографа.

стала, когда в действительности пришло время умирать, простой, целостной, умиротворенной и сосредоточенной на мысли о Боге.

Хотя это кажется парадоксальным, многим людям намного проще вести себя самоотверженно в момент кризиса, нежели тогда, когда жизнь идет своим чередом, в обычном, ничем не тревожимом спокойствии. Когда все обстоит как обычно, нет причины забыть о нашей драгоценной личности, нет ничего (кроме нашей собственной воли к смирению и познанию Бога), что отвлекло бы наши умы от развлечений,

с которыми мы сами предпочли отождествить себя. Мы вольны упиваться нашей личностью, сколько душе угодно. И как мы упиваемся! Именно по этой причине все мастера духовной жизни с таким настоянием отмечают необходимость малых деяний.

Бог требует скорее добросовестного исполнения самых что ни есть малых обязанностей, порученных нам, чем пылкого рвения к вещам, к которым у нас нет призвания.

Св. Франциск Сальский*

Каждому, кто вкладывает любовь в самые неприметные и обыденные из обязанностей в этом мире, открыт путь к сияющим высотам совершенства.

Ж.-П. де Коссад**

Некоторые отмеряют цену добрым деяниям только по их природным свойствам или по их сложности, отдавая предпочтение чему-то замечательному или обращающему на себя внимание. Такие люди забывают о том, что на христианские добродетели, на которые вдохновляет нас Бог, должно смотреть с точки зрения благодати, а не природы. Достоинство и трудность праведного деяния, несомненно, важны для того, что формально можно назвать его второстепенной ценностью, но вся основная ценность деяния происходит от одной лишь любви.

Жан-Пьер Камю***
(цитируя св. Франциска Сальского)

* *Франциск Сальский* (1567—1622) — епископ Женевский (с 1602), один из ведущих деятелей католической Контрреформации. В 1610 г. вместе с Жанной де Шанталю основал женский монашеский орден визитандинок.

** *Жан-Пьер де Коссад* (1675—1751) — французский религиозный писатель, иезуит.

*** *Жан-Пьер Камю* (1582—1652 или 1653) — французский религиозный писатель, епископ Белле, один из самых плодовитых авторов своего времени. Изпод его пера вышло по меньшей мере 265 книг, среди которых 21 сборник трагических историй, общее число которых достигает 950. Камю также написал несколько томов рассказов и ряд благочестивых романов.

Святой тот, кто знает, что каждое мгновение нашей человеческой жизни — это момент истины; что в каждый момент мы призваны принимать самое важное из решений, делать выбор между путем, что ведет к смерти и духовной тьме, и путем, что ведет к свету и жизни; между интересами исключительно временными и вечным порядком; между нашей личной волей или волей некоей проекции нашей личности и волей Бога.

Для того чтобы достойно встретить крайности и чрезвычайные обстоятельства, которыми изобилует избранный им образ жизни, святой соответственно тренирует ум и тело, подобно солдату. Но, в то время как задачи военной подготовки ограничены и очень просты, а именно — сделать человека отважным, хладнокровным и умелым в коллективном убийстве других людей, с которыми он лично никогда не ссорился, — задачи духовной тренировки куда более широки. Во-первых, поскольку более нет уже затмевающих Бога помех между человеком и Реальностью, необходимо привести человека к состоянию, в котором он был бы способен непрерывно осознавать Божественное Основание своего бытия и бытия всего сущего. Во-вторых, для достижения этого надо встречать все, даже самые тривиальные обстоятельства повседневной жизни, без злобы, алчности, эгоистичных притязаний или добровольного невежества и не отступать от любви и согласия с ближним. У этих задач не очерчены границы и нет пределов, поскольку для того, кто любит Бога, каждое мгновение — момент кризиса, и духовная выучка становится несравнимо сложнее и глубже. Хороших солдат много, святых куда меньше.

Мы уже видели, что в случае крайней опасности солдаты, специально обученные справляться с подобного рода ситуациями, способны забывать врожденные и приобретенные особенности характера, с которыми они в нормальной ситуации отождествляют себя.

Отстраняясь от своей личности, они ведут себя одинаково и, сосредоточившись, превосходят индивидуальное. То, что справедливо в отношении солдат, можно сказать и о святых, но здесь есть важное отличие. Цель духовной тренировки — сделать так, чтобы люди стали бескорыстными и самоотверженными во *всех* житейских обстоятельствах, в то время как цель военной подготовки — научить их самопожертвованию только в определенных и очень особых обстоятельствах и в отношении только определенной разновидности людей. Иначе и быть не может, поскольку все то, что мы есть, что мы желаем и делаем, зависит, в конечном счете, от нашей веры в то, что есть Природа Вещей. Та философия, что подводит рациональную основу под политику силы и оправдывает войну и подготовку к ней, всегда (какой бы ни была официальная религия политиков и разжигателей войны) есть некая до дикости нерелигиозная доктрина национального, расового или идеологического идолопоклонства. Ее неизбежное следствие, как мы знаем, — идеи о *Herrenvolk** или о «братьях меньших, не знающих Закона».

Жизнеописания святых недвусмысленно подтверждают тот факт, что духовная тренировка ведет к выходу за пределы личного не только в особых обстоятельствах сражения, но всегда и по отношению ко всем творениям. Святой «любит врагов своих» или, если он буддист, даже не ведает о существовании врагов, но относится ко всем существам, обладающим чувствами и не обязательно только к людям, с тем же состраданием и бескорыстной доброй волей. Те, которые достигли единящего знания Бога, выступили в свой путь из самых разных отправных точек. Есть мужчины и женщины, есть прирожденные созерцатели и деятели по природе — и не найдет-

* *Herrenvolk* — букв. нем. «раса господ», высшая раса соответственно доктрине германского национал-социализма.

ся двоих, кто бы унаследовал одинаковый темперамент и физическое строение; их жизни проходят в материальном, нравственном и интеллектуальном окружении, которое до крайности несхоже. Тем не менее, поскольку они святые, поскольку они обладают объединяющим познанием, с которым они стали «совершенны, как совершен Отец наш Небесный», они все на удивление похожи. Их поступки подобны в своей одинаковой бескорыстности, и они постоянно помнят в каждое мгновение, кто они и каково их подлинное отношение ко вселенной и к Духовному Основанию.

О любом из обычных средних людей можно сказать, что имя им Легион — тем более о тех исключительно сложных личностях, которые отождествляют себя с широким разнообразием настроений, стремлений и мнений. Святые же никогда не бывают двуличными или малодушными, но, напротив, только цельными и, каковы бы велики не были их интеллектуальные дарования, исключительно скромными. Разноликость Легиона уступает место сосредоточенности — не той ущербной сосредоточенности честолюбия или алчной страсти, или порочного стремления к власти и славе, ни даже более благородной, но все же слишком человеческой сосредоточенности в искусстве, познании и науке, которые понимаются как конечная цель сами по себе. Высшая, превосходящая человеческую сосредоточенность — в ней само существование тех душ, которые сознательно и настойчиво преследуют конечную цель человека — познание Вечной Реальности. В одном из текстов на пали есть характерная история о брахмане по имени Дрона, который, «увидев Благословенного, сидящего под деревом, спросил его: “ты дэва?” И Возвышенный отвечал: “Нет”. — “Ты гандхарва?” — “Нет”. — “Ты якша?” — “Нет”. — “Ты человек?” — “Нет, я не человек”». Когда же брахман спросил, кто же он такой, Благосло-

венный ответил: «Те злые влияния, те стремления, чье неразрушимое определяло меня как дэву, гандхарву, якшу [три типа сверхчеловеческих существ] или человека, я полностью уничтожил. Так знай, что я — Будда».

Здесь мы можем отметить по ходу дела, что только сосредоточенные истинно способны поклоняться одному Богу. Монотеизма как теории может придерживаться даже личность из тех, чье имя Легион. Но когда приходит время перейти от теории к практике, от рассудочного знания к непосредственной встрече с единственным Богом, монотеизм уже может быть лишь там, где есть цельность в сердце. Знание — уже в знающем, соответственно с состоянием знающего. Если знающий полипсихичен, вселенная, которую он познает из непосредственного опыта, будет политеистична. Будда отказался делать какие-либо утверждения относительно предельной Божественной Реальности. Все, о чем он вел речь, — это нирвана, так называется опыт, который приходит к полностью бескорыстному и единому. Этот же опыт другие называли единением с Брахманом, с аль-Хакком, с имманентным и трансцендентным Божественным. Сохраняя в этом предмете позицию строгого операционалиста*, Будда говорил только о духовном опыте, не о метафизическом бытии, предполагаемом теологами других религий, как, впрочем, и позднейшего буддизма, которое есть объект и (поскольку в созерцании познающий, познаваемый и познание есть нераздельное одно) в то же время субъект и содержание этого опыта.

Когда человеку недостает проницательности, его воля странствует в разных направлениях, преследуя бесчисленные цели. Те, кому не достает проницательности, могут

* *Операционалисты* — ученые-физики, сторонники доктрины о том, что понятия неаналитических научных высказываний должны определяться через вычислительные операции.

придерживаться буквы писаний, но в действительности они отвергают их внутреннюю истину. Они полны мирских устремлений, при этом жаждая небесной награды. Они красноречивы, учат сложным ритуалам, призванным приносить наслаждения и власть тем, кто их выполняет. Но в действительности им ничего не ведомо, кроме закона кармы, который приковывает людей к перерождению.

У тех, кого подобные речи лишили пронизательности, развивается глубокая привязанность к удовольствиям и власти, поэтому они неспособны развить в себе ту единую сосредоточенность воли, которая ведет человека к слиянию с Богом.

Бхагавад-Гита

В наши дни в образованных кругах, там, где интересуются всем новым, жизнеописания святых — очень непопулярная форма литературы. И в этом нет ничего удивительного. У образованной, интересующейся новинками публики — неутолимый аппетит к новизне, разнообразию и развлечению. Но святые, какими бы значительными ни были их дарования и чем бы они ни занимались при жизни, непрестанно стремились лишь к одному — к духовной Реальности, посвятив жизнь поиску тех способов, которыми они и их собратья смогут прийти к познанию, объединяющему их с этой Реальностью. Что же касается их деяний — они так же однообразно схожи, как и их помыслы, поскольку во всех обстоятельствах они вели себя бескорыстно, терпимо и милосердно. Неудивительно, что жизнеописания таких людей никто не читает. На одного образованного человека, который знает что-либо об Уильяме Ло, приходится две-три сотни таких, кто читал книгу Босвелла, посвященную его младшему современнику. Почему? Джонсон, пока действительно не пришло ему время умирать, менял свои личности, выбирая из их множества одну обворожительнее другой; в то время

как Ло, какими бы исключительными ни были его дарования, оставался почти до невероятности простым и искренним. Легион предпочитает читать о Легионе. Именно в этом причина, что, сколько ни перелистывай эпические поэмы, драмы и романы, почти не встретишь образов святых, подлинно сосредоточенных на Боге.

О Друг, стремись к Нему, пока ты жив,
надейся и ищи Его,—

спасение найдешь, пока ты жив.

Сейчас разбей оковы, знай — надежды в смерти нет.

Пустые то мечты, что к встрече с Ним душа идет,

от тела отойдя.

Найдешь Его сейчас, найдешь Его и там.

Но нет, один лишь путь душе — туда, где смерть одна.

Кабир*

Эта фигура, изображающая солнце [описывается фронтиспис первого издания «Правила совершенства»], означает волю Божью. Лица, помещенные на изображении солнца, — души, живущие соответственно Божественной Воле. Эти лица размещены по трем концентрическим кругам, показывая тем самым три степени этой Божественной Воли. Первая, или внешняя, степень означает души деятельной жизни; вторая — души жизни созерцательной; третья — возвышенной. Снаружи первого круга — множество орудий труда, таких как клещи и молоты, означающих деятельную жизнь. Но во круг второго мы не поместили совсем ничего с той целью, чтобы показать, что в подобной созерцательной жизни, свободной от всяких иных помышлений или занятий, должно следовать лишь водительству воли Божьей. Орудия находятся внизу и в потемках по той причине, что сами по себе труды мирские полны

* Кабир (1440?—1518) — индийский поэт-мистик, в учении которого идеи ислама и суфизма смешались с индуистскими представлениями.

тмы. Однако же солнечный луч прикасается к ним тоже, показывая, что и труды могут быть просвещены и озарены волей Божьей.

Свет Божественной Воли едва сияет на лицах первого круга; заметно более — на тех, что во втором; что же касается третьего круга, то там этот свет наиболее ослепителен. Отчетливее всего видны лица первого круга, второго — менее, третьего — едва заметны. Это означает, что души первого круга во многом живут своей жизнью, души второго — меньше своей и больше в Боге, те же из третьей ступени почти ничего не имеют в себе и все — в Боге, поглощенные всей полнотой Его Воли. Глаза же у всех лиц устремлены к воле Божией.

Бенет Кенфилдский

Именно добродетелью своей сосредоточенности на Боге и просто потому что он не стал отождествлять свое существование с врожденными и приобретенными элементами обособленной личности, святой способен оказывать свое полностью ненасильственное и потому полностью благотворное влияние на людей и даже на целые общества. Или, точнее, поскольку он очистил себя от личности, Божественная Реальность может использовать его как путь, по которому в мир нисходят милость и сила. «Не я живу, но Христос — извечный Логос — живет во мне». То, что справедливо в отношении святого, тем более должно быть справедливо в отношении аватары, или воплощения Бога. Если Павел, потому что он был святым, был «не-я», тогда безусловно Христос был «не-я»; и вести речь, как это делают некоторые либеральные священники в наши дни, о почитании «личности Иисуса» — это абсурд. Ибо, очевидно, если бы Иисус ограничился лишь тем, что имел бы личность, подобно всем нам, он никогда не оказал бы влияния, подобного тому, которое он в действительности оказал, и никому бы и в голову не пришло бы воспринимать его как Божественное воплощение

и отождествлять с Логосом. Но его воспринимали как Христа, и это вызвано тем, что он вышел за пределы личности и стал разумно и телесно тем источником, через который более чем личная, сверхъестественная жизнь изливалась в мир.

Души, которые пришли к единому знанию Бога, не имеют, по словам Бенета Кенфилдского, «почти ничего в себе и все в Боге». Исчезающий остаток самоличности сохраняется лишь потому, что, в некоторой незначительной мере, они по-прежнему отождествляют свое существо с некой врожденной психофизической отличительной особенностью, неким приобретенным навыком мыслить или чувствовать, некой условностью или безотчетным пристрастием, сохраняющимся в общественном окружении.

Иисус был почти полностью поглощен первичной по отношению к Нему волей Божьей; но, несмотря на это, он мог сохранить некоторые элементы личности. До какой степени в нем присутствовало «я», связанное с над-личностным, божественным «не-я», очень сложно судить на основании существующих свидетельств. Например, в самом ли деле Иисус истолковывал свой опыт постижения Божественной Реальности и свои непосредственные выводы из этого опыта в духе тех притягательных апокалиптических представлений, принятых в современных Ему иудейских кругах? Некоторые видные ученые доказывают, что представление о неотвратимом конце света было стержнем Его проповедей. Другие, не менее сведущие, придерживаются мнения о том, что слова о конце света были приписаны Ему авторами синоптических Евангелий, и что сам Иисус не отождествлял свой опыт и свою богословскую мысль с принятыми в тех краях представлениями. Которая из сторон права? Кто знает. По этому поводу, как и по многим другим, существующие свидетельства не позволяют дать точный и недвусмысленный ответ.

Мораль всего этого ясна. Количество и качество сохранившихся биографических документов таковы, что у нас нет способов узнать, какой на самом деле была личность Иисуса, если снять все напластования. Но если Евангелия говорят нам очень немного о том «Я», которым был Иисус, они восполняют это упущение, повествуя нам опосредствованно, через Его притчи и беседы, о духовном «не-я», чье очевидное присутствие в смертном человеке и было той самой причиной, почему ученики звали его Христом и отождествляли с извечным Логосом.

Обстоятельства земной жизни святого или аватары ценны лишь постольку, поскольку они проливают свет на те средства, которыми, в обстоятельствах конкретной человеческой жизни, «я» было очищено в такой степени, чтобы освободить место Божественному «не-я». Авторы синоптических Евангелий предпочли не писать биографий, и теперь никакая текстуальная критика, никакие находчивые догадки не помогут нам восстановить детали Его жизни. Всю последнюю сотню лет огромное количество энергии было потрачено на попытки выжать из этих документов больше свидетельств, чем они содержат на самом деле. Сколь прискорбным бы ни было отсутствие у евангелистов интереса к биографическим подробностям и какие бы возражения не вызывали богословские интерпретации Павла и Иоанна, можно не сомневаться в том, что интуиция их не подвела. Каждый из них по-своему писал о скорее Божественном «не-я» Христа, чем об историческом «я», и каждый по-своему выделил этот элемент в жизни Иисуса, в которой, уже по той причине, что эта жизнь сверх-личностна, соучаствует личность каждого из людей. (Природа самоличности такова, что одна личность не может быть частью другой. «Я» может содержать в себе или само содержаться чем-то, большим или меньшим, чем «я», но оно не может содержать в себе или содержаться одним только «я».)

Учение о том, что Бог может воплощаться в человеческом облике, встречается в большинстве основных исторических проявлений Вечной Философии — в индуизме, буддизме Махаяны, в христианстве и в исламе, каким его понимали суфии, которые отождествляли Пророка с извечным Логосом.

Когда праведность ослабевает,
Зло возрастает,
Я создаю себе тело.

Век за веком Я возвращаюсь
Принести избавленье святому,
Грех нечестивца разрушить
И праведность утвердить.

Кому известна природа
Моей цели и святого рожденья,
Тот не знает больше рождений;
Оставляя бренное тело,
Он приходит ко Мне.

Пытаясь укрыться от страха,
От похоти и от гнева,
Спасения ищет во Мне,
Прибежища и защиты.

Для тех, кто обрел очищенье
Чрез огонь Моего бытия,
Обителью стал Я.

Тогда Благословенный заговорил и сказал так: «Знай, Васудева, что время от времени Татхагата рождается в нашем мире, полностью просветленный, благословенный и праведный, пребывающий в мудрости и добродетели, счастливый знанием миров, непревзойденный поводырь заблудших смертных, наставник богов и людей, Благословенный Будда. Ничто для него не сокрыто в этой вселенной, как будто он смотрит ей в лицо... Он возвещает об Истине, которая и буквой и духом своими прекрасна в своем истоке, прекрасна в своем становлении, прекрасна в своем завершении. Через него узнаем мы высшую жизнь во всей ее чистоте и во всем совершенстве».

Тевигга-сутта

Кришна — это воплощение Брахмана, Гаутама Будда — того, что махаянисты зовут Дхармакайя, «Таковость», Разум, духовное основание всего сущего. Христианское учение о воплощении Божественного в человеческом облике отличается от подобных учений Индии и Дальнего Востока постольку, поскольку оно утверждает, что может быть и была только одна Аватара.

Наши поступки в значительной мере зависят от наших мыслей, и, если мы делаем злое, несложно эмпирическим путем предположить, что образ нашей мысли не соответствует материальной, ментальной или духовной действительности. Поскольку христиане верили в то, что была только одна Аватара, получилось так, что история христианства куда более, чем история индуизма или буддизма, оказалась запятнана кровопролитными крестовыми походами, религиозными междоусобицами и войнами и прозелитическим империализмом. Нелепые идолопоклоннические доктрины, утверждающие квазибожественную природу самодержавных государств и их правителей, приводили народы Востока, в ничуть не меньшей степени, чем Запада, к бесчисленным политическим войнам. Но по-

сколько они не верили в исключительность откровения лишь в один отдельно взятый момент времени или в квазибожественность церковной организации, на восточных народах не лежит вина в массовых убийствах во имя религии, которые с такой ужасающей частотой происходили в христианском мире. И, в то время как уровень нравственности всего общества на Западе был ниже, чем на Востоке, уровни исключительной святости и индивидуальной нравственности, насколько можно судить из достоверных свидетельств, не были сколько-нибудь выше. Если дерево и в самом деле познается по своим плодам, отступление христианства от норм Вечной Философии предстает философски неоправданным.

Логос переходит из вечности во время лишь с одной целью — помочь существам, телесный облик которых он принимает, перейти из времени в вечность. Появление Аватары на определенной исторической стадии исключительно важно, и это вызвано тем, что всем своим существом он на деле является проводником Божественной благодати и своим учением указывает способы, с помощью которых человечество сможет преступить пределы исторического. Автор Четвертого Евангелия утверждает, что Слово стало плотью; но в другом месте он добавляет, что в плоти нет пользы, — имея в виду, что нет ее в плоти как таковой, но есть, и конечно же в значительной степени, как в способе единения с имманентным и трансцендентным Духом. В этом контексте очень интересным представляется развитие буддизма. «В формах религиозного или мистического воображения, — читаем мы в «Буддистском Китае» Р. Э. Джонстона, — Махаяна выражает всеобщее, тогда как Хинаяна не может освободиться от доминирования исторического факта». По словам выдающегося ориенталиста Ананды Кумарасвами, «верующий-махаянист предупрежден, что содержание исторического

факта не имеет религиозного значения, точно так же, как почитателя Кришны вишнуйские писания предостерегают, что кришна-лила — это не история, но процесс, который неизменно продолжает разворачиваться в сердце человека». (За исключением, следует добавить, тех случаев, когда они указывают или сами представляют собой способы — опосредованные или прямые: политические, этические или духовные, — с помощью которых человек может прийти к избавлению от личности и временного порядка вещей.)

На Западе мистики проделали определенный путь к освобождению христианства, которое, к несчастью, оказалось на службе у исторического факта (или, точнее, у разнообразных сведений, оставленных современниками событий, у последующих включений и вымыслов, которые в различные эпохи воспринимались как исторический факт). Из сочинений Экхарта, Таулера, Рёйсбрука, Бёме, Уильяма Ло и квакеров, пожалуй, можно извлечь одухотворенное и обобщенное христианство. Но в их передаче христианство нужно соотносить не с историей такой, как она была или как впоследствии кто-то решил, что ей следовало быть, но как с «процессом, который неизменно разворачивается в сердце человека». К несчастью, влияние мистиков никогда не было настолько сильным, чтобы на Западе оказалась возможной радикальная революция, подобная махаянистской.

Несмотря на мистиков, христианство продолжало оставаться религией, в которой чистая Вечная Философия оказалась под слоем — временами большим, иногда меньшим — идолопоклоннического предубеждения в отношении событий и явлений своего времени. Эти события и явления воспринимались не как полезные средства, но как самоцель, изначально святая и бесспорно божественная. Более того, исправления, которым на протяжении столетий под-

вергалась история, самым неосмотрительным образом расценивались, словно и они — часть истории. Это впоследствии стало мощным оружием в руках протестантов, а затем и рационалистических полемистов. Насколько разумнее было бы признать совершенно явный факт — что, когда суровость Иисуса-Судии была чрезмерно и неоправданно подчеркнута, у людей появилась потребность персонифицировать Божественное сострадание в новой форме, в результате чего приобрел исключительную значимость образ Непорочной Девы, посредницы при посреднике. И когда с течением времени по отношению к Царице Небесной стали ощущать благогове́йный трепет, сострадание было снова персонифицировано в знакомом образе св. Иосифа — теперь уже посреднике при посреднице. Совершенно так же у верующих-буддистов сложилось ощущение, что исторический Шакьямуни, с его призывом к умеренности, духовному труду и полному умиранию для себя как к основным средствам освобождения, был слишком суров и слишком расщудочен. В результате сострадание и любовь, которые проповедовал Шакьямуни, нашли воплощение в таких Буддах, как Амида и Майтрейя — божественных, совершенно внеисторических персонажах, жизненный путь которых во времени был помещен где-то в самом отдаленном прошлом или будущем.

Те великие множества Будд и Бодхисаттв, отметим это при случае, о которых говорят богословы-махаянисты, соизмеримы с пространностью буддистской космологии. Время для буддистов не знает начала, и бесчисленные вселенные, в каждой из которых обретается всевозможное число чувственных существ, рождаются, развиваются, приходят в упадок и умирают лишь для того, чтобы повторить тот же цикл — снова и снова, пока в окончательном, непостижимо отдаленном будущем каждое из чувственных существ

во всех мирах не достигнет освобождения от времени ради вечной Таковости или Буддовости. Эта космологическая подоплека буддизма имеет некоторые сходные черты с картиной мира, как ее представляет современная астрономия, — особенно в том ее варианте, который был предложен в недавно опубликованной теории д-ра Вайцзеккера*, где речь идет об образовании планет. Если гипотеза Вайцзеккера верна, создание планетарной системы является обычным эпизодом в жизни каждой звезды. Только в нашей галактической системе сорок тысяч миллионов звезд, а за пределами нашей галактики — еще бесконечное множество галактик. И если — а у нас не остается другого выбора, кроме как поверить этому, — духовные законы, управляющие сознанием, единообразны во всей, наполненной планетами и предположительно содержащей жизнь Вселенной, тогда конечно же существует достаточное пространство и в то же время самая отчаянная потребность для тех бесчисленных спасительных инкарнаций Таковости, в сияющих множествах которой так любят обитать махаянисты.

Что касается моего мнения, то главной причиной, которая подвигла незримого Бога стать зримым во плоти и вступить в общение с людьми, было привести плотских людей, которые способны любить только плотски, к здоровой любви к своей плоти и далее, мало-помалу к духовной любви.

* *Карл-Фридрих фон Вайцзеккер* (р. 1912) — немецкий физик и философ, директор (1969—80) Института Макса Планка по исследованию условий жизни в научно-техническом мире (Штарнберг, Бавария). Автор трудов по ядерной физике.

Св. Бернар Клервоский

Учение св. Бернара Клервоского о «плотской Христовой любви» было блестяще подытожено в книге «Мистическое богословие св. Бернара Клервоского» профес-

сора Этьена Жильсона*. «Знание себя, уже расширенное до *общественной* плотской любви к ближнему, подобному нам самим в несчастье, вторично расширяется в плотскую любовь Христову — образец сострадания, поскольку ради нашего спасения Он стал Человеком Скорбей. Вот место, занимаемое в цистерцианском мистицизме размышлением о зримой Человечности Христа. Это не более чем начало, но абсолютно необходимое начало... Милосердие, конечно, в своей сути духовно, и любовь такого рода может быть лишь ее первым проявлением. Она слишком скована чувствами, пока мы не узнаем, как можно благоразумно пользоваться ею и зависеть от нее только с тем, чтобы превзойти ее. Излагая все подобным образом, Бернар Клервоский просто систематизировал уроки собственного опыта: ведь он сам рассказывает нам, как сильно был привержен проявлениям этой чувственной любви в начале своего «обращения». Впоследствии он понял такую любовь как первый шаг, за которым последуют другие шаги, цель которых не в том, чтобы забыть эту любовь, но чтобы добавить к ней новую, которая перевесит ее, как рациональное и духовное перевешивают плотское. Тем не менее такое начало уже содержит в себе и итог.

Эту чувственную привязанность к Христу св. Бернар Клервоский всегда представлял как любовь сравнительно низшего порядка. И причина того — в ее чисто чувственном характере, поскольку у милосердия исключительно духовная сущность. Душе следует по праву получить возможность непосредственно прийти к единению, через добродетель ее духовных сил, с Богом, Кто есть чистый Дух. Более того, Боговоплощение следует рассматривать как одно

* Этьен Жильсон (1884—1978) — французский религиозный философ, ведущий представитель неомизма и крупнейший исследователь западной средневековой философии. Этьен Жильсон был учителем В. Н. Лосского

из последствий грехопадения, так что любовь к Личности Христа на самом деле связана с историей падения, в котором не было нужды и которое вообще не должно было случиться. Далее св. Бернар неоднократно отмечает, что чувственная любовь сама по себе небезопасна и должна поддерживаться тем, что св. Бернар Клервоский называет «наукой». Он приводит примеры отклонений, к которым может привести даже самая горячая набожность, когда она не сочетается с разумным богословием и не подчинена ему».

Может ли множество фантастических и несовместимых друг с другом теорий искупления, привитых к христианскому учению о Божественном воплощении, рассматриваться в качестве обязательных элементов в «разумном богословии»? С трудом представляю, что кто-то сможет, не кривя душой, ответить на этот вопрос утвердительно, познакомившись с историей указанных представлений, как они изложены, к примеру, у автора Послания к Евреям, у Афанасия и Августина, у Ансельма и Лютера, у Кальвина и Гроция.

Довольно будет, говоря о нашей теме, вспомнить об одной из самых горьких ироний в истории. Христу Евангелий законники казались безнадежно невосприимчивыми к Реальности, более далекими от Царствия Небесного, чем любой другой класс людей, за исключением разве что богатых. Но христианское богословие, в особенности в западных церквях, было плодом умов, пропитанных иудейской и римской законностью. И в слишком многих случаях непосредственная интуиция Аватары и теоцентричного святого приводилась к рациональной системе, притом не философами, а словоохотливыми богословами и юристами-метафизиками. В противном случае почему то, что аббат Джон Чепмен называет «проблемой примирения [не просто объединения] мистики и христианства» оказывается столь сложным? Всего лишь потому, что очень многое в римской и протестантской мысли было создано те-

ми самыми законниками, которых Христос считал существами в особенности неспособными к пониманию подлинной Природы Вещей. «Аббат (Чепмен, по всей видимости, ссылается на аббата Мармиона) говорит, что Хуан де ла Крус — словно губка, наполненная христианством. Выжми из нее все, и останется завершенная мистическая теория (иными словами, чистая Вечная Философия). Как следствие, пятнадцать или около того лет я ненавидел Хуана де ла Круса и называл его буддистом. Я любил св. Терезу, снова и снова перечитывал ее. Она прежде всего христианка, и только потом мистик. После мне стало ясно, что я потерял пятнадцать лет в деле молитвы».

Вот смысл этих двух изречений Христа. Первое: «никто не приходит к Отцу, как только через Меня», то есть через мою жизнь. Другое изречение: «никто не может прийти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего», то есть не примет в себя мою жизнь и последует за мной, если не будет подвигнут на то моим Отцом, то есть Простым и Совершенным Добром, о котором св. Павел сказал: «Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится».

Theologia Germanica

Иными словами, подражание Христу должно следовать прежде отождествления с Отцом; и также должно быть необходимое тождество или подобие между человеческим духом и Богом, который есть Дух, с той целью, чтобы сама мысль подражать земным деяниям воплощенной Божественности вообще пришла кому-либо в голову. Христианские богословы говорят о возможности «обоожествления», но не соглашаются с тем, что существует сущностная тождественность между Духовной Реальностью и человеческим духом. А в Веданте и буддизме Махаяны, как и среди суфиев, общепринятым является мнение о том, что Дух и дух обладают одной сущностью. Атман есть Брахман, Это есть ты.

Без просветления Будды — все равно что обычные существа; когда есть просветление — обычные существа немедленно превращаются в Будд.

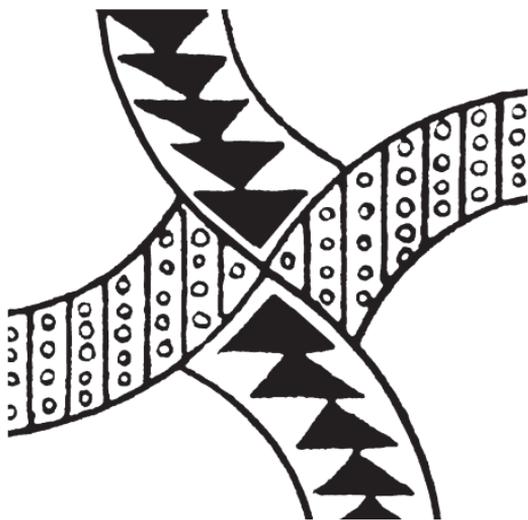
Хуэй-нэн*

Каждый человек, таким образом, может совершить свой выбор и стать Аватарой, пусть и не одним лишь результатом своих усилий. Человеку следует указать путь, и на этом пути ему должна помогать божественная благодать. Поскольку людей, мужчин и женщин, приходится определенным образом наставлять и помогать им, Божественное принимает облик обычного человека, перед которым стоит задача получить освобождение и просветление способом, указанным божественной Природой Вещей — а именно: милосердием, полным, без остатка, умиранием для себя и полной, без оглядки, устремленности к спасению. Достигнув, следуя этим путем, просветления, Аватара может открыть другим путь к просветлению и помочь им реализовать возможность стать теми, кто они есть на самом деле. *Tel qu'en Lui-même enfin l'éternité le change***.

* Хуэй-нэн (637—713) — китайский буддийский монах, шестой патриарх чань-буддизма, основатель южной школы чань. «Алтарная сутра Шестого Патриарха» («Люцзы таньцзин») — один из важнейших канонов чань.

** Того, кто он есть, исправит лишь вечность (фр.).

Не может быть переживания беспредельной и безвременной Реальности, пока такого или подобного знания не будет в мире времени и материи. Своими наставлениями и своим примером Аватара учит, что подобное переменяющее все знание возможно, что все чувственные существа призваны к этому знанию и все — рано или поздно, так или иначе — в итоге придут к нему.

Глава четвертая. Бог в мире

«Это есть ты»: «во всех явлениях зри Одно» — Бог внутри и Бог извне. Есть путь к Реальности — через душу и в душе, и есть путь к Реальности через мир и в мире. Можно сомневаться относительно того, достижима ли конечная цель, если следовать

только по одному из этих путей, исключая другой. Третий путь, наилучший и сложнейший, — тот, что ведет к Божественному Основанию одновременно в постигающем и в том, что постигается.

Разум — не что иное, как Будда, а Будда — не что иное, как чувствующее существо. Когда Разум принимает форму чувствующего существа, он нисколько не умаляется; когда он становится Буддой, он ничего не прибавляет к себе.

Хуанпо*

Все творения вечно существовали в божественной сущности как прообразы. Подчиненное божественному замыслу, прежде творения все сущее было одним целым с сущностью Бога (Бог творит во времени то, что было и есть вечно). В вечности всякое творение есть Бог в Боге... И пока оно пребывает в Боге, в нем — та же жизнь, та же суть, та же сила, все то же Одно, и никак не меньше.

Сузо**

Образ Божий сущностно и лично открывается во всем человечестве. Каждый обладает им во всей полноте, целости и нераздельности, и все люди вместе — не более чем каждый сам по себе. В этом мы все есть одно, в сокровенном единстве с нашим вечным прообразом, который есть образ Божий и внутренний источник всей нашей жизни. Наша сотворенная сущность и наша жизнь связаны с образом Божиим без всякого посредства как со своей вечной причиной.

Рейсбрук

* *Хуанпо Сион* (?—849) — китайский буддийский монах, учитель школы Линчи в чань-буддизме.

** *Генрих Сузо* (Зойзе), наст. имя Хайнрих фон Берг (1295?—1366) — крупнейший немецкий католический мистик средневековья, возглавлял аскетический кружок общества Друзей Бога (Gottesfreunde).

Бог в своей простой субстанции присутствует всюду в равной степени. Тем не менее в существах, наделенных разумом, по свое-

му действию Он присутствует иначе, чем в тех, что не наделены разумом; и в праведных разумных существах — иначе, чем в злых. В неразумных тварях Он присутствует непостижимо ими; всеми разумными, однако, Он может быть постигнут через знание. Но только праведные могут постичь Его также и через любовь.

Св. Бернар Клервоский

Когда человек обладает совершенным пониманием? Отвечаю: когда он отличает одно от другого. А когда человек выше совершенного понимания? На это могу вам ответить так: когда человек видит Все во всем, тогда он стоит выше совершенного понимания.

Экхарт

Есть четыре типа дхьян (духовных упражнений). Первая из них — это дхьяна, практикуемая невежественным; вторая — дхьяна, посвященная поискам значения; третья — дхьяна, направленная на Таковость; четвертая — дхьяна Татхагат (Будд).

Что понимается под дхьяной, практикуемой невежественным? К ней обращаются йогины, которые упражняются в практиках шравак и пратьекабудд (созерцателей и «Будд-отшельников» школы Хинаяны), и постигают, что не существует субстанции «я», что тело — это тень, скелет, что оно преходяще, нечисто и полно страдания. Они верны этим убеждениям, видят их лишь так и не иначе и, отталкиваясь от них, восходят к новым ступеням, пока не оказываются там, где прекращаются и уже не появляются мысли. Это называется дхьяной, практикуемой невежественным.

Что же тогда дхьяна, посвященная поискам значений? Ее практикуют те, кто, превзойдя отсутствие «я» во всем, превзойдя личное и частное, превзойдя несостоятельность таких представлений, как «я», «другой» и «оба», которых придерживаются философы, приступают к поиску и следованию значениям различных сторон состояния Будхисаттвы. Такова дхьяна, посвященная поискам значений.

Какова дхьяна, направленная на Татхату (или Таковость)? Когда йогин понимает, что различение двух форм отсутствия «я» — это лишь воображение и что там, где он утверждается в подлинности Таковости, различение не может возникнуть, — это я называю дхьяной, направленной на Таковость.

Какова дхьяна Татхагаты? Когда йогин входит в состояние Татхагаты и пребывает в тройственном блаженстве, которым отмечено самоосуществление, достигнутое благородной мудростью, и посвящает ради блага всех существ на совершение немислимых трудов, — это я называю дхьяной Татхагаты.

Ланкаватара-сутра

Когда последователям дзэн не удастся продвинуться далее мира их чувств и мысли, все их дела и поступки не имеют значения. Но когда чувства и мысль уничтожены, Вселенский Разум становится недоступен и все пути к нему заграждены. Изначальный Разум осознается работой чувств и мысли — но только он не принадлежит им, хотя и не свободен от них. Не строй свои взгляды на основании чувств и мысли, не основывай свое понимание на чувствах и мысли; но в то же время не ищи Разума вдали от твоих чувств и мысли, не пытайся осознать Реальность, отвергая чувства и помыслы. Когда ты ни привязан к ним, ни отделен от них, ты наслаждаешься поистине беспрепятственной свободой, тогда ты обретаешь основание своего просветления.

Хуанпо

Каждый предмет в мироздании — от атома до самого высокоорганизованного организма и самого возвышенного из умов — можно понимать, по выражению Рене Генона, как точку, где луч изначального Божественного встречается с видоизмененной сотворенной эманацией той же созидательной энергии Божественного. Творение как таковое может очень далеко отстоять от Бога, в том

смысле, что ему недостает разума открыть природу Божественного Основания своего существа. Но творение в своей вечной сущности — как место встречи сотворенности и изначальной Божественности — это одна из бесконечного числа точек, в которых нераздельно или вечно присутствует Божественная Реальность. Поэтому разумные существа могут прийти к единому знанию Божественного Основания; творение, не наделенное разумом или душой, может открыть разумному полноту присутствия Бога в своей материальной форме. Художник или поэт видит Божественное в природе; верующий осознает присутствие святости в церковном таинстве, символе или образе — нельзя сказать, что это все совершенно субъективно. Действительно, восприятие подобного рода доступно не каждому, поскольку познание — это функция бытия; но познаваемое свободно от состояния и природы познающего. То, что видят поэт и художник и пытаются передать нам, на самом деле — уже есть, и оно ждет, чтобы открыться каждому, у кого есть необходимый для этого дар.

Так же и в священном образе или предмете Божественное Основание присутствует в полном объеме. Вера и сосредоточенность подготавливают разум верующего к тому, чтобы воспринимать луч Божественного в точке его пересечения с отдельным фрагментом материи. Отметим в этой связи, что подобные символы, будучи объектом поклонения, становятся центрами некоего силового поля. Желания, чувства и воображение тех, кто преклоняется и на протяжении поколений преклонялся перед святыней, на самом деле создают стойкую энергетическую вибрацию в физической среде, и сам образ живет вторичной, внутренней божественной жизнью, которой наделяют его те, кто пришел поклониться ему, в такой же степени, как и первичной божественной жизнью, которой, совме-

стно со всеми одушевленными и неодушевленными существами, он обладает в силу своего отношения с Божественным Основанием.

Религиозный опыт тех, кто участвует в церковных таинствах и поклоняется образам, вполне может быть подлинным и объективным; но он не всегда и не обязательно будет опытом Бога или Божественного. Подобный опыт, может и вероятно, в большинстве случаев на самом деле является опытом силового поля, созданного умами верующих настоящего и прошлого. Подобное поле переносится на объект поклонения, где оно находится в состоянии, которое можно назвать вторичной объективностью, и ожидает того, чтобы быть воспринятым разумом, соответствующим образом настроенным для этого. Насколько в действительности желателен такого рода опыт, мы сможем обсудить в одной из следующих глав. Здесь отметим лишь, что иконоборческое неприятие таинств и символов как ритуальной возни с неодушевленными предметами совершенно неоправданно.

Мастеровой в недоумении, как лучше поступить с поленом:

Корыто для свиней тесать или святого лик нетленный?

Подумал мастер, и его решение было не новым —

Так миру подарил он образ знаменитого Лойолы.

* *Логии* (речения) Христовы (ок. II в.) — папирусные тексты, обнаруженные на раскопках древнеегип. г. Оксиринха английскими учеными Б. П. Гренфеллом и А. С. Хантом (1897). Позднее выяснилось, что эти логии являются вариантом гностического Евангелия от Фомы.

Этот уж слишком увлекшийся сатирик-протестант забыл, что и в свином корыте Бог присутствует в не меньшей степени, чем в определенном смысле в освященном образе. «Поднимите камень, и вы найдете меня, — утверждает наиболее известная из Оксиринхских Логий*, — расколите дерево — и я там». Тех, кто непосредственно и лично пережили и осознали

истинность приведенного высказывания и, наряду с этим, истинность «ты есть Это» брахманизма, — можно считать получившими полное освобождение.

Шравака (дословно «слушающий» — имя, которым в буддизме Махаяны называют созерцателей школы Хинаяны) никак не может постичь, что Разум, каков он есть сам по себе, не имеет ни ступеней, ни причинности. Упражняясь в устранении причин, шравака достигает результата и пребывает в самадхи [созерцании] пустоты, которому нет ни конца, ни края. Какого бы просветления он не достиг подобным образом, шравака вовсе не на верном пути. С точки зрения Бодхисаттвы, пребывать в таком самадхи — все равно что терпеть мучения в аду. Шравака похоронил себя в Пустоте и не знает, как вырваться из своего безмолвного созерцания, ибо утраченным оказалось постижение непосредственной природы Будды.

Мо-цзы

Когда просветление совершенно, Бодхисаттва свободен от привязанностей ко всему, но и не ищет освобождения от всего, нет в нем ненависти к сансаре (миру становления) или любви к нирване. В сиянии совершенного просветления нет ни привязанностей, ни освобождения.

Прунабудда-сутра

С прикосновением к Земле к сыну Земли всегда приходят новые силы, даже когда он ищет сверхприродного Знания. Можно даже сказать, что сверхприродным можно овладеть во всей полноте — к его вершинам мы всегда можем прийти — только тогда, когда мы крепко укоренены в физическом. «Земля — Его подножие», — говорит Упанишада о том, что Земля — образ того Я, что проявляет себя во вселенной.

Шри Ауробиндо

«Мы всегда можем прийти к вершинам». Для тех из нас, кто никак еще не может выбраться из болотной тины у подножия вершин духовного Знания, слова эти звучат скорее иронично. Тем не менее, в свете даже самого отдаленного знакомства с вершинами и полнотой, можно понять, что хотел сказать этими словами их автор. Открыть Царство Божие только лишь внутри себя легче, чем открыть его не только в себе, но и во внешнем мире сознаний, предметов и живых существ. Легче, потому что вершины внутри открываются тем, кто готов исключить из своего поля зрения все внешнее. И хотя такое самоограничение может оказаться болезненным, настоящим самоумерщвлением, все же факт остается фактом — поступать так легче, чем идти путем участия в мире, которым мы приходим к познанию полноты жизни в той же мере, что и к вершинам духовной жизни.

Сосредоточившись исключительно на внутренних вершинах, приходится избегать всяческих искушений, всего, что отвлекает от намеченной цели, подавить в себе все внешнее и отречься от него. Надеясь, однако, познать Бога, не делая исключений — то есть осознать Божественное Основание и в мире, и в душе, следует не избегать искушений и ощущений, но подчинять их и использовать как возможность двигаться дальше; деятельность, направленная на внешний мир, должна не подавляться, но трансформироваться, становясь священнодействием. Самоподавление теперь становится более тщательным и тонким. Появляется необходимость в неослабном внимании, а на уровне мысли, поведения и чувств возникает потребность постоянно поддерживать в себе нечто, напоминающее чутье и вкус художника.

Полнее и лучше всего психология человека, для которого *сансара* и *нирвана*, время и вечность — одно и то же, изложена в ли-

тературе Махаяны и особенно дзэн-буддизма. Дальневосточный буддизм, пожалуй, более систематично, чем любая другая религия, учит пути к полноте и вершинам духовного Знания, как в душе и через душу, так в мире и через мир. Здесь можно отметить один чрезвычайно значимый момент: восхитительная пейзажная живопись Китая и Японии была по существу религиозным искусством, черпавшим вдохновение в даосизме и дзэн-буддизме. Напротив, в Европе пейзаж и поэзия «поклонения природе» были светским искусством; они появились, когда христианство находилось в упадке, и христианские идеалы сказались на них в самой незначительной степени.

«Слеп, глух, нем!

Бесконечно недосягаем для пут воображения!»

Этими словами Сэкко одним взмахом расчистил все перед тобой — то, что ты видишь вместе с тем, чего ты не видишь, то, что ты слышишь вместе с тем, чего не слышишь, то, о чем ты говоришь вместе с тем, о чем ты не можешь говорить. Все это полностью сметено, и ты обретаешь жизнь слепого, глухого и немого. Раз и навсегда пришел конец всем твоим выдумкам, затеям и расчетам, больше они уже не понадобятся. Вот высочайшая точка дзэн, здесь мы становимся по-настоящему слепыми, по-настоящему глухими и по-настоящему немыми, и все по-настоящему бесполезно и безыскусно.

«Над небесами и под небесами!

Как нелепо, как уныло!»

Здесь Сэкко поднимает одной рукой и тянет вниз другой. В чем он видит нелепое, в чем он видит унылое? Может быть, нелепо то, что этот немой совсем не немой, что этот глухой совсем не глухой; может быть, уныло то, что тот, кто совсем не слепой, слеп для всего, и что тот, кто совсем не глухой, глух для всего.

«Ли-лоу не знает, как распознать подлинный цвет».

Ли-лоу жил в правление императора Хуана. Говорят, что он мог разглядеть кончик волоска на расстоянии сотни шагов. Острота зрения у него была поистине непревзойденной. Когда император Хуан катался на лодке по реке Чи, он уронил драгоценный камень в воду и приказал Ли достать свою драгоценность. Но Ли не смог разглядеть драгоценный камень в воде. Тогда император заставил Чи-гу искать драгоценность; но и ему тоже не удалось найти ее. Позднее Сян-вану было велено достать ее, что он и сделал. Вот почему,

«Когда ныряет Сян-ван, драгоценное сокровище сияет ослепительнее всего;

Но, когда за дело берется Ли-лоу, волны поднимаются до самых небес».

Когда мы доходим до высших сфер, даже глаза Ли-лоу неспособны различить правильный цвет.

«Как сможет Ши-гуан распознать тайную мелодию?»

Ши-гуан был сыном чиньского Цзин-гуана из провинции Чжан во времена династии Чжоу. Еще его называли Цзу-е. Он безошибочно различал пять звуков и шесть нот. Он мог слышать даже, как дерутся муравьи на противоположной стороне холма. Когда воевали Цзинь и Чу, Ши-гуан смог расслышать, лишь тихонько перебирая струны своей лютни, что исход сражения наверняка неблагоприятен для Чу. Несмотря на такой необычайный слух, Сэкко утверждает, что Ши-гуану не по силам различить тайную мелодию. В конце концов, если ты не глух совсем, то ты действительно глух. Самая совершенная нота высших сфер недоступна слуху Ши-гуана. Я не собираюсь, говорит Сэкко, быть ни Ли-лоу, ни Ши-гуаном, и вот почему:

«Что жизнь может поставить наравне с этим? В безмолвии сидя у окна,

Смотрю, как опадают листья и распускаются цветы, пока времена года сменяют одно другое».

Когда приходишь к такому уровню постижения, видеть — это не видеть, слышать — это не слышать, проповедовать — это не проповедовать. Когда голодный ест, когда усталый спит. Пусть листья опадают, пусть цветы цветут, как хотят. Когда опадают листья, я знаю — это осень; когда распускаются цветы, я знаю — это весна.

Расчистив все перед тобой, Сэкко теперь открывает и проход, говоря:

«Ты понял или нет?

Железный прут без дырки!»

Он сделал для тебя все, что мог, выбившись из сил; ему остается только обернуться и подарить тебе этот железный прут без дырки. Не упусти значения этих слов. Замешкаешься на мгновение, и ты остался ни с чем.

Енго [автор этого комментария] поднял палку и сказал: «Видите?» Затем он стукнул палкой по скамье, на которой сидел, и сказал: «Слышите?» Поднявшись со скамьи, он сказал: «Говорили ли мы о чем-то?»

Что в точности означает этот железный прут без дырки? Не стану притворяться, будто знаю. Дзэн постоянно прибегает к бессмыслице, как способу подтолкнуть разум за пределы того, что доступно здравому смыслу; так что, возможно, цель, с которой появляется упомянутый прут, заключается именно в его бессмысленности, и в том, чтобы озадачить нас, сбить с толку этой бессмысленностью.

В своем корне божественная Мудрость — всепоглощающий Брахман; в своем стволе — всепоглощающая Иллюзия; в цветке — всепоглощающий Мир; а в плоде — всепоглощающее Освобождение.

Тантра Тамтва

Шраваки и пратьекабудды, достигнув восьмой ступени в упражнениях Бодхисаттвы, настолько опьянены блаженством безмятежно-

сти сознания, что перестают понимать, что видимый мир — не что иное, как Разум. Они все еще пребывают в царстве разделения, их постижение все еще остается нечистым. Бодхисаттвы, с другой стороны, не отступают от своих изначальных обетов, проистекающих от всеобъемлющей любви, что живет у них в сердцах. Они не входят в нирвану (как в состояние, отличное от мира становления); они знают, что видимый мир — не что иное, как проявление Разума.

(сокр. из Ланкаватара-сутры)

Лишь существу, наделенному сознанием, дано понимать,
 что означает движение;
 Для тех, кто не наделен сознанием, движение непостижимо.
 Непрестанно упражняясь в содержании своего разума
 в неподвижности,
 Ты обретаешь неподвижность того, кто не наделен сознанием.

Если ты устремлен к подлинно неподвижному,
 То неподвижное — в самом движении,
 И это неподвижное — истинно неподвижное.
 Нет зерна Буддовости там, где нет сознания.

Запомни и то, как различаются проявления неподвижного,
 И знай, что неподвижна первая действительность.
 Только когда достигнешь такой действительности
 Истинно уразумеешь работу Таковости.

Хуэй-нэн

Эти слова о неподвижном перводвижителе напоминают нам аналогичные места у Аристотеля. Но между Аристотелем и Философами Вечности, представителями великих религиозных тради-

ций, есть существенное различие: Аристотеля прежде всего интересует космология; Философов Вечности — освобождение и просветление. Аристотелю довольно и одного знания о неподвижном движителе, знания теоретического и внешнего. Цель Философов Вечности — непосредственно осознать Единое, достигнуть единящего с ним знания так, чтобы и они, и остальные могли бы в действительности стать этим неподвижным Единым.

Это единящее знание может быть знанием вершин, или знанием полноты, или одновременно знанием и вершин и полноты. Духовное знание исключительно вершин души было отвергнуто буддизмом Махаяны как неполное и одностороннее. Сходное с этим отвержение квиетизма в христианской традиции будет затронуто в главе «Созерцание и действие».

Между тем интересно, что проблема, вызвавшая столько язвительных споров по всей Европе в XVII веке, была поднята еще буддистами в значительно более раннюю эпоху. Но в то время как в католической Европе исходом сражения с Молиносом, мадам Гюйон и Фенелоном* было фактическое искоренение мистицизма едва ли не на два столетия, в Азии обе стороны были достаточно терпимы, чтобы признать свои различия. Хинаяна продолжала ду-

* *Молинос, мадам Гюйон, Фенелон* — духовные лидеры квиетизма. *М. де Молинос* (1640—1692) — испанский священник, автор трактата «Духовный руководитель», в котором он отстаивал идею непосредственного единения души с Богом, отодвигая тем самым на второй план христианские таинства и церковные богослужения. Книга была осуждена, а сам Молинос был схвачен инквизицией и умер в заточении. *Мадам Гюйон* (1648—1717) возглавляла квиетистское движение во Франции. *Франсуа де Салиньяк де ла Мот Фенелон* (1651—1715) — архиепископ Камбрейский, опекун герцога Бургундского, внука и наследника Людовика XIV, классик французской литературы, автор знаменитых «Приключений Телемака».

ховное исследование внутренних вершин, в то время как мастера-махаянисты придерживались идеалов не архата*, но Боддхисаттвы, и прокладывали путь к духовному знанию и полноте и вершин. В следующем фрагменте дзэнский святой XVIII века в поэтической форме говорит о состоянии тех, кто реализовал в себе идеал дзэн.

Пребывая в не-частном, которое в каждой из частныхей,
 Уходя или возвращаясь, они навек неподвижны;
 Овладев не-мыслью, что находится в мыслях,
 В каждом своем поступке они слышат голос Истины.
 Сколь безграничны небеса созерцания!
 И как прозрачен лунный свет четырехкратной Мудрости!
 Когда Истина открывается в своей извечной безмятежности,
 Здесь, и нигде более — Чистая Земля Лотоса,
 И это тело — тело Будды.

Хакуин

Смысл природы — не в пище, не в питье, не в одеяниях и не в от-
 дыхе, ни в чем из того, что исключает из себя Бога. Нравится вам это
 или нет, знаете вы это или нет, — втайне природа ищет, выслежива-
 ет, без усталости стремится выведать тот путь, который приведет к Богу.

* *Архат* (санскр.
 букв. — «достойный») —
 в ортодоксальном буддизме
 высшая ступень, которой
 может достичь последова-
 тель Будды, принявший мо-
 нашеские обеты. Ступень
 архата отличается тем, что
 он уже в этой жизни дол-
 жен вступить в нирвану.

Экхарт

Даже муха, что в Боге, благороднее, чем
 высочайший из ангелов в себе.

Экхарт

Мой внутренний человек приемлет во
 всем земном не творения, но дар Божий.
 Но для моего сокровенного человека, что

скрывается в его глубине, они видятся не даром Божиим, но непреходящей вечностью.

Экхарт

Свиньи едят желуди, но им и дела нет ни до солнца, что дало им жизнь, ни до небес, своей влагой взрастивших их, ни даже до корня того дерева, что дает эти желуди.

Томас Трахерн*

Ты не сможешь поистине возрадоваться миру, пока не будешь встречать каждое утро так, словно пробуждаешься на Небесах; не увидишь себя во дворце своего Отца; не взглянешь на небеса, землю и воздух как на Небесное празднество, благоговейно почитая все, словно находясь в окружении ангелов. Невеста монарха в покоях своего мужа не имеет столько причин радоваться, как ты.

Ты не возрадуешься миру истинным образом, пока само море не потечет твоих жилах, пока твоим одеванием не станут небеса и звезды не увенчают твое чело. Пойми, ты единственный наследник всего мира, и, более того, сей мир населен людьми, которые все до одного — такие же единственные наследники, как и ты. Пой, торжествуй, обрети такую радость в Боге, как скупец — в своем золоте, а король — в скипетре, иначе наслаждение этим миром будет тебе недоступно.

Пока твой дух не наполнит целый мир, а звезды в нем не станут твоими драгоценностями; пока дела Божьи во все века не станут знакомы тебе так же, как твои походка и пища; пока ты в глубинах души не познаешь то скрытое ничто, из которого был создан мир; пока не полюбишь людей так, чтобы жаждать их счастья столь же неудержимо, как того, к чему стремишься сам; пока ты не будешь славить Бога за то, что он добр ко всем, — до тех пор ты не

* Томас Трахерн (1637—1674), английский поэт, священник. В поэзии обращался к образам мистической радости и невинности детства. Его прозаические «Века Размышлений» были впервые опубликованы лишь в 1908 г.

будешь радоваться миру. Пока мир не станет тебе ближе, чем собственное жилище, и небесная сфера, с ее величием и красотой, не станет твоим обиталищем в большей степени, чем твой собственный дом. Памятуя, как недавно ты был сотворен, ты скажешь себе: как прекрасен был тот миг, когда я пришел в этот мир, и возликуешь во дворце своей славы, как будто сегодня — первое утро, когда он дарован тебе.

И более того, ты не возрадуешься миру истинным образом, пока не возлюбишь красоту этой радости настолько, чтобы искренне и страстно возжаждать убедить всех прочих возрадоваться ему. И столь истинно возненавидишь гнусную порочность людей, презирающих мир, что скорее примешь мучения в пламени ада, чем по своей воле окажешься виновен в их заблуждениях.

Мир — это зеркало Безграничной Красоты, но никто не видит его. Это Храм Величия, но никто не преклонит в нем колени. Это обиталище Света и Покоя, но никто своими трудами не потревожит этот покой. Это — Рай Божий. И после грехопадения он значит для человека еще больше, чем прежде. Здесь пребывают ангелы, и здесь — Врата Небес. Иаков пробудился ото сна своего и сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! И убоялся и сказал: как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные.

Томас Трахерн

Прежде чем мы перейдем к обсуждению тех путей, которыми возможно прийти и к полноте и к высотам духовного знания, вкратце коснемся и опыта тех, кому была дарована привилегия «во всем видеть Одно» и не попытавшихся открыть его в самих себе. Немало интересных сведений по этой теме можно почерпнуть у Бака в его «Космическом сознании». Здесь мы ограничимся лишь тем, что отметим: подобное «космическое сознание» может оказаться и непрошеным даром. По своей природе оно представ-

ляет то, что католические теологи называют «незаслуженной благодатью». Можно обладать незаслуженной благодатью (силой исцеления, к примеру, или прорицания), находясь в состоянии смертного греха, и обладание подобным даром не является ни необходимым, ни достаточным для спасения. В лучшем случае, подобного рода внезапное обретение «космического сознания», проявления которого описаны у Бака, — это всего лишь необычное приглашение приложить дальнейшие личные усилия в направлении внутренних высот в той же мере, как и к внешней полноте знания. В подавляющем большинстве случаев такое приглашение остается непринятым; сам же дар ценится лишь за экстатическое удовольствие, которое он приносит с собой.

Переживание подобного состояния вспоминается с ностальгией; и, если случается так, что этот дар достается поэту, он бывает описан с редким красноречием — как, например, у Байрона в прекрасном отрывке из «Чайльд Гарольда», как у Вордсворта в «Тинтернском аббатстве» и «Прелюдии»*. В подобных случаях нельзя совершенно определенно судить о том, как человек, которому достался подобный дар, обошелся с ним. Но мы можем по крайней мере, основываясь на биографических данных, говорить о том, что нет причин предполагать, что теофании** описанные Вордсвортом и Байроном, привели их к сколько-нибудь серьезной работе над собой. Так же нет подтверждений и тому, что эти теофании сами по себе были достаточны, чтобы изменить их характер. Непомерный эгоизм, о котором свидетельствуют Де Квинси, Китс и Хэйдон, по всей видимости, не покидал Вордсворта

* Речь идет о стихотворении Уильяма Вордсворта (1770—1850) «Строки, написанные на расстоянии нескольких миль от Тинтернского аббатства» и его автобиографической поэме «Прелюдия».

** *Теофания* — божественное явление (греч.).

до конца его дней. И в Байроне его байронизм, обворожительный и трагикомичный одновременно, остался неизменным после того, как ему открылось Единое во всем.

В этой связи интересно сравнить Вордсворта с еще одним великим поклонником природы и литератором — св. Бернаром Клервоским. «Позволь Природе быть учителем твоим», — говорит первый и в подтверждение своих слов продолжает:

**Весенний лес о жизни мне
 Скорее даст совет,
 Чем самый мудрый из людей,
 Что исходил весь свет.**

Св. Бернар Клервоский продолжает на первый взгляд в том же духе. «То, что известно мне о божественных науках и Святом Писании, постигал я в лесах и полях. Не было у меня других наставников, кроме буков и вязов». В одном из своих писем он говорит: «Прислушайся к совету опытного человека: ты откроешь больше для себя в лесах, чем в книгах. Из уст ученого магистра ты не сможешь узнать столько, сколько поведают тебе деревья и камни». Эти слова похожи на те, что мы читаем у Вордсворта, но внутреннее значение этих фраз очень различно. Пользуясь языком св. Августина, радости следует искать лишь в одном Боге; сотворенному следует не радоваться, но использовать его — использовать с любовью, состраданием, не переставая дивиться величию Божью, беспристрастно оценивая творение как способ познания того, что может принести радость.

Вордсворт, почти как и все остальные поклонники Природы от литературы, проповедует наслаждение творением скорее, чем его использование для достижения духовных целей, — а такое оно, как

мы вскоре увидим, требует значительных усилий в самодисциплине. Для св. Бернара Клервоского само собой разумеется, что его послания будут читать те, кто и без того деятельно привержен подобной самодисциплине, и что Природу, которую любят и которой внимают как наставнику, только лишь используют как средство на пути к Богу, а не ищут в ней наслаждения, как если бы она была Богом. Красота цветка или окружающего вида — не просто способ развлечься, когда, «как облачко, плывешь один» подальше от городской суеты, нечто, что с удовольствием вспоминается, когда «среди праздных и беспечных дум» прилег на диван в библиотеке после полуденного чая. Результат общения с Природой должен быть более содержательным и целенаправленным. «Вот, братья, — говорит один старинный буддийский автор, — корни деревьев, вот уединенные места — медитируйте».

В действительности, конечно же, мир — только для тех, кто заслужил его; ибо, как сказал Филон, «даже если человек может быть не в состоянии сделаться достойным создателя космоса, все же ему следует стараться сделать себя достойным космоса. Ему следует преобразовать себя из человека одной природы с космосом и стать, если можно так сказать, малым космосом». Для того же, кто не заслуживает мира, — по той ли причине, что сделался достойным его творца (через непривязанность и полное самоуничтожение), или, что требует меньших трудов, сделался достойным космоса (привнеся порядок и меру единства в многоуровневое смешение и неупорядоченность человеческой личности), мир, с духовной точки зрения, — очень опасное место.

Нирвана и *сансара* нераздельны — такова природа вселенной; но осознать или непосредственно испытать это полностью в состоянии только те души, которые уже далеко продвинулись в духов-

ной сфере. Для простых и приятных, но не возрожденных духовно людей принять эту истину с чужих слов и применять ее на практике — означает попросту навлечь на себя беду. Вся тягостная история антиномианизма служит нам предупреждением о том, что происходит, когда люди пытаются воплотить на практике умозрительную и неверно понятую теорию о том, что Бог — во всем и все — Бог.

И, пожалуй, не менее гнетущее, чем антиномианизм, зрелище представляет собой размеренное, почтенное «гармоничное», как принято говорить, существование добропорядочных граждан, которые усердно стараются жить, не отступая от религиозных норм, но на деле совершенно не знакомы с тем, какого рода действительность воплощена в церковных ритуалах и действиях, к которым они обращаются. Д-р Оман* в своем «Естественном и сверхъестественном» достаточно обстоятельно говорит о том, что «примирение с мимолетным есть откровение вечного». В своей «Науке, религии и будущем» Кенон Рейвен отдает дань д-ру Оману, изложившему принципы теологии, в которой не будет непримиримых противоположностей между природой и благодатью, между наукой и религией, в которой мир ученого и мир богослова действительно будут

* Джон Вуд Оман (1860—1939) — английский пресвитерианский теолог, автор труда «Естественное и сверхъестественное».

** По-видимому, речь идет о французском иезуитском миссионере Габриэле Лалемане, проповедовавшем канадским индейцам в сер. XVII в. В 1649 г. был убит ирокезами.

представляться как один.

Все это полностью согласуется с даосизмом и дзэн-буддизмом, и с такими христианскими доктринами, как августиновское «ama et fac quod vis» — «люби и поступай как знаешь», — и советом отца Лалемана** созерцателям-теоцентрам выходить в мир и трудиться для него, ибо их поступки — единственное, что в состоянии принести действительную пользу ми-

ру. Но ни д-р Оман, ни Кенон Рейвен не говорят нам достаточно ясно о том, что природа и благодать, *сансара* и *нирвана*, бренное и вечность, эмпирически открываются в своем единстве только тому, кто выполнил определенные условия. «Люби и поступай как знаешь» в этом преходящем мире — но только тогда, когда ты овладел бесконечно сложным искусством любить Бога всем твоим умом и сердцем, и ближнего своего — как самого себя. Если ты не освоил этот урок, ты станешь либо оригиналом-антиномистом, либо преступником, или же всеми уважаемым «разносторонним человеком», не оставляющим себе времени на познание ни природы, ни благодати.

Евангелия совершенно ясно говорят о том единственном способе, каким человек может обрести право жить в мире, как если бы мир был его домом: полностью отречься от личного и предаться всеобъемлющему самоограничению. На одном из этапов своей земной жизни Иисус прошел через аскетические испытания не только ума, но и тела. В Евангелиях упоминается о том, что он постился сорок дней. Его слова о том, что бесов могут изгонять лишь те, кто не только молился, но и достаточно постился, совершенно очевидно основаны на его собственном опыте. (Кюре д'Арс, чьи знания о чудесах и умерщвлении плоти были также основаны на собственном опыте, утверждал, что существует тесная связь между суровой телесной аскезой и силой возносить молитвы, которые будут услышаны и приведут, возможно, к сверхъестественным результатам.) Фарисеи, упрекая Иисуса в том, что он «ел и пил» и общался с «мытарями и грешниками», упускали из виду или не подозревали о том, что этот на первый взгляд мирской пророк одно время подвергал себя не менее суровой аскезе, чем Иоанн Креститель,

и всегда практиковал то духовное самоограничение, которое так настоятельно проповедовал.

Пример жизни Иисуса в своей сути не расходится с дзэнскими представлениями об идеальном мудреце дзэн-буддистов. Реализация личности такого мудреца прослеживается в популярном у дзэн-буддистов сюжете «Укрощение быка». Дикого быка, который символизирует необращенное «я», сперва ловят, затем силой направляют на путь, затем укрощают и постепенно из черного превращают в белого. Это превращение заходит так далеко, что на какое-то время бык совершенно исчезает, и на картине больше ничего не остается, кроме полной луны, символизирующей Разум, Таковость, Основание. Но и это еще не конечное состояние. В итоге, пастух возвращается в мир людей верхом на спине своего быка. Потому что теперь он любит — любит до такой степени, что отождествляется с божественным объектом своей любви, и может поступать так, как пожелает, поскольку его желание отныне — это желание Природы Вещей. Он водит дружбу с пьяницами и мясниками — все они стали Буддами. Теперь он приходит к полному примирению с мимолетным и через это примирение — к откровению вечного.

Но для обычных приятных необращенных людей единственное примирение с мимолетным означает лишь потакание страстям и наслаждениям. Говорить таким людям, что мимолетное и вечное — одно и то же, и, не поясняя сразу же, что это означает на самом деле, определенно пагубно для них, поскольку на практике вечное и мимолетное — это отнюдь не одно и то же, разве что для святого. Нет, пожалуй, ни одного свидетельства о том, чтобы кто-то из тех, кому удалось достичь святости, в начале своего пути не жил так, будто мимолетное и вечное, природа и благодать, глубоко

отличны и во многом несовместимы. Путь духовности всегда проходит над бездной по лезвию ножа. По одну сторону этого пути — опасность отвергнуть все и от всего бежать, а по другую — опасность бездумно принимать все и наслаждаться тем, что может быть использовано лишь в качестве инструментов или символов. Стихотворные строки, сопровождающие последнее из изображений в «Десяти быках», гласят:

Даже за последней гранью тянется дорога,
По которой он возвращается к шести царствам существования.
В каждом мирском занятии найдется теперь дело для буддиста,
И, куда бы он ни шел, везде его встречают как своего.
Словно драгоценность, он заметен и в грязи,
Словно чистое золото, он сияет и в горне.
Вдоль бесконечной дороги (рождения и смерти) идет он,
обретя себя.
Непривязанность и спокойствие во всех его поступках,
какими бы ни были обстоятельства.

Те средства, которыми достигается конечная цель человека, мы рассмотрим на более обстоятельных примерах в главе «Смирение и непривязанность». Эта глава посвящена, главным образом, воспитанию воли. Но воспитание воли должно сопровождаться и не менее обстоятельным воспитанием сознания. Должно наступить обращение, внезапное или нет, не только сердца, но также чувств и сознания. Ниже мы приводим краткое описание такого полного и радикального «изменения сознания» — «метанойи», как называли его греки.

Этот предмет наиболее систематизированно раскрыт в индийской и дальневосточных разработках Вечной Философии, предписывающих сознательно различать индивидуальное «я» и «Я»,

тождественное с Брахманом; личностным эго и «чревом Будды», или Всеобщим Разумом. Результат этого различения — полный и более или менее внезапный «перелом» в сознании и достижение состояния «не-ума», которое можно описать как свободу восприятия и мышления от привязанности к «я». Это состояние «не-ума» существует, как мы уже говорили, на лезвии ножа между беспечностью обычного, чувственного, человека и рвением страстно стремящегося к личному спасению. Чтобы прийти к этому состоянию, ступать надлежит очень осторожно, а для того, чтобы поддерживать его, нужно научиться сочетать самую неусыпную бдительность с невозмутимой и бескорыстной покорностью, самую неукротимую решимость с полным подчинением водительству духа.

«Когда разум стремится к не-разуму, — говорит Хуанпо, — он становится особым предметом для мысли. Единственное доказательство — молчание, оно следует далее мышления». Другими словами, мы, как отдельные личности, должны стараться не думать о Реальности, а скорее, позволить, чтобы она думала через нас. О том же мы читаем в Алмазной сутре: если Бодхисаттва, стремясь реализовать Таковость, «не расстается с представлениями о «я», о личности, своей обособленности или душе, он перестает быть Бодхисаттвой». Аль-Газали, суфийский философ, также обращает внимание на необходимость смирения и послушания в духовной работе. «Если к тому, кто находится в состоянии фана (термин, приблизительно соответствующий дзэнскому «не-разум», или *мусин*), придет мысль о том, что он избавился от своего «я», считай это изъяном. Наивысшее состояние — быть избавленным от избавления». Экстатическое избавление-от-избавления осуществляется на внутренних высотах Атмана-Брахмана; но есть и еще одно, более обширное, всеобъемлющее избавление-от-из-

бавления, происходящее не только на внутренних высотах, но также в мире и через мир, через бодрствование, повседневное знание Бога в его полноте.

Человек должен стать поистине нищим и столь же свободным от своей тварной воли, как в тот миг, когда он появился на свет. Истинно говорю тебе: «До тех пор, пока тобой движет желание исполнять волю Божью, пока ты жаждешь вечности и Бога, до тех пор ты не будешь поистине нищим. Лишь тот воистину нищ духом, кто ничего не желает, ничего не знает, ни к чему не стремится».

Экхарт

Совершенный Путь прост для идущего,
Когда он отрекся от предпочтений.
Лишь когда освободился от любви и ненависти,
Тогда он полностью себя откроет без обмана.

Но лишь в чем-то увидишь различие,
Небеса и земля разойдутся в разные стороны.
Если хочешь увидеть Путь перед собой,
Расстанься с привычными представлениями.

Становиться за то, что ты любишь, против того,
что не любишь,—

Это болезнь разума.
Когда нет понимания глубинного смысла Пути,
Спокойствие разума утрачивается беспричинно...

Не стремись ко внешним обстоятельствам,
Избегай внутренней пустоты;
Невозмутимо пребывай в единстве вещей,
И двойственность исчезнет сама собой.

Когда стремишься к покою, прекращая движение,
 То твой покой движением останется вовеки.
 Пребывая в подобной двойственности,
 Как постигнешь единство?

Когда же постижение единства несовершенно,
 Претерпеваешь двойную потерю:
 Отрицаая внешнюю действительность, на деле принимаешь ее,
 И, принимая Пустоту (Абсолют), — на деле теряешь ее...

Когда изменчивость пустого мира, противостоящего нам,
 Кажется подлинной — причина в Неведении.
 Но не пытайся отыскать Истинное,
 Просто не заботься о точке зрения.

Два существует, потому что есть Одно;
 Но не держись даже за это Одно.
 Когда ничто не тревожит разум,
 Десять тысяч вещей не навредят тебе...

Если око никогда не дремлет,
 Все сны прекращаются сами собой;
 Если Разум не расстается со своей Пустотой,
 Тогда десять тысяч вещей имеют одну природу.

Постигая глубочайшую тайну Таковости,
 Внезапно мы забываем все внешние привязанности;
 Когда видим десять тысяч вещей в своем единстве,
 Мы возвращаемся к источнику и пребываем там,
 где были всегда...

Одно во всем,
 Все в Одном —
 Если только это поймешь,
 Больше не будешь беспокоиться о своем несовершенстве!

Когда Разум и каждый уверовавший разум не разделяются,
 И неразделен с Разумом каждый уверовавший разум,—
 Вот когда исчезают миры,
 Ибо не становится ни прошлого, ни настоящего, ни будущего.

Третий Патриарх дзэн*

Делай, что делаешь, страдай, как страдаешь; чтобы во всем этом присутствовала святость, измениться должно лишь твое сердце. Святость состоит в *желании* того, что происходит с нами по велению Божию.

де Коссад

Средства выражения собственных мыслей у француза XVII века и китайца VII чрезвычайно различны. Однако совет, ими данный, — один и тот же. Следовать воле Божьей, быть послушным, восприимчивым к водительству Святого Духа — на практике, если не словесно, означает то же самое, что следовать Совершенному Пути, отказаться от предпочтений и мнений, широко раскрыть глаза, чтобы прекратились сны и Истина смогла открыть себя.

Мир, населенный обыкновенными, приятными, необращенными людьми, по большей части скучен (настолько скучен, что, для того чтобы не замечать этого, они отвлекают себя с помощью разнообразных искусственных «развлечений»). Изредка этот мир доставляет кратковременные, хотя и очень сильные

Третий патриарх — Сэн Даны (яп. Сосан) (?— 606 г.) — одна из важнейших фигур в чань-буддизме, настоятель Шаолиньского монастыря.

наслаждения, но часто он неприятен и даже мучителен. Для тех, кто заслужил этот мир, приготовив себя к тому, чтобы видеть Бога в нем так же, как в своей душе, он открывается и с другой стороны.

Эта жемчужная бессмертная пшеница не будет ни пожата, ни даже посеяна. Я подумал, что она была и пребудет здесь вечно. Прах и камни этой улицы не менее ценны, чем золото. А ворота эти первоначально были краем света. Зеленые деревья, когда я впервые увидел их за одними из ворот, очаровали и восхитили меня; их свежесть и необычайная красота заставили мое сердце биться чаще — я почти сходил с ума от восторга, настолько они были необычайны и чудесны. И люди! Какими почтенными и достойными благоговейного преклонения созданиями казались старцы! Бессмертные Херувимы! И юноши — блистательные светлые ангелы, и девы — удивительные неземные творенья жизни и красоты! Девочки и мальчики, что играли и резвились на улице, были живыми самоцветами. Мне было неизвестно, рождены ли они и суждено ли им умереть. Все здесь пребывало в нерушимом покое, как если бы вечно находилось на своем месте. Вечность являла себя в дневном свете, и за всем этим виделось нечто бесконечное; внимавшее моим ожиданиям и управлявшее моими желаниями. Город, казалось, находился в Эдеме или же был выстроен на Небесах. Улицы были моими, храм был моим, люди были моими, их одяния, и золото, и серебро были моими, в той же мере, что их сияющие глаза, светлая кожа и румяные лица. Моими были небеса, солнце, луна и звезды, и весь мир был моим; и я был единственным, кто лицезреет и наслаждается всем этим... Было время, когда в превеликой суете я осквернял себя и учился недостойным уловкам этого мира. От которых ныне отучился я и вновь стал словно малое дитя, чтобы дозволено мне было войти в Царство Божие.

Томас Трахерн

И потому я выскажу еще одно суждение, еще более чистое и духовное: в Царстве Небесном все во всем, все в одном и все наше.

Экхарт

Учение о том, что Бог пребывает в мире, имеет важное практическое следствие — святость Природы, а также греховность, безрассудство самонадеянных усилий человека быть ее хозяином, а не разумным и послушным работником. Ко всему живому, что окружает человека, и даже к неодушевленным предметам следует относиться с почтением и пониманием, вместо того чтобы жестоко подавлять ее, принуждая служить нашим человеческим целям.

Правителем Южного Океана был Шу, правителем Северного Океана был Ху, а правителем Срединной земли был Хаос. Шу и Ху постоянно встречались во владениях Хаоса, который принимал их очень хорошо. Посовещавшись между собой, как отблагодарить его за доброту, они сказали: «У всех людей есть семь отверстий, для того чтобы видеть, слышать, есть и дышать, и только у этого правителя нет ни единого. Поможем ему». В соответствии с замыслом они проделывали в нем каждый день по одному отверстию. Под конец седьмого дня Хаос умер.

Чжуан-цзы

В этой исполненной утонченного комизма притче Хаос есть Природа в состоянии у-вей — не-деяния или равновесия. Шу и Ху — образы тех деятельных людей, которые думают, что смогут улучшить Природу, превратив засушливые степи в пшеничные поля, а в результате создают на их месте пустыни, которые горделиво провозгласили начало Эры Покорения воздушного пространства, и, как затем оказалось, поставили цивилизацию у смертельной черты; которые вырубали безбрежные леса, чтобы вдоволь

было бумаги, ради всеобщей грамотности, призванной обеспечить всемирное торжество разума и демократии, а получили повсеместную эрозию почв, бульварную прессу и органы фашистской, коммунистической, капиталистической и националистической пропаганды. Короче говоря, Шу и Ху — это ярые приверженцы апокалиптической религии Неизбежного Прогресса; их кредо в том, что Царство Небесное — вне нас и в будущем. Чжуан-цзы, напротив, как все истинные даосы, не имеет ни малейшего желания опрометчиво издеваться над Природой в угоду сиюминутным нуждам, идущим вразрез с конечной целью человечества, как она понимается Вечной Философией. Его желание — трудиться заодно с Природой для того, чтобы создать материальные и социальные условия, в которых каждый человек мог бы реализовать Дао на каждом уровне, от психологического до духовного.

Христианский подход к Природе, в сравнении с отношением к ней даосов и дальневосточных буддистов, всегда был на удивление бесчувственным и зачастую неприкрыто высокомерным и жестоким. Ссылаясь на превратно истолкованное место из Книги Бытия, католические моралисты относились к животным как к предметам, на использование которых в своих нуждах людям предоставлено полное и неотъемлемое право. Как и пейзажная живопись, гуманистическое движение в Европе было почти исключительно светским. На Дальнем Востоке — и то и другое в своей основе имело религиозные корни.

По убеждению древних греков, за подобного рода спесью, *hubris*, всегда следовало возмездие — *nemesis*; иначе говоря, зайдя слишком далеко, неизбежно получишь увесистый подзатыльник, который напомнит о том, что боги не потерпят дерзкого высокомерия со стороны смертных. В сфере человеческих взаимоотношений в современном сознании прижилось представление о *hubris*, и мы

в основном согласны с ним. Мы желаем, чтобы гордыня пала, и видим, что такое падение зачастую случается.

Обладать слишком большой властью над своими собратьями, быть слишком богатым, слишком жестоким, слишком тщеславным — все это взывает к возмездию, и с течением времени, что не раз замечалось, наказание того или иного рода настанет своим чередом. Но греки не остановились на этом. Относясь к Природе тоже как к своего рода божеству, они чувствовали, что и она требует почитания, и были убеждены в том, что надменная непочтительность к Природе также не останется без наказания мстительной *nemesis*. Эсхил в «Персах» говорит о причинах — изначальных, метафизических причинах — поражения варваров. Ксеркс был наказан за два нанесенных оскорбления — за самонадеянный империализм по отношению к афинянам и за самонадеянный империализм по отношению к Природе. Ксеркс пытался поработить своих ближних и поработить море, построив мост через Геллеспонт.

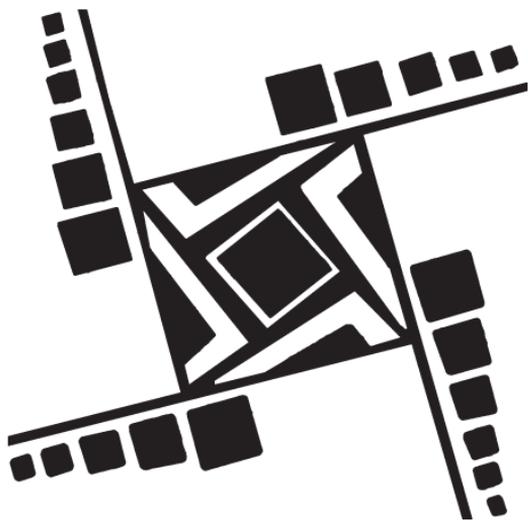
Сегодня мы осознаем и осуждаем первый из этих видов империализма; но большинство из нас игнорирует существование и даже саму возможность второго. И все же автор «Едгин»* определенно знал, о чем говорил, и теперь, когда нам доводится платить страшную цену за наше хваленое «покорение Природы», его книга кажется более чем когда-либо злободневной.

Ущерб, нанесенный технологическим империализмом последних дней, воистину колоссален, и неизбежность воздаяния начинает видеться все более и более отчетливо. Мы уже начинаем получать оплеухи, а выгода мизерна. Соизмеримо ли удоволь-

* «Едгин» (Erehwon) (1872) — роман английского писателя Сэмюэла Батлера (Butler, Samuel) (1835—1902). Описывая нравы и общественное устройство вымышленной страны Едгин (анаграмма слова «нигде»), Батлер высмеял современную ему Англию.

ствии от возможности за двенадцать часов добраться от Нью-Йорка до Лос-Анджелеса с болью и горем, причиненными человечеству пулями и бомбами? Способ измерить количество счастья или добра во всем мире пока что еще не найден. Что очевидно, однако, так это то, что накоплению различных выгод от недавних технологических новшеств — или, говоря словами греков, от *hubris* нашего отношения к Природе, — как правило, сопутствуют неизбежные потери; то, что мы приобретаем в одном направлении, приводит к утратам в других, и в конечном счете мы никогда не сможем получить чего-то, не отказавшись от чего-то взамен. Что же касается конечного результата этих дебетно-кредитных операций, то, скорее всего, мы так и не сможем определенно сказать, привели ли они к подлинному Прогрессу добродетели, счастья, милосердия и разума. Именно по той причине, что реальное содержание Прогресса невозможно с точностью определить, XIX и XX векам приходилось принимать Прогресс как предмет религиозной веры.

Для представителей Вечной Философии этот вопрос — действительно ли Прогресс неизбежен или хотя бы реален — не представляется первостепенно важным. Для них важно то, что конкретные мужчины и женщины должны прийти к единящему знанию Божественного Основания. В социальном отношении их интересует не то, насколько общество прогрессивно или непрогрессивно (что бы ни скрывали под собой эти понятия), но та степень, в которой оно непосредственно помогает или препятствует человеку в его продвижении к своей конечной цели.

Глава п я т а я. Милосердие

Кто не любит, тот не познал Бога, ибо Бог
есть любовь.

(1 Иоанн, 4:8)

Обрести и не разлучаться с Ним можно
любовью, но никогда мыслью.

«Облако Неведения»

Тому, кто ищет, как достичь созерцания (то есть единящего знания), следует сначала спросить себя, насколько сильна его любовь. Ибо любовь — то побудительное движение разума (*machina mentis*), которое возводит разум от мира и поднимает к высотам.

Св. Григорий Великий

Астролябия таин Божиих — это любовь.

Джалаледдин Руми

Любовь непогрешима; она не ведаёт ошибок, ибо все ошибки — от недостатка любви.

Уильям Ло

Мы можем любить только то, что знаем, и не можем полностью знать то, чего не любим. Любовь — это форма познания, и когда любовь достаточно бескорыстна и достаточно сильна, знание становится единящим и, таким образом, непогрешимым. Там, где нет бескорыстной любви (или, проще, нет милосердия), там может быть только предвзятое себялюбие, и, как следствие, лишь частичное и искажённое знание о себе, и о мире предметов, жизней, сознаний и о духе вне «я». Пресыщенный человек подчиняет законы Природы и духа своим собственным страстям. Итогом всему этому становится то, что он сам лишает себя способности к познанию. Подобное невежество — всегда и от начала добровольно: человек не знает именно потому, что не желает знать.

Такого рода добровольное невежество неизбежно влечёт негативное воздаяние. *Nemesis* следует за *hubris* — временами это случается очень наглядно и поучительно, когда человек в самоослеплении (Макбет, Отелло, Лир) попадает в ловушку, которую ему уготовили его собственное честолюбие, стяжательство или дерзкое

тщеславие; иногда это бывает менее очевидно, как в случаях, когда власть, процветание и репутация сохраняются до конца, но ценой все возрастающей невосприимчивости к благодати и просветлению, все более полной неспособности избавиться, сейчас или когда-либо еще, от душающей темницы эгоизма и одиночества.

Насколько глубоким может быть духовное невежество, видно из поведения кардинала Ришелье на смертном одре. Священник, посетивший его, потребовал, чтобы этот великий человек приготовил свою душу к грядущему суровому испытанию, простив всех своих врагов. «У меня никогда не было врагов, — отвечал кардинал с кроткой искренностью невежества, которое долгие годы интриг, алчности и честолюбия сделали столь же абсолютным, какой была его политическая власть, — за исключением врагов Государства». Как и Наполеон, только несколько иначе, он «испытывал власть Небес», потому что избегал проявлять милосердие и тем самым избегал правды о своей собственной душе или о чем-либо еще.

Здесь, на земле, любовь к Господу лучше, чем знание Господа, в то время как низкие вещи лучше знать, чем любить их. Познавая их, мы неким образом возносим их к нашему разуму, в то время как любя их, мы сами опускаемся до них и можем оказаться в их власти, как скупец у своего золота.

Св. Фома Аквинский (в пересказе)

Это замечание, как кажется на первый взгляд, расходится с предшествовавшим. Но в действительности св. Фома просто проводит различие между разнообразными формами любви и знания. Лучше обладать любовью-знанием Бога, чем знать о Боге без любви, читая богословский трактат. Золото же, с другой стороны, никогда не следует познавать любовью скряги — такая любовь бо-

лее похожа на вожделие, — а только отстраненно, любовью ученого-исследователя, или же беспристрастной любовью-знанием ювелира, или же наблюдателя, который любит-знает работу ювелира, но не ради ее денежной стоимости и не ради обладания ею, но лишь потому, что она прекрасна. И то же самое применимо ко всему сотворенному, вещам, жизням и умам. Плохо, когда любишь их с эгоистичной привязанностью и жадностью; несколько лучше — познавать их в научном бесстрастии; а лучше всего — сочетать абстрактное знание-без-алчности с подлинно бескорыстной любовью-знанием, которой присуще качество эстетического наслаждения, или милосердия, или же сочетание обоих этих качеств.

Мы сотворили идола из самой истины; ибо истина в отдельности от милосердия не есть Бог, но его подобие и идол, которого нам не следует ни любить, ни боготворить.

Паскаль

По какой-то филологической случайности (которая, возможно, вовсе не случайность, но одно из тех очень тонких проявлений воли к невежеству и духовной темноте, которые глубоко укоренились в человеке), слово «милосердие» в современном обиходе стало синонимом «милостыни». Почти никогда слово «милосердие» не употребляют в его подлинном смысле, для обозначения самой высшей и божественной из всех форм любви. Обеднив таким образом и без того неточный словарь философских и духовных понятий, мы возложили дополнительную нагрузку на слово «любовь». «Бог есть любовь, — твердим мы, — следует любить ближнего как самого себя». Но слово «любовь», к сожалению, применимо ко всему: и когда на киноэкране крупным планом, под умиленные вздохи зрителей, нам показывают влюбленную пару; и когда некий

Джон Вулмен* или Петр Клавер** проявляет заботу о неграх-рабах, потому что они есть храмы Святого Духа; и когда толпы в берлинском Дворце Спортa или на Красной Площади начинают скандировать лозунги, петь и размахивать флагами; и когда в своем уединении созерцатель полностью поглощен проникновенной молитвой. Двусмысленность слов ведет к путанице мыслей; а в том, что касается любви, такая путаница мыслей прекрасно служит целям необращенной и лишенной целостности человеческой природы, склонной брать лучшее из двух миров — говорить, что служит Богу, когда на деле служит Маммоне, Марсу или Приапу.

Мастера духовной жизни, обстоятельно или же в кратких афоризмах и притчах, описывали природу подлинного милосердия и отделили ее от прочих, более низких форм любви. Давайте рассмотрим основные признаки милосердия по порядку. Прежде всего, милосердие бескорыстно; оно не ищет награды, и не позволяет себе уменьшаться, когда за добро платят злом. Бога следует любить ради Него Самого, не за Его дары; людей и все сотворенное Им следует любить ради Бога, потому что люди — храмы Святого Духа. Более того, милосердию, поскольку оно бескорыстно, неизбежно следует быть всеобъемлющим.

Любовь не ищет ни внешних причин, ни плодов своих; она сама свой плод и свое наслаждение. Я люблю, потому что я люблю; я люблю по той причине, что я могу любить... Из всех движений и чувств души любовь — единственное, посредством чего

* Джон Вулмен (1720—1772) — американский религиозный деятель, странствующий проповедник-квакер и социальный реформатор, прославившийся своей непримиримостью по отношению к рабству.

** Св. Педро Клавер (1596—1654) — католический миссионер в Северной Америке, иезуит. Был известен как «Петр Клавер, раб рабов-эфиопов».

творение, хотя и не на равных способно обращаться к Творцу, возвращая то, что хоть как-то напоминает нечто, что было дано ей... Когда Бог любит, Он желает лишь быть любимым, зная, что любовь счастье принесет всем, кто любит Его.

Св. Бернар Клервоский

Поскольку у любви нет иных целей, иных устремлений, как только возрастая, то все — словно масло в ее пламени. Любовь может принять все, к чему стремится, и не испытать разочарования, ибо все (включая неблагодарность со стороны тех, кого любят) по самому свойству ее природы помогает ей жить своей жизнью и делать свое дело.

Уильям Ло

Те, кто злословят обо мне, поистине мои добрые друзья.
 Когда, оклеветанный, я не питаю вражды и не отдаю предпочтений,
 Растет во мне сила любви и покорности, которая рождается от
 Нерожденного.

Кунча Таши

Некоторым хотелось бы видеть Бога глазами, как они видят корову, и любить Его так, как они любят свою корову, — за то молоко, сыр и прибыль, что она приносит им. Так и бывает у людей, которые любят Бога ради внешних богатств или внутреннего покоя. Их любовь к Богу нельзя назвать правильной, когда они любят Его для своей выгоды. Истинно говорю тебе: о чем бы ты ни думал, каким бы хорошим это ни было, оно будет преградой между тобой и сокровенной Правдой.

Экхарт

Ни к чему мне любовь, обращенная к Богу или во имя Бога. Чистая любовь не совместима с нею, ибо чистая любовь — это Сам Бог.

Св. Катерина Генуэзская

Подобной матери, даже ценой собственной жизни защищающей своего единственного сына, да будет безграничная добродетель среди всего сущего. Пусть безграничная добродетель воцарится во всем мире, над миром, под миром, вокруг мира, безмерная, несмешанная ни с чувствами, ни с противоречиями. Если человек будет постоянно думать об этом все время, пока он бодрствует, тогда придет время исполниться изречению — «даже в этом мире можно найти святость».

Мета Сутта

Учись одинаково смотреть на все сущее и видеть во всем одно «Я».

Шримад-Бхагаватам

Вторая отличительная черта милосердия в том, что, в отличие от более приземленных форм любви, это не эмоция. Милосердие начинается как акт воли и завершается как чистое духовное осознание, единение в любви-знании с сущностью его объекта.

Ценность любви состоит не в высоких чувствах, но в отрешенности, в том, чтобы терпеливо сносить все невзгоды и испытания ради Господа, которого мы любим.

Св. Хуан де ла Крус

Любовь — это не природная чувствительность, которая присутствует в людях по их душевному устройению. Любовь — закон души, основанный на разуме и благочестии, который делает нас чуткими, добрыми и кроткими по отношению ко всем творениям Божьим ради самого Бога.

Уильям Ло

Определение природы милосердия, или любви-знания Бога, дал Шанкара, великий святой и философ-ведантист IX века, в тридцать втором стихе философской поэмы «Вивека-Чудамани»:

Среди орудий освобождения наибольшее — поклонение. О созерцании истинной формы подлинного Я (Атмана, который тождествен с Брахманом) говорят, что это поклонение.

Другими словами, наивысшая форма любви к Богу — это непосредственная духовная интуиция, благодаря которой «познающий, познаваемое и познание становятся одним». Способы достижения этой высочайшей любви-знания Духа духом и ее ранние стадии описываются Шанкарой в предыдущих стихах его философской поэмы. Они состоят в волевых актах, направленных на отказ от самоличности в мыслях, чувствах и действии, отказ от желаний и достижение непривязанности, или (если воспользоваться соответствующим христианским выражением) «священного безразличия», радостное принятие бедствий, без жалости к себе и без помышления о воздаянии злом за зло, и, наконец, на неуспынную сосредоточенность, поглощенность всего разума Божественным, которое одновременно трансцендентно и, по причине трансцендентности, имманентно каждой душе.

Очевидно, что ни один отдельный предмет, как бы приятен он ни был воле, не может быть Богом; и по этой причине, если воля ищет объединения с Богом, ей следует опустошить себя, отбросить каждое из неупорядоченных чувств и желаний, каждое удовлетворение, которое она может испытать, высокое и низкое, мирское и духовное, чтобы, очистившись и освободившись от всех удовольствий, радостей и желаний, она могла быть целиком поглощена, со всеми своими чувствами, в любящем Боге. Ибо если воле и возможно каким-либо образом постичь Бога и пребывать в единстве с Ним, то не через какие-либо способности желания, но только через любовь. Поскольку всякое наслаждение, сладость и радость, к которым чувствительна воля, не есть любовь, отсюда следует, что ни одно из этих переживаний,

приносящих радость, не может быть приемлемым средством для единения воли с Богом. Эти подходящие средства содержатся в деяниях воли. И по той причине, что деяние воли никак не сходно с чувствованием, именно посредством деяния воля объединяется с Богом и не отстывает от Него; и такое деяние есть любовь. Это единение никогда не сопровождается чувствованием или проявлением желания, ибо они остаются в душе как цели и средства. Лишь только как побуждения к любви чувства могут приносить пользу, если они понуждают волю идти вперед, не сворачивая с пути, и никуда более...

Следовательно, очень неразумен будет тот, кто, временно утратив сладость и духовное наслаждение, полагает, будто причина в том, что Бог оставил его. Когда же он обретает их снова, то радуется и ликует, думая, что таким образом сможет обладать Богом.

Еще более неразумен тот, кто сам ищет сладости в Боге, ликует в ней и обитает в ней; ибо, поступая так, он не ищет Бога волей, укорененной в пустоте веры и милосердия, но ищет лишь в духовной радости и наслаждении, которые тварны, следуя тем самым собственной воле и тщетным удовольствиям... Невозможно воле обрести сладость и блаженство божественного единства иначе как в отрешенности, отказываясь желать любого из удовольствий в вещах земных и небесных.

Св. Хуан де ла Крус

В любви (чувственной, эмоциональной любви) нет единства. Поистине она объединяет в действии, но не объединяет в сущности.

Экхарт

Причина, по которой чувственная любовь, даже направленная к наивысшему объекту, не может объединить душу с ее Божественным Основанием в духовной сущности, — в том, что, как и все сердечные движения, чувственная любовь усиливает то личностное

восприятие, которое есть окончательная помеха на пути подобного единения. «Прокляты те, кто пребывают в вечном движении, не зная и мгновения покоя; у нас, смертных, что все еще продолжают это паломничество, есть то движение, то покой... Только лишь Бог обладает покоем без движения». Соответственно, только тогда, когда в нас пребывает мир Божий, превосходящий всякое понимание, мы сможем пребывать в познании и любви Бога. А к миру, превосходящему понимание, нам следует идти путем покорности и мира как такового, понятного каждому, — мира между народами и в самом народе (поскольку войны и жестокие общественные потрясения, так или иначе, неизбежно уведут от Бога большинство из тех, кто вовлечен в них); мира между отдельными людьми и в отдельной душе (поскольку личные ссоры и индивидуальные страхи, привязанности, ненависть, честолюбие и мирские устремления, каждое понемногу, не менее пагубны для развития духовной жизни, чем более значительные бедствия). Нам следует стремиться к тому миру, который нам по силам, чтобы мы были готовы принять тот другой мир, который есть плод Духа и условие, о котором говорит св. Павел, единящей любви-знания Бога.

Именно через безмятежность ума ты можешь преобразовать ложный разум смерти и переродиться в ясный Интуитивный Разум, и, поступая так, высвободить изначальную просветленную Сущность Разума. Ты должен сделать это своей отправной точкой в духовных упражнениях. Когда твоя отправная точка сочетается с целью, к которой ты стремишься, ты сможешь правильно упражняться, чтобы достичь подлинного итога в совершенном Просветлении.

Если хочешь сделать свой разум безмятежным и восстановить его изначальную чистоту, тебе следует поступать так же, как если бы ты хотел очистить мутную воду в сосуде от осадка. Сперва дай ей отсто-

яться, чтобы осадок смог опуститься на дно, тогда вода станет чистой — такой же чистой, как и состояние ума до того, как он был потревожен нашествием страстей. Затем чистую воду осторожно процеди... Когда через безмятежность и сосредоточенность разум обретает совершенное единство, тогда все открывается не в разделении, но в целостности; тогда уже не будет места, через которое могли бы проникнуть страсти. В этом состоянии разум находится в полном согласии с таинственной и неопишуемой чистотой нирваны.

Сурангама-сутра

Это тождество, идущее от Единого к Единому и в Едином, — исток, наполнение и полноводное течение сияющей Любви.

Экхарт

Духовный прогресс, как мы уже имели возможность убедиться на некоторых других примерах, всегда является духовным и взаимным. Мир без раздоров и эмоциональных волнений — путь к милосердию; а милосердие, или объединяющая любовь-знание, — это путь к высшему миру с Богом. То же справедливо будет сказать и о смирении, которое есть третья характерная черта милосердия. Смирение — обязательное условие высшей разновидности любви, а в наивысшей форме любви оно может достичь своей вершины в полном самоуничтожении.

Могу лишь вот что сказать вам относительно любви к своему ближнему, а именно то, что ничто, кроме смирения, не может привести вас к этому; ничто, только лишь осознание ваших собственных слабостей может научить вас прощению, снисходительности к слабостям других. Возможно, вы ответите: «Мне вполне ясно, что смирение порождает терпимость к другим, но как мне сначала обрести смирение?» Сочетание двух вещей приведет вас к этому, и вам никогда

не следует разделять их. Первое — это постоянно видеть ту глубокую бездну, откуда всемогущей рукой Божьей вы были извлечены и над которой Он продолжает держать вас, можно сказать, в подвешенном состоянии. Второе — постоянное присутствие всевидящего Бога. Именно осозная присутствие Бога и в любви к Нему, мы учимся забывать о себе, оценивать должным образом все то несущественное, что ослепляет нас, и приучаем себя с благодарением уступать тому Величию, которое наполняет собой все вокруг. Любите Бога, и будете смиренны; любите Бога, и станете свободны от себялюбия; любите Бога, и вы полюбите все, что Он дает вам любить, для того чтобы вы могли прийти к Нему с ответной любовью.

Фенелон

Чувства, как мы видели, могут быть полезны как мотивы любви, но милосердие как таковое имеет свое начало в воле — воле к миру и смирению, воле к терпимости и доброте по отношению к братьям во творении, воле к той бескорыстной любви к Богу, которая «ничего не ищет и ничего не отвергает». Но воля также может укрепляться от упражнения и усиливаться в стойкой решительности. Это отчетливо видно из следующего отрывка, замечательного в своей образной ясности, — беседы молодого епископа Белли и его возлюбленного друга и наставника Франциска Сальского.

Я однажды спросил епископа Женевского^{*}: что нужно делать, чтобы достичь совершенства. «Возлюби Бога всем твоим сердцем, — отвечал он, — и ближнего своего как самого себя».

«Я не спрашиваю, в чем заключается совершенство, — сказал я в ответ, — но как достичь его». — «Милосердие, — снова сказал он, — это одновременно средство и цель, единственный способ, которым мы можем достичь того совершенства, которое и есть,

^{*} Т. е. св. Франциска Сальского.

в конечном счете, не что иное, как само Милосердие... Совсем как душа — это жизнь тела, так милосердие — жизнь души».

«Мне известно все это, — сказал я, — но я хочу знать, что значит возлюбить Бога всем своим сердцем и своего ближнего как себя».

Но снова он отвечал: «Мы должны любить Бога всем сердцем и ближнего своего как самого себя».

«Мне кажется, я ни на шаг не продвинулся вперед, — ответил я. — Скажите мне, как достичь такой любви».

«Лучший способ, кратчайший и простейший способ любить Бога всем своим сердцем — это любить Его искренне и полностью!»

Это и был весь его ответ. Немного спустя, однако, епископ сказал: «Многие, не только ты, хотят услышать от меня о способах и приемах, тайных путях, ведущих к совершенству. Могу в ответ сказать лишь то, что вся тайна — в сердечной любви к Богу, и единственный способ достичь такой любви — это любить. Ты учишься говорить разговаривая, постигаешь науки учась, бегаешь — бегая, трудиться — трудясь; и так же ты учишься любить Бога и человека любя. Все те, кто думают научиться этому как-то иначе, обманываются. Если хочешь любить Бога, продолжай любить Его все больше и больше. Начинать учиться этому, как начинает простой подмастерье, и сама сила любви приведет тебя к тому, что ты станешь мастером в этом искусстве. Те, кто в этом добился наибольших успехов, настойчиво продолжают идти к своей цели, не успокаивая себя верой в то, что они уже в конце пути, ибо милосердию следует возрастать, до самого последнего нашего вздоха».

Жан-Пьер Камю

Переход от «любви по плоти» освященной человеческой природы, как называет ее св. Бернар, к духовной любви к Божественному, от чувственной любви, которая может объединить любящего и любимого только в действии, к совершенному милосердию, кото-

рое объединяет их в духовной сущности, отражена в религиозной практике как переход от размышления, дискурсивного и эмоционального, к полноте созерцания. Все христианские авторы настаивают на том, что духовная любовь к Божественному превосходит любовь во плоти к людям, которая служит вступлением и средством к конечной цели человека в объединяющей любви-познании Божественного Основания; но все не менее настоятельно отмечают и то, что любовь во плоти — необходимое начало и незаменимое средство. Восточные авторы здесь согласятся, что это справедливо для многих людей, но не для всех, поскольку некоторые рождены созерцателями от природы, и способны «сочетать отправную точку с целью» и приступать непосредственно к Йоге Знания. Именно с подобной позиции прирожденного созерцателя говорит величайший из даосских философов, как видно из следующего отрывка.

Те люди, которые по-особому воспринимают Небо как Отца и питают личную любовь к Нему, насколько сильнее они должны любить то, что выше Неба как его Отец! Другие люди по-особому воспринимают своих правителей, считая их лучше себя, и сами умирают за них. Скорее, следовало бы умирать за то, в чем больше истины, чем в правителе. Когда пересыхает ручей, все рыбы оказываются на суше. Тогда они смачивают друг друга своей влагой и покрывают друг друга своей слизью. Но разве это сравнимо с тем, как каждая из них живет сама по себе в реке или озере?

Чжуан-цзы

Слизь индивидуальной и эмоциональной любви приблизительно сходна с водой духовного Существа Божественного, но низшего качества и (именно потому, что любовь эмоциональна и отсюда индивидуальна) недостаточна в своем количестве. Люди, своим

сознательным невежеством, неправедными деяниями и неправедной жизнью добившиеся того, что духовные источники пересохли, пытаются хоть чем-то приуменьшить ужас своего положения, «смачивая друг друга своей слизью». Но не может быть никакого счастья или безопасности во временной жизни и никакого освобождения в вечности, пока люди не перестанут думать, что можно обойтись одной лишь слизью, и, предавшись тому, что на самом деле представляет собой их родную стихию, не призовут обратно воды вечности. Тем, кто ищет прежде всего Царства Божия, все остальное приложится. У тех же, кто, подобно современным идолопоклонникам, боготворящим Прогресс, ищут остального в ожидании, что (после обуздания атомной энергии и уже третьей по счету революции) приложится Царство Божие, — все отнимется. И все же мы продолжаем верить в прогресс, расценивая личную слизь как наивысшую форму духовной влаги и предпочитая мучительное, немислимое существование на суше любви, радости и миру нашего родного океана.

**У тех, кто любит, есть своя религия и вера —
Другая, чем у тех, кто от любви далек.**

Джалаледдин Руми

Душа скорее жива тем, что она любит, чем телом, в котором она поддерживает жизнь. Ибо жизнь ее — не в теле, но, скорее, она дает жизнь телу; ее жизнь — в том, что она любит.

Хуан де ла Крус

Воздержание — это любовь, полностью подчинившая себя Тому, в ком предмет ее любви; мужество — это любовь, с радостью сносящая все во имя Того, в ком предмет ее любви; справедливость — это любовь, служащая только тому, в ком предмет ее любви, и, следовательно, ус-

танавливающая справедливые порядки; благоразумие — это любовь, мудро различающая то, что помогает, и то, что стоит у нее на пути.

Св. Августин

Отличительные черты милосердия — это бескорыстие, безмятежность и покорность. Но там, где есть бескорыстие, не может быть ни жажды личной выгоды, ни страха перед личной потерей или наказанием. Там, где есть безмятежность, нет ни страсти, ни отвращения, но только непрестанная воля следовать божественному Дао или Логосу на каждом уровне существования и непрестанное осознание божественной Таковости и того, каким должно быть собственное отношение к ней. Там, где есть смирение, нет осуждения других и нет возвеличения своего «я» или какого-либо рода проекции «альтер эго» за счет других, за которыми признаются и те же слабости и недостатки, и способность превзойти их в едином познании Бога — такая же, как и у самого себя. Из всего сказанного следует, что милосердие — это корень и содержание нравственности. Там, где недостает милосердия, — будет и много зла, которое не является неизбежным. Все это было подытожено в Августиновой формуле: «Люби и поступай как знаешь». Уместно будет, пожалуй, развивая тему св. Августина, привести и одно из более поздних изречений — цитату из сочинений Джона Эверарда. Он был одним из тех устремленных к духовному богословов XVII века, к учению которых остались глухи враждующие клики эпохи гражданской войны и военной диктатуры. Они не были услышаны даже духовенством эпохи Реставрации и их преемниками из наступившей эпохи благоденствия. (Сколь полной была эта глухота, можно судить хотя бы из того, как Свифт писал о столь любезных его сердцу нравственно совершенных Гуингмах.

Содержанием их бесед, как и их поэзии, были такие темы, как «дружба и благожелательность, очевидное воздействие природы или традиций древности; узы и ограничения добродетели, безошибочные законы разума». И ни слова — о Боге, милосердии или спасении! Ничего подобного им даже на ум не приходило. Куда уж яснее скажешь о том, как настоятель собора св. Патрика относился к религии, которой он зарабатывал себе на хлеб.)

Освободите того, кто в себе самом нашел проводника, ведущего по дороге к вечной жизни, и пусть он, если сможет, забудет о внешнем! Совсем как если бы вы сказали тому, кто души не чаёт в своей жене: «Ты волен бить ее, оскорблять или убить ее, если захочешь».

Джон Эверард

Отсюда следует, что там, где есть милосердие, не может быть принуждения.

Бог никого не принуждает, ибо силой не заставишь любить, и, следовательно, служение Богу — это предмет совершенной свободы.

Ханс Денк

Но именно потому, что милосердие не может принуждать, у него есть некая власть, ненасильственная сила. С помощью этой силы милосердие защищает себя и несет в мир свою благотворную волю — не всегда, конечно же, механически и неотвратимо (посколькy люди и тем более сообщества могут быть непроницаемо защищены от Божественного влияния), но в поразительном большинстве случаев.

Наше современное экономическое, общественное и международное устройство основывается в значительной степени на отсутствии любви. Мы начинаем с того, что отказываем в милосердии

Природе, и, вместо того чтобы постараться трудиться совместно с Дао или с Логосом на уровнях неодоушевленной и до-человеческой природы, мы стремимся господствовать и эксплуатировать, мы истощаем природные ресурсы Земли, разрушаем ее почву, уничтожаем ее леса, вливаем нечистоты в ее реки и выбрасываем отравленные испарения в ее воздух. От отсутствия любви к Природе мы идем дальше — к отсутствию любви к искусству. Такая «нелюбовь» приняла настолько крайние формы, что мы успешно уничтожили все основополагающие или полезные искусства, заменив их массовым машинным производством.

И конечно же, эта нелюбовь по отношению к искусству — одновременно и нелюбовь по отношению к человеку, вынужденному теперь выполнять примитивные, лишенные всякого изящества задачи, которых требуют от него механические суррогаты искусств и бесконечный поток бумажной продукции, массово производимой и массово потребляемой. За массовым производством и массовым потреблением идет массовое финансирование — и вот эта троица сговорилась лишить собственности все возрастающее количество мелких владельцев земли и средств производства, тем самым сокращая общую сумму свобод для большинства и увеличивая власть меньшинства, поставив себе цель насадить принудительный контроль над жизнью своих сограждан.

Это меньшинство, обладающее средствами принудительного контроля, составляют капиталисты-владельцы частных капиталов или бюрократы из правительства или обе эти господствующие группы, которые действуют заодно друг с другом. И конечно же, принудительная природа такого контроля продолжает представлять собой в своей сути все ту же неизменную нелюбовь, называют ли эти хозяева себя «директорами компаний» или «государственными слу-

жащими». Единственное различие между двумя этими типами олигархических правителей состоит в том, что власть первых происходит по большей части от богатства, чем от положения в рамках признанной в их среде иерархии, в то время как у других значительная доля их власти основывается скорее на положении, чем на богатстве.

На основании этих вполне типичных отношений нелюбви вырастают другие отношения; они, в свою очередь, существенно различаются в том или ином обществе, в зависимости от местных условий, от того, как принято в этом обществе вести себя и мыслить. Вот несколько тому примеров — презрение и эксплуатация цветных меньшинств, живущих среди белого большинства, или цветного большинства, управляемого большинством белых империалистов; ненависть к евреям, католикам, масонам — к любому другому меньшинству, язык, обычаи, внешность или религия которого в чем-либо отличаются от местного большинства.

И венчающая все сверхструктура немилосердия — это организованная нелюбовь в отношениях между государством и другим суверенным государством. Эта нелюбовь выражается в аксиоматичном признании того, что для национальных структур правильно и естественно вести себя подобно насильникам и убийцам, вооруженным до зубов, готовым грабить и убивать при первой благоприятной возможности. (Насколько аксиоматично это определение природы государственных образований на основе нации, видно из истории Центральной Америки. До тех пор, пока спорные неразделенные территории Центральной Америки назывались провинциями Испанской колониальной империи, ничто не нарушало мирную жизнь их обитателей. Но в начале девятнадцатого столетия различные административные территории Испанской империи, порвав со «страной-матерью», решили стать отдельными на-

циями на европейский манер. Результат — новообразованные государства немедленно стали воевать одно с другим. Почему? Потому что, по определению, суверенное национальное государство — это организация, которая обладает правом и обязанностью принуждать своих членов красть и убивать по самому большому счету.)

«Не введи нас во искушение» — вот что должно быть основным законом для всех общественных организаций. Испытания эти, от которых следует ограждать общество и, насколько возможно, устранять их средствами соответствующих экономических и политических соглашений, — это испытания, нацеленные против милосердия, иначе говоря, против бескорыстной любви к Богу, Природе и человеку. Первое, с чего следует начать, — это с распространения и общего принятия Вечной Философии в любой ее форме: это сможет хоть в чем-то уберечь людей от искушения идолопоклоннического преклонения перед сиюминутным — преклонения перед церковью, государством, революционного преклонения перед будущим, гуманистического самопоклонения, — все это неизбежно и по существу противостоит милосердию. Далее идет децентрализация, массовая передача земли и средств производства в руки мелких собственников, обуздание государственного или корпоративного моно-

* *Актон, Джон* (1834—1902) — английский историк. Известен своей поддержкой либералов, одно время являлся советником У. Гладстона. Широко известна его фраза: «Власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно».

полизма, разделение политической и экономической власти (единственная гарантия, как не переставал убеждать лорд Актон*, законной защиты гражданских свобод).

Подобное общественное переустройство во многом сможет удержать организации, правительства и амбициозно настроенных лидеров от искушения деспотизма. В то же время кооперативы, демократически контролируемые профессиональные организации

и городские собрания смогут избавить массу людей от искушения сделать свой децентрализованный индивидуализм совершенно нестерпимым.

Но, конечно же, ни одну из этих, на самом деле насущных, реформ не удастся претворить в жизнь, пока считается правильным и естественным, что одному суверенному государству следует готовить себя к войне с другим. Современную войну в состоянии вести только страны со сверхразвитой индустрией средств производства; страны, где экономическая власть принадлежит или государству, или нескольким монополистическим корпорациям, которые легко обложить налогами и, если понадобится, временно национализировать; страны, где трудящиеся массы, не обладая собственностью, лишены корней, легко перемещаются с одного места на другое и уже прошли школу фабричной дисциплины. Любое децентрализованное общество независимых, свободных от принуждения мелких собственников с должным образом сбалансированной экономикой должно в таком мире, как наш, в мире, нацеленном на ведение войны, стать добычей общества, чье производство высокотехнологично и централизованно, народ лишен собственности и, следовательно, легко принуждаем и с односторонне развитой экономикой. Вот почему промышленно неразвитые страны вроде Мексики и Китая так стремятся стать такими же, как Германия, Англия или Соединенные Штаты.

До той поры, пока существует организованная нелюбовь — войны и подготовка к ним, — не стоит ждать ни на национальном, ни на общемировом уровне какого-либо заметного смягчения в наших экономических и политических отношениях. Война и подготовка к войне — это постоянное искушение направить развитие современного общественного устройства, ужасного, безбожного общественного устройства, в худшую сторону по мере того, как прогресс технологии делает его еще более эффективным.

Глава шестая.

Самоограничение,
непривязанность,
правильная жизнь

Сокровище Царства Божия было сокрыто временем, многообразием и собственными трудами души — словом, ее тварной природой. Но в какой мере душа может отделить се-

бя от этого многообразия, в такой она открывает Царство Божие внутри себя. Здесь душа и Божественное — одно.

Экхарт

«ДА УЙДЕТ НАШЕ ЦАРСТВО» — таково будет необходимым и неизбежное следствие, если мы согласны со словами молитвы: «Да придет Царствие Твое». Божественная полнота жизни может быть обретена только теми, кто осознанно отказался от обособленной, обделенной жизни страстей и эгоизма, эгоцентричного мышления, чувств, устремлений и действий. Самоуничжение или намеренное умерщвление своего «я» с бескомпромиссной твердостью проповедуется в канонических текстах христианства, индуизма, буддизма и в большинстве других больших и маленьких религий мира, и всеми святыми и духовными реформаторами, которые когда-либо воплощали в жизнь и учили других принципам Вечной Философии. Но это «самоуничжение» никем (по крайней мере, теми, кто знал, о чем вел речь) и никогда не рассматривалось как самоцель. Оно обладает не более чем прикладной ценностью, как незаменимое средство, но ведущее к чему-то еще. По словам одного из тех, кого нам не раз доводилось цитировать в предыдущих главах, нам всем необходимо «познать подлинную природу и ценность всякого самоотречения и уничтожения».

Что же касается их природы, то, взятые сами по себе, они не содержат в себе ни благодати, ни святости, ни чего-либо, способного разделить святостью нас. И не они — подлинная пища и поддержка Божественной Жизни в наших душах, ибо не обладают они силою оживить или освятить нас. Их единственная ценность в том, чтобы устранять преграды на пути святости, разрушать все, что стоит между Богом и нами, и расчистить путь живительному и освящающему воздействию Духа Божия на наши души. Это единственное, что может про-

будить Божественную Жизнь в душе или помочь ей хоть в малейшей степени подняться к подлинной святости или духовной жизни... Так мы понимаем, почему же столь много людей не только не извлекают пользу, но даже становятся хуже, несмотря на самоограничение. Все потому, что они совершенно заблуждаются относительно природы и ценности самоограничения. Они предаются ему ради него самого, как занятию, несущему благо в самом себе. Думая, что это подлинная часть святости, костенеют в этом и уже не идут далее; возрастает лишь их самомнение и самолюбование. Ибо, считая себя преуспевшими, они превращаются в немилосердных, жестоких и самонадеянных судей для всех тех, кому не по силам оказалось подобное самоотречение. И так, отказывая себе во всем, они приходят к тому же, к чему остальных приводит потворство собственным желаниям, — они противятся и препятствуют работе Божией, не допуская ее в свои души. Вместо того чтобы воистину отречься от себя, они по-прежнему только укрепляют и обустроивают царство своего «я».

Уильям Ло

Искать и истреблять страсти, хотя это и благое занятие, не есть окончательное благо; открыть в себе Мудрость есть благо превосходящее. Обретя ее, люди не могут удержаться от радостного пения.

Филон

Если мы живем религиозной жизнью (о чем могу судить из собственного опыта) и не идем путем молитвы и духовных упражнений, связывающих нашу душу с Богом, то природа наша становится даже хуже, чем если бы мы жили в миру. Ибо гордыня и себялюбие, грехом укорененные в душе, находят способы чрезвычайно укрепляться религией, если душа не находится на пути, что приведет ее к подлинному смирению. Как бы я не пыталась противостоять своей воле, исправлять ее (а это неизбежно, если живешь монастырской общиной), я обнаружила, что мое сердце становится, скажу так, твердым, как

камень. И ничто не могло смягчить это жестокосердие, отступившее лишь тогда, когда сердце было наставлено в правильном образе молитвы, которым душа устремляется к Богу и научается от Него, как следует подлинно покоряться Ему.

Гертруда Мор*

Как-то, когда я роптала на то, что приходится мне есть мясо и не накладывают на меня никакого послушания, я услышала, что в такой печали, как говорят, порой больше любви к себе, чем стремления к послушанию.

Св. Тереза

Люди, практикующие самоограничение, зачастую оказываются в некоторых отношениях значительно хуже, чем те, кто не имеет такого опыта, — мы уже привыкли к этому в истории, литературе и описательной психологии. Пуританин может соблюдать все основные добродетели — благоразумие, духовную стойкость, умеренность и целомудрие — и все же оставаться очень плохим человеком. Во многих случаях его добродетели на самом деле идут рука об руку с грехами гордыни, зависти, постоянного гнева и безжалостности, которая временами превращается в настоящую жестокость.

Приняв средства за цель, пуританин воображает себя святым, потому что стоически следует своей аскезе. Но его упорство в аскезе — не более чем просто возвеличивание некой похвальной стороны нашего «я» за счет менее достойной. Святость, напротив, — это полное отвержение личности, в том числе отвержение положительных ее сторон не менее, чем предосудительных и постыдных; отказ от своей воли и предание себя Богу. Насколько сохраняется при-

* *Гертруда Мор* (Дама Гертруда) (1606—1633) — английская бенедиктинская монахиня, мистик, дальняя родственница Томаса Мора. Сборник ее духовных изречений был издан после ее смерти.

вязанность к «я», «мне», «мое», настолько отсутствует привязанность к божественному и, следовательно, отсутствует знание, ведущее к единению с Божественным Основанием. Самоограничение следует доводить до состояния непривязанности или, говоря словами св. Франциска Сальского, «святого безразличия»; в противном случае оно попросту переводит своеволие из одного русла в другое, при этом не только не уменьшая силу этого своеволия, а временами даже усиливая его.

Как это обычно бывает, лучшее — враг хорошего. Разница между сдержанным, но по-прежнему гордым и эгоистичным стоиком и несдержанным гедонистом состоит в следующем: мягкотелый, инертный гедонист, в общем-то, внутренне стыдится себя; не имея ни сил, ни желания вредить кому-то еще, он ограничивается своим телом, умом и духом. Стоик, который обладает всеми второстепенными добродетелями и смотрит свысока на тех, кто не похож на него, морально вооружен, чтобы хотеть и мочь вредить по самому большому счету, совершенно не испытывая при этом угрызений совести. Это все очевидные факты, и все же, на расхожем религиозном жаргоне наших дней, слово «аморальный» почти без исключения отведено для тех, кто потворствует своим желаниям. Алчных и честолюбивых уважаемых дельцов и тех, кто прикрывает свою жажду власти и положения соответствующей идеалистической фразеологией, — не просто не стыдят, их даже выставляют примером добродетели и благочестия. Представители организованных церквей начинают с того, что окружают ореолом святости тех, кто изо всех сил подталкивает мир к войнам и революциям, а затем льют слезы, не переставая удивляться, почему в таком мире оказывается невозможно жить.

Самоограничение, в отличие от того, каким представляет его себе большинство людей, не сводится к одним лишь строгостям физической аскезы. Возможно, для некоторых и в отдельных определенных обстоятельствах суровое воздержание и телесная аскеза могут оказаться полезными в продвижении к конечной цели человека. Но, похоже, в большинстве случаев подобной аскезой приобретается нечто совершенно отличное — не освобождение, но обретение «психических» сил. Способность возносить молитву, которая будет услышана, сила исцелять и творить различные чудеса, умение заглянуть в будущее или в сознание другого человека — появление этих способностей, похоже, зачастую сопутствует посту, бдению и самоистязанию. Большинство великих теоцентрических святых и духовных учителей признавали существование сверхъестественных сил, но не иначе как с глубоким сожалением. Считать, что силы подобного рода — *сиддхи*, как их называют индийцы, — имеют что-то общее с освобождением, — это, согласно той же индийской традиции, опасное заблуждение. Они никак не соотносятся с основным наполнением жизни. Вдобавок, если их начинают излишне ценить и прибегать к ним, они становятся помехой на пути духовного продвижения.

Не только сверхъестественные способности можно считать недостатком физической аскезы. Доведенная до крайности, она может оказаться губительной для здоровья, а без физического здоровья очень трудно достичь того непрерывного напряжения сил, которого требует духовная жизнь. Трудная, мучительная и в основном направленная на то, чтобы произвести внешний эффект, телесная аскеза неизменно подстегивает тщеславие и дух состязательности, своего рода стремление побить рекорд. «Когда предаешься умерщвлению плоти, становишься великим и славным». Так пишет

о своем опыте Сузо. Этот опыт привел его — как за много столетий до него Гаутаму Будду — к тому, чтобы отказаться от прежде избранного пути телесного самоограничения. Св. Тереза также отмечала, что намного проще наложить на себя строгую епитимью, чем в терпении, милосердии и покорности нести крест повседневной жизни (которая ей самой не мешала время от времени, до самых последних дней ее жизни, предаваться самоистязанию в его наиболее мучительных формах. Действительно ли помогали ей эти упражнения в аскезе прийти к единому знанию Бога, или же она ценила и упорно предавалась им ради тех физических сил, которые они помогали развить, едва ли можно сказать с определенностью).

Наш дорогой святой [Франциск Сальский] не одобрял неумеренности в посте. Он обычно говорил, что дух не переносит перекормленного тела, однако и недокормленное тело не в силах вынести дух.

Жан-Пьер Камю

Когда душа находит радость в чувственных вещах, возносится в этой радости к Богу и когда чувственные вещи подвигают ее к молитве, она не должна отвергать их, а, напротив, должна пользоваться ими для святого упражнения; поскольку чувственные вещи в этом случае послужат цели, для которой Бог сотворил их, а именно быть причинами тому, чтобы Его больше узнавали и любили.

Св. Хуан де ла Крус

Тот, кому не введома свобода духа среди чувств и сладости — предметов, которым следует побуждать нас к молитве, — и кто прилепляется к ним и питается одними лишь чувственными предметами, тому следует воздерживаться от пользования ими; ибо для него они — препятствие на пути к Богу.

Св. Хуан де ла Крус

Кто-то заявляет, что он не в силах поститься; но может ли он заявить, что не в силах любить Бога? Другой может признать, что не в силах сохранять девство или продать все свое имущество, для того чтобы раздать вырученное бедным; но может ли он сказать мне, что не в силах он любить своих врагов? Нужно лишь всмотреться в свое сердце; ибо за тем, чего Бог просит от нас, не нужно идти за тридцать земель.

Св. Иероним*

Всякий, кто хочет поступать подобным образом, может открыть для себя полное, и даже более чем полное, самоограничение, какого он только захочет, в обстоятельствах обыденной, повседневной жизни, и при этом совсем не обязательно предаваться нещадному телесному самоистязанию. Взглянем на наставления, которые изложил автор «Святой Мудрости»** для Гертруды Мор.

Первое: исполнять все, чего требуют любые законы, человеческие или Божии. **Второе:** воздерживаться от совершения того, что запрещается человеческим или Божественным законом, или Божественным вдохновением. **Третье:** нести, сколько хватит терпения или покорности, тот крест, что был возложен рукою Божией, и, сколь можно, противиться проявлениям своей природной воли. Таковые, к примеру, — скука, искушение, скорби или телесные страдания, болезни и немощи; или же утрата близких, или недостаток удобств и всего необходимого. Все это должно сносить с терпением, получен ли этот крест от самого Бога или посредством Его творений... Этих ограниче-

* Св. Иероним Стридонский (между 340 и 350 — 419/420) — один из самых значительных западных отцов Церкви. Оставил большое литературное наследие. В своих сочинениях развивал экзегетический метод Оригена.

** Дэвид Августин Бейкер (1575—1641) — английский мистик и духовный писатель, наставник Гертруды Мор. «Святая Мудрость» — его основное сочинение.

ний довольно для Дамы Гертруды или для любой другой души, и нет необходимости в том, чтобы кто-либо советовал или накладывал другие.

Августин Бейкер

Если подвести итог, наилучшим будет то самоограничение, результатом которого становится устранение своевольных, эгоистичных, сосредоточенных на собственном «я» мышления, желания и воображения. Крайние формы физической аскезы, скорее всего, не приведут к такого рода самоограничению. Но принятие того, что случается с нами (кроме, конечно же, наших собственных грехов) по ходу нашей повседневной жизни, — вот что, скорее всего, принесет этот плод.

Если же практикуются некие особенные упражнения в самоотвержение, их следует делать не напоказ, без всякой состязательности и так, чтобы не навредить здоровью. Например, что касается питания, для большинства людей вполне можно будет считать самоограничением, если они откажутся от употребления в пищу того, что отвергается как нездоровое специалистами в вопросах питания. В том же, что касается общения с окружающими, самоотвержение должно проявляться не в показном смирении, но в том, чтобы обуздывать свой язык и свое поведение — удерживаться от злословия или даже от фривольных разговоров (что на практике означает отказ примерно от пятидесяти процентов наших обычных бесед), и в том, чтобы вести себя спокойно и с немногословной жизнерадостностью, когда внешние обстоятельства или состояние нашего тела склоняет нас к беспокойству, унынию или излишним восторгам.

Когда человек совершает дела милосердия для того, чтобы получить рождение на небесах, ради славы или награды или же в страхе, подобное милосердие не приносит непосредственного воздаяния.

«Сутра различения и охранения дхармы»

Однажды, находясь в пути и знакомясь с землями Цзан, князь Вэнь Ван увидел старика, который удил рыбу. Но занятие это не было настоящей ловлей рыбы, ибо старик сидел с удочкой не для того, чтобы поймать рыбу, а чтобы развлечься. Вэнь Ван захотел было поставить этого старика на ответственный пост в управлении государством, но побоялся, что собственные его министры, братья и дядья могут возражать. С другой стороны, князь огорчился, что, отпусти он этого старика, некому будет оказать на его людей подобное влияние.

Чжуан-цзы

Боже, если я поклоняюсь Тебе из страха оказаться в аду, сожги меня в аду. Если же я поклоняюсь Тебе в надежде попасть в рай, не допусти меня в рай; но, если я поклоняюсь Тебе ради Тебя самого, не лиши меня лицемерия Твоей вечной красоты.

Рабийя

Рабийя, женщина-святая суфизма, говорит, мыслит и чувствует, опираясь на личностное поклонение Богу; буддистский богослов — в понятиях объективного нравственного Закона; китайский философ, с присущим ему юмором, — в терминах политики. Но все трое настаивают на необходимости отстранения от своекорыстия — так же, как и Христос, когда Он укоряет фарисеев в эгоцентричном благочестии, как Кришна в Бхагавад-Гите, когда он говорит Арджуне, что тому следует исполнять свои обязанности, к которым он приставлен божественным повелением, не желая и не страшась возможных плодов своих действий.

Святого Игнатия Лойолу однажды спросили, что он будет чувствовать, если Папа решит запретить Общество Иисуса. «Четверть часа молитвы, — отвечал он, — и я забуду об этом».

Это, вероятно, наиболее сложное из всех видов самоограничения — достижение «святого безразличия» к временным успехам или неудачам в деле, которому посвятил всю свою жизнь. Если его ждет триумф — что ж, прекрасно; но если дело это потерпит неудачу — значит, так и должно быть; хотя такое поведение ограниченному, живущему лишь в рамках преходящего разуму должно показаться совершенно непостижимым.

Человеком, не имеющим страстей, назову того, кто не позволяет доброму или злему потревожить его внутреннее устройство, но скорее принимающего все то, что случается, ничего не прибавляя к своему смертному естеству.

Чжуан-цзы

Должное расположение для единения с Богом состоит не в том, чтобы душа понимала, чувствовала, ощущала или воображала нечто о том, что относится к природе Божией, или что-либо подобное. Но ей следует оставаться в чистоте и любви, в которых совершенная покорность и полное отрешение от всего для одного только Бога.

Св. Хуан де ла Крус

Беспокойство — это всегда тщеславие, ибо беспокойство не ведет к добру. Воистину, даже если весь мир и все сущее в нем погрузится в хаос, и тогда беспокойство по этому поводу будет тщеславием.

Св. Хуан де ла Крус

Для каждого дня, а также и для каждого места достаточно своей заботы. Беспокойство, вызванное событиями, которые мы не в силах изменить — то ли потому, что они еще не произошли, то ли

по той причине, что они происходят на недостижимом для нас расстоянии, — ни к чему не приведет; разве только болезненней будет восприниматься то отдаленное или ожидаемое несчастье, которым вызваны наши душевные страдания. Четыре-пять раз в день слушать сводки новостей, рассуждения комментаторов, читать утренние газеты и всевозможные еженедельники и ежемесячники — в наши дни это называется «проявлять разумный интерес к политике». Св. Хуан де ла Крус сказал бы, что тем самым мы попросту потакаем своему праздному любопытству и предаемся беспокойству ради беспокойства.

Я хочу очень немногого, а того, что хочу, хочу не так сильно. Я почти ничего не прошу, но случись мне снова родиться, то не просил бы совсем ничего. И лучше всего для нас будет не просить ничего и не отвергать ничего, оставив себя на попечение Божественного Провидения, не тратить время попусту на желания, имея волю лишь к тому, чтобы Воля Божия проявлялась в нас.

Св. Франциск Сальский

Стремись к Пустоте, насколько хватает сил,
Насколько хватает сил, держись за Недеяние, —
Тогда совладаешь с любой из десяти тысяч вещей.
Я видел, куда они возвращаются.
Знай, что все вещи, как бы ни цвели они,
Возвращаются к корню, из которого растут.
Это возвращение к Корню называется Недеянием.
Недеянием называется покорность Судьбе.
То, что покорилося Судьбе, становится частью непреходящего.
Знать непреходящее — значит быть просветленным.
Не знать его — означает слепо идти навстречу гибели.

Лао-цзы

Нам не следует желать чего-либо иного, кроме того, что происходит сейчас, все это время, однако, сохраняя добродетель.

Св. Катерина Генуэзская

В практике самоограничения, как и в большинстве других занятий, мы продвигаемся вперед, словно по лезвию ножа. С одной стороны нас подстерегает Сцилла эгоцентричного аскетизма, с другой — Харибда безразличного квиетизма. Святое безразличие, которое пытаются утвердить представители Вечной Философии, — это не стоицизм и не простая пассивность. Это скорее можно назвать активной отрешенностью. Своеволие отвергается, но не для того, чтобы восторжествовала полная праздность от воли, но с тем чтобы Божественная Воля смогла бы воспользоваться усмирненным умом и телом как инструментом для благих деяний. Здесь можно, вслед за Кабиром, сказать, что «подлинно ищет тот, кто смешал в своем сердце два потока — любовь и бесстрашие, как смешиваются потоки Ганга и Джамны».

До тех пор, пока мы не положим конец всему тому, что привязывает нас к личностному эго, не может быть любви к Богу от всего сердца, ума и сил и всеобъемлющего милосердия ко всем творениям во имя Бога. Отсюда и бескомпромиссное утверждение, которое мы находим в Евангелиях, о том, что необходимо отречься от семейных уз, от той исключительности, которая связывает членов одной семьи. И если Сыну Человеческому негде голову преклонить, если у Татхагаты и Бодхисаттв «мысли пробуждены к осознанию природы Реальности, нигде при этом не пребывая», то причина в том, что для ума, заточенного в личных пристрастиях и антипатиях, невозможна подлинно Божественная любовь, которая, как солнце, светит одинаково для праведного и неправедного.

Душа, которая привязана к чему-либо, каким бы добрым оно ни было, не достигнет свободы Божественного Единения. Чем бы ни была связана птица, толстой веревкой или тонкой нитью, это не имеет значения, если путы достаточно крепки, чтобы не рваться. Ибо, пока они не будут разорваны, птица не сможет улететь. Так и душа, скованная узами человеческих страстей, какими бы тонкими и не приметными они не были, не может, пока они крепки, продолжать свой путь к Богу.

Св. Хуан де ла Крус

Есть люди, которые еще недавно разрешились от бремени грехов, и поэтому, хотя и настроены любить Бога, пока еще остаются начинающими и неопытными, слабыми и нетвердыми... Любя Господа, одновременно они питают любовь к чрезмерным, тщетным и опасным вещам. Хотя они любят Бога превыше всего, все же они продолжают искать удовольствия во многом, любя это не в Боге, но одновременно с Ним, — я говорю о некоторой, пусть незначительной, неумеренности в словах, жестах, одеянии, о развлечениях и легкомысленном поведении.

Св. Франциск Сальский

Есть души, что несколько преуспели в божественной любви и отсекали от себя всю ту любовь, которую они имели к опасным вещам; и все же они не свободны от проявлений любви опасной и чрезмерной, потому что любят то, что Бог велит им любить, но неумеренно, слишком нежной и страстной любовью... Любовь к нашим родным, друзьям и благодетелям сама по себе угодна Богу, но мы можем любить их неумеренно; и также наши призвания, какими бы духовными они не были, и наши духовные упражнения (которые нам все же следует любить) можно любить чрезмерно. Так получается, когда мы ставим их выше послушания и общего блага. Порой мы печемся о них, как о цели самой по себе, в то время как они — не более чем средства.

Св. Франциск Сальский

Благодеяния Божьи, что превыше всякой меры, может вместить только опустошенное и уединенное сердце.

Св. Хуан де ла Крус

Представь себе, что лодка пересекает реку, и другая лодка, пустая, вот-вот столкнется с нею. Даже раздражительный человек не станет сердиться на пустую лодку. Но представь, что во второй лодке кто-то есть. Тогда тот, кто в первой лодке, будет кричать и требовать освободить себе путь. А если тот не услышал в первый раз, и даже тогда, когда ему прокричали трижды, неизбежно последует ругань. В первом случае гнева не было, во втором был — потому что в первом случае лодка была пуста, а во втором — занята. Так же и с человеком. Если бы он шел по жизни пустым, кто бы смог оскорбить его?

Чжуан-цзы

Когда сердце плачет по утраченному, дух радуется найденному.

Суфийское изречение

Расставаясь с эгоцентричной жизнью, мы освобождаем жизнь, прежде скрытую и неведомую, которую, в духовной части нашего существа, мы делим с Божественным Основанием. Эта вновь обретенная жизнь «избыточна» в сравнении с прежней: она особого и более высокого качества. Она приносит с собой освобождение в вечность, и в этом освобождении — само блаженство. Иначе и быть не может, ибо Брахман, который одно с Атманом, — это не только Бытие и Знание, но еще и Счастье; окончательный же плод Духа, после Любви и Мира, — это Радость. Самоограничение болезненно, но боль — одно из предварительных условий блаженства.

Этот факт духовного опыта несколько скрадывается тем языком, которым доводится его описывать. Так, когда Христос гово-

рит, что в Царство Небесное невозможно войти тем, кто не уподобится малым детям, мы забываем (настолько трогательны образы, пробуждаемые этими простыми и бесхитростными словами), что человек не может стать подобным ребенку, пока не решится на то, чтобы пройти через исключительно напряженное и мучительное самоуничужение. На самом деле требование уподобиться малым детям — подобно требованию расстаться со своей жизнью.

Как поясняет Трахерн в прекрасном отрывке, который мы приводили в главе «Бог в мире», невозможно познать сотворенную Природу во всей внутренне присущей ей священной красоте, пока прежде не отучишься от тех грязных трюков, к которым прибегает взрослая часть человечества. Если смотреть на вселенную через очки эгоизма, очки навозного цвета, то она выглядит в точности как навозная куча. От долгой же носки эти очки прирастают к глазам, и процесс «очищения врат восприятия» зачастую, по крайней мере на ранних стадиях духовной жизни, по своей болезненности подобен хирургической операции. Впоследствии, правда, даже тот, кто ни во что себя не ставит, сможет быть наполнен радостью Духа. Этот момент прояснен в следующем отрывке из трактата четырнадцатого века «Ступени совершенства».

Многие обладают добродетелями покорности, терпения и милосердия к своим ближним, но лишь в разуме и воле, не имея от этих добродетелей ни духовного наслаждения, ни любви. Нередко, недовольный, тягостно и горько понуждает он себя следованию этим добродетелям, и все же следует им, побуждаемый разумом в страхе Божиим. Такой человек добродетелен в разуме и воле своих, но нет в нем любви к добродетели. Но когда, по милости Иисусовой и через духовные и телесные упражнения, разум обращается в свет и воля в любовь, тогда — влечение к добродетели, ибо так долго грыз он

горькую кору или скорлупу ореха, что наконец сломал ее, и теперь может питаться ядром. Говоря иначе, добродетели, которые вначале были ему тягостны для исполнения, превратились теперь в приятные и необременительные.

Уолтер Хилтон

Пока я являюсь чем-либо или обладаю чем-то, я не являюсь всем и не имею всего. Очистись, пока не перестанешь быть или обладать чем бы то ни было, и станешь тогда вездесущим и, не будучи ни тем ни другим, будешь всем.

Экхарт

Ту же мысль, которую так драматично подчеркивает Экхарт в этих строках, часто отмечают моралисты и психологи духовной жизни. Только когда мы откажемся от нашей всепоглощающей увлеченности «я», «мне», «мое», мы можем поистине быть хозяевами того мира, в котором живем. Все в нем наше — при условии, что мы не считаем в нем что-либо своей собственностью. И не только все принадлежит нам, оно также принадлежит и всем остальным.

**Любовь тем отличается от золота и глины,
 Что разделить — не значит погубить.**

Абсолютный коммунизм возможен только в духовной сфере и, в некоторой степени, в сфере разума и только тогда, когда в них действуют мужчины и женщины в состоянии непривязанности и самоотвержения. Даже при создании интеллектуальных и эстетических продуктов и наслаждении ими определенная степень самоограничения, следует это отметить, уже является неотъемлемой предпосылкой. Тот, кто выбирает профессию художника, философа или ученого, во многих случаях выбирает и бедную жизнь, тя-

желую и неблагодарную работу. Но это ни в коем случае не единственное из тех добровольных ограничений, которым ему предстоит подвергнуть себя. Когда художник смотрит на мир, он должен забыть о своей обычной человеческой привычке воспринимать мир утилитарно, отталкиваясь от интересов своего «я». Таким же образом философ-аналитик должен обуздать свой «здравый смысл», а ученому-исследователю надлежит проявлять упорство, борясь с искушением все упрощать и мыслить привычными представлениями, должно приучить себя послушно следовать в том направлении, которое указывает ему еще неведомый Факт.

И то, что справедливо по отношению к создателям эстетических и интеллектуальных продуктов, справедливо и по отношению к тем, кто будет наслаждаться ими. То, что эта разновидность самоограничения вовсе не пустячная, доказано не раз и не два самым ходом истории. Можно, к примеру, вспомнить о духовно воздержанном Сократе и цикуте, которой наградили его невоздержанные сограждане. Можно вспомнить и о героических усилиях, на которые пришлось пойти Галилею и его современникам для того, чтобы порвать с аристотелевской условностью мышления. И такие же героические усилия требуются в наше время от любого ученого, который верит, что вселенная — это нечто большее, чем то, что можно открыть, пользуясь освященным временем рецептами Декарта. Подобное самоограничение имеет своей наградой состояние сознания, соответствующее, на более низком уровне, духовному блаженству. Художнику — а философ и ученый тоже художники — знакомо высшее счастье эстетического созерцания, обретения и обладания без привязанности.

Все, что создается интеллектом, чувством и воображением, — это реальные предметы, но они не являются окончательным бла-

гом; когда мы принимаем их за цель саму по себе, мы впадаем в идолопоклонство. Обуздания воли, желания и действия недостаточно, должно быть также обуздание знания, мышления и воображения.

Из-за грехопадения мыслительные способности человека находятся в гораздо худшем состоянии, чем его животные наклонности и требуют гораздо большего самоотречения. Мы же склонны потворствовать нашей воле, нашему восприятию и воображению, все позволять их природной силе. И даже когда они внешне обогащаются и облагораживаются теми сокровищами, которые можно обрести в изучении изящных искусств, они столь же способны помочь несчастному падшему человеку уподобиться Христу, сколь кулинарное искусство, старательно изучаемое, поможет профессору богословия в деле духа и христианского воздержания.

Уильям Ло

Поскольку слово «культура» — немецкое, то во время Первой мировой войны оно подвергалось насмешливому презрению. Сейчас все переменялось. В России Литература, Изобразительное Искусство и Наука стали новой гуманистической Святой Троицей. Но Советский Союз — это не единственная страна, в которой существует культ Культуры. На культуру молится большинство интеллектуалов и в странах капиталистической демократии. Умные, искушенные журналисты отзываются обо всем на свете с таким снисходительным цинизмом, будто уже знают все о Боге, Человеке и Вселенной и стоят неизмеримо выше всей нашей бестолковой толпы, буквально из кожи вон лезут, наперебой расхваливая преимущества Культуры. С глубокомыслием и воодушевлением, по-

рою просто смехотворными, они приглашают нас приобщиться к их религиозному, иначе не скажешь, благоговению перед лицом Высокого Искусства. Без тени сомнения нам заявляют, что, пока госпожа Икс продолжает писать свои неподражаемые романы или господин Игрек свою превзошедшую Колриджа* критику, мир, несмотря на все уверения в обратном, все же не лишен смысла.

Все та же завышенная оценка Культуры, та же уверенность в том, что Искусство и Литература самодостаточны и могут процветать в изоляции от разумной и реалистичной философии жизни, вторгается даже в школы и колледжи. Среди «продвинутых» педагогов немало таких, которые придерживаются мнения о том, что все будет в порядке, пока подрастающему поколению будет позволено «самовыражаться», а маленьких детей будут поощрять к «креативности» на уроках художественного творчества. Но, увы, пластилин и самовыражение не решат проблем образования. Не смогут разрешить их ни технология, ни профессиональная ориентация, ни серия «Сто лучших книг». Следующие критические строки об образовании были написаны более чем два с половиной столетия назад, но и теперь их можно считать написанными на злобу дня, как тогда, в семнадцатом веке.

Невежда тот, кто полагает себя ученым и не видит способа, каким его знание соотносится с Божественным, ангельским и человеческим и со всем творением земным, с Небесами и преисподней, со временем и вечностью.

Томас Трахерн

* *Сэмюэл Тейлор Колридж* (1772—1834) — английский поэт, философ, литературный критик. Один из родоначальников английского романтизма.

Тем не менее и там не обошлось без недостатков (в Оксфорде во времена республики). Не было таких наставников, что тол-

ково преподали бы нам науку Счастья, хотя это госпожа всех прочих наук. И все мы учились наукам, словно чему-то чуждому, а ведь прежде всего следовало бы открыть для себя, что в них заключено и наше собственное наслаждение. Мы учились для того, чтобы набираться знаний, но неведомо нам было, какова цель нашего учения. Не имея же перед собой непосредственной цели, мы допустили ошибку и в том, как следовало учиться.

Томас Трахерн

Для Трахерна «наука Счастья» означает блаженство, на деле тождественное освобождению, которое, в свою очередь, является единящим знанием Бога на внутренних высотах и во внутренней и внешней полноте.

Ниже следует описание интеллектуального самоограничения, которое должно практиковаться теми, кто прежде всего нацелен на познание Божественного на внутренних высотах души.

Счастлив тот человек, кто, непрестанно избавляясь от всех образов, и через внутреннюю сосредоточенность и возвышение своего ума к Богу, наконец, забывает и оставляет позади все препятствия. Ибо только таким путем он постигает внутренне, разумом и чувствами в их чистом и подлинном состоянии наиболее чистый и подлинный объект — Бога. Пойми поэтому, что все твои старания, направленные на Бога внутри тебя, могут зависеть всецело лишь от чистого интеллекта, чувств и воли. Воистину, упражнение это не может быть выполнено ни одним из телесных органов, ни внешними чувствами, но лишь теми, что составляют существо человека, — то есть пониманием и любовью. Если, следовательно, ты желаешь безопасно приступить и кратчайшим путем восходить к обретению подлинного блаженства, тогда, укрепившись в своем разуме, ревностно желай и стремись к постоянному очищению сердца и непорочности ума. Прибавь к этому непре-

менное спокойствие и безмятежность чувств и сдержанность движений сердечных, постоянно удерживая их на предметах горних. Трудись над тем, чтобы твое сердце опростилося, чтобы, будучи безмятежен и непреступен для всех вторгающихся тщетных мечтаний, ты мог бы постоянно предстоять пред Господом внутри себя, ничуть не менее, чем если бы ты уже вступил в присносущее сейчас вечности, — иначе говоря, в состояние Божественного. Восходить к Богу — то же, что войти внутрь себя. Тот, кто, входя, следует выше и далее себя самого, тот подлинно восходит к Богу. Разум должен подняться над собой и сказать: «Тот, кто превыше всего, мне нужен; То превыше всего, что мною познано». И так, идя все далее к глубинам, приступая к превосходящему все благу, разум постепенно привыкает к своему обиталищу и всеми своими чувствами научается неотступно держаться того наивысшего блага, что открывается внутри. Продолжай таким образом, пока не обретишь навыки в таковом делании, и так, наконец, придешь к той подлинной жизни, в которой Сам Бог, непрестанно, в неизменности пространства и времени, обитает во внутренней тишине и тайном обиталище Божественного.

Альберт Великий*

Некоторые любят науку и познание как наилучшее и самое замечательное из всего, что только может быть. Да будет тебе известно, что тогда они начинают любить науки и познание более, чем то, что они познают; ибо ложный природный свет любит свое познание и силы, которые содержатся в нем, более, чем то, что познается. И если бы возможно было, чтобы этот ложный природный свет смог понимать подлинную Истину, которая есть в Боге и в истине, то тогда бы

* *Альберт Великий* (1206—1280) — немецкий ученый, философ и богослов. Автор трудов по теологии, психологии, физике, логике, этике, политике и метафизике. В знак признания своих исключительных разносторонних знаний был назван «Универсальным доктором»

он не терял своих свойств, то есть он не мог бы отступать от самого себя и своих признаков.

Theologia Germanica

Нравственное действие и духовное знание взаимозависимы и, как таковые, взаимно влияют друг на друга. Бескорыстное поведение дает возможность приобретать знания, а приобретение знаний делает возможным совершение дальнейших, еще более чистых в своем бескорыстии действий, которые, в свою очередь, усиливают способности к познанию того, кто их совершает. И все происходит подобным образом и далее до бесконечности, если все проходит гладко и есть совершенное послушание и способность к научению.

То, как протекает этот процесс, подытожено в нескольких строчках Майттраяна-упанишады. Человек совершает правильное действие (которое включает, конечно же, правильное понимание и правильную медитацию), и это дает ему возможность лучше взглянуть на то «я», которое находится под покровом его обособленной личности. «Увидев свое “я” как “Я”, он отвергает себя (и поэтому поступает самоотверженно) и в добродетели самоотверженности постигает свою безграничность. Это величайшая тайна, воплощение самого освобождения; через самоотречение он недоступен наслаждению или страданию (другими словами, входит в состояние непривязанности или святого безразличия), но достигает абсолюта». (Или, как говорит об этом Альберт Великий, «становится непрístupным для перемен и достигает той подлинной жизни, которая и есть Сам Бог».)

Когда самоограничение совершенно, его наиболее характерный плод — это простота.

Вот как о об этом говорит один из величайших мастеров психологического анализа.

В обществе, когда кого-то называют простодушным, обычно имеют в виду глуповатого, невежественного, легковверного человека. Но подлинное простодушие, в котором нет ничего от глупости, — одно из наиболее возвышенных качеств. Оно знакомо всем добрым людям и восхищает их. Они чувствуют, когда им случается грешить против него, видят его в других и знают, из чего состоит это простодушие, но все же не могут дать ему точного определения. Я бы сказал, что простодушие — это душевная прямота; оно исключает излишнюю сосредоточенность души на самой себе. Простота — не то же самое, что искренность, добродетель гораздо более непритязательная. Многие искренни и при этом не простодушны. Они говорят лишь то, что, по их мнению, является правдой, и не хотят показаться ничем, кроме того, что они есть. Но они неотступно поглощены лишь собой, взвешивают каждое свое слово и мысль и заняты сами собой, вечно переживая, что сказали слишком мало или слишком много. Такие люди искренни, но не простодушны. Им непросто с другими, и другим непросто с ними. В них нет ничего непринужденного, откровенного, свободного или естественного. Порой даже хочется предпочесть общество пусть не таких замечательных, но более непосредственных людей.

Еще одна крайность, противоположная простодушию, — быть полностью поглощенным внешним миром, ни единой мыслью не задумываясь о том, что происходит внутри. А ведь многие живут и увлечены только тем, что приятно и осязаемо. Увлеченность, не знающая меры, своими чувствами и переживаниями — будь то долг перед Богом или человеком — другая крайность. В своих глазах такой человек представляется себе мудрым, на самом деле становясь замкнутым, живущим лишь своими чувствами и терзаясь каждой мелочью, способной потревожить его самоуспокоенность. Подобная ложная мудрость, несмотря на свою нарочитую значимость, вряд ли менее

тщеславна и глупа, чем глупость тех, кто с головой окунается в мирские удовольствия. Один опьянен своим внешним окружением, другой — тем, что в своих глазах он делает внутренне; но оба они пьяны.

Последнее состояние даже хуже первого, поскольку оно кажется мудростью, хотя на деле вовсе не является ею, а эти люди даже не пытаются излечиться от подобной ложной мудрости. Истинная простота находится в золотой середине: она одинаково свободна и от беспечности, и от одержимости чувствами. В таком состоянии душа не отягощена внешним настолько, что уже не способна размышлять, однако и не отдается на произвол самомнения, вынуждающего ее к очищению, которому не видно конца и края. Та душа, что идет своим путем, не теряя времени на обдумывание каждого своего шага или постоянно оглядываясь, обладает подлинной простотой. Подобная простота — поистине великое богатство. Как же мы можем снискать ее? Я бы все отдал за то, чтобы обладать ею, ибо это поистине одна из драгоценных жемчужин Священного Писания.

Итак, первый шаг: душе следует оградиться от всего внешнего и взглянуть внутрь себя так, чтобы узнать, в чем ее подлинные стремления; в этом нет ничего предосудительного, и шаг такой будет вполне естественным, поскольку в нем — только мудрое самолюбие, которое стремится избежать отравления миром.

Далее душе следует к почитанию себя прибавить почитание Бога, которого она страшится. Это лишь слабое приближение к подлинной мудрости, но душа пока еще слишком сильно поглощена собой: ей недостаточно лишь бояться Бога, она хочет знать наверняка, что в ней есть страх Божий, и, боясь, как бы не утратить его, она ходит по замкнутому кругу самосознания. Это безустанное, не знающее покоя пребывание в себе все еще очень далеко от свободы и покоя подлинной любви; но, поскольку и та уже не за горами, душе следует вступить на путь испытаний, ибо, если ей случится внезапно погрузиться в состояние безмятежности, она не будет знать, как воспользоваться им.

Третий шаг заключается в том, что, оставив неустанное самопоклонение, душа начинает вместо того обитать в Боге и, по мере своего возрастания, забывает себя в Нем. Она наполняется Им и перестает питаться своим «я». Такая душа не остается слепа к своим недостаткам или безразличной к своим ошибкам; она более, чем когда-либо прежде осознает их, при том, что все возрастающий свет являет их все более ясно, но это познание себя идет от Бога, и, следовательно, оно не несет с собой тревоги или тягости.

Фенелон

Замечательные слова, пронизательные и возвышенные! Одно из самых непомерных в своей кичливости заблуждений двадцатого века — абсолютно беспочвенная уверенность в том, что до Фрейда никто ничего не понимал в психологии. А правда как раз в том, что большинство современных психологов разбираются в человеческой природе хуже, чем их куда более выдающиеся предшественники. Фенелон и Ларошфуко знали все о глубинных, неявных мотивах подсознательного, и они полностью отдавали себе отчет в том, что сексуальность и воля к власти являются, в подавляющем большинстве случаев, теми движущими силами, что действуют под внешней личиной добропорядочности. Макиавелли приводит различие Парето* между «остатком» и «производным» — между подлинными эгоистическими мотивами политического действия и надуманными теориями, принципами и идеалами, то есть словесной оболочкой, в которую облакаются подобные действия, когда приходится пояснять и оправдывать их доверчивой толпе. И едва ли можно найти более реалистичные и беспристраст-

* *Вильфредо Парето* (1848—1923) — итальянский экономист и социолог, представитель математической школы в экономике. Знаменит своей теорией «остатков» и «производных», объясняющей процесс распределения доходов.

ные суждения о достоинствах и рассудительности человека, чем у Паскаля, у Будды и у св. Августина.

Но все они, даже Ларошфуко, даже Макиавелли, знали и еще кое-что, чего психологи двадцатого века предпочитают не замечать, — что человеческая природа имеет тройственное строение, в котором, кроме ума и тела, есть еще и дух; что мы живем на границе между двумя мирами, сиюминутности и вечности, мира физическо-витально-человеческого и божественного; что, ничего не имея в себе, человек — это «ничто, окруженное Богом, нуждающееся в Боге, способное на Бога, наполненное Богом, если того пожелает».

Христианская простота, о которой писал Фенелон, — то же, что и добродетель, которой восхищались Лао-цзы и его последователи. По мнению этих китайских мудрецов, личные грехи и общественные неурядицы — все вызвано тем, что люди отъединились от своего божественного источника и живут, сообразуясь со своей волей и мнениями, а не в согласии с Дао — иначе говоря, с Великим Путем, Логосом, Природой Вещей, — как оно проявляется на всех планах существования, от физического, поднимаясь через животный и ментальный, к духовному. Просветление приходит тогда, когда мы отказываемся от своеволия и покоряемся работе Дао в мире, что окружает нас, и в наших собственных телах, умах и духах.

Иногда, вчитываясь в написанное даосскими философами, кажется, что они верили в «благородного дикаря» Руссо. Но совершенно по-китайски они больше обращались к непосредственному и практическому, чем к просто умозрительному, и потому даосы охотно предлагали свои решения также князьям и правителям. Сообразно их советам, те могли избавиться от сложных нагроможде-

ний цивилизации и таким образом оградить своих подданных от губительного влияния рукотворных и поэтому увядящих от Дао шаблонов мышления, чувствования и действия. Но правители, которым предстоит проделать эту работу для масс, сами должны быть святыми; а чтобы стать святым, необходимо избавиться от закостенелости необращенного взрослого существования и снова стать как малое дитя — ведь именно мягкое и податливое и есть подлинно живое. То, что способно все победить и пережить, приспособляется ко всему; оно всегда ищет самое низкое место — это не скалистый утес, но вода, что смывает вечные холмы. Простота, спонтанность подлинного святого — это плоды подлинного самоограничения, обуздания воли и, через сосредоточенность и медитативную собранность, ума. Только самый умелый из художников сможет передать своей палитрой, но на более высоком уровне непосредственность воображения ребенка. Быть простым — что еще может быть сложнее?

«Могу ли я спросить, — сказал Ен Хуэй, — в чем состоит удержание сердца?»

«Воспитывай в себе единство, — был ответ Конфуция. — Когда слушаешь, слушай не ушами, но разумом; не разумом, а самой душой. Но пусть уши больше не слышат. Пусть прекратится работа ума. Тогда душа будет жить отрицательным существованием, пассивно воспринимая все внешнее. В таком отрицательном существовании может пребывать только Дао. И это отрицательное состояние и есть удержание сердца».

«В таком случае, — сказал Ен Хуэй, — причина, по которой я не могу воспользоваться этим способом, — это мой собственный характер. А если я смогу им воспользоваться, тогда мой характер исчезнет. Не это ли вы подразумеваете под отрицательным состоянием?»

«Именно это, — отвечал Учитель. — Вот послушай. Если ты можешь быть близ этого князя (некоего плохого правителя, которого Ен Хуэй вознамерился перевоспитать), не задевая его самолюбия, радуясь, если он услышит тебя, не навязываясь, если нет; не пытаюсь склонить его на свою сторону своим знанием науки и лекарственных снадобий, просто жить при нем в состоянии полного безразличия, — ты будешь близок к успеху... Взгляни на это окно. Через него пустая комната украшается прекрасным видом; но, тем не менее, эта природа остается за пределами окна. Именно так и ты можешь использовать свои глаза и уши, чтобы общаться со своим внутренним, но не подпускай всевозможную мудрость (то есть шаблонные, прописные истины) к своему уму. Это способ воссоздать все созданное».

Чжуан-цзы

Самоограничение можно рассматривать, в таком случае, как процесс обучения: с его помощью мы учимся непринужденно реагировать на события — реагировать в гармонии с Дао, Таковостью, Волей Бога. Те, кто научились послушно следовать божественной Природе Вещей, те, кто реагируют на обстоятельства не страстно или с нежеланием, но с любовью, которая позволяет им спонтанно поступать по своему усмотрению; те, кто по правде могут сказать о себе: не я, но Бог во мне, — такие мужчины и женщины сравниваются представителями Вечной Философии с детьми, с глупцами и простаками, иногда даже, как в следующем отрывке, с пьяницами.

Пьяница, который выпадет из повозки, пусть даже и расшибется, но не разобьется насмерть. Кости у него такие же, как и у других; но по-другому он встречает эту незадачу. Его духу ничто не угрожает. Ему ведь неведомо, что едет он в повозке, неведомо и то, что он выпал из нее. Представления о жизни, смерти, страхе и прочие по-

добные им не проникают в его грудь, и поэтому он не испытывает страдания от соприкосновения с объективным существованием. Если такую безопасность можно обрести в вине, то сколь более ее можно обрести в Боге?

Чжуан-цзы

Именно через длительное послушание и тяжелый труд художник приходит к непринужденной спонтанности и совершенному мастерству. Зная, что ему никогда не создать ничего от себя, из верхних слоев, если можно так сказать, своего индивидуально-го сознания, мастер послушно следует за работой «вдохновения». Зная, что среда, в которой он работает, имеет собственную природу и ее нельзя игнорировать или насильственно навязывать ей собственную волю, художник становится послушным слугой и таким способом достигает совершенной свободы выражения. Но жизнь — это тоже искусство, и человек, который стремится в своей жизни стать совершенным художником, должен на всех уровнях своего существа следовать тому же заведенному порядку, каким художник, или скульптор, или любой другой мастер своего дела обретает совершенство в пределах своего ремесла.

Повар князя Хуэя разделявал воловью тушу. В каждом ударе его ножа, в подъеме плеч, движении ноги, в каждом «ш-ш-ша» разрезаемого мяса, в каждом «чок» его резака была совершенная гармония — ритмичная, словно танец в Тутовой Роще, размеренная, словно звуки Чин Шу.

«Вот это работа! — воскликнул князь, — ты настоящий мастер своего дела».

«Мой господин, — отвечал повар, — я всегда стремился следовать Дао. Это лучше, чем мастерство. Впервые взявшись за разделку туш, я видел перед собой просто целые воловьих туши. Спустя три

года я уже не видел перед собой целых туш. Теперь же я делаю свою работу не глазами, но умом. Когда мои чувства требуют, чтобы я остановился, но мой разум приказывает продолжать, я опираюсь на вечные законы. Я следую за теми пустотами или отверстиями, какие есть в туше, в соответствии с природным устройством животного. Я не пытаюсь разрубать суставы, тем более — большие кости.

Хороший повар меняет свой резак раз в год — потому что он режет им. Посредственный повар — раз в месяц потому что он рубит. Но я пользуюсь этим резаком уже девятнадцать лет, и, хотя я разделал уже многие тысячи туш, его лезвие все так же остро, как будто только что с точильного камня. Ибо в каждом суставе всегда есть просвет, а край резака не имеет толщины, и остается только вставить то, что не имеет толщины, в такой просвет. Так можно увеличить просвет, а тогда и для лезвия будет достаточно места. Именно так мой резак прослужил мне уже девятнадцать лет, словно только что с точильного камня.

Тем не менее мне может встретиться и твердая часть, где лезвие движется с трудом, и тогда я становлюсь предельно внимателен. Я не свожу с такого места глаз. Я придерживаю руку и веду лезвие осторожно, пока — «чвак!» — эта часть не отвалится, словно земляной пласт. Тогда я вынимаю лезвие, выпрямляюсь и осматриваю свою работу; наконец, вытираю свой резак и заботливо прячу его».

«Превосходно! — воскликнул князь.— Слова этого повара помогли мне постичь, как справиться с жизненными невзгодами».

Чжуан-цзы

В первых семи шагах Восьмеричного Пути Будда описывает условия, которые следует выполнять тем, кто стремится прийти к тому правильному созерцанию, которое есть восьмой и окончательный шаг. Выполнить эти условия — означает подвергнуть себя самому беспощадному и всестороннему самоограничению: обуз-

данию интеллекта и воли, страсти и чувств, мысли, речи, поступков и, в итоге, образа жизни. Однако, говоря о некоторых занятиях или профессиях, можно сказать, что они в той либо иной степени или же полностью несовместимы с достижением конечной цели человека. Есть столько способов зарабатывать на жизнь, нанося немало физического и, что главное всего, нравственного, интеллектуального и духовного вреда, что, даже трудясь над собой в духе непривязанности (что в целом невозможно), этих занятий все равно следует избегать тому, кто посвятил себя задаче не только собственного освобождения, но и освобождения других. Представители Вечной Философии не ограничиваются только тем, что остерегаются и запрещают заниматься преступными занятиями, подобно содержанию публичных домов, мошенничеству, грабежа и тому подобное; они также уклоняются и предостерегают других от неких иных способов заработать на жизнь, которые принято считать законными. Так во многих буддистских обществах производство оружия, приготовление опьяняющих напитков и оптовая торговля мясом не приносили, как в современном христианском мире, богатства, знатных титулов и политического влияния. Заниматься подобного рода делами считалось достойным глубокого сожаления. По утвердившемуся мнению, и самим людям, кто зарабатывал себе на жизнь подобным способом, и другим членам общества, где это практиковалось, особенно сложно достичь просветления и освобождения. Подобным же образом, в средневековой Европе христианам запрещалось зарабатывать на жизнь ростовщичеством или спекуляцией на рынках. Как показано у Тони и у других исследователей, только после Реформации стрижка купонов, денежный интерес и игра на бирже стала уважаемым занятием и обрела поддержку церкви.

Для квакеров одной из форм неправильного образа жизни была и остается военная служба — война, в их глазах, всегда будет антихристианской, и не столько потому, что она приносит с собой страдания, но потому что она множит ненависть, поощряет несправедливость и жестокость, заражает целые общества гневом, страхом, гордыней и духовным бесчувствием. Подобные страсти заслоняют Внутренний Свет, а следовательно, войны, которые порождаются и усиливаются этими страстями, должно рассматривать, какими бы ни были их немедленные политические следствия, как бедствия, которые неизбежно погружают мир в пучину духовной тьмы.

Из опыта известно, что устанавливать негибкие и детализированные правила правильного поведения — дело опасное; опасное, потому что большинство людей не видят причин быть излишне праведными. Как следствие, на слишком жесткий моральный кодекс они отвечают или лицемерием, или же открытым бунтом.

В христианской традиции, к примеру, принято проводить различие между заповедями, которые обязательны для всех, и наставлениями для стремящихся к совершенству. Они обязательны только для тех, кто решился пойти на полное отречение от «мира». Заповеди включают в себя привычные моральные нормы и требование возлюбить что есть сил Бога умом и сердцем, и ближнего своего как самого себя. Некоторые из тех, кто всерьез старается подчиниться этому последнему и величайшему из предписаний, открывают для себя, что они не в силах выполнять его искренне, не следуя совершенству и не порвав всех связей с миром. Тем не менее, людям возможно достичь такого совершенства, заключающегося в освобождении к единящему знанию Бога. Для этого не обязательно, отказываясь от семейной жизни, продавать все, что име-

ешь, и раздавать его нищим. Действенная нищета (не иметь денег) совсем не означает нищету по убеждению (безразличие к деньгам). Можно быть бедным, и при этом отчаянно желать всего, что покупается за деньги, оставаясь во власти вожделений, зависти и острой жалости к себе самому. Кто-то может иметь деньги, оставаясь при этом свободным от привязанности к деньгам или вещам, к власти и привилегиям, которые приносит с собой обладание деньгами.

«Евангельская нищета» — это сочетание действенной нищеты с нищетой по убеждению. Однако по-настоящему нищими духом вполне возможно быть и тем, кого на самом деле не назовешь нищими. Раз получается так, что все, что относится к правильному образу жизни, невозможно втиснуть в рамки общего для всех нравственного кодекса: он продолжает оставаться делом исключительно индивидуальным. То, как поступать в каждом отдельном случае, зависит от степени знания, нравственной чувствительности и духовного понимания, достигнутых каждым отдельным человеком.

По этой же причине невозможно установить и никаких универсальных правил, применимых для каждого случая, разве что в самых общих положениях. «Вот мои три сокровища, — говорит Лао-цзы. — Бери и храни их! Первое — будь сострадательным; второе — умеренным; третье — не стремись быть впереди всего сущего под небом». Так же и Иисус, когда незнакомец попросил рассудить их с братом в споре о наследстве, ответил отказом (поскольку ему неизвестны были обстоятельства) и лишь предупредил об опасности, которую несет с собой алчность.

Как-то Га-сан наставлял своих последователей: «Правы те, кто противится убийству и стремится сохранить жизнь всем живым существам. Это хорошо — охранять даже животных и насекомых. Но как быть с теми, кто убивает время, с теми, кто губит богатство,

благополучие своего общества? Нам не стоит забывать о них. Опять же, что можно сказать о том, кто проповедует без просветления? Он убивает буддизм».

Из «Ста одной дзенской истории»

Однажды благородный Ибрагим, на золоченом троне восседая, Услышал шум, и крики, и звон оружия, что доносились с крыши. Тяжелым шагом прошелся кто-то по дворцовой крыше.

Он удивился: «Кто там может быть на крыше?»

И, выглянув, он крикнул из окна:

«Эй, кто там, кто по крыше ходит?»

В смущении, с поклоном низким, ему ответствовала стража:

«Мы, господин, по крыше ходим, поисками заняты».

«Чего вы ищете?» — спросил он. Стражники: «Своих верблюдов».

«На крыше дома? Откуда там верблюды?». Но стражники в ответ:

«Мы лишь последовали твоему примеру, господин,

Кто с Богом ищет единения, взойдя на золоченый трон».

Джалаледдин Руми

Проблема власти — самая застарелая, самая засушливая и трудноразрешимая из всех общественных, нравственных и духовных проблем. Жажда власти — это не телесный грех; в результате ей не ведомы те ограничения, которые утомленная или пресыщенная физиология налагает на кревоугодие, невоздержанность и похоть. Жажда власти, становясь все сильнее с каждым успешным удовлетворением, способна проявляться бесконечно, и здесь не помеха телесная усталость или немощь. Более того, таково по своей природе само общество — чем выше человек взбирается по ступеням политической, экономической или религиозной иерархии, тем обширнее становятся его возможности и средства для проявления власти.

«Государство — это я», — сказал тиран; и это применимо, конечно же, не только к самодержцу на вершине пирамиды, но и ко всем членам правящего меньшинства, проводникам тирании, которые на деле и есть подлинные правители народа. Более того, до тех пор, пока политика, которая потакает властолюбивым устремлениям правящего класса, остается успешной, и до тех пор, пока цена такого успеха не слишком высока, даже управляемые массы будут считать чувство, что государство — это они, — безграничная и пышная проекция внутренне незначительного «эго» маленького человека. Маленький человек может выразить свое стремление властвовать над другими опосредствованно, через действия империалистического государства, не отличаясь в этом от «большого» человека; разница между ними будет в степени, но не в качестве.

Пока еще не придуман безошибочный способ контроля над проявлениями жажды к власти в политике. Поскольку власть по самой своей природе будет бесконечно стремиться к расширению, ее нельзя контролировать иначе, кроме как сталкивая с другой властью. Вывод: любому обществу, которое ценит свободу как власть закона, а не классовых интересов или самовластия, надлежит постоянно следить за тем, чтобы власть его правителей оставалась разделенной. Так называемое единство нации — это порабощение человека в масштабах нации, поддержка им правящей олигархии. Тогда разъединение, организованное и уравновешенное, — это необходимое условие свободы. Парламентская оппозиция и есть самая надежная основа парламентаризма, поскольку является по-настоящему полезной частью любого свободолюбивого общества.

Далее, поскольку стремление к власти по природе своей ментально, а поэтому ненасытно и неподвластно болезни или старости, ни одно общество, которое ценит свободу, не может позволить своим

правителям руководить государством сколь-нибудь длительный срок. Картезианский орден, который «никогда не перестраивался, потому что никогда не приходил в упадок», обязан своей длительной невосприимчивостью к упадку тому, что его аббаты избирались всего лишь на один год. В Древнем Риме количество подзаконной свободы было обратно пропорционально длительности нахождения у власти общественного служащего. Подобные правила, предназначенные для того, чтобы контролировать желание власти, очень легко сформулировать, но очень сложно, как показывает история, воплотить в жизнь. Особенно сложно это сделать в период, подобный современному, когда освященные временем политические механизмы быстро ветшают под действием стремительных перемен в технологии и появилась необходимость воплотить благотворный принцип организованного и уравновешенного разобщения в новых и более адекватных общественных институтах.

Актон, ученый-католик, был того мнения, что все великие люди плохи; Руми, персидский поэт и мистик, считал, что искать единения с Богом, сидя на троне, — такая же бессмыслица, как искать верблюда на крыше между дымоходами. Несколько более оптимистично звучат в этой связи слова св. Франциска Сальского; об этом мы читаем в записках его блистательного ученика, молодого епископа Белле.

«Отче, — спросил я как-то, — как возможно тем, кто по своему положению выше остальных, исполнять добродетель послушания?»

Франциск Сальский отвечал: «У них есть к этому великие и более замечательные способы, чем у тех, кто им подчинен».

Ответ был мне непонятен, и поэтому он продолжал: «Те, кто находятся в послушании, как правило, имеют над собой только одного старшего... но у самих старших куда более широкий простор для по-

слушания, даже тогда, когда они отдают приказы. Ибо, если они будут постоянно помнить, что именно Бог позволяет им править другими людьми, тогда они будут употреблять власть в послушании Богу. Тем самым, даже повелевая, они будут покоряться. Более того, нет положения столь высокого, которое не знало бы над собой старшинства духовного в том, что касается совести и души. Но есть в послушании еще и более высокая вершина, к которой могут стремиться все главенствующие. Именно о ней упоминает и св. Павел, когда говорит: «Ибо, будучи свободен от всех, я всем поработил себя». Вот таким нелицеприятным послушанием, всем и каждому, мы можем «для всех сделаться всем», и, служа всем ради нашего Господа, мы почитаем всех как своих старших».

Я часто был свидетелем, как Франциск Сальский, не отступая от этого правила, принимал всех, даже самых незнатных людей, которые подходили к нему, как старших над собою. Никого не отталкивая, никогда не отказываясь вступить в беседу, он был готов говорить или слушать, при этом не выказывая ни малейших признаков усталости, невнимательности и раздражения, каким бы несвоевременным или невоздержанным ни было подобное вторжение. Тем же, кто спрашивал, к чему такая потеря времени, Франциск Сальский неизменно отвечал следующее: «Такова воля Божья. Вот то, чего Он требует от меня, — чего же мне еще просить? Пока я занят этим, от меня не требуется более ничего другого. Святая воля Божья — вот то средоточие, из которого нам всем следует исходить; все прочее — суета и пустое».

Жан-Пьер Камю

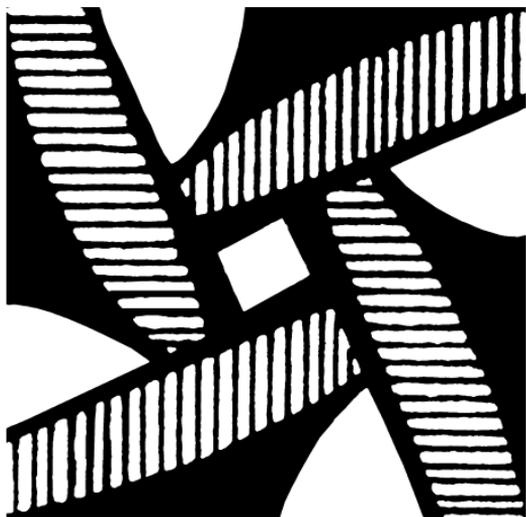
Мы видим, таким образом, что «великий человек» может быть добродетельным — настолько, чтобы стремиться к знанию, объединяющему с Божественным Основанием — в том случае, если, выполняя свои властные полномочия, он принимает два условия. Во-первых, ему следует отречься от всякой личной выгоды, кото-

рую приносит с собой власть, и воспитывать в себе терпимость и собранность, без которых не может быть любви ни к человеку, ни к Богу. Во-вторых, он должен отдавать себе отчет в следующем: то, что он обладает временной властью, не дает ему духовного верховенства, которое принадлежит только тем пророкам, живым или мертвым, которые достигли непосредственного проникновения в Природу Вещей. Общество, правитель которого настолько безумен, чтобы возомнить себя пророком, обречено на гибель.

В жизнеспособном обществе те, кто духовными трудами заслужили свое видение, указывают цели, к которым следует стремиться обществу, в то время как те, чья задача — править, считаются с авторитетом провидцев и прислушиваются к их советам. В теории, по крайней мере, все это хорошо понимали в Индии и, до Реформации, в Европе, где не было «положения столь высокого, которое не знало бы над собой старшинства духовного в том, что касается совести и души». К несчастью, церковь старалась не упустить своего и в духовной, и в светской власти, правя или непосредственно, или из-за спины правителя. Но духовная власть может принадлежать только тем, кто совершенно бескорыстен и чьи побуждения, таким образом, вне всяких подозрений. Пусть церковь именуется Мистическим Телом Христовым. Однако если ее прелаты — рабовладельцы и правители государства, какими они были в прошлом; если церковная организация — это капиталист по большому счету, как в наши дни, тогда никакие титулы, даже самые почетные, не скроют того, что свои суждения церковь выносит как заинтересованная сторона, которая преследует свои политические или экономические цели. Несомненно, в том, что непосредственно не касается направления, которого придерживается верхушка церковной организации, отдельные священники могут быть бескоры-

стны, и на деле подтвердили это — и, как следствие, могут обладать и обладали несомненной духовной властью. Святой Филипп Нери может служить тому примером. Не имея абсолютно никакой светской власти, он, тем не менее, оказывал глубочайшее влияние на всю Европу XVI века. И все-таки, даже несмотря на его влияние, можно сомневаться в том, что усилия Триентского собора реформировать Римскую церковь изнутри увенчались сколь-нибудь значительным успехом.

На самом же деле, сколько великих людей соответствовали или хотя бы пытались соответствовать тем условиям, которые могут сделать власть безопасной как для правителя, так и для тех, кем он правит? Очевидно, что очень немногие. Проблема власти, если не принимать во внимание святых, представляется окончательно неразрешимой. Но поскольку подлинное самоуправление возможно только в очень небольших группах, национальные или сверхнациональные общества всегда будут управляться олигархическим меньшинством; членов этого меньшинства будет вести к власти их жажда власти. Это означает, что проблема власти будет возникать всегда, и, поскольку она не может быть решена никем, разве что людьми наподобие Франциска Сальского, она всегда будет источником беспокойства. В свою очередь, сказанное означает, что от сверхнациональных обществ будущего не следует ожидать, что они будут существенно отличаться в лучшую сторону от обществ прошлого в краткие периоды их расцвета.

Глава седьмая. Истина

Зачем пустословишь о Боге? Все, что ты говоришь о Нем, неправда.

Экхарт

В религиозной литературе слово «истина» употребляется как минимум в трех очень несходных смыслах. Его часто используют как

синоним слова «факт», когда утверждают, что Бог — это Истина, понимая под этим то, что Он есть изначальная Реальность. Но ясно, что в таком высказывании, как «поклоняться Богу в духе и истине», значение этого слова другое. Здесь, и это очевидно, «истина» обозначает непосредственное восприятие духовного Факта в противоположность опосредствованному знанию Реальности, выраженному в словесных понятиях и принимаемому как авторитетное или убедительно логически аргументированное.

Наконец, слово «истина» употребляется и в более обыденном значении, к примеру, в таком предложении, как «это утверждение истинно», где вербальные символы, из которых состоит утверждение, соответствуют фактам, к которым оно относится. Экхарт, написав, что «все, что ты говоришь о Боге, неправда», не утверждает, что все богословские утверждения ложны. В той степени, в которой возможно какое-либо соответствие между человеческими символами и Божественным Фактом, богословские постулаты могут быть истинны.

Экхарт, будучи богословом, несомненно, и сам подтвердил бы это. Но Экхарт был не только богословом — он был мистиком. Для него, как мистика, не было тайной то, с чем современная семантика пытается так настойчиво (и, в той же мере, так безуспешно) достигаться до современного сознания, — а именно, что слова не тождественны вещам и что знание слов, описывающих факты, ни в коем смысле не эквивалентно непосредственному и прямому восприятию самих фактов. В действительности Экхарт утверждает следующее: все, что можно сказать о Боге, никогда, ни при каких обстоятельствах, не будет «истиной» в первых двух значениях этого двусмысленного и порядком искаженного слова. Косвенно св. Фома Аквинский говорит о том же самом, когда, пережив опыт боговдохновенного созерцания, отказался от написания богословских трудов. Все, что написано им до этого времени, заявил он, — лишь песчинка в срав-

нении с непосредственным знанием, которое было ниспослано ему. Двумя столетиями раньше, в Багдаде, великий мусульманский теолог аль-Газали таким же точно образом обратился от размышлений о различных аспектах истины о Боге к созерцанию и непосредственному постижению Истины-Факта, от чисто умозрительной дисциплины философов к нравственной и духовной дисциплине суфиев.

Мораль всего этого очевидна. Когда нам случается услышать или прочитать об «истине», всегда следует сделать достаточно длинную паузу, чтобы задаться вопросом: в каком из трех смыслов, приведенных выше, здесь используется это слово. Такой простой предосторожностью (которую в той же степени можно назвать и неподдельной интеллектуальной честностью) мы сможем оградить себя от изрядной доли ненужной логической бессмыслицы, способной ввести нас в заблуждение.

**Желая сбить с толку слепцов,
 Будда весело ронял слова из своих золотых уст;
 Земля и небеса с тех пор опутаны зарослями вереска.**

Дай-о Кокуси*

**Нигде нет ничего истинного,
 Истину нигде не сыскать.
 Если ты говоришь, что видишь Истину,
 Твое видение неистинно.
 Когда Истина предоставлена сама себе,**

**Тогда в ней нет ничего ложного, ибо она
 тогда — сам Разум.**

**Если же Разум сам по себе не свободен
 от ложного,**

То истинного нет; нигде не сыскать Истину.

* *Дай-о Кокуси* (Нам-по Сёмё) (1235—1309) — японский учитель дзэн школы Риндзай. Считается, что он принес китайский чань-буддизм в Японию.

Никогда Будда не проповедовал истины, понимая, что каждый должен осознать ее в себе самом.

Сутраламкара*

Чем больше странствуешь, тем меньше знаешь.

Лао-цзы

«Подумать только! — воскликнула Обезьяна. — Нам столько пришлось пережить невзгод, пробираясь сюда из Китая, и после того, как ты распорядился, чтобы нам дали писания, Ананда и Кашьяпа нас обманули! Они дали нам чистые листки — на них нет ни строчки! Какой толк от них, скажи?»

«Не возмущайся, — улыбаясь, сказал Будда, — ...в сущности, именно такие пустые свитки и есть истинные писания. Но теперь и я вижу, что люди в Китае слишком глупы и невежественны, чтобы поверить в это, так что нам ничего не остается, как дать им листы, на которых будет что-то написано».

У Чен-энь**

Философы действительно умны, но мудрости им недостает;

Все прочие — или невежественны, или легкомысленны!

Они видят сжатый кулак — и думают, будто внутри него что-то есть; они видят палец и принимают его за предмет, на который он указывает.

И раз пальцу оказывают они такое почитание, словно это сама Луна, все их усилия тщетны.

Ёка Дайси***

* *Сутраламкара* — собрание поучительных повестей знаменитого индийского поэта-буддиста I в. Ашвагхоши (сохранилось в китайском переводе V в.).

** *У Чен-энь* (1500—1582) — классик китайской литературы, автор знаменитого романа «Путешествие на Запад».

*** *Ёка Дайси* (Гэнгаку) (?—713) — буддийский монах, учитель дзэн. Получил прозвище «переночевавший просветленный» после того, как провел ночь с Шестым Патриархом Хуэй-нэнем.

То, что известно как учение Будды, — это не учение Будды.

Алмазная сутра

«В чем основной принцип буддистского учения?» —

«Не узнаешь, пока не овладеешь им».

Ши-тоу

Предмет Вечной Философии — это природа вечной духовной Реальности; но язык, на котором следует говорить об этом предмете, разрабатывался для того, чтобы описывать феномены, переходящие во времени. Вот почему во всех этих формулировках мы находим парадоксальный элемент. Природу Истины-Факта невозможно описать средствами вербальных символов, не соответствующих ей точно. В лучшем случае, здесь возможно изъясняться намеками в терминах *non sequitur** и противопоставлений.

К этим неизбежным парадоксам некоторые религиозные авторы прибавляют намеренные и просчитанные языковые нелепости — резкости, преувеличения, иронические или комические крайности. Расчет в том, чтобы сбить с толку читателя, вывести его из состояния самодовольной самоуспокоенности, которая есть первородный грех интеллекта.

В особенности любили такой тип парадоксов учителя даосизма и дзэн-буддизма. Учителя дзэн использовали паралогизмы и даже бессмыслицу как средство «брать царство небесное силой». Тех, кто стремился вести совершенную жизнь, поощряли практиковать мыслительную медитацию на некоей совершенно нелогичной формуле. Результатом было своего рода сведение к абсурду всего процесса мышления, ограниченного рамками своего «я» и своего мира, внезапный прорыв из «сознания»

* *Non sequitur* — вывод, не соответствующий посылкам; нелогичное заключение (лат.).

(говоря языком схоластической философии) к интуитивному «разуму», способному подлинно постигать Божественное Основание всего сущего. Пусть этот поразительный метод кажется странным и эксцентричным, но, факт остается фактом, он сработывал, приводя многих людей к окончательной метаноэ, или трансформации сознания и характера.

В тех первых нескольких отрывках, приведенных в этой главе, прекрасно показана почти комическая экстравагантность, с которой дзэн преувеличивал философские истины, расцениваемые им как наиболее значимые. Не стоит, конечно же, в самом деле думать, что Аватара проповедует лишь для того, чтобы подшутить над родом человеческим. Но как-то само собой автору удается, шокировав, вывести нас из нашей привычной удовлетворенности доморощенной вербальной вселенной, в которой мы, по обыкновению, проводим большую часть нашей жизни. Слова — это не факты, и еще в меньшей степени они являют собой первозданный Факт. Если мы принимаем их слишком серьезно, то заблудимся в лесу непролазного кустарника.

Но, с другой стороны, если не принимать сказанное достаточно серьезно, мы так и останемся в неведении о том, что существует путь, который можно утратить, или цель, к которой следует стремиться. Если не проповедовать Просветление, тогда не будет и освобождения ни для кого. Но, по той причине, что разум человека и язык человека — не более чем то, что они есть, эта неизбежная и необходимая проповедь оказалась со всех сторон окружена опасностями. История всех религий схожа в одном очень важном аспекте — некоторые из их приверженцев достигали просветления и освобождения потому, что предпочли действовать в соответствии со словами, которые вышли из уст основателей этих

религий; другие достигли частичного спасения, сочтя эти словесные наставления правильными лишь отчасти; были и те, которые навредили себе и своим ближним, поступив в точности так, как того не следует делать, — то ли полностью отбросив эти слова, или же, что бывает наиболее часто, отнесясь к ним слишком серьезно и воспринимая их, как если бы они были тождественны с Фактом, к которому они относились.

То, что слова — одновременно и незаменимы, и, во многих случаях, губительны, признавалось всеми представителями Вечной Философии. Так, Иисус говорил о себе, что он принес в мир нечто похуже, чем кустарник, — меч. Св. Павел проводил различие между письменами, что убивают, и духом, который дает жизнь. И во все последующие столетия учителя христианской духовности неустанно, снова и снова, возвращались к этой теме, непреходящей, потому что *homo loquax*, говорящее животное, по-прежнему остается беспомощной жертвой своих слов и все так же наивно забавляется своим основным достижением, как и тогда, когда он строил Вавилонскую башню.

В последние годы мы стали свидетелями и многочисленных работ по семантике, и целого океана националистической, расистской и милитаристской пропаганды. Никогда прежде столько замечательных писателей не обращалось к человечеству, предостерегая об опасности, которая кроется в словесных несоответствиях, — и никогда еще потоки слов, на которые горазды безответственные политиканы, не воспринимались общественностью столь серьезно. Меняются только формы, но сам факт остается все тем же; старые проблемы остаются такими же, какими они были всегда, — наболевшими, нерешенными, и, судя по всему, вряд ли стоит надеяться на их решение в будущем.

То, что воображение способно вообразить, а мысль помыслить и постичь в этой жизни, не является и не может быть непосредственным способом единения с Богом.

Св. Хуан де ла Крус

Убогие и пустые рассуждения могут развернуть складки одеяний Истины, но не могут приоткрыть ее прекрасного лица.

Джон Смит, платоник

Во всех лицах явлено Лицо лиц, сокрытое, непостижимое. И даже открытое, оно не видно, пока, поднявшись выше всех лиц, человек не вступает в некую тайную и мистическую тишину, где нет знания или представления о лице. Это туман, облако, тьма или неведение, куда вступает тот, кто ищет твое Лицо, когда он идет далее всякого знания или представления; это состояние, вне которого твое Лицо может быть лишь сокрыто. Но эта самая тьма и открывает твое Лицо за всеми завесами. И так я вижу, сколь необходимо для меня признать совпадение противоположностей, недоступное всякому рассудку, вступить в эту тьму и там искать Истину, где невозможное встречает нас.

Николай Кузанский

Как безымянно Божественное, и всякое именование чуждо Ему, так безымянна и душа, ибо она здесь то же, что и Бог.

Экхарт

Бытие Божие, как и Он Сам, непрístupное, не открывается через рассуждение об объектах, воспринимаемых чувствами и постижимых разумом. Здесь приходится довольствоваться тем, что менее, чем Бог. Но если остановишься на этом, то разрушишь энергию души, которая необходима, чтобы идти с Ним.

Св. Хуан де ла Крус

Найти или познать Бога в Его реальности через материальные доказательства или что-нибудь иное, кроме того, что Сам Бог сделал явным и самоочевидным в тебе, — невозможно ни здесь, ни в будущей жизни. Ибо ни Бог, ни рай, ни ад, ни дьявол, ни плоть не могут быть познаны тобой или в тебе иначе, как через их собственное существование и проявление в тебе. И все то мнимое знание о чем-либо из всего этого, за пределами самоочевидного восприятия их зарождения в тебе, есть лишь такое знание о них, которое имеет слепой о свете, который никогда не входил в него.

Уильям Ло

Далее приводится принадлежащее перу одного из выдающихся ученых краткое изложение, индийской доктрины *джняны* — освобождающего познания Брахмана, или Божественного Основания.

Джняна — вечное, всеобщее, необходимое и при этом неличное знание того или иного человека. Она присутствует как знание самого Атмана и остается таковой, скрытая под различными проявлениями *авидьи* (неведения), — постоянная, хотя может быть непостижимой; недоказуемая, потому что самоочевидная; не имеющая нужды в доказательстве, поскольку *джняна* сама дает всем доказательствам основание для их возможности. Эти определения приближаются к «знанию» Экхарта и учению Августина о Вечной Истине в душе, которая, сама по себе несомненная, есть основание всякой несомненности и не является достоянием А или Б, но «души».

Рудольф Отто*

* Рудольф Отто (1869—1937) — немецкий историк религии и философ, автор ряда трудов по восточному мистицизму.

Изучать эстетику — вовсе не то же самое, что заниматься искусством и разбираться в нем. Как можно научиться разбираться в живописи или стать хорошим ху-

дожником? Определенно, не по книгам Бенедетто Кроче*. Рисовать учатся рисуя, а разбираться в живописи — посещая художественные галереи и рассматривая картины.

Это не означает, что Кроче и его коллеги попусту потратили время. Стоит поблагодарить их за то, что они выстроили систему мысли, с помощью которой непосредственно воспринимаемое значение и ценность искусства могут быть определены в свете общего знания, соотнесенные с другими фактами опыта, и, таким способом и в этих пределах, «объяснены».

То, что справедливо в отношении эстетики, справедливо также и в отношении богословия. Теологические рассуждения представляют ценность до тех пор, пока они дают возможность тем, кто получил непосредственный опыт различных аспектов Бога, сформировать внятные идеи о природе Божественного Основания, а также об их собственном опыте основания, в сравнении с другими опытами. И когда уже разработана связанная, логически последовательная система теологии, она полезна настолько, насколько убеждает тех, кто изучает ее, в том, что в ней нет внутреннего противоречия относительно постулата Божественного Основания, и что для тех, кто готов выполнить определенные условия, постулат может стать Фактом, воплотившимся в действительность. Однако ни при каких обстоятельствах изучение теологии или признание разумом определенных теологических суждений не может занять место того, что Ло называет «рождением Бога внутри». Ибо теория — это не практика, а слова — не те предметы, которые их обозначают.

Теология, какой мы ее знаем, создавалась великими мистиками, в особенности св. Ав-

* Бенедетто Кроче (1866—1952) — итальянский философ, историк, критик, издатель и политический деятель. Представитель неогегельянства, автор ряда работ по эстетике и философии истории.

густинюм и св. **Фомой**. И многие другие великие теологи — св. Григорий, св. Бернар Клервоский, вплоть до Суареса* — не получили бы свое знание без мистического сверхзнания.

Аббат Джон Чепмен

Снова мы вынуждены привести мнение д-ра Теннанта о том, что религиозный опыт — это нечто подлинное и неповторимое, но он ничего не прибавляет к знанию о первичной Реальности, и его всегда доводится интерпретировать в терминах представления о Боге, которые черпаются из других источников. Изучая факты, можно предположить, что оба приведенные здесь мнения до определенной степени верны. Факты мистической интуиции (вместе с фактами, принимаемыми как исторические открытия) получают свое объяснение в терминах общего знания и таким образом возводят фундамент богословия. А существующая теология, в свою очередь, в рамках общего знания оказывает глубокое влияние на тех, кто ведет духовную жизнь, побуждая стоящих на более низкой ступени довольствоваться низшими формами опыта, а тех, кто поднялся выше, — отвергать как неадекватный опыт любой формы реальности, несовместимой с той, Божественной Реальностью, описанной в священных книгах. Таким образом мистики формируют теологию, а теология формирует мистиков.

Человек, признающий неверные догмы или преданный лишь одной истинной догме из обширной системы, при этом упуская остальные (подобно тому, как многие христиане сосредоточиваются исключительно на человеческой природе Второго Лица Троицы, забывая об Отце и Святом Духе), заранее рискует ограничить свое непосредственное восприятие Реальности.

* Франсиско Суарес (1548—1617) — испанский теолог, иезуит, последователь св. Фомы Аквинского. Наиболее известны его труды по философии закона.

В религии, как и в естественных науках, опыт обусловлен только опытом. Предубеждения относительно него, попытки зажать его в рамки какой-либо из теорий, которые либо вовсе не соответствуют фактам, либо соответствуют лишь некоторым из них, — всегда фатальны. «Не пытайся отыскать Истину, — пишет учитель дзэн, — лучше избавься от власти суждений». Есть только один способ, которым можно исцелить человека от последствий веры в ложную или неполную теологию, и в то же время это единственный известный путь, ведущий от веры в самую истинную теологию к знанию изначального Факта. Это самоотверженность, смирение, открытость Вечному. Мнения мы создаем сами и, следовательно, можем понимать, формулировать и спорить о них. Но «опираться на суждения о вещах, чувственно воспринимаемых или разумно постигаемых, — говоря словами св. Хуана де ла Крусса, — достаточно лишь для того, что меньше, чем Бог». Знание, объединяющее с Богом, возможно лишь для тех, кто «избавился от власти суждений», — даже тех суждений, настолько верных, насколько могут быть верны абстракции, облеченные в словесную оболочку.

Встань же, благородная душа! Возьми с собой интеллект и любовь, и, преодолев веру в силу твоей мысли, преодолев собственное понимание, проникни прямо в сердце Бога, в его сокровенное, где ты укроешься от всего тварного.

Экхарт

Воспользовавшись светильником слова и пронизательности, следует идти далее слова и пронизательности и вступить на путь осуществления.

Ланкаватара-сутра

Экхарт употребляет слово «интеллект» в схоластическом значении непосредственного интуитивного знания. «Интеллект и разум,— говорит Аквинат,— это не две разные силы, но отличаются друг от друга, подобно тому, как совершенное отличается от несовершенного... Интеллект означает глубокое проникновение в истину; разум — исследование и рассуждение». Именно следуя рациональным и эмоциональным путем «слова и пронизательности», а затем оставив его, мы способны выйти на интеллектуальный или интуитивный «путь осуществления». И все же, несмотря на предостережения, высказанные этими двумя христианскими теологами, которые через самоотвержение перешли от буквы к духу и от теории к непосредственному знанию, организованные христианские церкви упорствуют в губительной привычке путать средства и цели. Высказанные теологами положения о более или менее адекватных рационализациях опыта понимались слишком серьезно, с тем почтением, коего заслуживает только Факт, который богословы намеревались описать. Вообразили, будто душа спасается, если соглашается с тем, что в данной местности считается правильной формулировкой, и гибнет, если ее не придерживается. Два слова, *filioque*^{*}, — возможно, не единая причина раскола между Восточ-

* *Filioque* — учение Католической церкви об исхождении Святого Духа не только от Отца (на чем настаивают православные богословы), но и от Сына, что зафиксировано в принятой католиками редакции Никео-Константинопольского Символа веры.

ной и Западной церквями, но они беспорочно стали поводом и основанием для разрыва.

Переоценку значения слов и формулировок можно рассматривать как один из случаев переоценки значения преходящих вещей, которая столь пагубным образом сказалась на историческом христианстве. Познать Истину-как-Факт и познать ее

в единении, «в духе и в истине-как-непосредственном-восприятии» — это и есть освобождение, в «котором и заключается наша жизнь вечная». Знакомство с истинами, облеченными в слова, соотносящимися с Истиной-Фактом символически, в той степени, в какой ее можно познавать или выводить из истины непосредственного восприятия, или истины исторического открытия, — не приносит спасения, это лишь изучение особой ветви философии.

Даже самый будничный опыт предмета или события во времени никогда не может быть полностью или адекватно передан словесно. Невозможно передать, что испытываешь, когда видишь небо или страдаешь от невралгии; лучшее, что можно сказать здесь, — «синее» или «боль», в надежде, что те, кто слышат нас, имеют опыт переживания, подобный нашему, и смогут воссоздать свои собственные варианты этих значений. Бог, однако, это не предмет или явление во времени, и слова, привязанные ко времени, на которые нельзя достоверно полагаться даже в отношении преходящих явлений, еще более неадекватны, когда относятся к внутренней природе явления непостижимо иного порядка и к нашему собственному опыту единения с этим. Предполагать, что люди могут спастись, изучая и соглашаясь с некими формулировками, это все равно что надеяться попасть в Тимбукту, разглядывая карту Африки. Карты — это символы, и даже лучшие из них — символы неточные и несовершенные. Но для того, кто действительно хочет достигнуть намеченной цели, карта будет незаменимым помощником — она укажет направление, в котором должен выступить путешественник, и дороги, которые ему следует выбрать.

В позднебуддистской философии слово расценивается как один из первостепенных определяющих факторов в творческой эволюции человечества. В этой философии признаются пять кате-

горий бытия: Имя, Видимость, Различение, Правильное Знание, Таковость. Первые три связаны со злом, последние две — с добром. Видимости различаются органами чувств, затем опредмечиваются, получая имена, и таким образом слова принимаются за вещи, и символы используются в качестве мерил реальности. В соответствии с этими взглядами язык — основной источник чувства обособленности и кощунственного представления об индивидуальной личной самостоятельности, с их неизбежными следствиями — алчностью, завистью, жадной властью, гневом и жестокостью.

Эти порочные страсти порождают необходимость бесконечного, вновь и вновь повторяющегося существования с одними и теми же желаниями и привязанностями. Единственное спасение заключается в творческом акте воли, поддержанном милосердием Будды, ведущем от эгоизма к Подлинному Знанию, которое заключается, помимо всего прочего, в верной оценке и использовании Имен, Видимостей и Различения. В Подлинном Знании и через него мы отбрасываем неистребимую иллюзию «я», «мне», «мое», и, сопротивляясь искушению отказаться от мира в состоянии преждевременного и одностороннего экстаза или принять мир и жить в нем, как живут обычные люди, наконец, мы приходим к преобразующему постижению того, что *сансара* и *нирвана* — одно, к постижению, ведущему к единению с чистой Таковостью — первичным Основанием, которое может быть только обозначено, но никогда не может быть адекватно описано словесными символами.

В связи с махаянистским представлением о том, что словам принадлежит важная и даже созидательная роль в эволюции невозрожденной человеческой природы, мы можем также вспомнить аргументы Юма против реальности причинности. Его доводы начинаются с постулирования того, что все события «отдельны и не взаи-

мосвязаны» одно с другим, и с непогрешимой логикой подводят к заключению, которое превращает в полную бессмыслицу все организованные мысли или намеренные действия. Всякое противоречие, как указывал профессор Стаут*, кроется в предвещающем постулате. И если мы зададимся вопросом, что привело Юма к странному и совершенно нереалистичному заключению о том, что события «отдельны и не взаимосвязаны», мы увидим, что единственной причиной бегства от непосредственного опыта был тот факт, что в мышлении вещи и события символически представлены существительными, глаголами и прилагательными, и эти слова, в действительности, «отдельны и не взаимосвязаны» одно с другим таким же образом, каким те вещи и события, которые они обозначают, связаны между собой совершенно очевидно. Понимая слова как меру вещей, вместо того чтобы пользоваться вещами как мерой слов, Юм придал вполне здравый и, так сказать, пуантилистский образ речи континууму актуального опыта — со всеми известными нам до парадоксального невозможными результатами.

Большинство людей совсем не философы, и им совершенно безразлична логическая последовательность мыслей или действий. Соответственно, в некоторых обстоятельствах они принимают как само собой разумеющееся то, что события не «отдельны и не взаимосвязаны», но сосуществуют или же следуют одно за другим в рамках организованного и организующего поля космического целого. Но при других обстоятельствах, когда противоположная точка зрения соответствует их страстям или интересам, они принимают, все так же неосознанно, юмовскую позицию и воспринимают со-

* *Георг Фредерик Стаут* (1860—1944) — английский философ-идеалист, психолог. В процессе своего научного развития Стаут перешел с позиций прагматизма к реализму и затем к религиозной философии.

бытия, как если бы они были так же независимы одно от другого и от остального мира, как слова, которыми они символизируются. Это в целом относится ко всем обстоятельствам, в которых задействованы «я», «мне», «мое». Облекая в плоть «отдельные и не взаимосвязанные» имена, мы расцениваем и вещи как отдельные и не взаимосвязанные — как не подчиненные одному закону, не вовлеченные в цепь взаимосвязанностей, которыми они на деле столь очевидно связаны с их физическим, общественным и духовным окружением. Мы считаем абсурдным представление о том, что в природе нет причинности и органической связи между событиями и вещами в жизни других людей, но в то же время мы воспринимаем как аксиоматичное представление о том, что наше священное «эго» «отдельно и не взаимозависимо» со Вселенной, — закон в себе, превыше моральной дхармы и даже, во многих отношениях, природного закона причинности.

И в буддизме, и в католицизме монахов и монахинь поощряли избегать в речи местоимения «я» и говорить о себе, пользуясь индифферентными фразами, что ясно указывало на их подлинное отношение к космической реальности и к собратьям во плоти. Подобную предусмотрительность иначе, как мудрой, не назовешь. Наша реакция на знакомые слова — это уже условный рефлекс. Меняя стимулы, нам как-то удастся вызвать и нужную реакцию. Нет колыбельчика Павлова — нет слюноотделения; останови заигранную пластинку «я», «мне», «мое» — и нет самопроизвольного эгоизма. Когда монах говорит о себе самом не как о «я», но как об «этом грешнике» или об «этом негодном рабе Божиим», он стремится тем самым закрыть рот своей «отдельной и не взаимозависимой» личности и открывает для себя понимание своей органической связи с Богом и ближним.

На практике же слова используются для других целей, а не для того, чтобы говорить о каких-либо фактах. Очень часто они используются риторически, с целью возбудить чувства и побудить волю к некоему действию, рассматриваемому как желаемое. Также иногда они используются поэтически, а именно: помимо того, чтобы говорить о подлинных или воображаемых событиях и вещах, и риторически обращаться к воле и чувствам, они заставляют читателя ощутить еще и то, что сами они, эти слова, красивы. Красота в искусстве или природе заключается в отношениях между вещами, которым самим по себе красота не свойственна. Нет ничего прекрасного, например, в словах «время» или «слово». Но когда они используются в такой фразе, как «до последнего слова ушедших времен», взаимосвязь между звучанием слов, составляющих указанную фразу, между нашими представлениями о том, что данные слова означают, и некими обертонами тех ассоциаций, которыми заряжено каждое слово и вся фраза в целом, — все это непосредственно и интуитивно воспринимается как прекрасное.

Что касается риторического использования слов, то здесь мало что можно добавить. Риторика может служить и добрым, и злым целям; она может быть верна истине, а может быть неосознанно или намеренно лживой. Научиться различать разнообразные виды риторики — это составная часть интеллектуальной нравственности, а интеллектуальная нравственность — это необходимое предусловие духовной жизни, так же как и контроль над волей, сердцем и языком.

Нам предстоит теперь рассмотреть более сложную проблему. Как может поэтическое использование слов быть соотнесено с жизнью духа? (Конечно же, то, что применимо к поэтическому использованию слов, в равной степени применимо к использованию красок в живописи, звуков в музыке, глины или камня в скульптуре — одним словом, ко всем искусствам.)

«Красота есть истина, истина красоты». Но, к сожалению, Китс* обошел молчанием то, в каком из основных значений он использует слово «истина». Некоторые критики предполагают, что указанное слово использовано им в третьем из тех значений, которые мы приводили в начале главы, и, следовательно, отбрасывают этот афоризм как бессмыслицу. $Zn + H_2SO_4 = ZnSO_4 + H_2$. Это истина в ее третьем значении, и ясно, что эта истина не тождественна красоте. Но столь же ясно, что Китс не говорил об этом типе «истины». Он употреблял это слово преимущественно в его первом значении, как синоним слова «факт», и, кроме того, в значении, которое придается ему в словах евангелиста Иоанна «поклоняться Богу в истине». Фраза Китса, таким образом, имеет две смысловые подоплеки: «Красота — это Изначальный Факт, а Изначальный Факт — это Красота, первопричина всех частных красот» и «Красота — это непосредственное переживание, и это непосредственное переживание тождественно с Красотой-Первопричиной, Красотой-Первозданным Фактом». Первое из этих трех положений находится в полном соответствии с учениями Вечной Философии. Одна из троиц, в которых невыразимое Одно проявляет себя, — это Троица Добра, Истины и Красоты. Мы постигаем красоту в гармоничных интервалах между частями целого. В подобном контексте Божественное Основание можно парадоксально обозначить как Чистый Интервал, независимо от того, что выделено и гармонизировано в рамках цельности.

* Джон Китс (1795—1821) — один из крупнейших английских поэтов эпохи романтизма. Природа прекрасного занимала большое место в его философской поэзии.

С утверждением Китса, в его втором значении, представители Вечной Философии, несомненно, не согласятся. Переживание красоты в искусстве или в природе можно понимать как качественно близкое к непосредственному переживанию, веду-

цему к единению с Божественным Основанием или Божественным. Но это не то же, что и частное переживание красоты факта, которое хотя в чем-то и сходно с Божественной Природой, но все же в некоторой степени отстоит от Божественности. Поэту, любителю природы, эстету — всем им даруется восприятие реальности сродни тому, что бывает ниспослано созерцателям, отрекшимся от своего «я». Но именно по той причине, что, в отличие от созерцателей, они не приложили стараний к тому, чтобы довести свое самоотречение до совершенства, им не дано познать Божественную Красоту в ее полноте, такой как она есть. Поэт рождается на свет способным сочетать слова таким образом, что нечто, ему данное, качественно подобное благодати и вдохновению, может быть доступно чувствам и других людей, так сказать, между строками его стиха. Это великий и ценный дар, но если поэт довольствуется лишь этим даром, если он упорно продолжает поклоняться красоте в искусстве и природе, не делая никаких дальнейших шагов, чтобы через отвержение своего «я» проявить в себе способность к постижению Красоты, как она есть в Божественном Основании, — то он не более чем идолопоклонник. Его идолопоклонство будет высочайшим из доступных человечеству, но, как ни суди, останется идолопоклонством.

Переживание красоты — чисто, самоочевидно и в равной степени состоит из самосознания и радости. Свободное от примеси других ощущений, оно сродни мистическому переживанию, оно живет сверхчувственным восприятием... Это наслаждение доступно знающим о нем, подобно тому как образ Бога есть радость, с которой узнают Его.

Вишванатха*

* Шрила Вишванатха Чакраварти Тхакур (1638—1708) — индуистский святой и духовный учитель, один из родоначальников движения Сознания Кришны.

Далее процитируем последнюю из строф, написанных одной дзэнской монахиней, в молодости красавицей и признанной поэтессой.

**Шестьдесят шесть раз видели эти глаза наступление осени.
 Достаточно сказала я о лунном свете.
 Не спрашивай больше.
 Прислушайся лишь к соснам и кедром, когда утихнет ветер.**

Рё-нэнъ

Малларме назвал бы эту тишину, когда деревья умолкают в безветренную погоду, «тишиной, рождающей музыку». Однако та музыка, к которой прислушиваясь поэтесса, была лишь порождением ее эстетического воображения, в то время как смиренный созерцатель открывает для себя чистую Таковость. «Остановитесь и познайте, что Я — Бог».

**Этой истиной живут, а не просто произносят ее устами...
 Об этом учении невозможно спорить.
 Никаким спорам не одолеть его.
 Учения, уязвимые для споров и противоречий,**

ведут к рождению и смерти.

Хуэй-нэн

Так оставим же рассудок с его ошибками и достижениями, полезны они христианству или вредны! Они лишь необузданный дух разума, не ведающего о Боге и бесчувственного к своей собственной природе и состоянию. Вопросать следует лишь о двух вещах — о жизни и о смерти. Жизнь — это Бог, живущий и работающий в душе. Смерть — это душа, живущая и работающая, согласно чувствам и разумению животной плоти и крови. И жизнь, и смерть произрастают сами собой, от своего зерна внутри нас, и не тем, как светлый разум говорит и направляет, но тем, как сердце обращается к тому или к другому.

Уильям Ло

Как рассказать о Друге мне тому, кому не Друг он вовсе?

Джалаледдин Руми

Когда мать обращается к грудному младенцу:

«Припади к моей груди, о сын, я твоя мать!»

Отвечает ли дитя: «Сначала докажи,

Что обрету я утешение, питаясь молоком твоим?»

Джалаледдин Руми

Великие истины не овладевают сердцами многих. И вот, когда весь мир заблуждается, как я смогу, даже зная правильный путь, вести остальных? Понимая, что мои усилия тщетны, упорствовать в своем стремлении — это еще одна причина для заблуждения. Уж лучше отступить и не пытаться больше. Но если не я, то кто же?

Чжуан-цзы

Между полюсами дилеммы Чжуан-цзы нет другого пути, кроме пути любви, мира и радости. Только те, кто проявили, хоть в самой малой мере, потребность в плодах Духа, могут убедить других, что жизнью Духа стоит жить. Споры и противоречия здесь почти бесполезны; и на самом деле, в большинстве случаев они даже определено вредны. Но, конечно же, умному человеку, да к тому же склонному к силлогизмам и сарказму, признать это особенно трудно. Мильтон, несомненно, искренне верил, что он трудится ради правды, праведности и славы Божией, извергая потоки брани на врагов своего любимого диктатора и своей любимой разновидности инакомыслия*.

На самом деле, конечно же, Мильтон и другие полемисты XVI и XVII веков принесли только вред делу истинной религии,

* Джон Мильтон (1608—1674) — великий английский поэт, был убежденным пуританином и активно поддерживал Оливера Кромвеля.

за которую они, по одну сторону баррикад или по другую, сражались с равной ученостью и находчивостью и с равной же грубой несдержанностью языка.

Подобного рода столкновения сменяли друг друга, время от времени перемежаясь периодами просветления. На протяжении почти двухсот лет паписты спорили с антипапистами, протестанты — с другими протестантами, иезуиты — с квиетистами и янсенистами. Когда же наконец шум утих, христианство (которое, как и всякая другая религия, может выжить, только если являет плоды Духа) лежало в руинах; подлинной религией наиболее образованной части европейцев было теперь националистическое идолопоклонство. На протяжении восемнадцатого столетия этот переход к идолопоклонству (после жестокостей, совершенных во имя христианства

* *Альбрехт Валленштейн* (1583—1634) — великий немецкий полководец, главнокомандующий имперскими войсками в Тридцатилетней войне 1618—1648 гг.

** *Иоганн Церклас Тилли* (1559—1632) — германский полководец, фельдмаршал (1605). С 1610 г. главнокомандующий войсками Католической лиги, с 1630 — имперской армией.

В основе Тридцатилетней войны лежал религиозный конфликт между католиками и протестантами.

Валленштейном* и Тилли**) казался даже переменной к лучшему. Причина в том, что правящие классы решили, что ужасы религиозных войн не должны повторяться, и в результате намеренно сдерживали политику силы вполне джентльменским поведением. Его признаки можно еще рассмотреть в наполеоновских и Крымской войнах. Однако националистические Молохи уже пожирали идеал XVIII века. На протяжении Первой и Второй мировых войн мы были свидетелями полного уничтожения старых запретов и ограничений. Последствия политического идолопоклонства со всей своей разрушительной силой проявляют себя и по отношению

к достоинству человека, и в метафизической религии. Своими междуособными распрями из-за слов, форм организации, денег и власти историческое христианство довело до конца собственное саморазрушение, к которому с самых его первых дней столь трагично подтолкнула собственная поглощенность преходящим.

**Продай свой ум, купи себе смущенье:
Рождает ум одни лишь только мнения,
Смущенье же чутью тебя научит.**

Джалаледдин Руми

**Разум подобен придворному:
при появлении монарха он теряет свое могущество и падает ниц.
Разум — лишь тень, ну а Господь наш — солнце.**

Джалаледдин Руми

Существа, не наделенные разумом, не знают ни завтра, ни вчера, но остаются в животной вечности неизменного сегодня; инстинкт — вот их животная благодать и неизменная побуждающая причина. Не знают они и искушения жить как-то иначе, чем в согласии со своей животной дхармой, или имманентным законом. Человек, благодаря силе разума и его инструменту — языку, живет (в своем не более чем человеческом состоянии) ностальгически, нерешительно и с надеждой в прошлом и будущем не менее, чем в настоящем. Его инстинкты не подсказывают ему, что делать, и опираться приходится скорее на собственную сообразительность, чем на побудительную силу Божественной Природы Вещей. Человек погружен в нескончаемую междуособицу между страстью и благоразумием и, на более высоком уровне постижения и нравственного восприятия, между эгоизмом и зарождающейся духовностью.

Но это «изнуряющее состояние человечности» является необходимым преддверием просветления и освобождения. Человек должен жить во времени для того, чтобы быть способным вступить в вечность, уже не на животном, но на духовном уровне; он должен осознать себя как обособленное «эго», для того чтобы открыть в себе способность выйти за пределы собственной, личной обособленности. Ему приходится вызвать на поединок свое низменное «я», для того чтобы отождествиться с тем высшим «Я», что находится внутри его, с подобием Божественного Не-Я, и, в итоге, воспользоваться силой своего эго силой, чтобы за пределами разума приступить к духовному видению Истины, непосредственного знания, ведущего к единению с Божественным Основанием. Разум и труды разума не есть и не могут быть непосредственным средством единения с Богом; непосредственное средство — это «интеллект» в схоластическом значении этого слова, то есть дух. В конечном счете, цель и задача разума — создать внутренние и внешние условия, благоприятные для своего собственного перевоплощения в Дух посредством духа. Разум — это светильник, сам освещающий себе дорогу, чтобы идти далее себя.

Итак, мы видим, что как средство к непосредственным средствам, которым подводят к Окончанию, работа мышления имеет огромную ценность. Но если, в своей гордыне и неразумии, мы начинаем пользоваться им как непосредственным средством достижения Божественной Цели (как делало и по-прежнему делает великое множество религиозных людей); или же, отвергая существование Божественной Цели, мы расцениваем работу разума одновременно как орудие Прогресса и как его вечно ускользающую от нас цель, тогда она становится врагом, источником духовной слепоты, нравственного зла и общественных потрясений.

Никогда еще в истории плоды разума не ценили так высоко и не применяли так широко и действенно в определенных направлениях, как в настоящее время. И никогда еще духовное видение и духовность настолько не падали в цене; никогда еще с таким безразличием и небрежением не относились к Цели, к достижению которой они являются непосредственными средствами. Наши технологии развиваются — и мы воображаем, что вместе с ними развиваемся и мы сами. Мы приобрели значительную власть над неодушевленной природой — и теперь убеждены в том, что являемся самодостаточными хозяевами наших судеб, властителями собственных душ. Поскольку работа разума и дала нам технологию и власть, мы верим, как бы жизнь не старалась убедить нас в обратном, что и нам в дальнейшем нужно становиться еще умнее, переобустраивать мир еще рациональнее, чтобы прийти к общественному порядку, миру между народами и личному счастью.

В замечательном шедевре У Чень-эня есть один эпизод, смешной и поучительный одновременно, где Обезьяна — иносказательно воплощающая человеческий разум, попадает на небеса и устраивает такой переполох, что, наконец, приходится звать Будду, чтобы уговорить ее. Вот как заканчивается этот отрывок:

«Давай с тобой побьемся об заклад, — сказал Будда, — если ты на самом деле настолько умна, спрыгни с ладони моей правой руки. Если сумеешь, я скажу Нефритовому императору, чтобы он перебирался ко мне жить в Западный рай, а его трон, так уж и быть, достанет тебе. Не сумеешь — тогда возвращайся на землю, и пройдет еще немало кальп, и немало испытаний пройдешь ты, прежде чем сможешь снова донимать меня своими разговорами».

«Этот Будда — истинный глупец, — подумала Обезьяна. — Да я могу прыгнуть на сто восемьдесят миль, а его ладонь едва ли больше восьми дюймов шириной. Да я соскочу с нее одним махом!»

«А ты не обманешь? У тебя и вправду есть такая власть?» — спросила она.

«Конечно, есть», — ответил Будда.

Он вытянул правую ладонь, которая на вид была не более листа лотоса. Обезьяна заложила свою палицу за ухо и что было мочи подпрыгнула вверх. «Дело сделано, — сказала она себе, — я спрыгнула с ладони». Обезьяна взлетела в воздух, да так быстро, что почти пропала из виду, и Будда, наблюдая за ней своим третьим глазом, увидел лишь удаляющийся вихрь.

Обезьяна, наконец, оказалась у пяти розовых колонн, которые упирались прямо в небо. «Не иначе, как я на самом Краю Света, — сказала себе обезьяна, — пора возвращаться к Будде и потребовать причитающееся. Трон теперь мой».

«Погоди-ка, — вдруг сказала она себе, — оставляю я здесь какую-нибудь метку, а не то Будда заупрямится и откажется от своих слов». Она вырвала шерстинку, дохнула на нее волшебным дыханием и воскликнула: «Изменись!» В тот же миг шерстинка превратилась в кисть для письма, с которой капали густые чернила, и у основания центральной колонны Обезьяна написала: «Здесь был Великий Мудрец, Равный Небу». Затем, чтобы выразить свое непочтение к этому месту, она облегчилась под первой из колонн и, кувыркнувшись, полетела обратно. Стоя на ладони Будды, она заявила: «Я улетела и вернулась обратно. Ступай к Нефритовому императору, скажи, пусть гонят Небесные Палаты для нового хозяина».

«Вонючая ты обезьяна, — отвечал Будда, — ты ведь все время оставалась у меня на ладони».

«Ошибаешься, — возразила обезьяна, — я долетела до Края Света, где увидела те пять розовых колонн, что подпирают небо. Я написала кое-что на одной из них. Если хочешь, я покажу тебе это место».

«Да вот же оно, — сказал Будда, — посмотри себе под ноги».

Обезьяна опустила глаза и увидела, что у основания среднего пальца Будды написаны слова: «Здесь был Великий Мудрец, Равный Небу», а из ложбинки между большим и указательным пальцами воняет обезьяньей мочой.

«Обезьяна»

Вот так, победоносно помочившись на протянутую ей руку Мудрости, наша внутренняя Обезьяна возвращается и, полная самонадеянной уверенности, ни на мгновение не сомневаясь в собственном всемогуществе, принимается переделывать мир людей и вещей так, как ей заблагорассудится. Иногда она бывает движима благими намерениями, иногда же сознательно нацелена на злое. Но, какими бы ни были эти намерения, результаты действий, которые предпринимаются даже самым выдающимся разумом, если он не просвещен Божественной Природой Вещей и не подчинен Духу, в целом оказываются губительными. И тот факт, что человечество по большому счету всегда ясно отдавало себе в этом отчет, подтверждается и примерами из нашей речи. «Умник» и «умничать» — не так уж редко приходится прибегать к этим словам, когда мы говорим об «уме», и тогда все три эти слова несут более или менее негативное суждение о том, о ком идет речь. «Умысел» — то же, что и «замысел», но то, что замышляет разум человека, на поверку оказывается наихудшим проявлением его «эго». Не раз и не два приходилось убеждаться в правоте того, что «суждение и осуждение — близки». И, наоборот, словом «идиот» когда-то пользовались, если хотели сказать о невинном.

«Подобное использование слова “невинность”, — как пишет Ричард Тренч, — как нельзя более красноречиво выдает то, что разрушать и вредить — основное занятие, которому человек по-

свящает свои интеллектуальные усилия; в том, в чем человек мудр, его мудрость чаще всего направлена на злое». Между тем, нет никаких сомнений в том, что работа разума и накопление знаний совершенно необходимы, но лишь как средство к непосредственным средствам, но никогда — как сами непосредственные средства или, что еще хуже, цели сами по себе. «*Quid faceret eruditio sine dilectione?*» — говорит св. Бернар Клервоский. — *Inflaret. Quid, absque eruditione dilectio? Erraret*». («Что будет с ученостью без любви? Развеется как дым. А с любовью без знания? Собьется с пути».)

Каковы сами люди, таким они увидят и Самого Бога.

Джон Смит, платоник

Ум человека постигает, что всему есть своя причина,

Но лишь пророки постигают, что так проявляет себя

Причина Причин.

Джалаледдин Руми

Количество и тип знания, которое мы получаем, зависит, во-первых, от воли и, во-вторых, от нашей психофизической конституции и тех вариаций, которым она подвергается под воздействием внешнего окружения и нашего собственного выбора. Так, если говорить об открытиях в области технологии, то, как подчеркивает профессор Беркит*, «важнейшим фактором здесь было и остается

желание человека. Если в чем-то возникает однозначная потребность, то каждый раз это будет производиться в исключительно короткий промежуток времени...

* *Френсис Кроуфорд Беркит* (1864—1935) — английский протестантский историк церкви, патролог и библиист.

И наоборот: ничто не заставит бушменов Южной Африки пасти стада или работать

в поле. У них просто нет желания этим заниматься». Это же справедливо и в отношении этических и духовных открытий. «Ты свят настолько, насколько сам этого желаешь» — вот девиз, полученный от Рёйсбрука теми учениками, которые приходили слушать его. Он мог бы добавить: «А значит, ты можешь столько узнать о Реальности, сколько сам пожелаешь», — ибо знание уже в познающем, соответственно устроению этого познающего, и это его устроение, в определенный и самых значимых моментах, вполне в его власти. Освобождающее познание Бога приходит к чистому сердцем и нищему духом; и, хотя подобная чистота и нищета исключительно тяжело достигаются, тем не менее, они доступны всем.

Она [св. Катерина Сиенская] сказала, кроме того, что если кто-то стремится к чистоте в помыслах, то необходимо совершенное воздержание от любого суждения о своем ближнем и от любых пустых разговоров о его поведении. Во всех созданиях всегда следует искать только воли Божьей. С особой силою она говорила следующее: «Ничто пусть не будет причиной того, что мы будем обсуждать поступки созданий и причины этих поступков. Даже когда мы доподлинно видим, что это грех, нам следует не выносить свой приговор, но сносить все в святом и искреннем сострадании, и подносить Богу с покорной и искренней молитвой».

*Из завещания св. Катерины Сиенской,
записанного Томмазо ди Петра*

Это полное воздержание от того, чтобы судить о своих ближних, — только одно из условий внутренней чистоты. Другие уже были описаны в главе «Самоограничение».

Обучение заключается в том, чтобы день за днем прибавлять к накопленному. Постигание Дао — в том, чтобы день за днем отнимать от накопленного, отнимать и снова отнимать, пока не достигнешь недеяния.

Лао-цзы

Именно недеяние своеволия и эгоцентричного разума делает возможной работу вечной Таковости внутри очищенной и опустошенной души. И когда вечность познается на внутренних высотах, она также познается в полноте непосредственного восприятия и во внешнем мире.

Постигал ли ты когда-либо блистательную вечность в мимолетном мгновении? Видел ли когда-либо сияющую бесконечность в неприемной песчинке? Тогда тебе известно, что означает «дух», — это дунновение Творца, которым все сотворенное, не ведая вражды, восходит туда, где предстоит ему обитать в единстве и гармонии сокровенных Глубин Жизни.

Питер Стерри*

* *Питер Стерри*
 (1613—1672) — английский пуританский богослов, платоник.

Глава восьмая. Религия и темперамент

Теперь, пожалуй, будет уместно перейти на какое-то время от этики к психологии, где нам предстоит рассмотреть одну очень важную проблему, которой представители Вечной Философии уделяли немалое внимание.

Что в точности представляет собой взаимоотношение между телосложением и темпераментом личности, с одной стороны, и типом и уровнем духовного познания — с другой? Нет данных для того, чтобы дать всесторонний и точный ответ на этот вопрос, разве что в форме той непередаваемой науки, основанной на интуиции и долгой практике, которая существует в умах опытных «духовных лидеров». И все же ответ, который можно дать на этот вопрос, каким бы неполным он ни был, представляется исключительно важным.

Всякое познание, как мы видели, — это функция бытия. Или, если передать эту идею в терминах схоластики, познаваемое находится в познающем соответственно устройению познающего. Этот момент мы уже отмечали во Введении, когда говорили, что воздействие знания на изменение человека можно рассматривать на некоей вертикальной оси в направлении к святости или к ее противоположности. Но есть также вариации и на горизонтальном уровне. Каждый из нас благодаря врожденной психофизической конституции рождается в определенном положении на этом горизонтальном уровне. Это весьма обширная территория, все еще недостаточно исследованная, — словно континент, она простирается от слабоумия до гениальности, от униженной слабости до агрессивной силы, от жестокости до искреннего добродушия, от открытой общительности до скрытной мизантропии и любви к уединению, от почти безумного распутства до воздержания, не подвластного искушению.

От любой точки среди этих возможных огромных вариаций человеческой природы личность может двигаться почти до бесконечности вверх или вниз, в направлении единения с Божественным Основанием своего собственного существа и всех других существ или к inferнальным крайностям обособления и эгоизма. Но в том, что касается горизонтального движения, здесь уже куда меньше

свободы. Невозможно одному типу физической конституции по своему желанию превратиться в другой тип, и особенный темперамент, связанный с данной физической конституцией, может быть изменен лишь незначительно. Каким бы благоприятным ни было общественное окружение, сколько ни старайся, самое большее, на что можно надеяться, — это получить максимум возможного от той психофизиологической оболочки, которая была получена от природы. Изменить базовый склад конституции и темперамента уже вне наших сил.

На протяжении последних трех тысяч лет было сделано немало попыток выработать систему классификации, в терминах которой можно было бы измерить и описать различия между людьми. Один из примеров — древнеиндийский способ разделять людей по различным классам соответственно психо-физиолого-социальным категориям — кастам. Еще один метод, медицинский в своей основе, — классификация, связанная с именем Гипократа, сущностью которой являются две человеческие «наклонности»: фтизическая и апopleксическая, или четыре «сока» в организме (кровь, флегма, черная желчь и желтая желчь) и четыре качества (горячее, холодное, влажное и сухое).

К более недавнему времени относятся различные физиогномические системы XVIII и начала XIX веков; поверхностная дихотомия экстраверсии и интроверсии; более полная, но по-прежнему неадекватная психофизическая классификация, которую предложил Кречмер, Стокард* и другие; и, наконец, всеобъемлющая система, отличающаяся большей гибкостью и соответ-

* Эрнст Кречмер (1888—1964) — немецкий психиатр и психолог, создатель типологии темпераментов на основе особенностей телосложения.

Чарлз Руперт Стокард (1879—1939) — выдающийся американский биохимик.

вием к сложным фактам действительности, чем все предшествовавшие ей, которую разработали д-р Уильям Шелдон* и его сотрудники.

То, что интересует нас в настоящей главе, — это классификация различий человеческих типов в отношении к проблемам духовной жизни. Мы постараемся описать и пояснить традиционные системы и сопоставить находки Вечной Философии с теми заключениями, которые были сделаны на основании самых недавних научных исследований.

На Западе традиционная католическая классификация человеческих характеров основывается на евангельской истории о Марфе и Марии. Путь Марфы — это путь спасения через действие,

* Уильям Герберт Шелдон (1898—1977) — американский врач и психолог. Предложил теорию основных типов человеческих темпераментов на основе соматических признаков. Впоследствии его теория была осуждена как вдохновенная нацизмом. После скандала со снимками обнаженных студенток, сделанными Шелдоном для антропометрического атласа против их воли, он оставил медицину ради нумизматики. Однако после его смерти выяснилось, что и в этой области он занимался мошенничеством.

а путь Марии — через созерцание. Вслед за Аристотелем, который в этом, как и во многих остальных вопросах, был в согласии с Вечной Философией, католические мыслители рассматривали созерцание (высочайшей формой которого является единящее знание Божественного) как конечную цель человека и, как следствие, всегда придерживались того мнения, что путь Марии — несомненно лучший.

Существенно поэтому, что в тех же, по сути, понятиях д-р Радин классифицирует и (косвенно) оценивает первобытных людей по тому, насколько они проявляют способности к философии и религиозному поклонению. Для него остается несомненным то, что высшие монотеистические фор-

мы примитивной религии создаются (не лучше ли, вслед за Платоном, сказать «открываются»?) людьми, принадлежащими к первому из двух великих психофизических классов человеческих существ — человеку мысли. Те же, кто принадлежит к другому классу — люди действия, создают или открывают более низкие, нефилософские, политеистические типы религий.

Эта несложная дихотомия — не более чем классификация человеческих различий, которая работает до тех пор, пока эти различия очевидны. Но, как и все подобные дихотомии, то ли на физическом плане (подобно гиппократовому делению людей соответственно фтизическим или апоплектическим наклонностям), или дихотомии психологические (подобно делению на интровертный и экстравертный типы, предложенному Юнгом), — это группирование религий на те, что думают, и те, что действуют, на следующих путем Марфы и следующих путем Марии, не соответствует действительности. И конечно же, ни один из духовных лидеров, ни один глава религиозной организации никогда в действительной практике не довольствуется подобной, слишком все упрощающей, системой. Мы несколько не приуменьшаем значения лучших католических сочинений в вопросах молитвы и лучших образцов католической практики, в частности, в том, как распознается призвание человека и как приставить его к должному образу действия. Однако, совершенно определено, должна существовать пока еще не открытая и не столь жесткая, более полная и более реалистичная классификация, чем явная дихотомия действия и созерцания.

Индийская мысль явственно показывает нам, каковы четкие общие очертания этой более полной и более адекватной классификации. Путей, ведущих к освобождающему единению с Богом, не два, а три — путь труда, путь познания и путь поклонения. В Бхага-

вад-Гите Кришна наставляет Арджуну во всех этих трех путях: это освобождение через действие без привязанности; освобождение через познания Себя и Абсолютного Основания всего сущего, с которым оно тождественно; и освобождение через ревностное поклонение личному Богу или Божественной инкарнации.

Делай без привязанности работу, которую тебе следует исполнить, ибо человек, который делает свою работу без привязанности, воистину достигает Наивысшей Цели. Посредством одного только действия люди, подобно Джанаке, достигли совершенства.

Но есть также и путь Марии.

Свободные от желания, страха и гнева, погружаясь в Меня, лица во Мне прибежища, очищаясь огнем Знания, многие стали едины со Мной.

И снова:

Те, кто полностью подчинили свои чувства, те, ум которых не колеблется ни при каких обстоятельствах и тем самым пребывает в поклонении Непостижимому, Непроявленному, Вездесущему, Невыразимому, Вечному, — они, преданные благу всего сущего, только они достигают Меня, и никто более.

Но путь поклонения непрост.

Задача тех, чей разум сосредоточен на Непроявленном, более сложна, ибо трудна для тех, кто находится в теле, — реализация Непроявленного. Но те, кто сосредоточивают все свои действия на Мне (как на верховном Боге или Божественной инкарнации), которые стремятся ко Мне как к наивысшей цели, которые поклоняются Мне и в полном сосредоточении созерцают Меня, — для тех, чей разум таким образом поглощен Мною, я не медля становлюсь Спасителем из всемирного океана смерти.

Эти три пути, ведущие к освобождению, в точности соответствуют трем категориям, в понятиях которых Шелдон разработал, бесспорно, наилучшую и наиболее адекватную классификацию различий человеческих типов. Они, как показано у Шелдона, могут постоянно варьироваться между жизнеспособными крайностями трехполярной системы. Можно, следовательно, предложить систему физиологических и психологических измерений, где каждый данный индивидуум может быть в точности размещен в соответствии с этими тремя координатами. Или мы можем посмотреть на это иначе и сказать, что каждый данный индивидуум — это смесь в варьирующихся пропорциях трех физиологических и трех тесно связанных психологических составляющих. Сила каждой составляющей может быть измерена в соответствии с эмпирически определенными процедурами.

Этим трем физиологическим компонентам Шелдон дал название эндоморфии, мезоморфии и эктоморфии. Индивидуум с высоким уровнем эндоморфии по большей части будет отличаться мягкими округлыми формами и повышенной склонностью к полноте. Выраженный мезоморф отличается мощным телосложением, развитой мускулатурой и скелетом. Высокая степень эктоморфии характеризуется худощавым сложением, тонкими костями, неразвита́й и невыразительной мускулатурой.

Особенность конституции *эндоморфа* — объемистый кишечник, который может быть вдвое тяжелее и длиннее кишечника выраженного *эктоморфа*. Фактически, тело мужчины или женщины — *эндоморфа* строится вокруг пищеварительного тракта. С другой стороны, наиболее значимый факт строения *мезоморфа* — мощная мускулатура, в то время как *эктоморф* отличается сверхчувственной и (поскольку соотношение поверхности тела к массе

у эктоморфа выше, чем у двух остальных типов) относительно незащищенной нервной системой.

С эндоморфной конституцией тесно связан тип темперамента, который Шелдон назвал висцеротонией. Примечательно, что среди черт висцеротоника — любовь к еде и, что характерно, склонность есть сообща с другими людьми, любовь к удобствам и роскоши, церемонность, дружелюбие и любовь, не делающая различий к людям как таковым. Здесь же следует отметить и боязнь одиночества, стремление находиться в обществе других людей, свободное проявление эмоций, любовь к детям, часто принимающая форму ностальгии по своему прошлому, глубокое и сильное чувство удовольствия от семейной жизни, стремление к проявлению эмоций и общественной поддержке и потребность в сложных обстоятельствах обращаться к другим за помощью.

Темперамент, соответствующий *мезоморфности*, называется «соматотония». Здесь доминирующие черты — склонность к мышечной активности, агрессивность и стремление к власти, к борьбе и состязательности, безразличие к боли, бесчувственное отношение к страданиям других людей, высокая степень физической отваги, ностальгическое чувство по отношению не к детству, а к юности — периоду максимальной мускульной силы, потребность, оказавшись в сложной ситуации, вести себя активно.

Судя по трем вышеприведенным описаниям, видно, насколько неточна юнгианская концепция экстраверсии как простого противопоставления интроверсии. Экстраверсия не однотипна: она состоит из двух радикально отличных типов. Есть эмоциональная, стремящаяся к дружескому общению экстраверсия висцеротоничного эндоморфа — человека, который постоянно ищет общества, чтобы поделиться со всеми мыслями о своем самочувствии. Есть

и экстраверсия мускулистого соматотоника, который воспринимает мир как место, где можно поиграть мускулами, где можно подчинять людей своей воле и переделать в нем все как заблагорассудится. Экстраверсия первого типа — это доброжелательная экстраверсия коммивояжера, завсегдатая престижных вечеринок, либерально мыслящего священника-протестанта. Другая — экстраверсия инженера, который свою жажду власти вымещает на неодушевленных предметах, экстраверсия спортсмена, профессионального солдата-наемника, амбициозного бизнесмена и политика или же диктатора, тиранящего свою семью или свое государство.

Обращаясь к церебротонии, темпераменту, который соответствует эктоморфному сложению, мы покидаем добродушный мир Пиквика, энергичный, полный приключений мир капитана Сорвиголовы и попадаем в полностью отличную и совсем не умиротворенную вселенную Гамлета и Ивана Карамазова. Выраженный церебротоник — это вечно обеспокоенный, сверхчувственный интроверт. Его более заботит не столько то, чем живет внешний мир, сколько то, что творится внутри его черепной коробки — с соответственной структурой мышления и воображения, с переменами чувств и самосознания, — в отличие от висцеротоника и соматотоника, которых по преимуществу интересует внешний мир, которому они остаются верны. Церебротоникам присуще, в очень незначительной степени или вовсе незнакомо, стремление доминировать; нет у них и чувства безраздельной симпатии к людям вообще, как у висцеротоника. Напротив, им, скорее, ближе правило «живи и дай жить другому», они ревностно оберегают неприкосновенность своей личной жизни от постороннего взгляда. Оказаться в камере-одиночке, самое страшное наказание, которому можно подвергнуть мягкого, добродушного человека, — для церебротоника

вовсе не наказание. Для него кошмар — это школа-интернат или казарма. В компании церебротоник ведет себя нервно и стеснительно, отличается крайней скованностью и непредсказуемыми приступами меланхолии (немаловажно, что никогда еще выраженный церебротоник не был хорошим актером или актрисой). Церебротоники не выносят, когда хлопают дверьми или повышают голос, и остро страдают от бравады и напора соматотоника. Их манера поведения отличается сдержанностью, и, когда дело доходит до проявления чувств, церебротоники становятся до крайности замкнутыми и необщительными. Излияния чувств висцеротоника шокируют их, кажутся оскорбительно мелкими и даже неискренними; им не хватает терпения выносить и церемонность висцеротоника, его любовь к роскоши и великолепию. Церебротоники также тяжело приспосабливаются к установившимся житейским правилам и привычкам, которые совершенно естественны для соматотоника. Сверхчувственность зачастую делает церебротоников крайне, почти безумно сексуальными, однако алкоголь их почти не соблазняет — поскольку алкоголь, который повышает природную агрессивность соматотоника и усиливает раскованное добродушие висцеротоника, для церебротоника означает не более чем подавленность и плохое самочувствие.

Каждый по-своему — и висцеротоник, и соматотоник — неплохо приспособлены к миру, в котором они живут. Но интровертному церебротонику непросто найти свое место в окружающем его мире вещей, людей, в обществе с его укладом. В результате, выраженных церебротоников редко встретишь в числе обычных граждан. Но там, где одним не удастся стать нормальными, ненормальность других позволяет им по-своему возвыситься над посредственностью. В университетах, монастырях и исследовательских лабораториях —

там, где созданы тепличные условия для тех, кому маленький кишечник и слабые мускулы не позволяют с помощью локтей или выпивки в компании пробить себе путь в жизни, — процент невероятно одаренных и образованных церебротоников всегда будет очень высок. Понимая, насколько важен этот особенный, переразвитый и почти нежизнеспособный тип человеческого существа, все цивилизации так или иначе создавали условия для его защиты.

В свете этих описаний мы можем яснее понять классификацию путей спасения Бхагавад-Гиты. Путь поклонения вполне естественно лежит перед человеком, в котором высок висцеротоничный компонент. Его врожденная склонность выводить свои эмоции наружу, которые он спонтанно ощущает в отношении к людям, может быть дисциплинирована и направлена в нужное русло. Таким образом, не более чем животная общительность и всего лишь человеческая доброта преобразуются в милосердие — поклонение личностному Богу и всеобщему благу и сострадание ко всем чувственным существам.

Путь труда — для тех, у кого экстравертность соматотонического типа, для тех, кто в любых обстоятельствах ощущает потребность «занять чем-то руки». У необращенного соматотоника это стремление к действию всегда выливается в агрессивность, самоутверждение и жажду власти. Задача, которую, как Кришна объясняет Арджуне, должен ставить перед собой кшатрий, или воин-правитель, — избавиться от этих губительных спутников любви к действию и трудиться, не рассчитывая на плоды трудов, в состоянии полной непривязанности к своему «я». На словах, правда, это, как и все остальное, выглядит легко — много легче, чем на деле.

Наконец, есть еще путь знания — изменять сознание, пока оно не перестанет быть эгоцентричным и не станет сосредоточенно и объ-

единено с Божественным Основанием. К этому пути естественно призван выраженный церебротоник. Его особенный путь самодисциплины заключается в обуздании врожденной склонности к интроверсии ради нее самой, к мысли, воображению и самоанализу как целям самим по себе, а не способам полностью вознести собственные фантазии и рассудок в вечном акте чистой интеллектуальной интуиции.

Вариации этих трех компонентов могут быть самыми разнообразными, хотя у большинства людей они смешаны почти поровну. Крайняя, бросающаяся в глаза степень преобладания одного из компонентов встречается сравнительно редко. И все же, какими бы редкими ни были эти крайности, именно на характерных для них особенностях мышления главным образом основываются богословие и этика, по крайней мере в теоретической части. Причина проста. Любая крайность будет всегда более чистой и стойкой и поэтому легче узнается и понимается в отличие от промежуточного состояния, естественного для человека, у которого составляющие компоненты личности равномерно распределены. Эти промежуточные позиции, следует отметить, ни в коем случае не содержат в себе и не примиряют между собой крайние положения — это всего лишь еще одни типы мышления, прибавленные к списку возможных систем. Построение всеобъемлющей системы метафизики, этики и психологии — задача, которая никогда не будет выполнена силами одной личности хотя бы потому, что эта личность будет обладать только ей присущими конституцией и темпераментом и, как следствие, способностями к познанию, соотносимыми только с ее собственным устройством. Отсюда и преимущества, присущие тому, что может быть названо антологическим подходом к истине.

Санскритское слово «дхарма», одно из ключевых слов в индийских определениях Вечной Философии, имеет два принципиальных значения. Дхарма человека — это прежде всего его сущностная природа, внутренне присущий его природе закон существования и развития. Но дхарма также означает закон праведности и добродетели. Совершенно ясно, что подразумевает этот двойной смысл — обязанности человека, то, как ему следует жить, во что надлежит верить и как воплощать свою веру в жизнь,— все это определяется его сущностной природой, конституцией и темпераментом. Оставив в этом католиков с их учением о призвании далеко позади, индийцы признают право личностей с различной дхармой поклоняться различным аспектам или представлениям о Божественном. Результат — почти полное отсутствие между индуистами и буддистами кровопролитных гонений, религиозных войн и прозелитического империализма.

Следует, однако, отметить и то, что в пределах своей церковной системы католицизм проявлял почти такую же терпимость, как индуизм и буддизм Махаяны. В действительности, каждая из этих религий содержит в себе несколько очень разных религий, охватывающих всю гамму мышления и поведения: от фетишизма, политеизма до монотеизма, до поклонения освященной человечности аватары, до исповедания Вечной Философии, до практики чисто духовной религии, которая ищет единящего знания Абсолютной Божественности.

Эти признаваемые, терпимые «религии в религии», конечно же, не рассматриваются как равноценные или в одинаковой степени верные. Чьей-то индивидуальной дхармой вполне может быть, к примеру, политеистическое поклонение, но, тем не менее, факт остается фактом: конечная цель человека — это знание, ведущее к объеди-

нению с Божественным. На протяжении истории различные определения Вечной Философии были сходны в том, что каждому человеку следует стремиться к достижению этой цели, и, так или иначе, в свое время он достигнет ее. «Ко всем душам обращен,— пишет отец Гарригу-Лагранж,— отдаленный призыв к мистической жизни, и, если этим душам посчастливится избежать, как и следует тому быть, не просто смертного, но и простительного греха, если они будут, каждая соответственно своему устройению, послушны Святому Духу, и если они проживут достаточно долго,— однажды придет такой день, когда они получают непосредственное и действительное призвание к высокому совершенству и к мистической жизни в истинном смысле этого слова». Вероятно, индуистские и буддистские богословы согласятся с приведенным утверждением, однако они обязательно прибавят, что каждая душа на самом деле со временем достигнет этого «высокого совершенства». Все призваны, но в каждом отдельном поколении мало избранных, потому что многие соглашаются быть таковыми. Однако сознательное существование неизбежно и бесконечно долго сменяется другими, в физическом теле или бестелесными, следовательно, у каждого есть время и возможность выучить необходимые уроки. Более того, всегда будут и помощники, так как время от времени происходят «нисхождения» Божественного в физическую форму; и во все времена Будды будущего готовы, стоя на пороге единства с Постижимым Светом, отречься от блаженства немедленного освобождения, для того чтобы снова и снова возвращаться как Спасители и Учители в мир страдания, времени и зла, пока, наконец, каждое чувственное существо не будет освобождено в вечность.

Практические следствия этого учения достаточно ясны. Низшие формы религии, какие бы они ни были — эмоциональные, ак-

тивные или интеллектуальные, — нельзя принимать как окончательные. Действительно, каждая из них естественным образом соответствует людям с определенным типом конституции и темперамента. Но дхарма или долг каждой данной личности — не довольствоваться несовершенной религией, которая оказалась более подходящей для нее, а превзойти ее, при этом не пытаясь совершить невозможного — отказаться от своего природного образа мышления, поведения и эмоционального восприятия, но использовать их так, чтобы природными средствами можно было превзойти природу. Так, интроверт использует «различение» (словами индийцев) и учится отделять умственную активность «эго» от основополагающего сознания «Я», которое близко или тождественно с Божественным Основанием. Эмоциональный экстраверт учится «ненавидеть отца и мать» (другими словами, отказываться от себялюбивой привязанности к удовольствию беспорядочно любить и быть любимым), сосредоточивая свою привязанность на личностном или воплощенном аспекте Бога, и, наконец, приходит к любви к Абсолютной Божественности в действии, уже не в чувстве, но в воле, просвещенной знанием. И наконец, есть еще один тип экстраверта, которого больше заботит не радость дарить и получать ответные чувства, но удовлетворение своей жажды властвовать над вещами, событиями и людьми. Пользуясь своей природой для того, чтобы превзойти свою природу, он должен следовать пути, изложенному в Бхагавад-Гите перед смущенным и недоумевающим Арджуной, — пути труда без привязанности к плодам труда, пути того, что св. Франциск Сальский назвал «святым безразличием», пути, что ведет через отвержение «я» к открытию «Я».

На протяжении истории часто случалось так, что одну или другую из несовершенных религий воспринимали слишком серьезно,

относясь к ней как к самоценной истине и благу, а не как к средству достичь конечной цели всех религий. Последствия подобных ошибок часто бывают катастрофическими. К примеру, многие протестантские секты упорно настаивают на необходимости или, по меньшей мере, исключительной желательности, насильственного обращения. Но насильственное обращение, как показано у Шелдона, — это феномен, применимый почти исключительно к людям с высокой степенью соматотонии. Такой человек столь интенсивно экстравертен, что совершенно не имеет представления о том, что творится на нижних уровнях его сознания. Если по какой-либо причине его внимание окажется обращенным внутрь себя, последующее самопознание, из-за своей новизны и необычности, проявится с силой и полнотой откровения. Изменение сознания, или метанойя, такого человека будет внезапным и сокрушительным. Это изменение может быть направлено или к религии, или к чему-либо еще — к психоанализу, например. Но утверждать, что в насильственном обращении заключено единственное средство к спасению, — имеет не больше смысла, чем утверждать, что для спасения необходимы большое лицо, сильные мышцы и крепкие кости. Тех, кто по своей природе склонен к подобного рода эмоциональным встряскам, учение, связующее спасение и обращение, приводит к самодовольству, которое совершенно губительно для духовного роста. Напротив, те, кто оказался неспособен к такому «откровению», испытывают не менее губительное отчаяние.

Несложно привести и другие примеры неадекватных теологий, основанных на невежестве в области психологии. Можно вспомнить хотя бы печальный пример Кальвина — церебротоника, который настолько увлекся своими интеллектуальными построениями, что утратил всякое чувство реальности — и человеческой,

и духовной. Не стоит далеко ходить за примером, вспомним лишь наш либеральный протестантизм, ересь с преобладающе висцеротоничным уклоном, которая, похоже, совсем забыла о самом существовании Отца, Духа и Логоса и приравняла христианство к чувственной привязанности к человеческой природе Христа (или, как у нас теперь принято говорить, к «личности Иисуса»), пред которой благоговеют с тем же ревностным идолопоклонством, как будто это все, что нам известно о Боге. Даже во всеобъемлющем католицизме мы постоянно слышим жалобы на ограниченных и невежественных духовников, которые накладывают на свою паству религиозную дхарму, совершенно не соответствующую их природе. Плоды такого пасторского попечения авторы, такие как св. Хуан де ла Крус, именуют не иначе, как «совершенная пагуба».

Мы видим, таким образом, насколько естественно то, что в нашем представлении Бог обладает качествами, которые наш темперамент склонен постигать в Нем. Но если наша природа не найдет способа превзойти себя своими же средствами, мы погибнем. В конечном счете Филон совершенно прав, говоря, что те, кто не постигает Бога как чистое и простое Единое, наносят вред, — и не Богу, конечно же, но самим себе, а заодно и своим ближним.

Путь познания открывается преимущественно перед теми, у кого преобладают церебротонические черты темперамента. Сказанное отнюдь не означает, что этот путь прост для церебротоника. Присущие ему особенные грехи так же сложно преодолеть, как и грехи, которые одолевают властолюбивого соматотоника или выраженного висцеротоника, равнодушного к еде, комфорту и обществу одобрению. Но само представление о том, что такой путь существует, что им можно следовать (с помощью то ли различения, то ли труда без привязанности к его плодам и всепогло-

щающего поклонения), скорее непосредственно откроется церебротонику. На всех уровнях культуры он — монотеист по самой своей природе. Примеры, которые д-р Радин* приводит из первобытной религии, недвусмысленно говорят о том, что это природный монотеизм традиции *tat tvam asi*, школы внутреннего света.

Люди, темпераменту которых присуща экстравертность одного или другого из двух типов, — политеисты по своей природе. Но подобных политеистов можно без особого труда убедить в теоретическом превосходстве монотеизма. Природа человеческого разума такова, что она склонна открывать правдоподобие в любой гипотезе, стремящейся объяснить многообразие в понятиях единства, привести кажущееся множество, по существу, к первичному тождеству. И от этого теоретического монотеизма полуобращенный монотеист может, если сделает такой выбор, проследовать (через самодисциплину и работу над собой, соответствующие его особенному темпераменту) к подлинной реализации Божественного Основания, его собственного существа и всего сущего. Повторим еще раз: может и, случается, действительно приходит — но очень часто этого не происходит. Многие считают себя убежденными монотеистами, но всей своей жизнью и каждым поступком доказывают, что в действительности они по-прежнему следуют за своим темпераментом — к политеистическому поклонению не еди-

* Пол Радин (1883—1959) — американский антрополог. Разрабатывал исторические модели обществ, основанные на синтезе экономических и социальных структур, религии, философии и психологии.

ному Богу, о котором время от времени ведут речь, но многим богам, националистическим и технологическим, финансовым и семейным, — им продолжают оставаться верны такие люди в действительности.

В христианском искусстве Спасителя почти всегда изображали худощавым чело-

веком с невыразительной мускулатурой. Высокослый, крепкий телом Христос — достаточно необычное исключение из очень древнего правила. Уильям Блейк с явным пренебрежением писал о распятии Рубенса:

**Христос был плотником, мой добрый сэр,
А не трактирщиком, забыли вы об этом?**

Одним словом, традиционно Иисус виделся как человек преимущественно эктоморфного сложения, а это подразумевало, что и преимущественно церебротонического темперамента. Сердцевина изначального христианского учения подтверждает верность этой иконографической традиции. Евангельская религия — это то, чего можно ожидать от церебротоника; хотя, конечно же, не от всякого, но от того, кто использовал особенности своего природного психофизиологического строения для того, чтобы превзойти природу, кто, следуя своей особенной дхарме, достиг духовной цели. Настоятельное утверждение, что Царство Божие внутри нас; пренебрежение ритуалом, слегка презрительное отношение к догматизму, к заведенным церемониалам организованной религии, к священным дням и местам поклонения; в целом, проповедь Царства, которое «не от мира сего»; особое внимание, которое уделяется поддержанию, и не только от открытого действия, но даже от желания и невыраженного намерения; безразличие к пышности материальной цивилизации и любовь к нищете как одно из величайших благ; учение о том, что непривязанность должна быть перенесена в сферу семейных отношений и что приверженность даже самым высочайшим, но все же человеческим идеалам, праведность книжников и фарисеев способна, как идолопоклонство, увести от любви к Богу, — все это характерно церебротонические представления, кото-

рые сами собой никогда бы не пришли в голову экстравертному властолюбцу или не менее экстравертному висцеротонику.

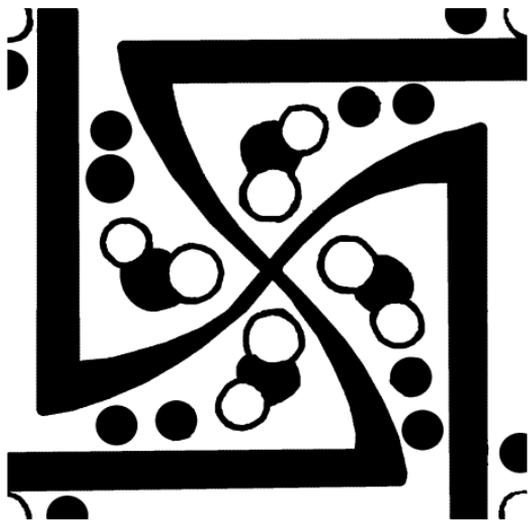
Изначальный буддизм — не менее церебротоническая религия, чем и изначальное христианство и веданта — метафизическое учение, в котором заключена суть индуизма. Конфуцианство, напротив, — преимущественно висцеротоническая система, от начала и до конца мирская: здесь на первом плане — церемониал, семья, отношения в обществе. В мусульманстве же мы обнаруживаем сочетание мощных соматотонических элементов — отсюда и «черные» страницы истории ислама с его священными войнами и гонениями «неверных». В этом ислам мало чем отличается от позднего христианства, поскольку компромисс христианской церкви с необращенной соматотонией зашел настолько далеко, что его церковная организация называет себя «воинствующей церковью».

В своих крайних проявлениях церебротония и висцеротония являются не меньшими преградами в том, что касается движения к конечной цели человека, чем крайняя соматотония. Но в то время, как церебротоник и соматотоник могут существенно навредить разве что самим себе и тем, кто непосредственно связан с ними, крайний соматотоник с его врожденной агрессивностью может свергнуть в хаос все общество. Поэтому с определенной точки зрения можно сказать, что цивилизация — это комплекс религиозных, образовательных и административных средств, предназначенных уберечь общество от ущерба, который способны причинить выраженные соматотоники, и направить их безудержную энергию в желательное русло. Конфуцианство и китайское общество стремились достичь этого, прививая культ семьи и предков, почтительность и дружелюбное висцеротоничное эпикурейство, — и все это каким-то образом стало только сильнее от церебротоничной духов-

ности и ограничений буддизма и классического даосизма. В Индии кастовая система являет собой попытку подчинить военную, политическую и финансовую власть духовному авторитету. Образование, которое получают все классы, по-прежнему особо выделяет то, что конечная цель человека — познание, ведущее к единению с Богом. Поэтому и в настоящее время, даже после двух столетий все более усиливающейся европеизации, успешные соматотоники продолжают в середине жизни отказываться от богатства, положения и власти. Чтобы закончить свои дни смиренными искателями просветления.

В католической Европе, как и в Индии, тоже была своя попытка подчинить светскую власть духовному верховенству. Но поскольку сама церковь, ее политики в рясах и бизнесмены в епископских митрах пользовались все той же светской властью, эта попытка оказалась успешной лишь отчасти. После Реформации даже самое благочестивое желание ограничить светскую власть средствами духовного авторитета была полностью отброшено. Генрих VIII сделал себя, по словам Стаббса *, «папой, и более, чем папой». Его примеру продолжали следовать многие из тех, кому случалось оказаться во главе государства. Власть с тех пор ограничивалась только другими властями, а не обращением к высоким идеалам, как они понимались теми, кто заслужил духовное и нравственное право открыть в себе то, к чему призывают. Тем временем интерес к религии повсеместно приходил в упадок, и даже среди верующих христиан Вечную Философию в значительной степени подменила собой метафизика неизбежного прогресса и эволюционирующего Бога.

* Джон Стаббс (1543—1591) — английский памфлетист елизаветинской эпохи, убежденный пуританин и яростный борец с католицизмом.

Глава девятая. Самопознание

Во всех живых созданиях незнание себя естественно, в человеке — порочно.

Бэций

Порок можно определить как образ поведения, получивший одобрение воли и приводящий к последствиям, которые пагубны,

во-первых, потому что они уведат от Бога, и, во-вторых, потому что они физиологически или психологически вредны для самой личности и ее окружения. Незнание себя вполне соответствует этому определению. Незнание себя изначально добровольно — ведь с помощью самоанализа и выслушивая мнение других о нашем характере, все мы можем, если захотим того, получить нелицеприятное представление о наших слабостях и недостатках, а также о подлинных мотивах наших поступков в противоположность тем, которые мы согласны признать и афишировать перед другими. Если большинство из нас продолжает оставаться в неведении относительно самих себя, то это потому, что самопознание болезненно, и мы предпочитаем ему приятные иллюзии. Что же до последствий подобного невежества, то они пагубны по любым меркам — от житейских до трансцендентных. Пагубны потому, что незнание себя ведет к нереалистичному поведению и тем самым приносит всевозможные беды всем тем, на кого оно направлено; пагубны также и потому, что без самопознания не может быть подлинного смирения. А значит, не может быть и действительного самоограничения и самоуничужения, следовательно, и единящего знания Божественного Основания, лежащего в основе «я», которое, по обыкновению, затмевает его.

Непреложность самопознания, его важность и обязательность всегда подчеркивались святыми и духовными проводниками всех значимых религиозных традиций. У нас, на Западе, говоря о самопознании, мы прежде всего вспоминаем о Сократе. К этой же теме, более разработанной, чем у Сократа, всегда обращались индийские представители Вечной Философии. К примеру, в наставлениях Будды об «установлении сосредоточенности» излагается (с той характерной для текстов на пали, не знающей снисхождения суровос-

тью) целое искусство самопознания во всех его ответвлениях — познание своего тела, своих чувств, ощущений, мыслей. Это искусство следует практиковать, имея виду две цели. В чем его непосредственная цель? «Вот один из братьев, он продолжает так относиться к телу, что сохраняет свою ревностность, собранность и сосредоточенность, преодолев и страстное желание, и уныние, общие для всего мира. И, подобным образом поступая с чувствами, мыслями и представлениями, он так смотрит на каждое из них, что остается ревностным, собранным и сосредоточенным, без желания или уныния». В этом психологическом состоянии, в познании того, что лежит в основе индивидуализированного «я», и есть конечная цель человека,. Те же самые идеи, говоря на своем языке, выражают и христианские авторы.

Человек в себе имеет много покровов, скрывающих глубины его сердца. Человек знает столько всего, не знает только себя. Да, тридцать или сорок покровов, или шкур, покрывают душу, совсем таких, как волость или медвежья, вот таких толстых и крепких. Войди в свой предел и там научись познавать себя.

Экхарт

Глупцы считают себя бдящими — все узнали, все успели попробовать на зуб. Хоть князь, хоть пастух — одинаково самоуверенны!

Чжуан-цзы

Подобное метафорическое сравнение с пробуждением ото сна снова и снова открываем в различных изложениях Вечной Философии. В таком контексте освобождение можно определить как процесс пробуждения от бессмыслицы, кошмаров и иллюзорных удовольствий, которые принято называть реальной жизнью, к бодрствованию вечности. «Блаженства пробуждения святая неизбеж-

ность» — эта замечательная фраза, которой Мильтон описывает опыт самого благородного рода музыки, ближе всего, как кажется, к описанию просветления и избавления, насколько это доступно словам.

Ты [человек] есть то, чего нет. Я есть то, что Я есть. Если ты постигнешь эту истину в своем сердце, никогда враг не обманет тебя — ты избежнешь всех его уловок.

Св. Катерина Сиенская

Познание себя учит нас тому, откуда мы пришли, где мы есть и куда идем. Мы пришли от Бога, и мы в изгнании; и потому что в своей способности любить мы устремлены к Богу, для нас очевидно наше изгнание.

Рейсбрук

Духовный прогресс происходит тогда, когда мы все более познаем себя как ничто и Божественное как всеобъемлющую Реальность. (Подобное познание, конечно, бесполезно, пока оно не более чем теория; чтобы оно было действенным, его следует реализовать как непосредственное интуитивное переживание и, основываясь на нем, действовать соответственно.) Об одном из величайших мастеров духовной жизни профессор Этьен Жильсон писал: «Замена страха Милосердием — вот, в чем состоит полнота аскезы св. Бернара Клервоского, ее начало, ее развитие и итог». Страх, забота, беспокойство — вот, что образует непосредственную сердцевину индивидуализированного «я». От страха невозможно избавиться только лишь собственным усилием, только лишь поглощенностью задачей большей, чем собственные интересы «эго». Вообще, поглощенность какой-либо задачей может освободить разум от некоторых страхов; но лишь поглощенность любовью и познанием

Божественного Основания способна избавить разум от всякого страха. Когда стоящая перед нами задача — не наивысшая из возможных, чувство страха и тревоги переносится с «я» на задачу — как в том случае, когда героическое самопожертвование во имя близкого человека или сообществ сопровождается тревогой в отношении того, ради чего приносится эта жертва. В то же время, если жертва совершается во имя Бога и ради других в Боге, тогда не может быть страха или неослабной тревоги, поскольку ничто не может угрожать Божественному Основанию, и даже неудачу и крушение следует принимать как угодную Божественной воле. Лишь в немногих людях любовь к Богу достаточно сильна, чтобы отбросить эти страх и тревогу, которые переносятся на наших близких или на сообщества. Причину следует искать в том, что лишь немногие люди достаточно смиренны, чтобы открыть в себе способность любить так, как они могли бы. А недостает смирения потому, что люди до конца не сознают свою незначительность.

Смирение состоит не в том, чтобы скрывать наши таланты и добродетели, чтобы считать себя хуже, посредственнее, чем мы есть. Смиряться — значит обладать ясным знанием обо всем том, чего нам недостает, и не возвеличиваться за счет того, что нам дано, видя, что Бог свободно дает это; несмотря на все Его дары, мы по-прежнему значим бесконечно мало.

Лакордер*

* Жан Батист Анри Лакордер (1802—1861) — французский католический писатель и публицист, священник. Придерживался либеральных взглядов.

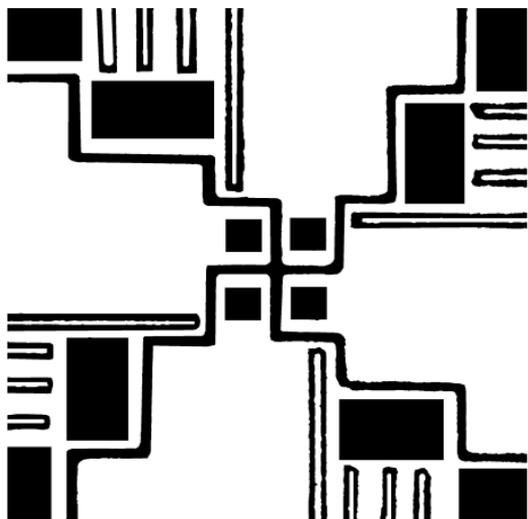
По мере того как возрастает этот свет, мы открываем, насколько мы хуже, чем думали прежде. Нас потрясает наша прежняя слепота, когда мы видим целый клубок постыдных чувств в своем сердце, словно в тайной пещере, кишашей грязными пре-

смыкающимися. Мы не хуже, чем были прежде, наоборот — лучше. Но пока на убыль идут наши недостатки, тот свет, который открывает их, становится все ярче и ярче, и нас переполняет ужас. Пока не видно было признаков исцеления, неведома нам была запущенность, глубина нашей болезни — таково наше слепое сомнение, очерствение, что делает нас легкой добычей самообмана. Продолжая плыть по течению, мы не представляем, насколько оно быстро. Но стоит хоть немного повернуть против него, и стремнина тут же дает о себе знать.

Фенелон

Дочь моя, построй себе две кельи. Первую — подлинную келью, так, чтобы поменьше ходить и разговаривать, разве тогда, когда необходимо или делая это из любви к ближнему. Затем построй себе келью духовную, которую ты всегда сможешь взять с собой. Это келья подлинного самопознания; в ней ты обретешь знание того, как добр Бог к тебе. Доподлинно же эти две кельи — в одной. Если живешь в одной, ты должна так же жить и в другой, иначе душа будет обьята отчаянием или же самопревозношением. Если будешь обитать единственно в самопознании — отчаешься; если будешь обитать единственно в познании Бога — будешь искушаться самопревозношением. Одно должно идти нераздельно с другим, и тем достигнешь совершенства.

Св. Катерина Сиенская

Глава десятая. Благодать и свободная воля

Освобождение происходит из времени в вечность и достигается покорностью и послушанием вечной Природе Вещей. Нам дана свободная воля, чтобы мы могли ее усилием избавиться от своеволия и тем самым

открыть для себя постоянство существования в «состоянии благодати». Все наши действия, в конечном счете, должны быть нацелены на то, чтобы сделаться пассивными в отношении действий и бытия Божественной Реальности. Мы, как своего рода эоловы арфы, наделены способностью или же подставить себя дуновению Духа, или же оградиться от него.

Дух Долины бессмертен.

Имя ему — Таинственная Женщина.

Путь же к Таинственной Женщине —

Основание, из которого берут начало Земля и Небо.

Оно неизменно пребывает внутри нас.

Сколько ни черпай из этого источника, он никогда не пересохнет.

Лао-цзы

В каждой из традиций Вечной Философии неизменно подчеркивается женское начало человеческой души в отношении к Божественному, личностному Богу и даже к Закону Природы. *Hubris*, он же первородный грех, состоит в том, чтобы рассматривать персональное «эго» как самодостаточное мужское начало в отношении к Духу внутри и Природе извне и соответственно поступать.

Святой Павел проводит очень полезное и о многом говорящее различие между словами *psyche* и *pneuma*. Но последнее оказалось малоупотребительным, а вот «психе», неисправимо двусмысленное название, стало использоваться для обозначения и индивидуально-го сознания, и духа. Почему в западной церковной традиции религиозные авторы предпочитают говорить об *anima* человека (это слово у римлян обозначало низшую, животную душу), вместо того чтобы пользоваться словом *animus*, которым было принято обозначать мыслящую душу? Они, как можно предположить, стреми-

лись любимы средствами, какие только были им доступны, подчеркнуть женское по своему существу начало человеческой души в ее отношении к Богу. Слова *penita*, грамматически среднего рода, и *animus* — мужского, не могли передать того же, что *anima* и *psyche*. Вот один самый непосредственный тому пример: тем, кто говорил на греческом или латинском языках, учитывая саму структуру этих языков, было очень тяжело отождествить героиню Песней с кем-либо еще, кроме души (которая женского рода грамматически). Для христианской же мысли и чувства эта аллегорическая фигура долгое время играла ту же роль, что и пастушки-гопи — в богословии и духовной мысли индийцев.

Взгляните на эту основополагающую истину. Все, что трудится в природе и человеке, кроме греха, — это работа Бога в природе и человеке. Человек не властен ни над чем, кроме свободного использования своей воли, и его свободная воля не имеет иной власти, иначе как содействовать или же противиться трудам Божиим в природе. Человек со своей свободной волей не может ничего привести к бытию, не способен и как-либо изменить труды природы; он в состоянии лишь изменить свое собственное положение и место в трудах природы и тем самым ощутить либо обрести нечто в этом положении, чего он не ощущал или не находил прежде.

Уильям Ло

Благодать, говоря языком психологических терминов, можно определить как нечто, помогающее нам, — иное, нежели наше «я», обладающее личностным самосознанием. Мы испытываем три вида подобной помощи: животную благодать, человеческую благодать и духовную благодать. Животная благодать приходит тогда, когда мы живем в полном согласии с нашей природой на биологи-

ческом уровне — не нанося вреда нашему телу излишествами, не вторгаясь в работу присущего нашей природе животного разума сознательными желаниями и антипатиями, но живя цельной жизнью и полностью открываясь «добродетели солнца и духу воздуха». Подобная жизнь в гармонии с Дао или Логосом в его физиологическом и психологическом аспектах вознаграждается здоровьем и ощущением благополучия, восприятием жизни как блага, жизни самой по себе, а не ради некоего смысла. Когда мы находимся в состоянии животной благодати, не возникает никаких вопросов: здесь нет различия между смыслом жизни и самой жизнью. Жизнь в таком случае, как и добродетель, уже будет наградой. Но, конечно же, полнота животной благодати — это удел одних только животных. Природа человека такова, что мы должны жить сознательной жизнью во времени, а не в благословенной пред-разумной вечности по ту сторону добра и зла. В результате, животная благодать открывается нам только эпизодически, в тех промежутках, когда бездействует наше самосознание, или как дополнение к другим состояниям, в которых жизнь уже не является наградой сама по себе, но ее приходится проживать ради некоторого внешнего смысла.

Человеческая благодать приходит к нам от людей и человеческих сообществ, от наших желаний, надежд и фантазий, спроецированных вовне, которые неким образом удерживаются в психической среде в состоянии, которое можно назвать вторичной объективностью. Нам всем доводилось испытывать различные типы человеческой благодати. К примеру, есть благодать, которая в годы детства исходит от матери, отца, няни или любимого учителя. В более зрелом возрасте мы испытываем благодать дружбы, благодать от мужчин и женщин, которые нравственно лучше и мудрее,

чем мы, благодать гуру или духовного наставника. Есть также и та благодать, которая приходит к нам как следствие нашей привязанности к стране, партии, церкви или другой общественной организации, — благодать, с которой даже самые слабые и робкие личности достигали того, что было бы невозможно без ее помощи.

И наконец, есть благодать, которую мы черпаем из наших идеалов, высоких или низменных, постигаемых в абстрактных понятиях или тех, которые мы облекаем в плоть воображаемых персонализаций. К этому последнему типу, по всей видимости, относятся многие из тех проявлений благодати, которые испытывали благочестивые приверженцы различных религий, помощь, которую получают те, кто преданно поклоняется или молит о помощи некоего близкого святого, божество или аватару. Зачастую, как можно судить, это не подлинно духовная благодать, но человеческая благодать, которая возвращается к молящемуся из сгустка психической силы, образованного повторяющимися актами веры (его и других людей), страстного стремления и воображения.

В постоянстве или полноте духовной благодати могут пребывать только те, кто волевым усилием избавился от своеволия до такой степени, что совершенно искренне может сказать о себе: «Не я, но Бог во мне». Правда, некоторые, хотя и немногие люди, настолько безнадежно приговорили самих себя к заключению в рамках своей собственной личности, что оказались совершенно неспособны воспринимать те проявления благодати, которые время от времени предлагаются каждой душе. Большинству из нас, тем или иным образом, временами все же удается забыть, пусть даже отчасти, о нашей одержимости «я», «мне», «мое», и тогда мы оказываемся способны, пусть даже частично, получить ту благодать, которая в это мгновение предлагается нам.

Духовная благодать берет начало в Божественном Основании всего сущего и даруется для того, чтобы помочь человеку достичь своей конечной цели, а именно вернуться из времени и обособленности к этому Основанию. Этот вид благодати похож на животную благодать тем, что происходит от источника, совершенно иного, чем наше сознающее себя человеческое «я». Несомненно, эта благодать — та же, что и животная, но проявляющаяся на более высоком уровне восхождения по той спирали, которая ведет от материи к Божественному. В каждом данном случае человеческая благодать может быть вполне благой, поскольку она помогает тому, кто ее получает, в задаче достижения знания, единящего с Богом. Но по той причине, что ее источник — в индивидуализированном «я», человеческая благодать всегда несколько сомнительного свойства, и во многих случаях она способствует достижению целей, очень отличных от подлинной цели нашего существования.

Всю нашу добродетель мы получили взаймы; ее владелец — Бог. Бог — труженик, и его труды — Бог.

Св. Хуан де ла Крус

Постоянное вдохновение так же необходимо для праведной, святой и счастливой жизни, как постоянное дыхание необходимо для животного существования.

Уильям Ло

И наоборот, конечно же, праведная, святая и благодатная жизнь — необходимое условие непрестанного вдохновения. Связь между действием и поклонением, нравственностью и духовностью обоюдна и взаимозависима. Каждая — одновременно причина и следствие другой.

Когда Великий Путь пришел в упадок, появились человеческая доброта и нравственность.

Лао-цзы

Глаголы в китайском языке не изменяются по временам. Это утверждение, относящееся к гипотетическому событию в истории, справедливо в то же время в отношении настоящего и будущего. На самом же деле речь идет вот о чем: с появлением самосознания животной благодати более недостаточно для поддержания жизни, и она должна быть дополнена осознанным и намеренным выбором между правильным и ложным — выбором, который приходится делать в свете четко сформулированного нравственного кодекса. Но, как не уставали повторять даосские святые, нравственные кодексы и намеренные выборы, которые делаются поверхностной волей, хороши лишь тогда, когда индивидуальная воля и поверхностное сознание служат цели вернуть прежнюю животную связь с Дао, но на более высоком, духовном уровне. Цель — непрерывное вдохновение из источников, находящихся вне индивидуально-го «я»; а средства — «человеческие доброта и нравственность», ведущие к милосердию, то есть к знанию, ведущему к единению с Дао, которое в то же время Основание и Логос.

Господь, Ты мне даровал мое существо такой природы, которая может непрестанно возрастать в способности принимать Твою благодать и добродетель. И эта сила, которую я имею от Тебя, в которой я имею живой образ Твоей всемогущей силы, — это свободная воля. Ею я могу или увеличить, или ограничить мою способность к Твоей благодати.

Николай Кузанский

Шунь обратился с вопросом к Чену: «Можно ли взять Дао, чтобы пользоваться им по своему усмотрению?»

«Даже твое тело,— отвечал Чен,— и то не принадлежит тебе. Что же тут говорить о Дао!»

«Если мое тело,— сказал Шунь,— не принадлежит мне, тогда, будь добр, скажи, чье же оно?»

«Это доверенный тебе образ Божий,— ответил Чен.— Твоя жизнь не принадлежит тебе. Это доверенная тебе гармония Бога. Твой характер не принадлежит тебе. Это доверенная тебе приспособляемость Бога. Твое потомство не принадлежит тебе. Это доверенные тебе личинки Бога. Ты движешься, но не знаешь как. Стоишь и не знаешь, почему. Ешь, но не знаешь причины. Во всем этом — действие законов Бога. Как же тогда можно взять Дао, для того чтобы пользоваться им по своему усмотрению?»

Чжуан-цзы

Служить Богу или не служить Ему — находится в моей власти. Служа Ему, я прибавляю к своему благу и благу всего мира. Не служа Ему, я лишуюсь своего блага и лишаю мир того блага, создать которое было в моих силах.

Лев Толстой

Бог не лишает тебя действия его любви, но это ты отказываешь Ему в твоём содействии. Бог никогда не отвергнет тебя, если ты сам не отвергнешь Его любви. О Всеблагий Боже, Ты никогда не отвергнешь, пока Сам не окажешься отвергнутым; Ты никогда не забираешь Своих даров, пока мы не отвращаем наши сердца.

Св. Франциск Сальский

Чин, главный плотник, вырезал из дерева подставку для музыкальных инструментов. Когда работа была закончена, то всем, кто видел ее, она показалась словно бы созданной сверхъестественным образом.

Князь Лю спросил его: «Что за тайна в твоём искусстве?»

«Нет никакой тайны, ваше высочество, — отвечал Чин, — но все же есть кое-что. Когда я собираюсь приняться за работу над такой подставкой, то слежу за тем, чтобы оградиться от уменьшения моей жизненной силы. Поначалу я свожу работу разума до состояния полного покоя. Три дня в таком состоянии, и мне уже безразлична любая награда, которую я получу за свою работу. Пять дней — и я уже не помню о славе, которая меня ждет. Семь дней, и я уже не чувствую ни своих четырех конечностей, ни основания моего тела. Затем, когда ни одна мысль о княжеском дворе не вторгается в мой разум, мои умения становятся сосредоточены, а все беспокоящие элементы извне исчезают. Я отправляюсь в один из горных лесов, я ищу подходящее дерево. В нем уже содержится нужная форма, с которой далее мне предстоит работать. Я рассматриваю эту подставку глазами моего разума, а затем берусь за работу. Вот и все, и ничего больше. Я привожу мои природные способности в соответствие с природными способностями дерева. Пусть в моей работе ищут какое-то сверхъестественное мастерство, на самом деле вся моя работа — только в этом».

Чжуан-цзы

Вдохновение художника может принадлежать к человеческой или к духовной благодати, а может быть смешением этих типов. Высокие художественные достижения невозможны как минимум без тех форм интеллектуального, эмоционального и физического самоограничения, которые соответствуют тому виду искусства, которому посвятил себя художник. Но, помимо и свыше практики того, что можно назвать профессиональным самоограничением, некоторые художники практикуют еще и тот тип самоуничтожения, который является неотъемлемым предусловием единящего знания Божественного Основания. Фра Анджелико, к примеру, молитвой и медитацией

подготавливал себя к своей работе; а из вышеприведенного отрывка из Чжуан-цзы мы видели, что подход мастера-даоса к своему искусству был в своей основе религиозным, а не просто профессиональным.

Здесь к месту будет отметить, что автоматизм в работе несовместим с вдохновением. Обычный ремесленник может делать, и даже очень часто, просто топорную работу. Но если даже ремесленник, подобно главному плотнику Чину, ценит свою работу и готов выполнить все необходимое, чтобы подчинить себя вдохновению, он может и по временам делать работу настолько хорошо, что она кажется «словно бы созданной сверхъестественным образом».

Среди великого множества преимуществ эффективной автоматике есть и такое — свои функции она выполняет совершенно безошибочно. Но за каждую выгоду приходится платить. Автоматическая машина проста в обращении, но именно по этой причине она и недоступна для благодати. Человек, который обслуживает подобную машину, недоступен никакому эстетическому вдохновению — то ли человеческого, то ли подлинно духовного происхождения. «Производство без искусства — это зверство». Рескин* в действительности наговаривает на зверей. Трудолюбивое насекомое или птица во время работы вдохновляются безошибочной животной благодатью или инстинктом — Дао, каким оно проявляется на уровне, непосредственно идущем над физиологическим. Индустриальный рабочий на своей безошибочной и безблагодатной машине делает свою работу в рукотворной вселенной точной автоматике — вселенной, которая находится за пределами Дао на любом уровне, животном, человеческом или духовном.

* Джон Рескин (1819—1900) — английский писатель и искусствовед. Придерживался либеральных взглядов, был близок к префазализмам.

В этой связи мы вполне можем упомянуть о тех неожиданных теофаниях, которые временами посылаются детям, а временами — и взрослым, поэтам или обывателям, ученым или совсем необразованным людям. Этих людей в данном случае объединяет то, что они никак не готовили себя к ниспосланному им откровению. Такая дарованная благодать вдохновила немало литераторов и живописцев на создание великолепных произведений, но также (где вдохновение не было поддержано врожденным талантом) и патетических, но бездарных. По-видимому, эта благодать в целом относится к одному или другому из двух основных типов — внезапное и до глубины души потрясающее восприятие предельной Реальности как Любви, Света и Блаженства и не менее впечатляющее восприятие ее как темной, непостижимой Силы, вызывающей благоговейный страх.

О многом говорит тот факт, что именно к этому, второму, аспекту Реальности наиболее, по всей видимости, восприимчиво примитивное сознание. Величественный Бог, которому в конечном счете покоряется Иов, — это «неизвестный образ Бытия», наиболее характерные творения которого — Бегемот и Левиафан. Это тот Бог, который побуждает, по словам Кьеркегора, «к телеологическим задержкам в нравственности», принимающим главным образом форму кровавых жертвоприношений, вплоть до человеческих. Индийская богиня Кали, в ее наиболее ужасающем воплощении, — еще одно из проявлений этого неизвестного образа Бытия. Опять же, у многих современных первобытных племен основополагающее Основание понимается и теологически объясняется как безраздельная и безудержная Сила, которой люди вынуждены поклоняться, рассчитывая на ее снисхождение, и, если получится, подчинить ее средствами принудительной магии.

Воспринимать Бога лишь как Силу и не видеть, кроме Силы, еще Любви и Мудрости, вполне естественно для сознания заурядного, необращенного человека. Лишь совершенно бескорыстные способны опытным путем узнать, что «все будет хорошо» и, как бы там ни было, по-своему все уже хорошо. «На философа, кто отвергает Божественное Провидение, — говорит Руми, — святые смотрят как на чужака». Только те, кто смотрят глазами святых, могут постоянно и непосредственно созерцать, как Божественная Реальность проявляет себя как Сила, которая любит, сострадает и дарует мудрость. Мы же пока не достигли такого духовного положения и можем рассчитывать лишь на то, чтобы принимать свои открытия на веру. И если бы не те свидетельства о своем непосредственном опыте, что оставили после себя эти святые, мы скорее согласились бы с Иовом и первобытными людьми.

Вдохновение приходит к нам непрошеным гостем, еще до того, как мы успеем о нем помыслить; но после того, как мы ощутили его, здесь уже дело за нами: то ли согласиться с вдохновением и далее принять его и последовать за его призывами, или же не согласиться и отвергнуть. Вдохновение дает себя почувствовать независимо от нас, но не принуждает, не спросясь нас, соглашаться с ним.

Св. Франциск Сальский

Наша свободная воля может препятствовать призывам вдохновения, и, когда попутный ветер Божьей благодати надувает паруса нашей души, в наших силах ответить вдохновению отказом и, следовательно, стать помехой действию попутного ветра. Но когда наш дух отправляется в плавание и путешествие это благоприятно, не мы заставляем ветер вдохновения дуть для нас, и не мы наполняем этим ветром наши паруса, и не мы приводим в движение корабль нашей души. Мы только лишь принимаем попутный ветер, подстраивая под

него свой курс, позволяя нашему кораблю плыть туда, куда он дует, не чиня помех своим сопротивлением.

Св. Франциск Сальский

Благодать необходима для спасения, и так же необходима свободная воля, но благодать нужна для того, чтобы дать спасение, а свободная воля — чтобы принять его. Следовательно, не стоит нам приписывать часть этого благого деяния благодати, а часть — свободной воле. Спасение осуществляется в своей нераздельности совместным и цельным деянием обеих, нераздельно благодатью, нераздельно и свободной волей, но происходит от первого ко второму.

Св. Бернар Клервоский

Святой Бернар Клервоский различает *voluntas communis* и *voluntas propria*. Первое — общее в двух смыслах — это воля разделять и это воля, общая для человека и Бога. Для практических целей она равнозначна милосердию. Второе — это воля брать и иметь лишь для себя, и это корень всякого греха. В ее когнитивном аспекте *voluntas propria* — то же самое, что и *sensum proprium*, то есть собственное мнение, ценимое именно за то, что оно собственное, и отсюда нравственно ложное, хотя теоретически может быть и правильным.

Двое студентов из Парижского университета навестили Рёйсбрука с просьбой составить для них некое краткое изречение или девиз, которое могло бы служить им как жизненное правило. «*Vos estis tam sancti sicut vultis*», — ответил Рёйсбрук. «Вы святы настолько, насколько хотите того».

Бог непременно сделает свой шаг, чтобы Самому влиться в тебя, как только Он обнаружит, что ты готов к этому.

Экхарт

Воля — вот у кого вся власть: воля творит небеса и творит ад; ибо нет другого ада, кроме того, где воля человека отвергается от Бога, и нет других небес, кроме тех, где воля человека трудится с Богом.

Уильям Ло

О человек, задумайся! Вот твой удел, среди непримиримой и беспрерывной борьбы добра и зла; вся природа постоянно трудится над тем, чтобы породить великое искупление; и все сотворенное трудится в муках, не зная отдыха, ради избавления от тщеты времени; так время ли тебе предаваться сну? Все, что ты видишь или слышишь, не скажет и не явит тебе ничего более того, что породили вечный свет или же вечная тьма. Ибо как день и ночь делят меж собой цельность нашего времени, так небеса и ад делят все наши помыслы, слова и деяния. На который из путей ты ступишь или помышляешь ступить, с тем и свяжется твоя судьба. На месте же не устоишь, потому как обитель твоя среди не знающих покоя трудов природы сиюминутной и вечной; и если ты не трудишься рука об руку с добром, тогда зло, что есть в природе, увлечет тебя за собой. В тебе самой высоты и глубины вечности, и, следовательно, поступай соответственно тому, каков твой выбор, то ли в духовном уединении, или же на поле, в лавке или церкви, сея то, что вырастет и побелеет для жатвы в вечность.

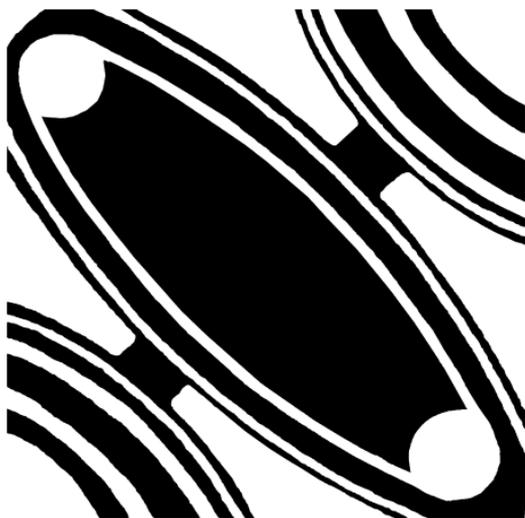
Уильям Ло

Бог ждет от тебя лишь одного: чтобы ты удалился от себя настолько, насколько ты есть сотворенное существо, и позволил Богу быть Богом в тебе.

Экхарт

Что же касается тех, кому доставляют удовольствие теологические рассуждения, основанные на текстах Писаний и догматических постулатах, то в их распоряжении тысячи страниц католичес-

ких и протестантских полемических сочинений о благодати, деянии, вере и оправдании. Изучающие сравнительное религиоведение могут воспользоваться научными комментариями к Бхагавад-Гите, к трудам Рамануджи и поздних вишнуитов, взгляды которых на благодать поразительно напоминают учение Лютера; можно обратиться также к истории буддизма, которая детально прослеживает развитие этой религии от хинаянской доктрины, согласно которой спасение — это плод упорного личного труда, до учения Махаяны о том, что спасения невозможно достичь без благодатной помощи Изначального Будды, чье внутреннее сознание и «великое сострадательное сердце» составляют вечную Таковость бытия. Для нас же, как кажется, приведенные выше цитаты из авторов, принадлежащих христианской и ранней даосской традициям, дают вполне удовлетворительную картину очевидных фактов благодати и вдохновения и их отношения к очевидным фактам свободной воли.

Глава

одиннадцатая.
Д о б р о и з л о

Желание — исходный уровень нашего сознания. От самого рождения мы попадаем в мир симпатий и антипатий, стремлений и страстей. Поначалу неосознанно, затем сознательно мы оцениваем: «Это хорошо; это плохо». Чуть позднее мы открываем для себя и обязанности: «Это, хорошее, следует сде-

лать; это, плохое, делать не следует». Но не все оценки одинаково обоснованы. За нами остается право выносить решение относительно того, что признается хорошим или плохим нашими желаниями или антипатиями. Очень часто мы обнаруживаем, что вердикт суда более высокой инстанции отличается от решения, принятого легкомысленно и поспешно в суде первой инстанции. Мы постоянно открываем, в свете того, что нам известно о себе, о наших близких и о мире в целом, — то, что поначалу казалось хорошим, может, по прошествии времени или по большому счету, оказаться плохим. То же, что нам вначале казалось плохим, может быть хорошим, и мы чувствуем, что обязаны поступать именно так.

Когда мы говорим о человеке, что он обладает глубоким нравственным пониманием, мы хотим сказать, что его суждения о ценностях обоснованы, что он знает достаточно, чтобы иметь возможность сказать, что окажется хорошим по прошествии времени или по большому счету. Когда мы говорим, что человек обладает сильным нравственным характером, мы имеем в виду, что он готов действовать так, как подсказывает ему нравственное понимание, даже если эти открытия неприятно или даже мучительно отличаются от его первой, необдуманной оценки.

В действительности же нравственное понимание никогда не бывает сугубо личным делом. Судья претворяет в жизнь систему законов и руководствуется прецедентом. Другими словами, каждая отдельная личность является членом общества, имеющего нравственный кодекс, основой которому — прошлые открытия того, что в действительности есть добро по прошествии времени и по большому счету.

Как правило, большинство членов любого данного общества допускает, чтобы ими руководили на основании общепринятого нрав-

ственного кодекса; некоторые отвергают этот кодекс, то ли целиком, или же частично; и некоторые делают выбор в пользу того, чтобы жить по другому, более высокому и требовательному кодексу. Говоря привычным для христианства языком, есть немногие, кто упрямо настаивают на том, чтобы жить в состоянии смертного греха и антиобщественного беззакония; есть многие, которые подчиняются законам, делают Нравственные Заповеди своим путеводным правилом, каются в смертных грехах, если совершают их, но не делают особых усилий, чтобы избежать грехов простительных; и, наконец, есть такие, праведность которых «превосходит праведность книжников и фарисеев», которые руководствуются наставлениями совершенства и обладают пониманием, необходимым, чтобы отличать простительные грехи и даже несовершенства, и характером, чтобы избежать их.

Философы и богословы всегда стремились подвести теоретическую основу под существующие моральные законы, с помощью которых человек сможет судить о своих спонтанных оценках. От Моисея до Бентама, от Эпикура до Кальвина, от философии всеобщей любви христианства и буддизма до безумных доктрин национализма и расового превосходства — список этот достаточно велик и разброс мыслей необычайно широк. К счастью, нам нет нужды рассматривать эти различные теории. Нас интересуют только Вечная Философия и системы этических принципов, которыми пользовались те, кто верил в эту философию, вынося решение относительно собственных оценок и оценок других людей. Вопросы, которые мы собираемся задать в этой главе, достаточно просты; просты и ответы на них. Как это всегда бывает, сложности начинаются только тогда, когда мы переходим от теории к практике, от этического принципа к его приложению в каждом отдельном случае.

Исходя из того, что основание индивидуальной души близко или тождественно с Божественным Основанием всего бытия, и, исходя из того, что Божественное Основание — это невыразимое Божественное, которое проявляет себя как личностный Бог или как воплощенный Логос, мы ставим следующие вопросы: какова изначальная природа добра и зла и каковы подлинный смысл и конечная цель человеческой жизни?

Ответ на эти вопросы по большей части мы найдем в словах одного из наиболее удивительных людей Англии восемнадцатого столетия Уильяма Ло. (Ну как тут не удивляться нашей образовательной системе! Студентов, изучающих английскую литературу, заставляют читать вычурные статьи Стила и Эдисона, знать назубок второстепенные романы Дефо и изящные мелочи Мэтью Прайора. Но можно сдать экзамен на «отлично», даже не заглянув в сочинения того, кто был не только мастером английской прозы, но и одним из наиболее интересных мыслителей этого периода, праведником, одной из наиболее располагающих к себе фигур во всей истории англиканства.) Сегодня Ло предан забвению, и это лишний раз подтверждает: тех, от кого в XX веке зависит образование, больше не интересуют подлинная истина или смысл. Помимо чисто профессиональной подготовки, они заинтересованы только в распространении ни с чем не связанной и не имеющей корней культуры и поощрении высокопарной подделки под науку ради науки.

Если что и будет гореть в аду, так это «я» человека.

Theologia Germanica

Разум в огне, мысли в огне. Разум-сознание и впечатления, которые получает разум, и ощущения, которые рождаются от впечатлений, которые получает разум, — они тоже охвачены огнем.

Что за огонь жжет их? Огонь алчности, огонь гнева, огонь страсти; охвачены они огнем, рождением, старостью и смертью, с горем и плачем, с несчастьями, печальями и отчаянием.

Из «Поучений огня» Будды

Если ты еще не видел дьявола, взгляни на свое собственное «я».

Джалаледдин Руми

Твое собственное «я» — это твой Каин, убивающий твоего Авеля. Ибо каждое действие и побуждение «я» имеет дух Антихриста и убивает божественную жизнь внутри тебя.

Уильям Ло

Град Божий создается любовью к Богу, доведенной до небрежения собой. Град земной — любовью к себе, доведенной до небрежения Богом.

Св. Августин

Разница между человеком добрым и злым не в том, что один стремится к добру, а другой — нет. Она лишь в том, что один содействует той жизни, на которую вдохновляет его дух Божий, обитающий внутри, а другой противится ей, и посему только за это заслуживает упрека во зле.

Уильям Ло

Поменьше бы люди думали о том, что им следует делать, и побольше — о том, чем им следует быть. Если б только их естество было добрым, тогда дела просияли бы на многие века. Не воображай, что можешь основать свое спасение на делах; спасению следует жить на том, что ты есть. Основание, на котором зиждется добрый характер, — то же основание, из которого труды человека получают свою награду, а именно разум, полностью обращенный к Богу. Ис-

тинно, если твой разум таков, тогда можешь хоть дороги топтать, и это будет занятием более благочестивым, чем если бы ты, просто ради собственной выгоды, принимал Тело Господа и при этом нуждался бы в духовной независимости.

Экхарт

Человека делает его вера. Как он верит, таков он и есть.

Бхагавад-Гита

Разум наделяет вещи их свойствами, основанием и существованием. За тем, кто говорит или действует с нечистым разумом, следом идут и скорби, как колесо движется вслед за быком, что тянет повозку.

Дхаммапада*

Природа внутренней сущности человека определяет природу его поступков; и природа его сущности, прежде всего, проявляется в разуме. То, к чему он устремлен и каковы его помыслы, во что он верит и чувствует, — это, можно сказать, Логос, посредством которого основополагающий характер индивидуума совершает свои творческие поступки. Эти поступки будут прекрасными и нравственно благими, если сущность человека сосредоточена на Боге; плохими и уродливыми, если она сосредоточена на личностном «я».

* Дхаммапада («Строфы закона») — одна из книг буддистского канона (III—II вв. до н. э.); составная часть Сутта-питаки («Собрания текстов»). По преданию, Дхаммапада содержит изречения самого Будды.

«Камень, — говорит Экхарт, — занят своей работой без передышки, денно и нощно». Ибо камень, даже если он не падает в настоящий момент, все равно обладает весом. Существо человека — это его потенциальная энергия, направленная к Богу или от Бога; и именно по этой потенциальной энергии человек будет судим как добрый

или злой — поскольку возможно, говоря языком Евангелий, прелюбодействовать или убивать в сердце, даже оставаясь безупречным в делах своих.

Алчность, зависть, гордыня и гнев — это четыре элемента, составляющие «я», или природу, или преисподнюю, и все эти четыре неотъемлемы от него. И причина тому, что должно быть так и не может быть иначе, в том, что естественная жизнь человека порождается для участия в некоем сверхъестественном благе в Творце. Но природная жизнь может быть не готова, не способна принять такое добро — до той поры, пока в ней самой не будет одновременно и крайней нехватки, и крайнего устремления к высшему добру. В том случае, если эта естественная жизнь отнимается или отпадает от Бога, в ней не может быть ничего иного, но только крайность желающего недостатка и крайность неудовлетворенного желания. И потому, что это так, вся эта жизнь не может быть ничем иным, кроме как чумой и мукой алчности, зависти, гордыни и гнева, и все они в точности — природа, «я» или ад. Алчность, зависть и гордыня — это не три различные вещи, но три различных имени неустанной работы одной и той же воли или желания. Гнев, который четвертым порождается из этих троих, не может возникнуть, пока этим трем не противоречат или не делают с ними нечто такое, что противоречит их воле. Эти четыре свойства состояния создают свою собственную муку. У них нет какой-либо внешней причины, нет и внутренней силы изменить себя. И, значит, все «я» или природа должны быть в этом состоянии до тех пор, пока некое сверхъестественное добро не войдет в него или не родится в нем. До тех пор, пока человек безраздельно принадлежит жизни сиюминутной тщеты, его алчность, зависть, гордыня и гнев могут быть терпимы, могут жить в нем в равновесии мира и беспокойства; временами они могут быть своей наградой так же, как и мучением. Но когда смерть положит конец тщете всех земных уловок, душа, что не родилась вновь от Сверхъестественного Слова и Духа

Божия, неизбежно обнаружит себя поглощенной или заточенной в своей собственной ненасытной, неизменной, мучительной алчности, зависти, гордыне и гнев.

Уильям Ло

Верно, что вы не можете должным образом выразить степень своей греховности; но это так, потому что невозможно в этой жизни представить грехи во всем их подлинном уродстве; нет возможности когда-либо узнать их так, какими они действительно принимаются в свете Бога. Бог дает некоторым душам впечатление чудовищности греха, и этим Он дает им почувствовать, что грех сей несравненно больше, чем кажется. Такие души должны прочувствовать свои грехи так, как вера представляет их (то есть такими, какими они есть по себе), но должны удовлетворяться тем, что поведают о них такими человеческими словами, какие способны будут произнести их уста.

Шарль де Кондрен *

Люцифер, пока сохранял свое естественное благородство, каким Бог наделил его, был чистым, благородным творением. Но когда он обратился к себе, когда он стал обладать собой и своим естественным благородством как собственностью, он пал и стал, вместо ангела, дьяволом. Так же и с человеком. Если он остается в себе и обладает своим естественным благородством как собственностью, его ожидает падение и он становится, вместо человека, дьяволом.

«Подражание Христу»

* *Шарль де Кондрен* (1588—1641) — французский теолог, профессор Сорбонны, член французской Конгрегации Оратории.

Если бы нежный ароматный плод обладал властью отделить себя от благоухания, сладости, аромата и цвета, которые он получает от благодеяния воздуха и духа солнца, или если бы он мог, как только начал расти, отвратиться от солнца и не получать от него

благоденний, тогда он оставался бы со своими первородными гневом, горечью, едкостью, терпкостью. Так же поступили и демоны, которые вернулись к своему темному корню и отвергли Свет и Дух Бога. Поэтому и адская природа демона — не что иное, как его собственные первые формы жизни, оторванные или отделенные от небесного Света и Любви; так же как горечь, кислота и терпкость плода — не что иное, как первая форма его растительной жизни, прежде чем он коснулся благоденствия воздуха и духа солнца. И, совсем как плод, обладай он чувствительностью, наполнился бы мучением, если бы его оградил в первых формах его жизни — в терпкости, горечи и жгучей кислоте, — так же и ангелы, когда вернулись к этим наипервейшим формам своей собственной жизни и порвали с небесным Светом и Любовью Бога, сами стали для себя своим адом. Ад не был создан для них, и никаких новых качеств не открылось в них, не пали на них кара или муки от Господа Любви; они остаются в том состоянии отделения и оторванности от Сына и Святого Духа Божия, которое, по своему собственному изволению, они создали для себя. Они ничего своего не имеют, кроме того, что получили от Бога, то есть первые формы небесной жизни; но обладают ими в состоянии самоистязания, потому что эти формы отделяют их от рождения Любви и Света.

Уильям Ло

Среди всего многообразия возможностей есть, может быть, только одно счастье и одно несчастье. Единственное несчастье — это природа и человек, предоставленные сами себе; единственное счастье — это Жизнь, Свет, Дух Божий, явленные в природе и человеке. В этом — подлинный смысл слов Нашего Господа: Никто не благ, кроме Бога.

Уильям Ло

Люди оказываются в аду не потому, что Бог гневается на них; они во тьме и гневе потому, что поступили со Светом, который бесконечно

проистекает от Бога, так же, как тот человек, что сам заслоняет свои глаза от света солнца.

Уильям Ло

Свет и удобства внешнего мира удерживают даже худших из людей от сколь-нибудь сильного и длительного ощущения той гневной, жгучей, темной и мучительной природы, которая есть само существо каждой падшей необращенной души. И все же нет никого в этом мире, кому бы не открывалось, чаще или реже, сильнее или слабее, что именно так выглядит самое потаенное основание его души. И чего только не придумывают люди, чтобы найти для себя убежище, где бы удалось им укрыться от некой внутренней неловкости и тревоги, которая страшит их, приходя неведомо откуда. Увы, это потому, что внутри у человека падший дух; его гложет некое темное пламя, которое ничем невозможно облечить и которое стремится вырваться наружу и взывает о помощи всякий раз, как только исчерпываются радости этого мира.

Уильям Ло

В иудейско-христианской традиции Падение, последовавшее за Творением, вызвано исключительно эгоцентричным употреблением свободной воли, которой следовало оставаться сосредоточенной на Божественном Основании, а не на обособленной личности. В предании, дошедшем до нас в Книге Бытия, воплощена очень важная психологическая истина, но его нельзя принимать как целиком удовлетворяющий символ, поскольку в нем даже не упоминается о зле и страдании в животном мире, не говоря уже о пояснении этого факта. Здесь нужно особо оговорить два основных момента, чтобы это предание не расходилось с нашим опытом. Прежде всего, следует четко понимать, что Творение, непостижимый переход от непроявленного Единого к проявленному воплощенному

многообразию природы, от вечности ко времени, — это не просто прелюдия и неизбежное условие Падения; в некоторой степени, это и есть Падение. И, во-вторых, следует указать, что нечто, подобное свободной воле, может существовать на пред-человеческих уровнях.

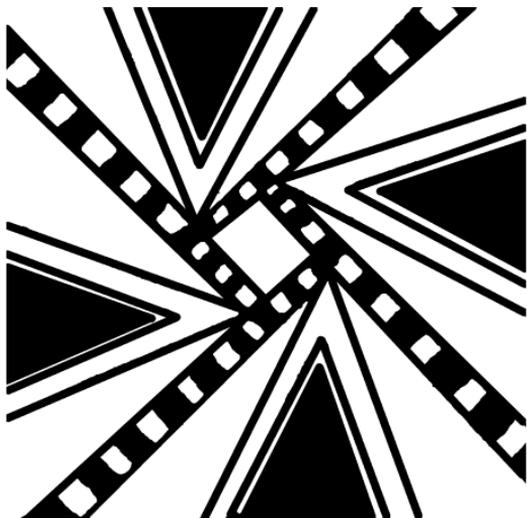
То, что переход от единства духовного существования к многоуровневому временному существованию — это суть Падения, ясно указано в буддистских и индуистских интерпретациях Вечной Философии. Боль и зло неотъемлемы от индивидуального существования в мире времени; и для человека эти боль и зло усиливаются, когда желания направлены на «я» и множественность, а не к Божественному Основанию. Вполне допустимо предположить, что живые существа даже на до-человеческом уровне могут быть наделены (одновременно и индивидуально и коллективно, в зависимости от видов животных) чем-то похожим на возможность делать выбор.

Впрочем, никуда не уйти и от того чрезвычайного факта, что «человек неповторим по роду своему», — иначе говоря, насколько мы можем судить, все остальные животные виды — это живые ископаемые, способные только к деградации и вымиранию, а не к дальнейшему эволюционному движению. На языке аристотелевской схоластики, материя обладает желанием формы — не обязательно лучшей, но формы как таковой. Если приглядеться к миру живых существ, мы увидим (восхищаясь и, следует признать, иногда не без некоего удивления) бесчисленные формы, всегда прекрасные, временами причудливо-странные, а иногда даже пугающие, в которых обрел удовлетворение этот ненасытный аппетит материи. Но из всей этой живой материи лишь той, что организована как человек, удалось найти форму, способную, по крайней мере в ментальном плане, к дальнейшему развитию. Остальная материя теперь заключена в формы, которые могут оставаться такими, как есть, или, изменяясь,

меняться только к худшему. Можно представить, что в испытании космическим разумом, за исключением человека, вся живая материя на протяжении своего биологического становления в свое время поддавалась искушению принять не обязательно лучшую, но в данный момент наиболее выгодную форму. В некоем акте, в чем-то, аналогичном акту свободной воли, каждый из видов живых существ, кроме человека, предпочел немедленный выбор в пользу специализации, непосредственный и судорожный рывок к совершенству, но совершенству на низшем уровне бытия. Результат — то, что все они находятся теперь в конце эволюционных тупиков. К первоначальному космическому Падению всего Творения, к многообразию проявлений во времени они прибавили также и свой некий биологический эквивалент добровольного Падения человека. Став обособленными биологическими видами, они предпочли немедленное удовлетворение своей индивидуальности, а не способность воссоединиться с Божественным Основанием. За этот неправильный выбор не-человеческие формы жизни несут свое наказание тем, что им отказано в реализации высшего добра, на которое способны только неспециализированные и отсюда более свободные, более высокосознательные человеческие формы. Но, конечно же, следует помнить о том, что способность к высшему добру приобретается только ценой способности и на крайнее зло. Животные не испытывают стольких страданий и, можно думать, не страдают в такой степени, как мужчины и женщины. Далее, они совершенно невинны в отношении той, в буквальном значении дьявольской, жестокости, которая вместе со святостью есть одной из отличительных особенностей человеческого вида.

Мы, таким образом, видим, что для Вечной Философии добро — это согласие обособленного «я», и в итоге его полное погло-

щение в Божественном Основании, которое и дает ему существование; зло — это усиление обособленности, отказ познать то, что Основание существует. Это учение, конечно же, полностью сочетается с определением этических положений как серии негативных и позитивных Божественных Заповедей, и даже в терминах общественной пользы преступления, запрещенные повсюду, происходят от состояний разума, которые повсюду осуждены как ложные; и эти ложные состояния разума, на основании эмпирического факта, абсолютно несовместимы с тем сознанием, ведущим к единению с Божественным Основанием, которое, согласно Вечной Философии, есть высшее добро.

Глава двенадцатая. Время и вечность

Вселенная — это бесконечная последовательность событий, но ее основание, согласно Вечной Философии, — это непреходящее «сейчас» Божественного Духа. Классическую формулировку соотношения времени и вечности можно найти в последних главах «Утешения философией», где Боэций

суммирует представления своих предшественников, в особенности Плотина.

Двигаться по бесконечной жизни — это одно, и совсем другое — охватывать бесконечную жизнь целиком во всей ее протяженности, что со всей очевидностью присуще Божественному Разуму.

Преходящий мир, как кажется, подражает тому, что он не может полностью обрести или выразить, ограничивая себя присутствующим в незначительном и скоротечном мгновении, — которое, поскольку оно несет в себе некий образ неизменного Присутствия, дает тому, что может принимать участие в нем, способность казаться обладающим своим бытием. Он не может стоять на месте, и потому он совершает бесконечное путешествие во времени; и так он проходит и, проходя, продолжает ту жизнь, изобилие которой ему невозможно постичь в постоянстве.

Бозций

Поскольку Бог всегда обладает вечным и настоящим состоянием, Его знание, превосходящее понимание времени, остается в простоте Его присутствия и, постигая бесконечность того, что прошло и еще грядет, воспринимает все сущее так, как если бы оно находилось в состоянии становления.

Бозций

Знание того, что происходит в настоящий момент, не определяет событие. То, что обычно именуют всеведением Бога, — в действительности бесконечное «теперь-знание», которое совместимо с человеческой свободой воли во времени.

Явленный нам мир и все то, что каким-то образом приведено в движение, имеют свою причину, порядок и форму из неизменности Божественного Разума. Это определило разнообразные пути прояв-

ления вещей; те пути, которые постигаются в чистоте Божьего понимания, именуются Провидением; бытие тех вещей, которыми Оно движет и располагает, именуется Судьбой... Провидение — это сам Божественный Смысл, который располагает всем сущим. А Судьба — это расположение, внутренне присутствующее в изменчивых вещах, которыми Провидение связует все в должном ему порядке. Ибо Провидение одинаково сводит все вещи воедино — через вселенную, через бесконечность; а Судьба приводит их, расставленные по своим местам, формам и временам, в движение; так что разворачивание временного порядка, объединяемое в предвидении Божественного Разума, — это Провидение, и то же объединение, будучи упорядочено и развернуто во времени, зовется Судьбой... Как работник, в уме своем представив, как будет выглядеть его работа, принимается за нее и исполняет за некоторое время то, что увидел в простоте одного мгновения, так и Бог Своим Провидением располагает то, что следует сделать в простоте и неизменности, а Судьбою влияет, многообразно во времени, на все то, чем Он располагает... Все то, что подвержено Судьбе, также подчинено и Провидению. Но есть и то, что, будучи подчинено Провидению, превышает влияния Судьбы. Таково оно потому, что, в силу своей неизменной близости к первичной божественности, превосходит порядок изменчивости Судьбы.

Бозций

Идея часов охватывает всю последовательность во времени. В идее шестой час не ранее, чем седьмой или восьмой, хотя часы никогда не пробьют по одному лишь предложению идеи.

Николай Кузанский

Начиная с Гоббса, противники Вечной Философии отвергали существование вечного «сейчас». Для этих мыслителей время и изменения фундаментальны, другой реальности нет. Более того,

будущие события совершенно неопределимы, и даже Бог не обладает знанием о них. Следовательно, Бога нельзя описать как Альфу и Омегу, а лишь как Альфу и Лямбду или любую из букв временного алфавита, которая непосредственно в этот момент произносится. Но некоторые свидетельства, собранные Обществом физических исследований, и просто статистические данные, накопленные при проведении многих тысяч лабораторных тестов экстра-сенсорного восприятия, неотвратимо приводят к заключению о том, что даже человеческий разум способен к предвидению. А если даже ограниченный разум может знать, какая карта будет выброшена через три секунды или какое кораблекрушение произойдет на следующей неделе, тогда нет ничего невозможного и невероятного по своей сути в идее бесконечного сознания, которому известно «сейчас» событий, находящихся в том, что мы называем будущим временем. Мнимое «сейчас», в котором живет человек, может быть и, наверное, всегда есть нечто большее, чем короткий промежуток между известным прошлым и неизвестным будущим, который из-за образности памяти воспринимается как момент, который мы называем «сейчас». Этот момент, может, и, возможно, на самом деле всегда содержал в себе частицу непосредственного и даже относительно удаленного будущего. Ибо для Божественного мнимое «сейчас» может быть в точности тем *interminabilis vitae tota simul et perpetua possessio*, о котором говорит Бозэций.

Существование вечного «сейчас» иногда отвергается на том основании, что временной порядок не может сосуществовать с другим порядком, который не знает времени, и что изменяющаяся субстанция не может быть объединена с субстанцией неизменной. Это возражение, очевидно, было бы справедливым, если бы вне-временной порядок был механической природы или неизменной

субстанции были бы присущи пространственные или материальные качества. Но, в соответствии с Вечной Философией, вечное «сейчас» — это сознание; Божественное Основание — это дух; бытие Брахмана — это «чит», или знание. Этот преходящий мир может познаваться и в процессе познания поддерживаться и постоянно создаваться Вечным Сознанием — эта идея не содержит в себе внутреннего противоречия.

Наконец, мы подошли к аргументам, которые выдвигаются против тех, кто постулирует, что Вечное Основание может быть познаваемо человеческим разумом. Это утверждение рассматривается как абсурдное потому, что оно включает в себя: «В один момент я вечен, в другой — я во времени». Однако оно абсурдно только если человек — существо двойственной природы, способное существовать на одном лишь уровне. Но если, а на этом всегда настаивали представители Вечной Философии, человек — не только тело и душа, но также еще и дух, и если он может и будет жить, на человеческом уровне или как-либо еще, в гармонии и даже в единстве с Божественным Основанием его существа, тогда это утверждение звучит вполне здраво.

Тело всегда во времени, дух всегда вечен, а душа, словно некое двоякодышащее создание, вынуждена по законам человеческого существования отождествляться до некоторой степени с ее телом, но способна, если пожелает того, к жизни в духе и к отождествлению со своим духом и через ее дух — с Божественным Основанием. Дух всегда остается таким, какой он есть в вечности; но человек устроен так, что его душа не может всегда оставаться отождествленной с духом. В утверждении «В один момент я вечен, в другой — преходящ» слово «я» обозначает душу, которая переходит от времени к вечности, когда она отождествляется с духом, и снова переходит от вечности ко времени, добровольно или по необхо-

димости, когда она предпочитает или вынуждена отождествлять себя с телом.

«Суфий,— говорит Джалаледдин Руми,— это сын сегодняшнего дня». Духовный прогресс — это духовное движение вперед. Мы начинаем его в детстве, в сиюминутном постоянстве животной жизни, не тревожась о будущем и не жалея о прошлом; мы вырастаем и приходим к отличительно человеческому состоянию: мы ожидаем и оглядываемся, живем, по большей части, не настоящим, но воспоминанием и предвосхищением, не спонтанно, но сообразуясь с законом и благоразумием, в раскаянии, страхе и надежде. И мы можем продолжить, если захотим того, наше движение вперед и вверх на новом витке, от места, соответствующего нашей отправной точке в животности, и неизмеримо выше. Снова мы живем сиюминутной жизнью — но это не жизнь до-человеческого существа, теперь милосердие очистило ее от страха, и предвидение заняло в ней место надежды, а самоотвержение положило конец позитивному эгоизму самодовольных воспоминаний и негативному эгоизму сожаления о прошлом. Здесь и сейчас — это единственный просвет, через который душа может перейти от времени к вечности и через который милосердие идет от одной души во времени к другой душе во времени. Вот почему суфий и вместе с ним все подлинные представители Вечной Философии являются или пытаются быть сыновьями сегодняшнего дня.

Вчера и завтра — пелена, что взгляду не дает увидеть Бога.

Обоих брось в костер. Доколе будешь ты

На доли ими поделен, подобно тростнику?

Пока тростник так поделен, ему не доверяют тайн,

И он не зазвучит в согласии с губами и дыханьем.

Джалаледдин Руми

Это опустошение памяти, хотя преимущества его не так велики, в сравнении с состоянием единения, уже просто потому, что оно освобождает душу от многих скорбей, уныния и тоски, удаляет несовершенства и грехи, есть в действительности великим благом.

Св. Хуан де ла Крус

В идеалистической космологии буддизма Махаяны памяти отведена роль весьма злобного демиурга. «Когда Бодхисаттва обводит взглядом тройственный мир, он постигает, что существование этого мира вызвано памятью, которая копилась с незапамятного прошлого, но понималась неправильно» (Ланкаватара-сутра). Слово, которое здесь переведено как «память», дословно означает «благоухание». Разум-тело несет с собой неистребимый запах всего того, что было передумано и переделано, что желалось и чувствовалось на протяжении его этнического и личного прошлого. Этот санскритский термин китайцы переводят двумя символами, означающими «навык-энергия».

Мир таков (на наш взгляд), каков он есть, по причине всех сознательно или бессознательно запоминаемых привычек, сформированных нами или нашими предшественниками, в нашей теперешней жизни или в предшествовавших существованиях. Эти припоминаемые дурные привычки заставляют нас поверить, что многообразиие — это единственная реальность и что идея «я», «мне», «мое» является основополагающей истиной. Нирвана заключается в том, чтобы «заглянуть туда, где обитает реальность как она есть», а не реальность *quoad nos*^{*}, какой она кажется нам.

Очевидно, этого невозможно достичь, пока есть такая вещь, как «мы», к которой эта реальность может

^{*} *Quoad nos* — которая есть мы (лат.). Отсюда и необходимость самоограничения, умирания для своего «я»,

которую особо отмечают все представители Вечной Философии. И это должно быть ограничение не только устремлений, желания и воли, но также мыслительных сил, самого сознания и того, что делает наше сознание таким, каково оно есть, — нашей личной памяти и унаследованных нами привычек-энергий.

Чтобы достичь полного избавления, недостаточно отказаться от греха; должно быть также обращение сознания, *паравритти*, как его называют махаянисты, перелом непосредственно в самых глубинах сознания. Вследствие этого перелома привычки-энергии накопленной памяти разрушаются, и вместе с ними исчезает чувство того, что ты существуешь как обособленное «я». Реальность больше не постигается как *quoad nos* (поскольку здравый смысл уже больше не *nos*, чтобы постигать ее), но такой, как она есть в себе. По словам Блейка, «если очистить врата восприятия, то видится все, как есть, бесконечным». Для чистых сердцем и нищих духом, сансара и нирвана, видимость и реальность, время и бесконечность переживаются как одно и то же.

Время — вот то, что не дает свету дойти до нас. Нет большей помехи на пути к Богу, чем время. И не только время, но и временные заботы, не только временные заботы, но и временные привязанности, не только временные привязанности, но сам вкус и запах времени.

Экхарт

Все время ликуйте о Господе, говорит св. Павел. Тот ликует все время, кто ликует над временем и свободный от времени. Три вещи не дают человеку познать Бога. Первая — время, вторая — плоть, третья — многообразие. Чтобы Бог мог войти, всему этому следует удалиться, разве что они в тебе примут лучший, возвышенный образ — многообразие, сведенное к единому в тебе.

Экхарт

Всякий раз, когда Бога представляют нераздельно пребывающим во времени, появляется склонность воспринимать Его как существо «непостижимое», а не как нравственное, как Бога безудержной Силы, а не Бога Силы, Мудрости и Любви, как непонятного и опасного властелина, которого следует умиловать жертвами, а не Дух, которому следует поклоняться в Духе. Все это вполне естественно, поскольку время — это постоянное уничтожение, и Бог, который всецело принадлежит времени, — это Бог, который разрушает так же быстро, как и создает. Природа столь же непостижима и ужасна, сколь прекрасна и притягательна. И если Божественное Начало не превосходит временной порядок, которому оно имманентно, и если человеческий дух не превосходит свою душу, ограниченную рамками времени, тогда нет возможности для «оправдания путей Божиих пред человеком». Бог, каким Он проявляется во вселенной, — это неодолимое Сущее, которое обращается к Иову из вихря, чьи символы — Бегемот и Левиафан, боевой конь и орел. Это же Сущее описывается в апокалиптической одиннадцатой главе Бхагавад-Гиты. «О верховный Дух! — говорит, обращаясь к Кришне, Арджуна (теперь ему известно, что Кришна — инкарнация Божественного). — Мне не терпится увидеть тебя в облике Ишвары» — иначе говоря, увидеть его облик как Бога мира, Природы, временного порядка. Кришна отвечает: «Ты узришь всю Вселенную, со всеми существами одушевленными и неодушевленными, в этом моем теле». Арджуна, в свою очередь, изумлен и напуган этим откровением.

**О мой Бог, я вижу всех богов в твоём теле;
 И, каждое в своей степени, множество творений;
 Вижу Господа Брахму, восседающего на лотосе,
 Вижу всех мудрецов и священных змей.**

О Всеобъемлющий, я вижу тебя безграничного,
Бесчисленные глаза, руки, уста и тела —
Вижу и не нахожу края, середины или начала.

Далее следует продолжительный отрывок, в котором подробно излагается всемогущество и всеведение Бога в его облике Ишвары. Затем содержание видения меняется, и дрожащий и напуганный Арджуна постигает, что Бог вселенной — это Бог не только созидания, но и разрушения.

Вот, скрежещет ужасными клыками твой рот,
Вспыхивают, словно огни в утро конца света,
Север, юг, восток и запад — все они смешались, —
О Господин дэвов, хранитель мира, смилуйся!..

Быстротой не уступающий рекам, что устремляются к океану,
Поглощаешь героев своими огнедышащими глотками,
Словно мотыльки, они устремляются к пламени на свою погибель.
Без возврата погружаются в тебя и гибнут..

Скажи мне, кто ты и кем был от начала, —
Ты, чей лик так ужасен. О Бог богов, смилуйся.
Не отвергай моего поклонения, Господь. Твои пути мне
неведомы.

«Скажи мне, кто ты». Но ответ ясен и однозначен.

Я прихожу как Время, губитель народов,
Готово к часу, что зреет им на погибель.

Но Бог, пришествие которого как Времени столь ужасно, также существует в вечности как Божественное, как Брахман, сущность которого — это сат, чит, ананда, существование, сознание, блажен-

ство; а внутри и за пределами души человека, терзаемой временем, — его дух, «несозданный и несоздаваемый», по словам Экхарта; Атман, близкий или даже тождественный Брахману. Гита, как и все другие изложения Вечной Философии, оправдывает отношение Бога к человеку, утверждая — и утверждение это основывается на наблюдении и непосредственном опыте, — что человек может, если захочет того, умереть для своей ограниченной и обособленной личности и тем самым прийти к единению с Духом, неподвластным времени. В ней также утверждается, что аватара обретает свое воплощение для того, чтобы помочь людям достичь этого единства. Для этого у аватары есть три пути: проповедовать подлинное учение в мире, ослепленном добровольным невежеством; призывать души «любить во плоти» его воплощение в человеческом облике (конечно же, это не цель сама по себе, но средство достижения духовной любви-знания Духа; и наконец, служить проводником благодати.

Богу, который есть Дух, можно поклоняться только в Духе и только ради него самого; но Богу во времени обычно принято поклоняться материальными подношениями, при этом преследуя достижение сиюминутных целей. Бог во времени проявляет себя как разрушитель не менее, чем творец, а значит, нет ничего необычного в том, чтобы поклоняться ему способами столь же ужасными, как и те разрушения, которые он сам причиняет. Отсюда кровавые жертвоприношения Кали в Индии, в ее ипостаси Природы-Разрушительницы; те подношения детей Молохам, которые осуждались еврейскими пророками; отсюда и человеческие жертвоприношения, которые бытовали, к примеру, у финикийцев, карфагенян, друидов, ацтеков. Во всех подобных случаях то сверхъестественное, которое они призывали, — был Бог во времени, или персонификация

Природы, которая есть не что иное, как само Время, пожиратель своего потомства. И во всех подобных случаях задачей ритуала было добиться благ в будущем или избежать одного из тех огромных зол, в которых нет недостатка у Времени и Природы. Считалось, что за это можно было платить такую высокую цену — человеческие муки, совершенно очевидно, высоко ценимые Губителем. Важность сиюминутных целей оправдывала выбор средств, ужасных, потому что подобных по своей сути самому Времени. Некие подспудные остатки этих древних шаблонов мышления и поведения по-прежнему можно найти в некоторых теориях искупления и в представлении о причастии как постоянно повторяемом жертвоприношении Бога-Человека.

В современном мире божества, которым приносится в жертву человек, — это воплощение уже не Природы, но собственных, доморощенных политических идеалов человека. Они-то, конечно же, все относятся к событиям во времени — действительным событиям прошлого и настоящего, воображаемым событиям будущего. И конечно же, здесь нужно отметить, что философия, которая утверждает существование и непосредственную реальность вечности, относится к одному типу политической теории и практики; философия, которая признает, что происходящее во времени — это единственная реальность, имеет своим результатом совершенно иной тип теории и оправдывает иной тип политической практики. Это четко осознавали писатели-марксисты, отмечавшие, что христианство, когда оно преимущественно обращено к событиям во времени, это «революционная религия». Когда же, под влиянием мистики, христианство более прочего выделяет Вечное Евангелие, в котором исторические или псевдоисторические факты, отраженные

в Писании — только лишь символы, оно становится политически «застойным» и «реакционным».

Марксистский подход к этому предмету определенно упрощен. Едва ли будет справедливым утверждать, что теология и философия, которая главным образом обращена ко времени, а не к вечности, так уж неизбежно будет революционной. Цель всех революций — сделать будущее радикально непохожим и лучшим, чем прошлое. Но в числе философских направлений, которые всецело обращены ко времени, есть и такие, что главным образом сосредоточены на прошлом, а не на будущем; их политика целиком посвящена задаче сохранения или восстановления «статус-кво» и возвращения к старым добрым денькам. Но у «временоклонников», обращенных к прошлому, есть одно общее с революционными борниками большего и лучшего будущего: все они готовы на использование безмерного насилия, чтобы достичь своих целей.

Именно здесь мы обнаруживаем существенное различие между политикой Философов Вечного и политикой философов времени. Для последних наивысшее благо должно искать в преходящем мире — в будущем, где каждый будет счастлив, потому как все будут делать и думать нечто совершенно новое и неслыханное; или же, наоборот, нечто старое, традиционное и освященное временем. И поскольку наивысшее благо находится во времени, для достижения этого блага они оправдывают все средства, которыми располагает их время. Инквизиция пытает и сжигает на кострах, для того чтобы увековечить догму, ритуал и церковно-политико-финансовую организацию, которая считается необходимой для спасения человека в вечность. Протестанты, ревностные почитатели Библии, ведут долгие и жестокие войны, чтобы обратить мир к древнему христианству апостольских времен — каким оно представляется их

наивному воображению. Якобинцы и большевики готовы пожертвовать миллионами человеческих жизней ради политического и экономического будущего, которое в своем изобилии превзойдет все мыслимое и немислимое в настоящем. И вот теперь всей Европой и большей частью Азии приходится жертвовать ради фантастических перспектив вечного Всеобщего Процветания, или Тысячелетнего Рейха.

История готова предоставить нам множество очевидных примеров того, что большинство религий и философий, слишком серьезно принимавших время, связаны с политическими теориями, которые насаждают и оправдывают насилие в самом огромном масштабе. Единственное исключение — это незамысловатые эпикурейские учения, которые отвечают слишком уж реальному времени: «Ешь, пей, веселись, ибо завтра умирать». Это не самый благородный и даже не самый реалистичный образец морали. Но он кажется куда более разумным, чем революционная этика с ее «умри (и убивай), и тогда завтра кто-то будет есть, пить и веселиться». На самом деле же, конечно, чье-то будущее веселье даже в перспективе выглядит крайне сомнительно. Ведь массовое умирание и убийство создают общественные и психологические условия, которые практически гарантируют еще одну революцию, направленную против достижения столь благотворных целей.

Но есть и философия, которая не заставляет воспринимать время излишне серьезно. Она ищет наивысшее благо не в прогрессивных общественных потрясениях революционера и не в возрожденном и увековеченном прошлом реакционера, но в вечном Божественном «сейчас», которое могут реализовать как факт непосредственного опыта те, кто достаточно желают этого блага. Сам по себе факт умирания — это еще не пропуск в вечность, и невозможно

поголовным истреблением принести избавление и процветание ни убийцам, ни их жертвам. Мир, превосходящий всякое разумение, — вот плод освобождения в вечность. Но мир и в своем обыденном повседневном виде также корень освобождения. Среди безудержных страстей и непрекращающихся раздоров — там не может осуществиться наивысшее благо. В этом — одна из причин того, что всякая политика, связанная с философией вечного, несет в себе терпимость и ненасилие.

Другая причина в том, что вечность, в реализации которой заключено наивысшее благо, — это «царствие небесное», что есть внутри. «Это есть ты», и, хотя «Это» бессмертно и бесстрастно, убивать, причинять мучение индивидуальному «ты» — это действие космического значения, поскольку насилие вторгается в нормальную и естественную взаимосвязь между индивидуальными душами и Божественным вечным Основанием бытия. Всякое насилие — это, прежде всего и более всего остального, святотатственный бунт против Божественного Порядка.

Если мы теперь от теории перейдем к историческим фактам, то обнаружим, что теология, которая менее всего была привязана к временным событиям и более всего обращена к вечности, была самой ненасильственной и самой гуманной в своей религиозной практике. В отличие от раннего иудаизма, христианства и ислама (для всех них вопрос времени первостепенно значим), индуизм и буддизм никогда не преследовали иноверцев, почти не призывали к священным войнам и удерживались от того прозелитического религиозного империализма, который шел рука об руку с политическим и экономическим притеснением цветных народов.

На протяжении четырехсот лет, от начала XVI века и до начала XX, большинство христианских народов Европы потратило не-

мало времени и сил, нападая, покоряя и эксплуатируя своих соседей-нехристиан на других континентах. На протяжении этих столетий многие священники-одиночки делали все возможное, чтобы смягчить последствия подобных несправедливостей, хотя их не осудила ни одна из более-менее значимых официальных христианских церквей.

Первый коллективный протест против рабовладельческой системы, которая была принесена в Новый Свет испанцами и англичанами, был высказан в 1688 году на Собрании квакеров в Джерманстауне. Этот факт имеет огромное значение. Из всех христианских направлений семнадцатого столетия квакеров менее всего интересовала история, менее всего они были склонны к идолопоклонству перед преходящим. Квакеры верили в то, что внутренний свет есть во всяком человеке, и что спасение приходит к тем, кто живет в согласии с этим светом, и оно не зависит от исповедания веры в исторические или псевдоисторические события, или от исполнения определенных ритуалов, или от поддержки какой-то отдельной церковной организации.

Более того, их философия вечного уберегла квакеров от материалистического апокалипсизма культа прогресса, который еще недавно оправдывал всевозможные беззакония, от войн и революций до потогонной системы, детского труда, рабства и эксплуатации диких народов. И основанием этому оправданию служила мысль о том, что наивысшее благо — дело будущего и что можно обращаться к любым временным средствам, какими бы в сущности ужасными они ни были, для достижения этого блага. Теология квакеров была формой Философии Вечного, и поэтому политическая теория

квакеров отвергала войну и гонения как средство достижения идеальных целей, осуждала рабство и провозглашала равенство рас.

Члены других конфессий также немало сделали для африканцев — жертв ненасытной алчности белого человека. Можно, к примеру, вспомнить святого Петра Клавера из Картахены. Но этот милосердный «раб рабов» не поднял свой голос против самой рабовладельческой системы и преступной торговли, на которую она опиралась. Не пытался он, насколько можно судить по сохранившимся документам, убедить рабовладельцев, подобно Джону Вулмену, освободить свое «движимое имущество» в человеческом облике. Причина, судя по всему, в том, что Клавер был иезуитом, принесшим клятву беспрекословного послушания. Католическая теология обязывала его воспринимать определенную политическую и церковную организацию как мистическое тело Христа. А сами главы этой организации никак не высказали своего отрицательного отношения к рабству и работорговле. Где уж тут ему, Педро Клаверу, рассуждать о том, что не получило официального одобрения его начальства?

Еще одно практическое следствие таких великих учений в русле Вечной Философии, как индуизм и буддизм, — мораль, прививающая доброту к животным. Иудаизм и ортодоксальное христианство учили, что животных можно использовать, подобно неодушевленным предметам, на потребу сиюминутным нуждам человека. Даже у св. Франциска отношение к бессловесным тварям не было достаточно однозначным. Действительно, он обратил волка и проповедовал птицам. Но когда брат Юнипер отрубил ногу живой свинье, чтобы угостить больного, мечтавшего о жареных ножках, то не в меру ретивому ученику досталось от святого лишь за нерачительное отношение к хозяйству.

Не ранее истоков XIX века, когда ортодоксальное христианство в значительной степени утратило свою власть над умами европейцев, начинает исподволь приживаться мнение о том, что неплохо бы и с животными обращаться по-человечески. Эта новая мораль была связана с интересом к Природе, который поощрялся поэтами-романтиками и учеными. Однако учение о Божественном, которое обитает во всех живых существах, и современное движение за гуманное отношение к животным не имеет своим основанием Вечную Философию. Поэтому оно вполне уживалось и уживается с нетерпимостью и систематической жестокостью по отношению к людям. Юных «наци» учат быть ласковыми с кошками и собаками и безжалостными — с евреями. И причина в том, что нацизм — типичная философия времени, для которой наивысшее благо существует не в вечности, а в будущем. Евреи — это гипотетическая помета на пути достижения наивысшего блага. Коты и собаки — нет. Вывод напрашивается сам собой.

Себялюбие и пристрастность — качества очень низменные, недостойные человека, даже в этом материальном мире; но в религиозных учениях они проявляются еще подлее. И вот в чем наибольшее зло, порожденное разделением церквей: в каждой конфессии появилась эгоистичная, пристрастная ортодоксальность, которая состоит в том, чтобы яростно защищать все то, что есть у своих, и проклинать то, чего нет. И посему каждый поборник своей веры оттачивает свое учение в защиту своей правды, своего учения и своей церкви, и более других почитаем и славен тот, кто превозносит и отстаивает все свое и придирчиво следит за теми, кто принадлежит к другой конфессии.

Так скажите же, кто может быть более свирепым притеснителем истины, блага, единства и религии, как не подобные ее охранители? Если вы спросите, почему прославленный епископ Мье написал столько ученых книг, направленных против всех ответвлений Рефор-

мации, то выяснится, что это потому, что он родился и вырос во Франции и воспитывался в лоне Церкви-Матери. Случись ему родиться в Англии, если бы он считал своей альма-матер Оксфорд или Кембридж, возможно, он не уступил бы нашему славному епископу Стилингфилду по количеству ученых фолиантов, направленных против Рима.

Но вот что я осмелюсь сказать: если бы каждая церковь могла породить хотя бы по одному человеку, обладавшему верой апостолов и нераздельной любовью первых христиан первой церкви в Иерусалиме, тогда протестанту и паписту, если бы это были они, не понадобилось бы и полстраницы бумаги, чтобы написать тезисы объединения, и не прошло бы и получаса, как они снова бы принадлежали к одной религии. И если, следовательно, приходится говорить о том, что церкви разделяются, отстраняются, становятся недружелюбны одна к другой из-за учения, логики, истории и критики на службе у пристрастности, то это потому, что в каждой отдельной церкви слишком многое оказывается истинным.

Спросите, почему даже лучшие среди католиков отказываются признать преимущества организации нашей церкви, — потому что они боятся заимствовать хоть малую толику у Реформации. Спросите, почему среди протестантов даже не затрагивается тема пользы или необходимости celibата для тех, кто отделился от мирских забот для проповеди благой вести, — тем самым, по нашему мнению, мы умалим ошибку Римской церкви, лишившую свое священство возможности семейной жизни. Спросите, почему самые достойные и благочестивые из служителей англиканской церкви боятся признать, что Божественного Света довольно, что необходимо искать лишь водительства Святого Духа, — потому что квакеры, которые порвали с церковью, сделали это положение краеугольным камнем своего учения.

Если бы мы любили истину саму по себе, искали ее ради нее самой, любили своего ближнего как самих себя; если бы мы желали

от нашей религии лишь того, чтобы она была угодна Богу; если бы одинаково желали спасения всех людей и боялись ошибиться лишь ради того, чтобы не навредить нашим братьям, — тогда ничего от этого духа пристрастности не могло бы иметь в нас места.

Есть поэтому вселенский Дух, общение святых в любви Божией и во всем, что благо. От этого Духа никто не может научиться тому, что зовется ортодоксией в отдельных церквях, но только тому, что обретается через полное умирание для всех мирских суждений, чистой любовью к Богу, и тем помазанием свыше, которое освобождает разум от всякого эгоизма и побуждает любить истину и благо одинаково страстно в каждом человеке, будь он христианин, иудей или язычник. Тот, кто стяжает этого Божественного и вселенского Духа среди раздоров и разобщения и живет в одной из разобщенных церквей, не принимая участия в этом разобщении, должен непрестанно помнить о следующих трех истинах.

Первая — в том, что всеобщая любовь, которая отдает всю сердечную силу Богу и заставляет нас любить каждого человека так, как мы любим себя, — это самое благородное, самое божественное, Богоподобное состояние души, и в нем то наивысшее совершенство, к которому самая совершенная религия может пробудить нас; и любая религия дает человеку благо лишь настолько, насколько она приносит ему это совершенство любви. Эта истина покажет нам, что подлинную ортодоксию невозможно найти нигде, кроме как в чистой, бескорыстной любви к Богу и нашему ближнему.

Вторая истина — в том, что в нынешнем разделенном состоянии церкви сама истина разорвана и поделена на части; и что, таким образом, тот может подлинно иметь в себе вселенский Дух, кто имеет в себе больше от истины и меньше от заблуждения, чем можно найти в любой из разделенных частей. Эта истина даст нам возможность жить в отделенной части целыми и невредимыми и позволит нам быть подлинно свободными и готовыми просвещаться и получать помощь

от всего того доброго, что мы видим или слышим в какой-либо другой части церкви...

Третья — в том, что следует постоянно иметь в виду, что слава Божественного Правосудия, хоть она и неприятна для отдельных личностей или групп, но одинаково судит об истине и лжи, в том числе и у евреев и язычников. А значит, тот, кто хочет любить, как любит Бог, и отвергать, как отвергает Бог, должен смотреть не глазами паписта или протестанта; истина должна ему быть любя не потому, что ее ревностными поборниками были Игнатий Лойола или Джон Беньян. И следует одинаково отвращаться от любого заблуждения, чье бы оно ни было, доктора Траппа или Джорджа Фокса.

Уильям Ло

Доктор Трапп был автором религиозного трактата, озаглавленного «О природе, неразумии, греховности и опасности быть излишне благочестивым». Одна из работ Ло была ответом на эту книгу.

Бенарес на востоке, Мекка — на западе, но направься к сердцу своему, ибо там и Рама, и Аллах.

Кабир

Как пчела, что собирает мед с различных цветов, мудрый принимает сущность различных Писаний и видит только доброе во всех религиях.

Из Шримад-Бхагаватам

Его Священное Величество, Правитель Ашоки высказывает свое почтение людям всех верований, будь то аскеты или миряне, своими подношениями и всяческим уважением. Его Священное Величество, однако, более заботят не столько дары внешнего почитания, сколько возрастание внутреннего понимания во всех верах. Возрастание вну-

треннего понимания принимает различные формы, но корень его — в сдержанности речей, в мудрости, и пусть никто не оказывает почтения только своей вере и воздержится от беспричинного поношения другой. Осуждение возможно только в силу особенных причин, ибо все веры заслуживают почтения по той или другой причине... Тот, кто оказывает почтение только одной своей вере, при этом понося верования других лишь из приверженности к своей вере, намереваясь возвеличить славу своей веры, — в действительности таким поведением наносит жесточайший ущерб вере собственной. Таким образом, похвальным будет соглашаться, узнавать, прислушиваться и прислушиваться добровольно к Закону Благочестия, каким его признают другие люди.

Указ Ашоки

Увы, сложно найти подобный указ у кого-либо из христианских правителей, чтобы поставить его в ряд с указом Ашоки. На Западе в порядке вещей было прославление своей религии, порицание и даже гонение всех остальных. Правда, в недавние времена правительства изменили свою политику. В прозелитизме и гонениях ныне усердствуют политические псевдорелигии, такие как коммунизм, фашизм и национализм. И пока сохраняется мнение о том, что различные проявления Вечной Философии стоят на пути продвижения к временным целям, которые исповедуются подобными псевдорелигиями, Вечная Философия будет и впредь восприниматься с презрительно-толерантным безразличием.

Дети Божии — приятные, но непонятные, очень симпатичные, но очень ограниченные.

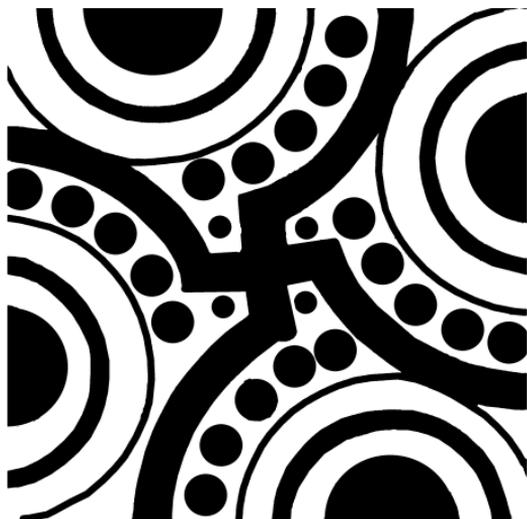
Садху Сундар Сингх

К такому заключению был вынужден прийти наиболее прославленный из индийских новообращенных, пообщавшись пару лет со своими братьями-христианами. Есть, конечно же, немало исключений, достойных всяческих похвал; но правилом даже среди образованных протестантов и католиков остается некий обходительно-надменный провинциализм, который если и не является серьезным вызовом истине и милосердию, то представляется просто смехотворно-нелепым. Сто лет назад почти ничего не было известно из того, что писалось на санскрите, пали или китайском. Невежество европейских ученых было достаточной причиной для их провинциализма. Сегодня, когда доступно множество более или менее точных переводов восточных текстов, для провинциализма нет не только ни малейшей причины, но и даже оправдания.

И все же большинство европейских и американских авторов книг о религии и метафизике пишут так, как будто бы никто и никогда не размышлял на эту тему, кроме евреев, греков и христиан Средиземноморского региона и запада Европы. Подобный подход в XX веке иначе как волюнтаристским не назовешь. Тем более что такое намеренное невежество — оно не только абсурдно и постыдно, оно также и социально опасно. Как и любая другая форма империализма, теологический империализм — это угроза для стабильного мира во всем мире.

Власть насилия не кончится, пока, во-первых, большинство рода человеческого не примет единую, истинную философию жизни; пока, во-вторых, эта Вечная Философия не будет признана наивысшим фактором, общим для всех мировых религий; в-третьих, пока приверженцы каждой религии не отрекутся от идолопоклоннической философии времени, напластованиями которой покрывалась Вечная Философия в их частной вере; в-четвертых, пока

не наступит общемировое ниспровержение всех политических псевдорелигий, которые относят наивысшее благо человека к будущему времени и тем самым оправдывают и одобряют совершение всевозможных злодеяний в настоящем как средств достижения этой цели. Если указанные условия не будут выполнены, никакое политическое планирование, никакие экономические программы, какой бы изобретательностью они не отличались, не смогут предупредить рецидивы войны и революции.

Глава тринадцатая. Спасение, освобождение, просветление

Спасение — но от чего? Освобождение — но из какой особенной ситуации к другой особенной ситуации? На эти вопросы уже дано много ответов, и, потому что темпераменты людей так глубоко отличаются, обще-

ственные ситуации столь многообразны, а стереотипы мышления и чувствования так неодолимо сильны, пока остаются в силе, — эти ответы будут оставаться многочисленными и взаимоисключающими.

Прежде всего — это спасение от материального. В своей самой простой форме это желание жить, что проявляется в выраженном стремлении бежать от условий, которые отравляют жизнь. В действительности, реальное воплощение подобного желания зависит от двух вещей: разумного подхода к частным экономическим и политическим проблемам, а также создания и поддержания атмосферы доброжелательности, в которой разум может осуществлять свою работу к наилучшей выгоде.

Но люди не довольствуются тем, чтобы быть только лишь добрыми и умными в пределах одной определенной ситуации. Они стремятся соотносить свои действия, мысли и чувства, сопровождающие эти действия, с общими принципами и философией на космическом уровне. И если направляющая и объясняющая философия — это не Вечная Философия и не одна из исторических теологий, более или менее связанных с нею, то она принимает форму псевдорелигии, системы организованного идолопоклонства.

Так, вполне обоснованное убеждение в том, что очень сложно быть добрым, умным или счастливым, когда отчаянно страдаешь от голода, выливается, под воздействием метафизики Неизбежного Прогресса, в утопизм пророческого толка. Спутником и проводником желания избежать угнетения и эксплуатации стала вера в апокалиптическую революционность, сочетающаяся, не всегда в теории, но неизбежно на практике, с поклонением Молоху нации как величайшему из всех благ.

Во всех этих случаях спасение рассматривается как избавительный переход, при помощи самых разнообразных политических и эко-

номических средств, от несчастий и зол, связанных с плохими материальными условиями, к другому комплексу будущих материальных условий, настолько отличных в лучшую сторону от современных, что они, тем или иным способом, сделают каждого совершенно счастливым, умным и добродетельным.

Подобное вероисповедание, официально пропагандируемое и распространяемое во всех тоталитарных странах, независимо — левых или правых, в формально христианском мире капиталистической демократии по-прежнему остается не более чем полуофициальным. Здесь это убеждение вдальблится в сознание масс уже не представителями государства или церкви, но самыми влиятельными из творцов общенародной морали и философии — сочинителями рекламных текстов (единственные авторы за всю историю литературы, которых ежедневно читает каждый член общества).

В теологиях различных религий спасение также рассматривается как избавление от безрассудства, зла и несчастья ради счастья, добра и мудрости. Но политические и экономические средства считаются вторичными по отношению к культивированию личной святости, к обретению личных духовных богатств и поддержанию личной веры в некий божественный закон или личность, надежную властью тем или иным способом отпускать грехи и освящать индивидуальную душу. Более того, та цель, которой необходимо достичь, не рассматривается как существующая в некоем утопическом будущем, которое начнется, скажем, в XXII веке или даже чуть раньше, если наши почтенные политики будут и далее оставаться при власти и принимать правильные законы; эта цель существует «на небесах».

Это выражение — «на небесах» — имеет два очень разных значения. Для тех, кто, по всей вероятности, составляет большинство

сторонников великих исторических религий, это означает, и всегда означало, счастливое посмертное состояние бесконечного сохранения личной души, понимаемое как награда за доброе поведение и правильную веру и как возмещение за страдания, неотделимые от жизни в теле. Но для тех, кто, оставаясь в различных религиозных традициях, приняли Вечную Философию как теорию и сделали все от них зависящее, чтобы жить в соответствии с Вечной Философией на практике, «небеса» — это нечто другое. Они стремятся обрести освобождение от обособленной личности во времени к вечности, которое реализуется через знание, объединяющее с Божественным Основанием.

Поскольку единящее знание Основания может и должно быть достигнуто в настоящей жизни (а это познание и есть ее конечная цель и задача), «рай» не является исключительно посмертным состоянием. Полностью спасен лишь тот, кто освобождается «здесь и сейчас». Что же касается средств к спасению, то эти средства — моральные, интеллектуальные и духовные, с восхитительной простотой и краткостью обобщены в Восьмеричном Пути Будды.

Для полного освобождения необходимы следующие условия.

Первое — Правильная Вера в самую очевидную истину, заключающуюся в том, что причина страдания и зла — это желание обособленного, эгоцентричного существования; и поэтому нельзя избавиться от зла, личного или коллективного, не отделившись от подобного желания и от одержимости «я», «мне», «мое». Второе — Правильная Воля, воля освободить себя и других. Третье — Правильная Речь, которая направляется состраданием и милосердием ко всем чувственным существам. Четвертое — Правильное Действие, цель которого — создать и поддерживать мир и добрую волю. Пятое — Правильные Источники Существования, или выбор

только того рода занятий, который не вредит никому из людей или, если это возможно, ни одному живому существу. Шестое — Правильное Усилие, направленное на самоконтроль. Седьмое — Правильное Внимание, или Собранность, которое следует практиковать во всех житейских обстоятельствах, так чтобы нам не совершать зла лишь по недомыслию, ибо мы «не ведаем, что творим». И, восьмое, Правильное Созерцание, единение в знании с Основанием, приступить к которому дают возможность сосредоточенность и нравственное самоограничение, предписываемое в первых шести шагах Пути.

Вот средства, вполне посильные для человека, для того чтобы прийти к своей конечной цели и достичь «спасения». О тех средствах, которые используются Божественным Основанием, чтобы помочь человеческим существам достичь их цели, Будда текстов пали отказывается говорить (этот Учитель, как и самый строгий из физиков-экспериментаторов двадцатого столетия, не любит, когда ему задают «глупые вопросы»). Все, о чем он готов поведать, — это «страдание и прекращение страдания»; иначе говоря, факт, грубый и невымышленный факт существования зла и страданий и другой, столь же эмпирический факт, что у обособленной личности есть возможность освободить себя от зла и что-то сделать для уменьшения количества зла в окружающем мире. Только в буддизме Махаяны мы находим обсуждение тайн благодати не менее полное, чем в индуистской и, в особенности христианской, теологии. Первоначальное, хинаянистское учение об освобождении — это просто практическое развитие последних записанных слов Будды: «Разложение неотъемлемо присутствует во всем, что состоит из первоэлементов. Упорно трудитесь над своим собственным спасением».

В известном отрывке, который приводится ниже, весь упор также делается на личное усилие.

Поэтому, Ананда, будьте себе светильниками, будьте себе прибежищем. Не прибегайте к внешним убежищам. Твердо держитесь Истины как светильника, твердо держитесь Истины как прибежища. Не ищите прибежища нигде, только в себе. И те, Ананда, кто теперь или после моей смерти будут светильниками для себя, не будут прибегать ко внешнему прибежищу, но станут твердо придерживаться Истины как своего светильника, и твердо придерживаться Истины как своего прибежища, и не будут искать прибежища ни в ком, кроме себя,— только они достигнут наивысшей Вершины. Но их желание учиться должно быть очень сильно.

Следующий отрывок представляет собой вольный перевод из Чхандогья-упанишады. Эта небольшая притча призвана пояснить следующую истину: существует столько же концепций спасения, сколько есть уровней духовного знания, и качество освобождения (или порабощения), реально достигаемого каждой индивидуальной душой, зависит от того, в какой степени эта душа согласна рассеять свое, по существу, добровольное невежество.

То «Я», что свободно от нечистоты, от старости и смерти, от горя, жажды и голода, желание которого истинно и желания которого осуществляются,— такого «Я» следует искать, о нем следует спрашивать, такое «Я» необходимо открыть.

И дэвы (боги или ангелы), и асуры (демоны или титаны) слышали об этой Истине. Они подумали: «Будем искать и откроем это “Я”, чтобы нам досталась власть над всеми мирами и исполнение всех желаний».

С этим Индра от дэвов и Вайрочана от асуров приступили к Праджапати, знаменитому учителю. Они прожили у него учениками

тридцать два года. Затем Праджapati спросил их: «Что заставило вас прожить здесь так долго?»

Они отвечали так: «Слышали мы, что тот, кто откроет “Я”, обретет все миры и исполнение всех своих желаний. Мы провели здесь столько времени потому, что хотим, чтобы нас учили этому “Я”».

Праджapati сказал им: «Тот, чье отражение видится в глазу, — тот есть “Я”. Тот бессмертен и бесстрашен, и тот есть Брахман».

«Учитель, — спросили ученики, — кто видится отраженным в воде или в зеркале?»

«Он, Атман, — был им ответ. — Именно он видится во всем этом». Затем Праджapati добавил: «Посмотрите на себя в воде, и с тем, чего вы не поймете, приходите и расскажите мне».

Индра и Вайрочана посмотрели на свое отражение в воде, а затем их спросили, что же им удалось увидеть в «Я», и они ответили: «Господин, мы видели “Я”, мы видели даже волосы и ногти».

Праджapati приказал им одеть свои наилучшие одежды и снова посмотреть на свое «я» в воде. Те повиновались, затем их снова спросили, что они видели, на что Индра и Вайрочана отвечали так: «Мы видели “Я”, совсем, как мы, в богатых украшениях и в наших наилучших одеждах».

Тогда Праджapati сказал: «Несомненно, в этом можно разглядеть “Я”. Это “Я” бессмертно и бесстрашно, и это есть Брахман». На том ученики расстались с учителем, в глубине души довольные увиденным.

Но, провожая их взглядом, Праджapati в скорби воскликнул так: «Вот оба они ушли, не исследуя и не различая, без постижения подлинного “Я”. Тот, кто последует этому ложному учению о “Я”, погибнет».

Удовлетворенный тем, что нашел «Я», Вайрочана вернулся к асурам и стал учить, что только плотскому «я» следует поклоняться, что телу одному следует служить, и тот, кто поклоняется своему «я» и слу-

жит телу, обретает оба мира, этот и следующий. Вот таково в действительности учение асуров.

Но Индра, возвращаясь к дэвам, понял бесполезность такого знания. «Уж коль это “Я”, — размышлял он, — представляется в замечательных украшениях и прекрасно одетым, тогда это “Я” будет и слепым, если тело слепо, хромым, если тело хромо, увечным, если тело увечно. Более того, это же “Я” умрет, когда тело умрет. Что пользы в подобном знании?» На том Индра вернулся к Праджapati за дальнейшими наставлениями. Праджapati заставил его прожить с ним еще тридцать два года; затем настало время, шаг за шагом, продолжить учение.

Праджapati сказал: «Тот, кто действует во сне, наслаждаясь и возмечиваясь, — тот есть “Я”. Тот бессмертен и бесстрашен, и тот есть Брахман».

Довольный услышанным, Индра снова простился с учителем. Но, прежде чем он присоединился к остальным ангельским существам, Индра понял бесполезность также и этого знания. «Это правда, — размышлял он, — что это новое “Я” не слепо, когда тело слепо, и не хромает и не страдает, когда тело хромает или больно. Но даже во сне “Я” испытывает множество страданий. Так что нет пользы в подобном учении».

Вот так он снова вернулся к Праджapati за новыми наставлениями, и тот заставил его прожить с собой еще тридцать два года. Когда подошел к концу и этот срок, Праджapati преподавал ему следующее: «Когда человек спит, пребывая в полной безмятежности, не видя снов, тогда он осознает “Я”. Тот бессмертен и бесстрашен, и тот есть Брахман».

Удовлетворенный, Индра отправился в путь. Но не успел он прийти домой, как почувствовал бесполезность и этого знания тоже. «Когда человек спит, он не в состоянии познать себя как “Я”. В действительности, он никак не осознает свое существование. Подобное

состояние — это почти что исчезновение. И в этом знании я не вижу толка».

На этом Индра снова отправился за наукой. Праджapati оставил его у себя еще на пять лет. Под конец этого срока Праджapati преподал ему наивысшую истину о «Я».

«Это бренное тело, — сказал он, — навечно останется в объятиях смерти. Но внутри его обиталище “Я”, бессмертного и не имеющего формы. Это “Я”, когда связывается в сознании с телом, подвержено наслаждениям и страданиям. Но когда наступает конец этой связи, приходит конец также боли и наслаждению. Превзойдя физическое сознание, познав “Я” как отличное от органов чувств и ума, в подлинном его свете, обретаешь радость и свободу».

Из Чхандогья-упанишады

Осознав свое «я» как «Я», человек приходит к самоотвержению, и в самоотвержении он избавляется от прошлых грехов; эта величайшая истина означает избавление; через самоотвержение он не наслаждается и не страдает, но достигает полноты.

Майтраяна-упанишада

Нам следует особо выделять и познавать ту несомненную истину, что все дела добродетели и достоинства, и даже вечное Добро, которое есть Сам Бог, никогда не смогут сделать человека добродетельным, добрым или счастливым, пока он остается вне души, пока человек продолжает общаться с внешним через свои органы чувств и разум и не углубляется в себя, учась понимать свою жизнь, кто и что он есть.

Theologia Germanica

Нет сомнения в том, что Будда не проповедовал спасительную истину, видя, что каждому предстоит открыть ее в самом себе.

Сутраламкара

В чем же заключается спасение? Не в каком-либо историческом веровании или знании о чем-то отсутствующем или отдаленном, и не во множестве запретов, правил и способов исполнения добродетели, и не в формальных мнениях о вере и трудах, покаянии, прощении грехов или оправдании и освящении, и не в истине или праведности, которые можно открыть в себе, не в книгах и не в лучших из людей, — но единственно и всецело в жизни Божией и во Христе, что пробуждается и заново рождается в вас; иными словами, в восстановлении и совершенном единстве двуединой жизни в человеческой природе.

Уильям Ло

Здесь Ло обращается к терминологии Бёме и тех «духовных реформаторов», которых ортодоксальные протестанты — лютеране, кальвинисты и англикане — согласились (это один из немногих моментов, в котором им удалось достичь консенсуса) не замечать или преследовать. Но ясно — то, что «духовные реформаторы», и Уильям Ло вместе с ними, называют новым рождением Бога в душе, по сути, есть тот же факт опыта, который индийцы за две и более тысячи лет, описали как реализацию «Я», находящегося внутри, и при этом трансцендентно иного, чем индивидуальное «эго».

Ленивец, глупец, непроницательный не достигнут нирваны, которая есть развязывание всех узлов.

Итивуттака*

Казалось бы, что здесь неясного? Но большинство из нас находит удовольствие в лени и не дает себе труда постоян-

* *Итивуттака* — одна из книг буддийского канона, входит в Кхуддака-Никая («Раздел коротких книг») и представляет собой сборник высказываний Будды по вопросам морали.

но быть собранными и в то же время страстно желать спасения от последствий инертности и невнимательности. В результате, широко распространилась вера в пришествие Спасителей. Войдя в нашу жизнь, и притом в тот самый миг, когда пробьет наш час, они, подобно Александру Великому, сами разрубят тот гордиев узел, который мы не потрудились развязать из-за собственной лени. Но Бог поругаем не бывает. Такова природа вещей, что единящего знания Основания, достижение которого зависит от полного самоотвержения, даже с посторонней помощью невозможно обрести тем, кто еще не отказался от своего «я». Спасение, которое обретается верой в спасительную силу, скажем Амиды или Иисуса, — это не полное освобождение, описанное в упанишадах, буддистских текстах и сочинениях христианских мистиков. Это нечто отличное, и не только в степени, но и в качестве.

Философствуй, сколько душе угодно, поклоняйся стольким богам, скольких знаешь, исполняй все обряды, распевай духовные песнопения, посвященные любым божественным существам, — освобождение так и не наступит, пусть даже эпоха сменяет эпоху, без реализации Единства с «Я».

Шанкара

Это «я» невозможно реализовать через учение, и даже разумом и познанием. «Я» открывает свою сущность только тому, кто посвятит ему всего себя. Тот, кто не оставил пути неправедных, кто не может управлять собой, кто не имеет мира внутри, чей разум беспокоен, — не может реализовать «Я», хотя с ним и будет вся ученость мира.

Катха-упанишада

Нирвана там, где нет рождения и угасания; нирвана означает видеть состояние Таковости, абсолютно превосходящее все категории, выстроенные разумом; ибо это внутреннее сознание Татхагаты.

Ланкаватара-сутра

Ложное или, в лучшем случае, несовершенно спасение, описанное в Чхандогья-упанишаде, бывает трех типов. Первое — это псевдоспасение, которое связано с верой в то, что материя есть основополагающая Реальность. Для Вайрочаны, демонического существа, высшего проявления властолюбивой, экстравертной соматотонии, оказывается совершенно естественным отождествить себя со своим телом, и он возвращается к остальным титанам, для того чтобы искать чисто материального спасения. Если бы Вайрочане случилось воплотиться в нынешнем веке, он был бы ревностным коммунистом, фашистом или националистом.

Индра же видит, что спасение от материального — это еще не последний предел. Тогда ему предлагается спасение, напоминающее сон, — избавление от телесного существования, медитативный мир в промежутке между материей и духом. Именно из этой поразительно необычной, завораживающей психической вселенной в нашу обычную жизнь проникают чудеса и ясновидение, общение с духами и экстрасенсорное восприятие. Но и эта более свободная степень индивидуализированного существования по-прежнему остается слишком личностной и эгоцентричной, чтобы принести удовлетворение душе, осознающей свое неполноту и жаждущей обрести целостность.

Соответственно, Индра идет дальше, оказываясь перед искушением принять инертное сознание глубокого сна, или ложного *самадхи*, пассивного транса, как окончательное избавление. Но он

отказывается, говоря словами Брахмананды*, ошибочно принять *тамас* за *саттвас*, расслабленность и подсознание за равновесие и сверхсознание. И так, через различие, Индра приходит к реализации «Я», которое есть просветление среди тьмы и невежества и избавление от губительных последствий этого невежества.

Иллюзорное спасение, от которого нас предостерегают в других отрывках, бывает различных типов. Но всегда внимание обращается на идолопоклонство и суеверие — и прежде всего на идолопоклонническое обожествление аналитического разума и его суждений и суеверное порабощение ритуалом, догмой и вероисповеданием, как будто они каким-то чудесным образом действительны сами по себе. Многих христиан, как отмечает Ло, можно обвинить в подобном идолопоклонстве и суеверии. Для них невозможно полное избавление и единение с Божественным Основанием ни в этом мире, ни после смерти. Лучшее, на что они могут надеяться, — это та благодатная, но все же эгоцентричная жизнь в теле. Им предстоит стать своего рода счастливыми, как сказали бы китайцы, «долгожителями». Эта форма *посмертного сохранения*, возможно даже райская, по-прежнему привязана ко времени, обособленности и множественности.

Те блаженства, в которых получит избавление просветленная душа, — это нечто, совершенно отличное от удовольствия. Какова же, в таком случае, его природа? Цитаты, которые мы приводим

* *Свами Брахмананда* (1863—1922) — индийский религиозный деятель, ученик и «духовный сын» Рамакришны, первый президент ордена Рамакришны.

ниже, предлагают, по крайней мере, лишь частичный ответ. Блаженство зависит от непривязанности и самоотвержения, и потому этим блаженством можно наслаждаться, не пресыщаясь и не испытывая отвращения; это соучастие в вечности, а значит,

оно остается вечным, не ведая и не претерпевая уменьшения или колебаний.

Отныне в подлинном Брахмане он [освобожденный дух] становится совершенным и другим. Его плод — развязывание узлов. Не обладая желаниями, он обретает блаженство вечное и неизмеримое и в нем пребывает.

Майтраяна-упанишада

Ликовать следует лишь в одном Боге; тварным же следует пользоваться лишь как подступом к Тому, в Ком следует ликовать.

Св. Августин

Различие между духовными и плотскими наслаждениями — в том, что плотские наслаждения порождают желание перед тем, как мы получили их, а после того, как мы получили их, вызывают отвращение; но наслаждения духовные, напротив, кажутся малозначимыми, когда мы не имеем их, но желанными, когда их получаем.

Св. Григорий Великий

Когда человек находится в одном из этих двух состояний (благодати или кромешной тьмы душевной), ничто ему не грозит, и в аду ему словно в раю. И пока человек на земле, возможно ему зачастую переходить от одного состояния к другому, — и притом не единожды на протяжении одного дня или ночи, и притом без его на то усилий. Но когда человек не находится ни в одном из этих двух состояний, он общается с миром и, колеблясь, не знает сам, какого рода человек он есть.

Theologia Germanica

Литература суфизма по большей части — это поэзия. Временами она необычна и малопонятна, иногда сияет прекрасной простотой, но иногда мрачно и почти тревожно загадочно. К такого рода су-

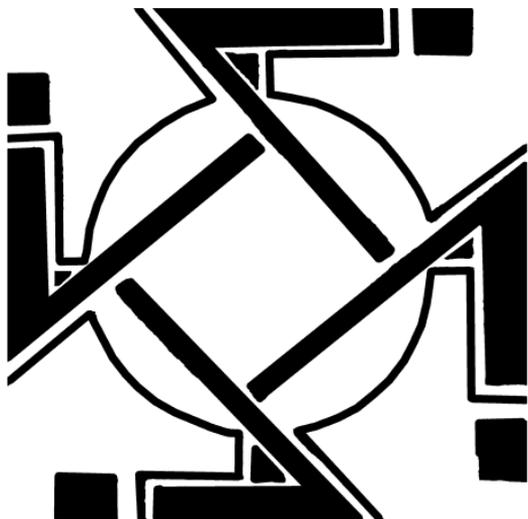
фийской литературе принадлежат и высказывания мусульманского святого IX века Ниффари-египтянина. Во что он писал о спасении:

Бог сделал так, чтобы я однажды смотрел на море, и я видел, как тонули корабли и плавали обломки. Затем и обломки пошли ко дну. И Бог сказал мне: «Те, кто путешествуют, не спасены». И Он сказал мне: «Те, кто вместо путешествия бросаются в море, рискуют». И Он сказал мне: «Те, кто путешествуют и не рискуют, сгинут». И Он сказал мне: «Морская гладь — сияние, которого невозможно достичь. А дно — тьма крошечная. А между ними — большие рыбы, которых нужно бояться».

Эта притча достаточно понятна. Корабли, которые ведут путешественников через житейское море, — это секты и церкви, наборы догм и религиозные организации. Обломки, которые в конечном счете тоже пойдут ко дну, — это все те благие труды, которые пойдут прахом, если нет самоотвержения, и все религии и веры менее абсолютные, чем единящее знание Бога. Освобождения в вечности достигают те, кто «бросаются в море». Как это звучит на языке Евангелий: тот, кто жизнь свою потеряет, спасет ее. Но бросаться в пучину моря — занятие рискованное (не настолько, конечно же, как путешествие на огромной «Куин Мэри», оснащенной по последнему слову догматических удобств и литургических декораций, прямая дорога которой — на дно морское или, в лучшем случае, в чужой порт), но все же достаточно опасное. Ибо морская гладь — Божественное Основание, как оно проявляется в мире времени и многообразия, — играет отраженным сиянием, поймать которое не легче, чем образ красоты в зеркале. В то же время дно морское, Вечное Основание в себе, кажется не более чем тьмой аналитическому разуму, когда тот всматривается в его глубины. И когда аналитический разум принимает решение последо-

вать за волей в неизбежном финальном прыжке в самоуничтожение, то, погружаясь все глубже, ему придется пройти сквозь строй тех разрушительных типов псевдоспасения, описанных в Чхандогья-упанишаде, — иллюзорного спасения в тот завораживающий психический мир, где по-прежнему сохраняется «эго», но жизнь счастливее и не знает стольких трудностей, или же подобного сну спасения ложного самадхи, в единстве с подсознанием вместо единения со сверхсознанием.

Слова Ниффари, оценивающего возможности человека достичь своей конечной цели, едва ли покажутся очень оптимистичными. Но в этом ни один святой или основатель религии, ни один из представителей Вечной Философии никогда не был оптимистом. «Много званых, но мало избранных». Тем же, кто не решил для себя быть избранным, не стоит надеяться на что-либо лучшее, чем некая форма частичного освобождения с условиями, которые позволят им двигаться дальше к полному освобождению.

Глава

четырнадцатая.
Бессмертие
и жизнь
после смерти

БЕССМЕРТИЕ — это участие в вечном «сейчас» Божественного Основания; загробная жизнь — это неизменность существования в одной из форм времени. Бессмертие — результат полного освобождения. За-

гробная жизнь — это участь тех, кто частично обрел освобождение в некоем «райском» состоянии, или тех, кто не освобождены вовсе, но, соответственно закону своей невозрожденной природы, оказались приговорены к принудительному отбыванию в некоем чистилище или телесном воплощении, еще более болезненном, чем то, которое они только что покинули.

Добродетель и достоинства заставляют людей знать и любить, верить и находить утешение в своем бессмертии. Когда душа очищается и просвещается подлинной святостью, она более способна к восприятию тех божественных излучений, посредством которых она чувствует свою связь с Богом. Она знает, что всемогущая Любовь, которой жива душа, сильнее смерти. Она знает, что Бог никогда не отвергнет Своей жизни, которую Он пробудил в душе. Те воздыхания и устремления к вечному с Ним соучастию — не что иное, как энергии Его дыхания внутри нас.

Джон Смит, платоник*

Я утверждал и по-прежнему утверждаю, что уже обладаю всем тем, что даровано мне в вечности. Ибо Бог в полноте его Божественности вечно обитает в Своем образе — в душе.

Экхарт * Джон Смит (ок. 1616–1652) — английский религиозный философ. Принадлежал к школе т. н. кембриджских платоников, стоявших в стороне от конфликта между англиканством и пуританами.

Тихая или бурная, вода — всегда вода. Какая разница для Освобожденного — воплощение или развоплощение? В бурю или покой, измененность Океана не подвластна переменам.

Йогавасиштха**

** Йогавасиштха — памятник индийской ведантистской философии (X—XII вв.) излагающий основы джняна-йоги (Пути Знания).

На вопрос «Куда идет душа, когда тело умирает?» Яков Беме ответил: «Ей нет необходимости куда-то идти».

Слово Татхагата* (одно из имен Будды) означает того, кто никуда не идет и не пришел ниоткуда; поэтому он и зовется Татхагата (так-ушедший), святой и полностью просветленный.

Алмазная сутра

Только взирая на Него, превосходят смерть; другого пути нет.

Шветашвара-упанишада

Бог, в познании которого полагается наша жизнь вечная.

Требник англиканской церкви

Я умер землею и родился растением.

Я умер растением и стал животным.

Я умер животным и был человеком.

Чего мне страшиться? Принесла ли мне смерть уменьшенье?

И все же еще раз мне смерть испытать предстоит.

Но и к ангелам воспарив, дальше мне нужно идти.

Все, кроме Бога, исчезнет.

Пожертвовав ангельскою душою,

Я стану тем, что уму не по силам постичь.

О, дайте не быть мне! Ибо Не-Бытие объявляет:

«К Нему возвратимся мы все».

Джалаледдин Руми

* *Татхагата* (санскр. букв. «так ушедший, так пришедший») — титул, которым в индийских религиях, наряду с термином будда (просветленный), называли лица, достигшие освобождения от перерождений — нирваны.

И на Западе и на Востоке, все согласны с тем, что жизнь в теле дает уникально хорошие возможности для достижения спасения или избавления. Учения католицизма и буддизма Махаяны сходны в настоятельном утверждении о том, что душа после смерти, в своем бесплотном состоянии, не может стяжать добродетели, а бу-

дет лишь страдать в чистилище от последствий своих прошлых деяний. Но ортодоксальное католичество утверждает, что в мире ином отсутствуют возможности для посмертного продвижения и что степени благодатного состояния души определяются единственно тем, каковы были ее поступки и помышления в земной жизни. Эсхатологи же Востока считают, что есть определенные посмертные состояния, в которых добродетельные души способны возвыситься от рая счастливого личного сохранения к подлинному бессмертию в единстве с бесконечным и неизменным Божественным. И, конечно же, есть и возможность (а для большинства людей — необходимость) возвращения к некоей форме телесной жизни, в которой может быть продолжено продвижение к полному блаженству или избавлению через просветление. Тем не менее, за то, что случилось родиться в теле человека — уже за одно это, по словам Шанкары, необходимо ежедневно возносить Богу благодарения.

То духовное существо, которым мы являемся, нуждается в теле — без тела нам никак невозможно обрести то знание, которое мы стяжаем. Ибо только в теле мы можем приступить ко всему тому, через познание чего мы становимся благословенны.

Св. Бернар Клервоский

Достигнув человеческого рождения, воплощения редкого и благополучного, мудрецу, оставив тщету тем, кто тщеславен, следует устремиться к познанию Бога, и лишь Его одного, прежде чем жизнь перейдет в смерть.

Шримад-Бхагаватам

**Добрые люди одухотворяют свои тела;
злые облакают в плоть свои души.**

Бенджамин Уичкот*

* Бенджамин Уичкот (1609—1683) — английский религиозный философ. Стоял у истоков школы «кембриджских платоников».

Точнее было бы сказать, добрые одухотворяют свой разум-тело, злые облакают свой дух в разум-плоть. Полностью одухотворенное разум-тело — это Татхагата, который никуда не идет, когда умирает, потому что он, реально и сознательно, уже там, где потенциально находится каждый, сам того не зная. Та индивидуальная личность, которая в этой жизни не пришла к «Здесьности», к вечному закону всех состояний существования, идет после смерти к определенному частному состоянию, в свой рай или чистилище. В индийских священных текстах и комментариях к ним выделяется несколько различных типов посмертного спасения. «Здесь-пребывающая» душа полностью освобождается к полному единению с Божественным Основанием, но возможно также достичь других типов *мукти*, или освобождения, даже сохраняя форму очищенного я-сознания. Природа посмертного избавления любой личности зависит от трех факторов: степени святости, приобретенной в человеческом теле, того особенного аспекта Божественной Реальности, которому человек более всего был верен, и того особенного пути, который он для себя выбрал. Подобным же образом в Раю «Божественной комедии» есть свои круги. Но тогда как в восточных эсхатологиях спасенная душа может выйти даже из возвышенного индивидуализированного состояния, из спасения в некотором роде божественного времени к полному освобождению в вечности, души у Данте навечно остаются там (пройдя через безблагодатные страдания в чистилище), куда они попадают в результате своего единственного воплощения в теле.

Ортодоксальное христианское учение не признает возможности, ни в посмертном состоянии, ни в каком-либо ином воплощении, дальнейшего роста к предельному совершенству полного соединения с Божественным. Но в индийской и буддистской традициях

Философии Вечности Божественное Милосердие не уступает Божественному Терпению — оба они не знают предела, поскольку для восточных богословов нет вечного проклятия. Есть только чистилища и затем бесконечные циклы повторных возможностей продвигаться в направлении окончательной цели не только человека, но и всего творения — к полному воссоединению с Основанием бытия.

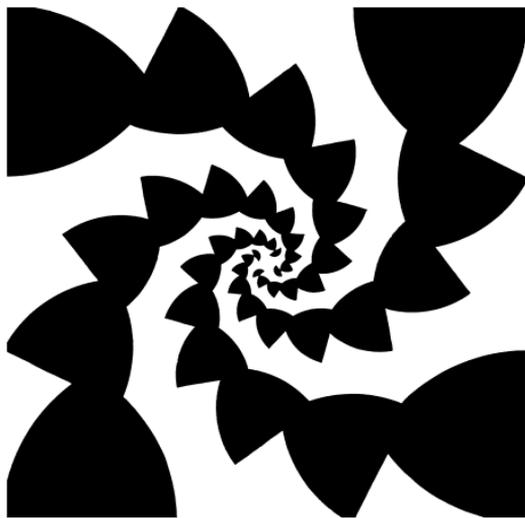
Однако излишняя увлеченность перспективами жизни после смерти и избавления не является средством к такому избавлению и может, несомненно, даже стать помехой на пути продвижения к нему. Нет ни малейшей причины полагать, что у заядлых завсегдаев спиритических сеансов больше шансов достичь избавления, чем у тех, кто никогда не интересовался столоверчением и не знакомился со спиритической литературой, теоретической или фактической. Нашим же намерением здесь было не добавить что-то от себя к этой литературе, но скорее в самом сжатом виде изложить то, что было написано о жизни после смерти в различных религиозных традициях.

Согласно бытующему на Востоке мнению по этому предмету, то, что сохраняется после смерти,— это не индивидуальная личность. Буддизм признает учение о реинкарнации, однако к новому циклу существования переходит не душа (буддизм отвергает существование души), а характер человека. То, что мы предпочли сделать нашим умственным и физическим устройством на протяжении нашей земной жизни, влияет на психическую среду, в которой индивидуальный разум проводит по меньшей мере часть своего «земноводного» существования. В свою очередь, это изменение среды приводит, после телесной смерти, к началу нового существования, то ли в раю, то ли в чистилище, или же в другом теле.

В космологии Веданты есть нечто в природе души, что перерождается в грубом или тонком теле или проявляет себя в некотором телесном состоянии, и это превышает Атмана или духовного «Я», тождественного с Божественным Основанием. Эта душа — не личность покойника, но скорее обособленное я-сознание, из которого возникает личность.

Какое-то из этих мнений о посмертном спасении является логически самоочевидным и может быть использовано для того, чтобы объяснить странные факты физических исследований. Все, с кем встречаемся непосредственно в этой жизни, — это воплощенные существа, состоящие из тела и некоего неизвестного «икс». Но если «икс» плюс тело равняется личности, тогда, очевидно, невозможно для «икс» минус тело равняться тому же. Те сущности, которые временами являются в результате психических опытов, и видимо наделенные личностными формами, можно считать разве что временными псевдо-личностями, которые состоят из «икс» и тела медиума.

Эти два представления не являются взаимоисключающими, и жизнь после смерти может быть совместным результатом неизменного сознания и изменения психической среды. Если это так, тогда у данного человеческого существа остается возможность сохраняться в более чем одной посмертной форме. Его «душа» — внеличностная основа и первопричина прошлых и последующих личностей — может продвигаться в одном из образов бытия, в то время как след, оставленный мыслями и желаниями человека в психической среде, может стать источником для новых индивидуализированных существований, у которых будут совершенно другие образы бытия.

Глава

пятнадцатая.
М о л ч а н и е

Отец произнес одно Слово; Слово это —
Его Сын, и Он произносит Его вечно в вечной
тишине; и в тишине душе следует внимать Ему.

Св. Хуан де ла Крус

Духовная жизнь — не что иное, как рабо-
та Духа Божия внутри нас, и, соответственно,

наше молчание должно составлять значительную часть подготовки к этой работе. Много рассуждать о ней или искать в ней удовольствия — немалая помеха тому добру, которое мы можем обрести, слыша лишь то, что Дух и голос Божий произносит внутри нас... Риторика и упражнения в красноречии о вещах духовных — это болтовня еще более пустая, чем о прочих делах, и тот, кто думает, что возрастать в подлинной добродетели — это слышать или произносить зажигательные слова или замечательные фразы, как сейчас стало обыкновением в мире, будет много говорить, но мало общаться с Небом.

Уильям Ло

Тот, кто знает, не говорит;
 Тот, кто говорит, не знает.

Лао-цзы

Невоздержанные и беспредметные разговоры губительны нравственно и опасны духовно. «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в День Суда: Ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься».

Может показаться, что это сказано слишком сурово. Но все же, если прислушаться к тем словам, которым мы даем волю на протяжении обычного буднего дня, то обнаружится, что бóльшую часть из них можно отнести к трем основным типам: слова, вызванные злобой и немилосердием в отношении наших ближних; слова, вызванные алчностью, чувственностью и себялюбием; слова, представляющие собой подлинную бессмыслицу и произносимые без толку и причины, просто ради того, чтобы отвлечь внимание бессодержательным шумом. Все это пустословие. Если внимательнее мы исследуем этот вопрос, то обнаружим, что указанные слова по большей части превосходят в количестве слова, что диктуются ра-

зумом, милосердием или необходимостью. Если же сосчитать произнесенные слова, которые бесконечным монологом проходят у нас в мозгу, то объем пустословия у большинства из нас окажется чрезвычайно велик.

Все эти пустые слова, столь же глупые, сколь эгоистичные и немилосердные, представляют собой помеху на пути к познанию, ведущему к объединению с Божественным Основанием, завесу, заслоняющую собой внутренний и внешний Свет. Удержание языка (которое, конечно же, одновременно есть и удержание ума) — это не только один из наиболее требовательных и сложных видов самоограничения, но также и наиболее плодотворный.

Когда курица отложит яйца, она непременно начинает кудахтать. И чего же она добивается своим квохтаньем? Тут же появляется ворона и ворует ее яйца, пожирая все то, из чего курица могла бы произвести на свет живых птенцов. И столь же безжалостно, как ворона, дьявол обкрадывает того, кто предается беспричинной болтовне, и поглощает все порожденное им добро, которое, словно птицы, могло бы вознести его к Небесам, воздержись он от кудахтанья.

Воздерживаться от празднословия — вот какой пост никогда не будет слишком суровым.

Фенелон

К чему стремиться к неким новостям извне, когда все, что касается жизни и смерти, действует внутри нас?

Уильям Ло

«Энкрен Реол»*

* «Энкрен Реол» — религиозный трактат, написанный неизвестным английским клириком ок. 1200 г. Написан в форме наставлений трем молодым женщинам, намеренным удалиться от мира. «Энкрен Реол» отличается от аналогичных дидактических трудов своего времени реализмом и своеобразным юмором.

Моя дорогая матушка, особо обратите внимание на наставления святых, всячески предупреждавших тех, кто стремится к святости, поменьше говорить о себе и своих делах.

Св. Франциск Сальский
 (в письме к св. Жанне де Шанталь)

Собаку не считают хорошей лишь за то, что она хорошо лает.

Человека не считают хорошим человеком лишь за то, что он хорошо разговаривает.

Чжуан-цзы

Собака лает, караван идет.

Арабская пословица

Не от недостатка желания удерживался я от того, чтобы писать вам, ибо воистину я желаю вам всего, что есть благого; но оттого, что, как кажется мне, довольно уж было сказано, чтобы дать нам все необходимое. А чего недостает (если и вправду мы в чем-то ощущаем нехватку), так это не письма или говорения — всего этого предостаточно, — но молчания и трудов. Ибо, в то время как разговоры отвлекают, молчание и труды собирают мысли и укрепляют дух. А значит, как только человек вникнет во все то, что было сказано ради его блага, не будет более нужды внимать рассуждению, но сможет он усердно, молча и внимательно трудиться над тем, чему он был научен, со смирением, милосердием и самоотвержением.

Св. Хуан де ла Крус

Молинос (и, несомненно, он был не первый, кто пользовался этой классификацией) различал три стадии молчания — молчание уст, молчание ума и молчание воли. Трудно удерживаться от праздных разговоров; остановить многоголосый сумбур воспоминаний

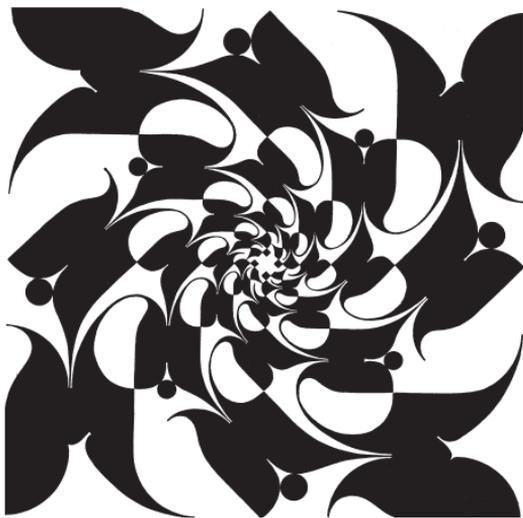
и воображения гораздо труднее; но сложнее всего заставить замолчать голос вожделения и нежелания в самой воле.

XX век — это, помимо всего прочего, Век Шума. Физический шум, умственный шум и шум желания — подобного ему не было еще за всю историю человечества. И это не удивительно, поскольку все ресурсы нашей почти фантастической технологии брошены теперь в атаку на молчание. Самое распространенное и действенное из всех недавних изобретений — радио — это не что иное, как проводник, через который в наши дома вливается рукотворный грохот. И грохот этот проникает, конечно же, значительно глубже барабанных перепонок. В мозгах у людей начинается настоящее столпотворение — сводки новостей, калейдоскопические обрывки информации, взрывы неистовой или сентиментальной музыки, постоянно повторяемые порции драмы, которая не приносит катарсиса, а лишь создает жажду ежедневных или даже ежечасных эмоциональных вливаний.

Учитывая, что в большинстве стран радиовещательные станции существуют за счет продажи эфирного времени рекламодателям, этот шум переносится от ушей, через области фантазии, знания и эмоций, к самой сердцевине «эго» — к желаниям и чувствам. Перед рекламным выпуском, каким бы он ни был, как бы ни доходил до нас, через эфир или с печатных страниц, поставлена только одна цель — ни в коем случае не допустить, чтобы воля человека смогла достичь тишины.

Отсутствие желаний — это условие избавления и просветления. Условие распространяющейся все более, поддержанной технологическим прогрессом системы массовой продукции — это всеобщее вожделение. Реклама — это организованная попытка сделать это вожделение еще более распространенным и интенсивным —

иначе говоря, распространить и интенсифицировать работу той силы, которая (как всегда учили все святые и учителя всех высших религий) является основополагающей причиной страданий и преступлений и наибольшей преградой между душой человека и ее Божественным Основанием.

Глава

шестнадцатая.
М о л и т в а

Слово «молитва» употребляется для обозначения по меньшей мере четырех отличных действий — прошения, ходатайства, поклонения, созерцания. Прощение — это просьба о чем-то для себя. Ходатайство — это просьба о чем-то для других людей. Поклонение — это использование разума, чувств-

ва, воли и воображения, для того чтобы показать свою преданность в отношении к Богу в Его личностном аспекте или же воплощенному в человеческом облике. Созерцание — это такое состояние сосредоточенной пассивности, в котором душа открывается для Божественного Основания внутри и извне, имманентного и трансцендентного Божественного.

Психологически человеку совершенно невозможно предаваться созерцанию, не подготовившись к нему неким поклонением и не чувствуя необходимости возвращаться через более или менее частые промежутки времени к ходатайству и, по крайней мере, некоторым формам прошения. С другой стороны, легко и просто прибегать к прошению не только отдельно от созерцания, но даже от поклонения, а — в редких случаях крайнего и неумеренного эгоизма — даже от ходатайства.

Молитва прошения и ходатайства может использоваться, приводя к тому, что по обыкновению расценивается как успех, с не более чем поверхностным и напускным почитанием Бога в любом из Его аспектов. Чтобы научиться получать ответы на свои прошения, человеку не нужно знать или любить Бога и даже знать или любить образ Бога в своем уме. Все, что в данном случае необходимо, — это жгучее чувство значительности своего «эго» и его желаний вкупе с твердым убеждением в том, что где-то там, во вселенной, существует нечто, не похожее на меня, к которому можно подольститься или вынудить его удовлетворять эти желания. Если повторять «да будет воля моя» с необходимой степенью веры и постоянства, то, по всей вероятности, раньше или позже, так или иначе, то, о чем просишь, будет получено.

Насколько же эта воля совпадает с волей Бога и принесет ли то, чего мы просим, — духовное, нравственное или даже материальное

добро, — на эти вопросы сразу невозможно ответить. Здесь последнее слово остается за временем и вечностью. А пока что прислушаемся к советам, весьма неплохим советам, которые можно почерпнуть из фольклора. Те неведомые знатоки жизни, сочинявшие сказки, в какой бы части света они не жили, немало знали о желаниях и об исполнении желаний. Им было известно, прежде всего, что в определенных обстоятельствах прошения действительно исполняются; но они также знали, что Бог — не единственный, кто отвечает просящему, и что если просить о чем-то ложном, то можно выпросить и это, — но только себе на беду и не от Божественного Подателя.

Получать то, чего хочешь, посредством эгоистичного прошения — это одна из форм *hubris*, которая следом за собой зовет и заслуженную *nemesis*. Так, фольклор североамериканских индейцев полон историй о людях, которые постились и молились эгоистично, для того чтобы получить более того, что нужно для жизни здравомыслящему человеку, и получили просимое, ставшее причиной их собственного падения. Перенесемся на другой край света — и там тоже бытуют истории о мужчинах и женщинах, которые прибегали к различному колдовству, чтобы получить ответ на свои прошения, — и всегда с комичными или катастрофическими последствиями. Как тут не вспомнить о трех желаниях из нашей сказки, которые сбылись, но не принесли в итоге ничего хорошего тому, кто их загадывал.

Представляй Бога говорящим тебе: «Сын Мой, почему ты день за днем встаешь и молишься, и преклоняешь колени, и даже бьешь челом, временами орошая землю слезами, говоря Мне: «Отец мой, Боже, дай мне богатство!» Если бы Я дал его тебе, тогда бы ты возомнил о себе и вообразил, что обрел нечто очень значимое. Ты просил

богатства и, просивши, получил. Смотри же, используй его с умом и осторожностью. Прежде чем ты получил богатство, был ты смирен; теперь же, став богатым, презираешь бедного. Так что за благо в том, что только делает тебя хуже? Ведь ты стал хуже, поскольку и прежде был плох. Но тебе и не ведомо, что богатство только сделает тебя хуже, поскольку ты просил его у Меня. Я дал его тебе, и Я утвердил тебя; Ты получил его — и разоблачил себя перед всеми, каков ты есть! Проси у Меня лучшего, чем это, проси у Меня большего. Проси у Меня вещей духовных. Проси, чтобы Я дал тебе Себя!»

Св. Августин

О Господь! Я, нищий, прошу у Тебя большего, чем тысяча царей может просить у Тебя. Каждый из них просит у Тебя чего-то, а я пришел, чтобы просить у Тебя — дай мне Себя.

Ансари Гератский

По словам Аквината, мы вправе молиться обо всем, чего вправе желать. Есть вещи, желать которых никто не вправе — плодов преступления или греховных поступков. Есть вещи, которых вполне оправданно желать людям на одном уровне духовного развития, но не стоит желать (и они в действительности перестают быть желанными) для тех, кто находится на другом, более высоком уровне. Так, св. Франциск Сальский достиг уровня, на котором он мог сказать: «Я почти ничего не прошу, но случись мне снова родиться, то не просил бы совсем ничего». Но пока что миллионы людей ежедневно повторяют слова Господней Молитвы: «Да свершится воля Твоя», при этом не имея ни малейшего желания, чтобы свершалась чья-либо воля, кроме их собственной.

**Освободил меня от всех моих прошений
 Опыт странствий в океане бессмертной жизни.**

Как дерево кроется в зернышке,
Так все болезни — в прощении.

Кабир

Господь, я не знаю, чего просить у Тебя. Тебе только ведомо, что мне нужно. Ты любишь меня более, чем я умею любить себя. Отец, пошли своему ребенку то, чего он не знает, как просить. Исцели или пошли болезнь, возвысь или унизь меня: я преклоняюсь пред всеми Твоими намерениями, не ведая их. Я храню молчание, я приношу себя в жертву. Я покоряюсь Тебе. У меня нет иного желания, чем исполнять Твою волю. Научи меня молиться. Молись во мне.

Фенелон

(Одного дервиша дьявол искушал, чтобы тот перестал взывать к Аллаху по той причине, что Аллах ни разу не ответил: «Вот он Я». Во сне дервишу явился пророк Хадир с посланием от Бога.)

Разве не Я призвал тебя Себе на службу?
Разве не Я научил тебя призывать Мое имя?
Твой зов «О Аллах!» и был моим «вот он Я».

Джалаледдин Руми

Я молю Бога Всемогущего поместить нас среди Его избранных, в числе тех, которых Он направляет на стезю безопасную; в которых Он возбуждает рвение, дабы они не забыли Его; которых Он очищает от всякой скверны, дабы ничего не оставалось в них, кроме Него Самого; в числе тех, в ком Он воистину безраздельно пребывает, чтобы они не могли поклоняться никому, кроме Него.

Аль-Газали

О ходатайстве, как и о многом другом из того, что касается Молитвы, яснее, проще и предметнее многих остальных пишет Уильям Ло.

Считая себя ходатаем перед Богом за своих ближних и знакомых, вы откроете для себя, что совсем не так сложно быть в мире с самим собой. Вам будет легко прощать и терпеливо относиться к тем, ради кого вы непосредственно призывали Божественное Милосердие и Прощение.

Уильям Ло

Ходатайство лучше всего остального рассудит всякое несогласие, лучше всего укрепит подлинную дружбу, — это лучшее избавление и ограда от всяческих недоброжелателей, всех злобных и надменных страстей.

Уильям Ло

На человека, о благе которого вы заботитесь настолько, чтобы быть ходатаем перед Богом за него в ваших личных молитвах, едва ли можно сердиться или относиться к нему недоброжелательно. Как можно презирать и подвергать осмеянию того человека, которого вы в своих личных молитвах предлагали к любви и снисхождению Божию.

Уильям Ло

Ходатайство, таким образом, — это одновременно способ и выражение любви к своему ближнему. Так же точно поклонение — это средство и выражение любви к Богу, любви, которая находит свое завершение в едином знании Божественного Основания — знании, которое есть плод созерцания. Именно об этих высших формах общения с Богом авторы следующих отрывков ведут речь, когда используют слово «молитва».

Цель и окончание молитвы — почитание, признание и поклонение верховному величию Бога, каким Он есть в Себе, а не каким Он

есть в отношении к нам; и любить Его доброту любовью к ней самой, а не за то, что она приносит нам.

Буржуан*

В молитве он (Шарль де Кондрен) не оставался в рамках своего знания и рассуждения. Он поклонялся Богу и Его таинствам как они есть в себе, а не как он понимал их.

Амелот**

«Каким Бог есть в Себе», «Бог и Его тайны, как они есть в себе» — фразы таят некий отголосок кантианства. Но если Кант был прав, и Вещь-в-себе непознаваема, Буржуан, де Кондрен и все другие мастера духовной жизни охотились за тенью. Но Кант был прав только в отношении тех умов, что еще не пришли к просветлению и освобождению. Для таких умов Реальность, материальная, психическая или духовная, предстает затемненной, искаженной, неся на себе отпечаток окружения их собственной, индивидуальной природы. Но для тех, кто чисты сердцем и нищи духом, Реальность не искажена, потому что у них нет обособленной индивидуальности, которая бы заслонила или затемнила этот свет, нет фонаря с цветными стеклами интеллектуальных убеждений и освященных представлений, чтобы придать личностную или историческую окраску «белому свечению Вечности». Для таких умов, по словам Олье, «даже образы святых, Непорочной Девы и Иисус Христос в Его человеческом облике — лишь преграды на пути видения Бога в Его чис-

* Франсуа Буржуан (1585—1662) — французский католический деятель, один из руководителей Конгрегации Оратории, последователь и друг кардинала де Бурья, непримиримый оппонент ясенистов.

** Дени Амелот (1609—1678) — французский священник, теолог. Член Конгрегации Оратории, ученик Шарля де Кондрена.

тоте». Вещь-в-себе постигаема — но только теми, кто сами по себе «невещественны».

Под молитвой я понимаю не прошение или обращение, которое, соответственно учениям различных школ, совершается, главным образом, разумением и означает то, что человек желает получить от Бога. Но молитва, упомянутая здесь, — это предложение и преподношение Богу того, что Он может справедливо требовать от нас.

Тем самым молитву, в ее общем понимании, можно определить как возвышение ума к Богу или, шире и определеннее, как побуждение мыслящей души к Богу, выражающее или, по меньшей мере, подразумевающее полную зависимость от Него как подателя и источника всего блага, волю и готовность отдать Ему должное, что есть не менее, чем вся любовь, все подчинение, поклонение, прославление и почитание, через смирение и уничтожение своего «я» и всего тварного в Его присутствии; и, наконец, желание и намерение стремиться к единству с Ним в духе.

Отсюда явствует, что молитва — это самое совершенное и самое божественное действие, на которое способна мыслящая душа. Из всех действий и обязанностей это самая необходимо-насу́щная.

Августин Бейкер

Господи, научи меня искать Тебя, и открывая Себя мне, когда я ищу Тебя. Ибо не могу я искать Тебя, если Ты не научишь меня, и найти Тебя, если Ты не откроешь мне Себя. Позволь мне искать Тебя со страстным желанием, позволь мне желать Тебя в искании и позволь мне найти Тебя в любви и любить Тебя по нахождению. Господи, исповедую и благодарю Тебя за то, что Ты сотворил меня в этом Твоем образе, для того чтобы я мог непрестанно помышлять о Тебе, мог постигать и любить Тебя; но образ этот был так истощен и испорчен пороками и заслонен дымом греховным, что невозможно ему достичь того, к чему он был сотворен, разве что Ты обновишь его и воссоз-

дашь его. Затмевается ли око душевное своею немощью или же ослеплено оно Твоею славой? Всенепременно, и само око темно, и ослеплено Тобою. Господи, неприступен тот свет, в котором Ты обитаешь. Истинно, воззреть на его невозможно мне, поскольку слишком ярок он для меня; однако все то, что я вижу, вижу я в Твоем свете, как слабые глаза видят все в свете солнца, хотя на само солнце не могут смотреть. О верховный и неприступный свет, о истина святая и благословенная! Сколь далек Ты от меня, того, кто так близок Тебе, сколь далеко Ты отстоишь от моего видения, хотя я так близок Твоему! Ты вездесущ в Своей полноте, и я не вижу Тебя. В Тебе я движусь, и в Тебе я имею свое бытие, и не могу прийти к Тебе: Ты внутри меня и вокруг меня, и я не чувствую Тебя.

Св. Ансельм

О Господи, не полагайся на меня, — несомненно, я подведу, если Ты не поддержишь меня.

Св. Филипп Нери

Стремиться к праведности без великого смирения и отказа от всего того, чего ищет мир, — значит стремиться к невозможному. Тому, кто ищет праведности, изначально следует быть смиренным, вполне ощущать свои недостатки и изъяны и тщету мирскую, и тогда только его душа будет полна желания Бога. Человек гордый, или тщеславный, или привязанный к земному, может знать назубок молитвенник, но не может быть праведным, поскольку праведность — это приверженность смиренного сердца к Богу как к своему единственному счастью.

Уильям Ло

Дух, для того чтобы трудиться, должен устранить все чувственные образы, хорошие и плохие. Новичок в духовном труде делает отправной точкой добрые чувственные образы, и невозможно положить начало правильной духовной работе с упражнений духовных...

Те души, что не имеют склонности к внутреннему, должны всегда придерживаться упражнений, в которых используются чувственные образы. И эти души откроют для себя, что чувственные упражнения содержат немалую пользу для них и для других, а также угодны Богу. Это путь жизни деятельной. Но другие, у которых есть склонность и пристрастие к внутреннему, не всегда будут упражняться в чувственном, но по прошествии некоторого времени подобные упражнения уступят место упражнениям духа, которые независимы от чувств и воображения и попросту состоят в возвышении воли разумной души к Богу... Душа возносит свою волю к Богу, который понимается разумом как дух, а не как воображаемый образ, и тем самым человеческий дух стремится к единению с Божественным Духом.

Августин Бейкер

Ты говоришь мне, что ничего не делаешь, молясь. Но что ты хочешь сделать молитвой кроме того, что уже делаешь, то есть еще и еще раз являешь свою незначительность и недостатки Богу? Когда нищие выставляют свои язвы и лохмотья перед нашим взором, это лучшая мольба, с которой они могут обратиться к нам. Но, судя по тому, что ты говоришь, ты иногда и этого не делаешь, но остаешься недвижимым, уподобляясь статуе или тени. Статуи ставят во дворце князя просто для того, чтобы порадовать его взор. Что ж, удовольствуйся и тем в присутствии Божьем: Он вдохнет в статую жизнь, когда Сам того пожелает.

Св. Франциск Сальский

Мне стало ясно, что я не свожу мой разум к одной лишь молитве, но всегда хочу что-то в ней сделать от себя, а от этого может быть один только вред... Несомненно, мне бы хотелось избавиться от всего этого, оградить мой разум и удерживать его всеми моими силами, сколько возможно, в чистом созерцании и простом единении. Но, бо-

ясь молитвы бесплодной, позволив этой боязни войти в мое молитвенное состояние и желая чего-то достичь самой, я сама все погубила.

Св. Жанна Шанталь*

Пока прибегаешь к особнным упражнениям, лица состояния буд-
довости, не будет для тебя просветления.

Юнча Таши

«Как человеку достичь гармонии с Дао?»

«Я уже утратил гармонию».

Шитоу**

Как мне постичь это? Не постигай. То, что останется, когда уже
больше нет постижения, — это и есть «Я».

Панчадаши

Я предписываю тебе просто оставаться
в Боге или рядом с Богом, не пытаясь ниче-
го делать там и не прося ничего у Него, пока
Он Сам не побудит тебя к этому.

Св. Франциск Сальский

Поклонение — это действие любящей,
но все еще обособленной индивидуальности.
Созерцание — это состояние единения
с Божественным Основанием бытия. На-
ивысшая молитва — самая пассивная. И это
неизбежно будет так, поскольку чем меньше
остается от себя, тем больше от Бога.
Вот почему путь к пассивному или вдохно-
венному поклонению так труден и для мно-

* Св. Жанна Франсуа-
аза де Шанталь (1572—
1641) — французский мис-
тик. Особое влияние на нее
оказал св. Франциск Саль-
ского. Св. Жанна основала
женский монашеский орден
визитации, или посещения
(Св. Девой Марией Елиза-
веты).

** Шитоу Сицзянь (яп.
Сэкито Кисэн) (700—
790) — китайский буддий-
ский монах, духовный учи-
тель чань-буддизма. Родо-
начальник школ Цаодун,
Юньмэнь и Фаянь.

гих так болезнен — проход через одну или множество Темных Но-
 чей, в которых пилигрим должен умереть для жизни чувств как це-
 ли, для собственных мнений и верований, пусть даже освященных
 традицией, и в конечном итоге для глубоко укоренившейся причи-
 ны всякого невежества и зла — жизни обособленной, индивидуа-
 лизированной воли.

Глава

семнадцатая.

С т р а д а н и е

Божественное бесстрастно, ибо там, где совершенство и единство, не может быть страдания. Способность страдать появляется там, где несовершенство, разобщенность и обособление от всеобъемлющего единства. И эта способность к страданию реализуется так, что несовершенство, разобщенность и обособ-

ление сопровождаются стремлением к усилению этих тварных состояний. Для индивидуума, который достиг единства в своем организме как целом и единения с Божественным Основанием, наступает конец страданий. Цель творения — возвращение всех чувственных существ от обособления и того безудержного стремления к обособлению, которое имеет своим результатом страдание, через объединяющее познание к цельности Вечной Реальности.

Элементы, которые составляют человека, создают способность к боли.

Причина боли — желание индивидуальной жизни.

Избавление от желания уничтожает и боль.

Способ избавления — Восьмеричный Путь.

Четыре благородные истины буддизма

Стремление к обособленности или жажда индивидуализированного и независимого существования может проявляться на всех уровнях жизни: от клеточного и физиологического, через инстинктивный уровень, к полностью сознательному. Это может быть жажда всего организма усилить свою обособленность от окружения и Божественного Основания. Или же это может быть стремление отдельной части организма к интенсификации своей частичной жизни как отличной от организма как целого и, как следствие, за его счет. В первом случае мы говорим о порыве, страсти, вожделении, своеволии, грехе; во втором мы описываем то, что происходит как болезнь, травма, функциональное или органическое расстройство.

В обоих случаях стремление к обособленности выливается в страдание, и не только для того, кто испытывает желание, но и для его чувственного окружения — других организмов во внешнем мире или других органов во том же организме. В одном случае страдание личное, в другом — губительно-заразное.

Ни одно живое существо не способно ощутить страдание другого существа. Но жажда обособленности, которая, рано или поздно, так или иначе, приводит к определенной форме личного и неразделимого страдания для желающего, также приводит к страданию (столь же личному и неразделимому) для других. Страдание и нравственное зло имеют один источник — жажду усиления обособленности, которая есть исходный уровень всякой тварности.

Здесь будет уместно пояснить эти обобщения на нескольких примерах. Вначале рассмотрим страдание, которое живой организм причиняет сам себе и другим живым организмам просто в процессе поддержания жизни. Причина такого страдания — жажда индивидуализированного существования, специфически выражающая себя в форме голода.

В голоде нет ничего неестественного — это часть дхармы каждого живого существа. Страдание, которое вызывается голодом, одинаковое и для голодного, и для того, кто утоляет свой голод, неотделимо от жизни чувственных существ. Жизнь чувственных существ имеет свои цель и назначение, которые, в конечном счете, представляют собой высшее благо для каждого из них. Но пока что страдание живых существ остается фактом и представляет собой необходимую часть тварного существования. И коль это так, то творение — это начало Падения.

Окончательное оформление Падения наступает тогда, когда творение стремится к усилению своей обособленности, выходя за пределы, установленные законом ее существования. По всей видимости, на биологическом уровне Падение окончательно оформлялось не единожды и довольно часто на протяжении эволюционной истории. Все биологические виды — исключение здесь только человек — избрали немедленный, но ограниченный успех за счет специализации.

Однако специализация может лишь завести в тупик. Только оставаясь незащищенным и неспециализированным, организм может продвинуться к тому мыслящему разуму, который станет ему наградой за то, что его тело и инстинкты не приспособлены к отдельному типу жизни в особенном окружении. Мыслящий разум делает возможным, с одной стороны, ни с чем не сравнимое по успешности выживание в окружающем мире и, с другой стороны, дальнейшее продвижение к духовности и возвращению, через объединяющее познание, к Божественному Основанию.

По той причине, что человечество как вид удержалось от Падения на биологическом уровне, человеческая личность теперь обладает существенной силой выбора между самоотвержением и единством с Богом, с одной стороны, и усилением обособленной индивидуальности, причем до такого уровня и такими способами, которые совершенно вне пределов возможностей низших животных, — с другой. Способность человеческой личности к добру безгранична, поскольку человек может, если того пожелает, дать место в самом себе Божественной Реальности. Но в то же время ее способность ко злу не бесконечна, конечно же (поскольку зло всегда саморазрушительно и поэтому временно), но исключительно велика. Ад — это полное отделение от Бога, а дьявол — воля к такому отделению. Способность к свободе и мышлению может сделать человеческое существо подобным дьяволу. Этого не в состоянии повторить ни одно животное, ибо нет животного, достаточно умного и целеустремленного, достаточно волевого или нравственного, чтобы стать дьяволом (ведь дьяволу необходимо, подобно Сатане Мильтона, демонстрировать высшую степень всех нравственных достоинств, за исключением лишь сострадания и мудрости).

Способность человека стремиться, куда безудержнее, чем любое животное, к усилению своей обособленности приводит не толь-

ко к нравственному злу и страданиям, причиняемым жертвам этого зла и тем, кто его совершает, но также и к некоторым характерно человеческим телесным расстройствам. Животные страдают от заразных болезней, которые обретают размах эпизоотии, когда стремление к воспроизводству сочетается с благоприятными внешними условиями для избыточной популяции, а также от болезней, связанных с заражением паразитами (подобные болезни неизбежно возникают, когда рядом сосуществуют множество видов животных, выживающих только за счет друг друга).

Цивилизованный человек довольно успешно защищается от подобных эпидемий, но вместо них он сам накликал на себя целое полчище дегенеративных болезней, которые почти не встречаются у низших животных. По большей части причина этих дегенеративных заболеваний в том, что цивилизованный человек не живет, на любом уровне своего существования, в гармонии с Дао, или Божественной Природой Вещей. Людям нравится угождать своему «я» чревоугодием, притом все более и более, поэтому они едят непомерно много и не то, что следует. Люди постоянно тревожатся из-за денег; ища развлечений, сами истязают себя хроническим перевозбуждением. Люди страдают, находясь на работе, от хронической усталости и нервных расстройств, вызванных работой, которую приходится выполнять, для того чтобы удовлетворять искусственно стимулированные потребности в плодах обезличенного массового производства.

В числе следствий неправильного использования психофизического организма — дегенеративные изменения в отдельных органах, таких как сердце, почки, поджелудочная железа, кишечник и кровеносные сосуды. Утверждая свою частичную самостоятельность некоей декларацией независимости от организма в целом,

органы, затронутые дегенеративным процессом, причиняют страдание себе и своему физиологическому окружению.

Таким же точно образом человеческая личность утверждает свою обособленность от близких, Природы и от Бога — с разрушительными последствиями для самого человека, его семьи, друзей и общества в целом. И, в свою очередь, дезорганизованное общество, профессиональная группа или семья, живущие фальшивой философией, воздействуют на своих членов таким образом, чтобы утверждать их личную индивидуальность и обособленность, совсем так же, как неправильно живущий и неправильно мыслящий человек, заставляя свои органы слишком много или неправильно функционировать, утверждает их частичную самостоятельность за счет всего организма.

Результат страдания может быть нравственно и духовно отрицательным, нейтральным или положительным в зависимости от того, как страдание переносится и воспринимается. Иными словами, оно может побудить в страдающем сознательное или бессознательное стремление к усилению своей обособленности. Может, не затронув это стремление, оставить его таким, каким оно было до страдания. Или, наконец, страдание может смягчить это стремление и тем самым стать средством продвижения к самоотвержению и к любви и познанию Бога. Какая из этих трех альтернатив будет реализована, зависит, в конечном счете, от выбора страдающего.

Похоже, так обстоят дела даже на до-человеческом уровне. Высшие животные, в любом случае, зачастую словно бы поддаются боли, болезни и смерти с неким умиротворенным смирением с тем, что уготовано им Божественной Природой Вещей. Но бывает и паника, страх и борьба, неистовое сопротивление этому приговору. Перед лицом страдания животное словно бы наделено способнос-

тью, по крайней мере, до некоторой степени выбирать между самоотвержением и самоутверждением. Для наделенной плотью человеческой личности вопрос о свободе воли даже не ставится. Выбор в пользу самоотвержения при страдании делает возможным принятие благодати — на духовном уровне через возрастание в любви и знании Бога и на уровнях разума и физиологии, — через уменьшение страха, озабоченности своим состоянием и даже боли.

Когда в нас родится любовь к страданию, тогда мы избавимся от чувствительности чувств. Мертвые будем жить мы в этом саду.

Св. Катерина Сиенская

Кто страдает ради любви — не страдает, потому как забывает тогда всякое страдание.

Экхарт

В этой жизни нет чистилища, но только рай или ад; ибо тот, кто в терпении сносит невзгоды, — в раю, а кто нет — в аду.

Св. Филипп Нери

Зачастую множество различных страданий является непосредственным последствием нравственного зла. Такое страдание не оказывает никакого положительного воздействия на страдающего до тех пор, пока причины, ввергшие его в бедственное положение, не будут искоренены.

Всякий грех порождает особые духовные муки. Муки такого рода не отличаются от адских, ибо тем более ты страдаешь, чем злее эти муки становятся. То же бывает и с грешниками — чем больше претерпевают они за свои грехи, тем злее становятся, и так все больше и больше опутываются своими грехами, стараясь от них освободиться.

«Следование Христу»

Представление об искупительном страдании слишком часто втискивали в жесткие рамки юридических и коммерческих формулировок. Некто *А* совершил преступление, за которое законом установлено соответствующее наказание. *В* добровольно соглашается подвергнуться наказанию. Правосудие и честь законодателя удовлетворены, соответственно, *А* может быть свободен.

Можно еще сказать это же языком долга и возмещения. *А* должен *С* сумму денег, которую не может уплатить. *В* вносит необходимую сумму и тем самым предотвращает лишение *С* права на выкуп залочной.

Подобные представления применительно к фактам страдания человека и его отношений с Божественным Основанием ничего не поясняют и ничему не учат. В своем ортодоксальном виде учение об искуплении приписывает Богу качества, способные дискредитировать не только Бога, но даже правителя-человека. Модель же Вселенной, какой она представлена данной доктриной,— это не творение духовной интуиции, истолкованное философской мыслью, но, скорее, игра воображения юриста, доверенная бумаге.

Однако представление об искупительном страдании и другое, тесно связанное с ним, представление о переносимости добродетели одного человека на других, несмотря на прискорбную непроработанность их формулировок, основаны на фактах подлинного опыта. Бескорыстная, исполненная Бога личность может быть, и действительно служит, проводником, через который благодать может войти в несчастное создание, которое сделало само себя невосприимчивым для Божественного постоянной жаждой к усилению своей обособленности. Именно поэтому святые имеют власть над своими ближними — и эта власть тем более сильна, что имеет совершенно ненасильственный характер. Святые «доносят добродетель»

до тех, кому она так необходима. Но то, что обращает и ставит на путь освобождения жертв своеволия, — это не добродетель святого, состоящая в том, что святой сделался восприимчивым к Божественной Реальности, как труба, способная пропускать воду, когда ее прочистят. Это скорее божественный заряд, который святой несет в себе, Божественная Реальность, проводником коей он сделался.

И таким же точно образом в искупительном страдании искупают грех не те мучения, которые в действительности испытывает святой. Верить в то, что Бог гневается на грех и что Его гнев нельзя умиловить как-то иначе, чем поднести Ему некоторое количество мучений, — это хула на Божественную Природу. Нет, то, что спасает, — это дар из-за пределов временного порядка тому, кто заточен в собственном эгоизме, переданный бескорыстными и исполненными Бога людьми, которые с готовностью принимают страдание, для того чтобы помочь своим ближним. Обет Бодхисаттвы — это обещание отказаться от немедленных плодов просветления и принимать перерождение и его неизбежные следствия, мучение и смерть снова и снова, до тех пор, пока трудами и той благодатью, проводником которой сделало его самоотвержение, все чувственные существа не придут к полному и окончательному освобождению.

Я увидел некое скопление темного и мрачного цвета между севером и востоком, и сказано мне было, что этот сгусток — люди, живущие в величайшем несчастье, какое только есть; и что я смешан с ними, и посему я не должен считать себя особенным или отдельным существом.

Джон Вулмен*

Почему же должен праведный и невинный сносить незаслуженное страдание? Каждый, кто воспринимает человеческую

* Джон Вулмен (1720—1772) — американский священник и писатель. Автор назидательных трактатов.

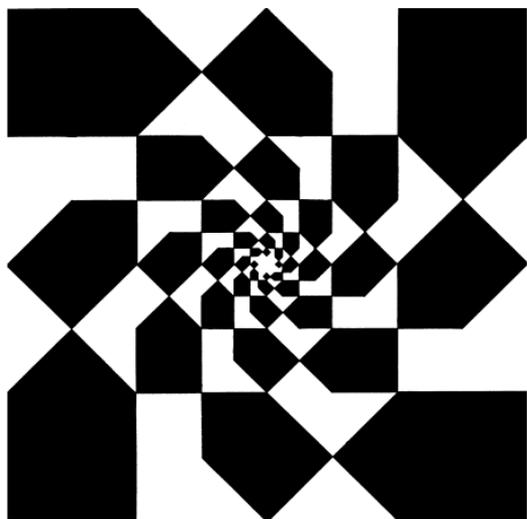
личность так, как Юм воспринимал события и предметы, то есть как «отличные и обособленные», не сможет найти приемлемого ответа на этот вопрос. Но в действительности люди не «обособлены», и единственная причина так считать — в неправильно понятом собственном интересе, в наших привычках — «что хочу, то и делаю», «ни в чем себе не отказываю», при этом ни за что не отвечая. И оказывается куда удобнее свернуть на кривую тропку языковых неточностей и верить (не всегда, само собой, а только когда это нам нужно), что вещи, люди и события полностью отличны и обособлены одно от другого в той же степени, что и слова, с помощью которых мы думаем о них.

Но истина конечно же в том, что все мы органично связаны с Богом, с Природой и нашими ближними. Если бы каждый из людей постоянно и осознанно оставался бы в правильных отношениях со своей божественной, природной и общественной средой, то страдания было бы ровно столько, сколько обусловлено Творением. Но в действительности большинство людей укоренилось в своих неправильных отношениях с Богом, Природой и, по крайней мере, некоторыми из своих ближних. Результаты этих искаженных отношений проявляются на общественном уровне в войнах, революциях, эксплуатации и социальных потрясениях; на биологическом уровне — в дегенеративных заболеваниях и вырождении рас; на уровне нравственности — в самонадеянном безрассудстве; и на духовном уровне — в слепоте к Божественной Реальности и полном непонимании смысла и предназначения жизни человека.

Так что было бы удивительно, если бы невинный и праведный не страдал, — как странно было бы, если невинные почки и невинное сердце не страдали бы от грехов ненасытной глотки и перегруженного желудка. И, к слову сказать, эти органы вынуждают гре-

шить воля чревоугодника, которому они принадлежат, так же как и сам он принадлежит к обществу, сделанному его современниками и предшественниками воплощением всеобъемлющей неустроенности, причиняющему страдания своим членам и заражающему их своим невежеством и порочностью.

Праведный может избежать страдания, лишь приняв и, пройдя через него, превзойдя страдание. Добиться этого можно лишь преобразовав свою праведность в абсолютное самоотвержение и устремленность к Богу, перестав быть всего лишь фарисеем или достойным членом общества и став «совершенным, как Отец ваш, Который на небесах, совершен». Трудностей на пути такого преобразования конечно же несчетное множество. Но из тех, кто «говорит, как имеющий власть», сказал ли кто-нибудь, что на пути к полному освобождению идущего ожидает иное, чем «узкий путь и тесные врата»?

Глава

восемнадцатая.

В е р а

Слово «вера» имеет множество значений, которые необходимо различать между собой. В некоторых значениях оно используется как синоним слова «доверие». Так, мы говорим, что верим в диагностические способности д-ра Икс или честность юриста Игрек. В этом же ряду находится наша вера автори-

тетам и специалистам — уверенность в том, что сказанное определенными людьми в отношении определенной темы правдоподобно, поскольку они обладают специальной квалификацией.

В других ситуациях вера обозначает уверенность в суждениях, которые нам не представилось случая проверить самостоятельно, но о которых нам известно, что мы могли бы их проверить, если бы у нас было намерение, возможность и необходимые способности. В этом смысле слова — мы «верим», что, хотя, возможно, нам и не довелось бывать в Австралии, там есть такое животное, как утконос; мы «верим» в атомную теорию, хотя никогда не проводили экспериментов, на которых зиждется эта самая теория, и неспособны понять математические уравнения, которые ее доказывают.

И наконец, есть вера, которая представляет собой уверенность в суждениях, о которых нам известно, что мы не сможем их проверить, даже если бы захотели того, — суждений, подобных Символу Веры Афанасия Великого или тех, которые составляют основу учения о Непорочном Зачатии. Подобный тип «веры» определяется схоластами как действие интеллекта, приведенного к согласию волей.

Вера в первых трех смыслах этого слова играет очень важную роль не только в повседневной жизни, но даже в чистой и прикладной науке. *Credo ut intelligam** — и также, добавим от себя, *ut agam*** и *ut vitam****. Вера — это предусловие всякого систематического познания, всякого намеренного действия и всякого достойного существования. От распада общество удерживает, прежде всего, не страх большинства перед насильственной силой немногих, но общепринятая вера в порядочность своего ближнего. Подобная вера стремится создать свой собственный объект веры, в то время как рас-

* Верую, чтобы понять (лат.).

** Чтобы действовать (лат.).

*** Чтобы жить (лат.).

пространенное взаимное недоверие, вызванное, к примеру, войной или внутренними раздорами, создает объект недоверия.

Переходя теперь от нравственной сферы к области интеллекта, мы обнаруживаем, что вера лежит в основании всего организованного мышления. Наука и технология не могли бы существовать, если бы у нас не было веры в достоверность Вселенной — до тех пор, пока, по словам Клерка Максвелла*, мы не поверим безоговорочно в то, что книга Природы — это и в самом деле книга, а не журнал; логически взаимосвязанное произведение, а не мешанина разрозненных фрагментов. К этой общей вере в осмысленность и достоверность мира искатель истины должен добавить еще два вида особенной веры — веру в авторитет опытных мастеров, достаточную, чтобы позволить ему поверить тем утверждениям, которые он лично не проверял; и веру в свои собственные предположения, достаточную для того, чтобы подвергнуть проверке свои предварительные убеждения посредством соответствующего действия. Подобное действие может подтвердить убеждение, которое стало причиной такой проверки. Или, наоборот, оно может стать доказательством того, что первоначальная гипотеза была безосновательна. И в этом случае ее придется изменять до тех пор, пока она не станет совместимой с фактами и тем самым не перейдет из области веры в область знания.

* Джеймс Клерк Максвелл (1831—1879) — выдающийся английский ученый, внесший значительный вклад в различные области физики.

Четвертый тип веры — то, что обычно называют «религиозной верой». Использование этого выражения можно считать оправданным, и не потому, что остальные типы веры являются не столь основательными в религии, как в светских вопросах, но потому что такое волевое согласие

с суждениями, о которых известно, что их невозможно проверить, встречается в религии, и только в религии. Это характерное приложение к вере как доверию, вере авторитетам и вере в непроверенные, но проверяемые суждения. Этот тип веры, согласно христианским теологам, оправдывает и спасает.

В своей крайней и наиболее бескомпромиссной форме такое учение может быть очень опасным. Вот, к примеру, читаем в одном из писем Лютера: *Esto peccator, et pecca fortiter; sed fortius crede et gaude in Christo, qui victor est peccati, mortis et mundi. Peccandum est quam diu sic sumus; vita haec non est habitatio justitiae.* («Будь грешником и грешь сильно; но еще сильнее верь и ликуй во Христе, победившем грех, смерть и мир. Пока мы есть те, кто мы есть, неизбежно будет и грех; эта жизнь — не обитель праведности».)

К опасности, что вера в доктрину оправдания верой может служить извинением или даже приглашением к греху, может прибавиться еще одна опасность, а именно, что вера, от которой ожидают спасения, может оказаться верой в суждения не просто непроверяемые, но даже отталкивающие для разума и нравственного чувства и совершенно расходящиеся с открытиями тех, кто выполнил условия, необходимые для духовного постижения Природы Вещей.

«Вот в чем кульминация веры,— говорит Лютер в своей *De Servo Arbitrio*»,— верить в то, что Бог, Который спасает столь немногих и обрекает на погибель столь многих, милосерд; что Он справедлив — тот, кто ради своего удовольствия обрек нас на неизбежные муки ада, словно бы радуясь мукам несчастных, и более заслуживает ненависти, чем любви. Если бы я мог постичь усилием разума, как Бог, который проявляет столько гнева и жестокости, может быть милосердным и справедливым, тогда бы не было необходимости в вере».

Откровение (которое, когда оно подлинно, представляет собой просто передачу непосредственного опыта тех, кто достаточно чист сердцем и достаточно нищ духом, чтобы увидеть Бога) ни словом не упоминает обо всех этих отвратительных учениях, на которые воля вынуждает соглашаться интеллект, вполне естественно и обоснованно противящийся этому. Подобные представления — это продукт не прозрения святых, но неумейной фантазии законовеедов, которые были столь далеки от того, чтобы превзойти эгоизм и предвзятость собственного образования, что у них хватило глупости и самонадеянности интерпретировать Вселенную в терминах иудейского и римского права, которые им довелось изучать. «Горе вам, законники», — сказал Христос. Это осуждение было пророческим и на все времена.

Сердцевина и духовная основа всех высших религий — это Вечная Философия; и ее можно принять и поступать в соответствии с ней, не прибегая к тому типу веры, о котором писал Лютер в предшествующих отрывках. Должна быть, конечно же, вера как доверие, поскольку уверенность в своих ближних — это начало милосердия, обращенного к людям, а уверенность не только в материальной, но также в нравственной и духовной надежности Вселенной — это начало милосердия или любви-знания к Богу. Должна быть также и вера авторитетам — людям, чье самоотречение дало им возможность познать Духовное Основание всего сущего не только через священные тексты, но также и через непосредственное знакомство. И наконец, должна быть вера в такие суждения о Реальности, которые излагаются философами в свете подлинного откровения, — суждения, о которых верующему известно, что он смог бы, если бы был готов выполнить необходимые условия, проверить самостоятельно. Но пока Вечная Философия принимается в своей

основополагающей простоте, нет необходимости в волевом согласии на суждения, о которых заблаговременно известно, что их невозможно проверить.

Здесь необходимо добавить, что такие непроверяемые суждения могут стать проверяемыми постольку, поскольку ревностная вера сама воздействует на психический субстрат и тем самым создает существование, производная объективность которого может быть обнаружена «где-то там». Не будем, однако же, забывать о том, что существование, которое объективизируется из умственной деятельности тех, кто очень сильно верит в нее, в любом случае не может быть Духовным Основанием мира, и что разум, поглощенный добровольной и интеллектуальной активностью, которой является «религиозная вера», все равно не может находиться в состоянии самоотвержения и сосредоточенной пассивности, которые есть необходимое условие единящего знания Основания. Вот почему буддисты утверждают, что «любящая вера приводит в рай, но повинение дхарме приводит к нирване».

Вера в бытие и власть любой сверхъестественной сущности, которая меньше, чем основополагающая Духовная Реальность, и в любой форме поклонения, которой недостает самоуничужения, — несомненно приведет, если объект веры благ в своем существе, к улучшению характера и, возможно, к бессмертию улучшенной личности в «райских» условиях. Но это личностное спасение в пределах того, что по-прежнему есть временной порядок, — не вечная жизнь в бесконечном единстве с Духом. Вечная жизнь состоит в знании Божественного, и в том, чтобы не верить ни во что меньшее, чем Божественное.

Бессмертие, достигаемое через обретение какого-либо объективного состояния (то есть состояния, заслуженного добрыми деяниями,

вдохновенными любовью и верой в нечто меньшее, чем наивысшее Божественное, — существования в деятельном единении с тем, чему поклоняются), подвержено прекращению, ибо в священных книгах недвусмысленно утверждается, что карма никогда не бывает причиной освобождения.

Шанкара

Карма — это причинно-следственная зависимость во времени, от которой мы освобождаемся только «умирая» для временного «я» и объединяясь с вечным, которое вне времени и причины. Ведь «касаясь представления о Первопричине или *Causa Sui** (цитируем слова выдающегося теолога и философа д-ра Ф. Р. Тенанта), следует, с одной стороны, принимать во внимание то, что мы сами себя опровергаем, стараясь определить это понятие расширением сферы каузальной категории, поскольку каузальность в универсализованной форме содержит противоречие, и, с другой стороны, помнить о том, что изначальное Основание просто «есть». Только, когда личность тоже «просто есть», по причине своего единения через любовь-знание с Основанием, можно ставить вопрос о полном и вечном освобождении.

* Причине самого себя
 (лат.).

Глава

девятнадцатая.
Бога не обманешь

Зачем ты говоришь: «О, столько я грешил,
А милосердный Бог не покарал моих грехов»?
Как часто Я карал тебя, а ты того не ведал!
Опутал ты себя цепями с головы до ног.
Сплошную ржавчиной покрыто сердце,
И не видна тебе Божественная Тайна.
Тот, кто упорствует во зле, сам засыпает прахом

Открытые глаза своей души.

И не стыдится более греха, и Бога призывать отвык;

Пятью слоями грязь покрыла зеркало,

За ржавчиной металл уже не виден,

И диамант его тускнеет.

Джалаледдин Руми

Если свобода существует (а даже детерминисты постоянно поступают так, словно не сомневаются в этом) и если (в чем всегда были уверены те, кто получил право говорить на эту тему) существует Духовная Реальность, в познании которой заключена конечная цель и задача сознания, тогда по своей природе вся жизнь — это испытание разума. И чем выше уровень сознания, и чем больше возможности живого существа, тем сложнее и требовательнее будут задаваемые вопросы. Ибо, как сказал Бейджот, «мы бы не были теми, кем нам следует быть, если бы мы жили в такой вселенной, как бы нам хотелось... скрытое Провидение, непонятная жизнь, странный материальный мир, существование, что обрывается на середине и без предупреждения, — в действительности это не трудности, но действенная помощь. В преодолении трудностей, или в их подобии, заключается неотъемлемое условие нравственной жизни в живом существе».

Мы свободны, и поэтому от нас зависит, как ответить на вопросы жизни: хорошо или плохо. Если мы ответим на них плохо, то сами изменим свое положение в худшую сторону. Чаще всего эта деградация принимает не заметные сразу формы, и, неправильно ответив, мы теряем возможность осознать более высокие задатки своей природы. Иногда же, наоборот, деградация проявляется на физическом уровне и может коснуться не только одного челове-

ка, но целых обществ, которые гибнут в катастрофах или постепенно приходят в упадок.

Правильный ответ награждается, прежде всего, духовным ростом и возрастающим осознанием скрытых до той поры возможностей и, сверх того (когда этому благоприятствуют условия), прибавлением всего прочего к реализованному Царству Бога. Карма существует; но поступок и воздаяние уравниваются кармой не всегда так очевидно и зримо, как тому следовало быть в простодушных представлениях ранних буддистских и иудейских авторов. Преуспевающему негодяю может быть совершенно невдомек, что его изнутри разъедает духовная ржавчина, в то время как добрый в бедственном положении духовно растет и в должное время получит свою награду. Нет, Бога не обманешь; но также не будем забывать о том, что пути Его неисповедимы.

*Pero nella giustizia sempiterna
La vista che riceve vostro mondo,
Com'occhio per lo mar, dentro s'interna,
Che, benché dalla proda veggia il fondo,
In pelago nol vede, e non di meno
E li, ma cela lui l'esser profondo.*

(«В вечной справедливости тонет мнение, что бытует на земле, совсем как взгляд, обращенный в морскую даль; хотя он может видеть дно у берега, проникнуть сквозь глубины океана он не в силах; тем не менее дно существует, только глубины скрывают его».) Любовь — не только астролябия, это и лот, которым вымеряются глубины тайн Бога, и чистому сердцем открыты самые сокровенные глубины Божественного Правосудия, ему удастся заглянуть, конечно же, не в детали космического процесса, но как минимум

в его принципы и природу. Такое прозрение позволяет им говорить, подобно Юлиане Норвичской, что все будет хорошо, все уже хорошо, каким бы ни было время, и что проблема зла имеет свое решение в Вечности, которую люди могут, если захотят того, постичь, но не в силах описать.

Но, утверждаете вы, если люди грешат, понуждаемые к тому необходимостью природы, то они неподсудны; вы не поясняете, однако, что, по-вашему, следует из этого факта. Может быть, это ответит от них гнев Божий? Уж не заслужено ли то благословение, которое заключается в познании и любви Божьей? Если вы имеете в виду первое, то и я соглашусь с вами, что Бог не гневается и что все случается по Его произволению. Но я совершенно не согласен с тем, что по этой причине все люди должны быть счастливы. Несомненно, человек может быть неподсуден и, тем не менее, не познать счастья и пройти через всевозможные муки. Лошадь неподсудна за то, что она лошадь, а не человек, тем не менее ей непременно нужно именно быть лошадью, а не человеком. Неподсуден и тот, кто потерял рассудок от укуса бешеной собаки, но ведь правда и то, что он умрет от удушья. Вот так и тот, кто не может управлять своими страстями или удерживать их из уважения перед законом, хотя через слабость свою может быть признан неподсудным, лишен радости мира духовного, познания и любви Божией; его ждет неотвратимая гибель.

Спиноза

В горизонтальной и вертикальной плоскостях, физиологически и по темпераменту так же, как и по степени врожденных способностей и природной добродетельности, люди существенно отличаются один от другого. Почему? «Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?» Иисус отвечает так: «Не согрешил ни он, ни родители его, но *это для того*, чтобы на нем явились де-

ла Божии». Ученый, напротив, сказал бы, что ответственность лежит на родителях, что причина слепоты ребенка то ли в неправильном наборе родительских генов, то ли являет собой результат заражения какой-то болезнью, которую родители просмотрели. Индуисты и буддисты, верящие, согласно законам кармы, в реинкарнацию (судьбу, которую своими поступками человек или сообщество создают себе, друг другу и своим потомкам), ответили бы на этот вопрос по-другому: сказали бы, что слепой человек предопределил себе в прошлых жизнях таких родителей, от которых ему досталась наследственная слепота.

Эти три ответа не являются взаимоисключающими. Родители несут ответственность за ребенка, на котором скажутся и наследственность, и воспитание. Природа души или характера, которой предстоит воплотиться в ребенке, соответственно его поведению в прошлом, неизбежно определяет выбор именно этих, а не других родителей. И заодно с материальным и кармическим факторами сказывается и окончательная причина, телеологический толчок спереди. Этот телеологический толчок есть побуждение от Божественного Основания вещей, действующего от имени того вечного сейчас, которое ограниченный разум должен воспринимать как будущее. Люди грешат, и их родители грешат; но работе Бога предстоит проявиться в каждом чувственном существе (то ли каким-то исключительным образом, как в случаях сверхъестественного исцеления, или же через естественный ход событий). И этому проявлению предстоит повторяться снова и снова, с безграничной терпеливостью вечности, пока, наконец, последнее из существ не будет готово к совершенному и окончательному проявлению единящего знания, или состояния «не меня, но Бога во мне».

«Карма, — в соответствии с представлениями индийцев, — никогда не рассеивает невежества, поскольку оба они — явления одно-

го и того же порядка. Только знание рассеивает невежество, так же как тьму рассеивает только свет».

Другими словами, причинно-следственная связь существует во времени и никак не может приносить освобождение от времени. Подобное освобождение может быть достигнуто только как следствие вторжения вечности во владения сиюминутного; но путь для вечности может быть открыт только в случае, когда человеческая личность совершит творческий акт самоотвержения, тем самым освобождая место, в которое может влиться вечность. Предполагать, что причинно-следственный процесс во времени может сам по себе привести к освобождению от времени, — это все равно что надеяться, будто вода сама по себе заполнит полое пространство до того, как из него выкачают воздух.

Правильное соотношение между молитвой и поведением состоит не в том, что поведение преимущественно важно, а молитва может поддержать его, но в том, что молитва преимущественно важна, а поведение проверяет ее.

Архиепископ Темпл*

Цель и смысл человеческой жизни — единящее знание Бога. В числе незаменимых средств, ведущих к этой цели, — правильное поведение, и по степени и характеру приобретенной добродетели может быть определена и степень освобождающего знания, и оценено его качество. Словом, дерево узнается по его плодам; Бога не обманешь.

* Уильям Темпл (1881—1944) — английский церковный деятель, философ, теолог, либеральный общественный деятель архиепископ Кентерберийский (с 1942 г.).

Религиозные верования и обычаи, конечно же, это не единственные факторы, определяющие жизнь общества. Но столь же

очевидно, что они находятся в числе определяющих факторов. Коллективное поведение нации, по крайней мере до некоторой степени, — это испытание той религии, которая является преобладающей, критерий, по которому мы с полным правом можем судить о состоятельности учения и практической эффективности религии, о том, насколько она помогает личности в ее продвижении к цели человеческого существования.

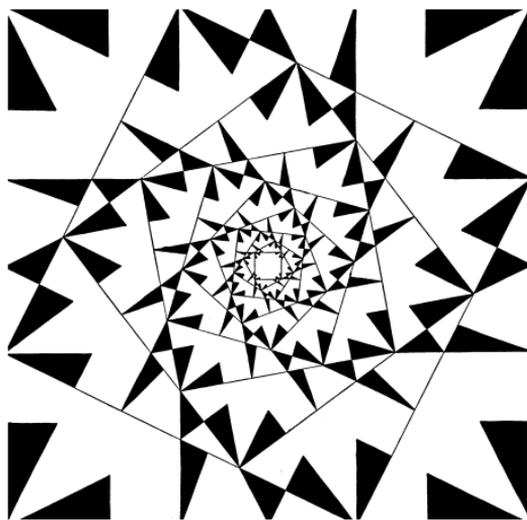
В прошлом нации христианского мира преследовали иноверцев и еретиков во имя своей веры, были зачинателями религиозных войн и крестовых походов; сегодня мы видим, что их объединяет с христианами разве название, и единственная религия, которую они исповедуют, — это местная разновидность идолопоклонства: национализм, обожествление своего государства и своего начальника и революционность. Если, помимо всего прочего, судить еще и по этим плодам исторического христианства, какие можно сделать выводы относительно природы самого дерева? Ответ уже был дан в главе «Время и вечность».

Если христиане прошлого были гонителями, а теперь и сами перестали быть христианами, то это потому, что Философия Вечности, основа этой религии, оказалась скрытой под наслоениями ошибочных верований, которые неизбежно привели, поскольку Бога не обманешь, к ошибочным действиям. У этих ошибочных действий есть один общий элемент, а именно завышенная оценка событий во времени и заниженная — постоянного, бесконечного факта вечности. Так, вера в первостепенную значимость для индивидуального спасения событий, имевших место в отдаленном прошлом, привела к кровопролитным раздорам вокруг интерпретации не самых точных и зачастую противоречивых исторических свидетельств. А вера в святость, скорее даже неподдельную божествен-

ность, церковно-политико-финансовых организаций, сложившихся после падения Римской империи, не только ожесточила борьбу за контроль над ними, но послужила для объяснения и оправдания самых худших крайностей, на которые пускались те, кто воевал за власть, богатство и положение и в самой церкви, и вне ее.

Та же завышенная оценка событий во времени, которая когда-то принуждала христиан к гонениям и религиозным войнам, привела, в конечном счете, к повсеместному равнодушию к религии, продолжавшей, несмотря ни на что, тянуться к вечному. Но природа не терпит пустоты, и в зияющую брешь этого равнодушия хлынул поток политического идолопоклонства. Практические последствия такого идолопоклонства — это мировые войны, революции и тирании, свидетелями которых мы стали.

Между тем в приходной строке баланса мы увидим следующее — чрезвычайное усиление технического и государственного воздействия на личность и чрезвычайный рост научных знаний как результат общего крена интересов западного человека от вечного к явлениям временного порядка, сначала в среде христианства, и затем неизбежно, за его пределами.

Глава двадцатая. Tantum religio potuit suadere malorum *

Знаете ли вы, откуда столь много духов
лжи появилось на свете, которые обманывают
себя и других ложным огнем и ложным све-
том, притязая на знание, просвещение и от-

* *Tantum religio potuit
suadere malorum* — сколько
зол могла внушить ре-
лигия (лат.)

крытие Божественного Света, на способность творить чудеса по чрезвычайному призванию от Бога? Вот почему это так — они обратились к Богу, не отвратившись от себя, ожили для Бога прежде, чем стали мертвы для собственной природы. И вот религия в руках «я», или испорченной природы, прислужилась лишь тому, чтобы открыть пороки, худшие, чем у природы, каковой она была самой по себе. Отсюда все те, не знающие удержу, страсти религиозных людей, которые горят худшим пламенем, чем те страсти, что порождаются суетою мирской. Гордыня, одержимость, нетерпимость и гонения под личиной религиозного рвения благословляют на такие поступки, которых бы природа, какова она сама по себе, несомненно, устыдилась бы.

Уильям Ло

«Обратились к Богу, не отвратившись от себя» — формула до абсурдного проста, и все же, несмотря на эту простоту, она объясняет все те безумства и беззакония, что совершались во имя религии. Те, кто обращаются к Богу, не отвратившись от себя, искушаются ко злу несколькими характерными и легко узнаваемыми путями.

Первое искушение, которому они подвергаются, — это, прежде всего, выполнение магических ритуалов, с помощью которых они рассчитывают заставить Бога отвечать на свои прошения и, в целом, служить своим личным и коллективным целям. Постыдные занятия — жертвоприношения, заклинания и то, что Иисус называл «многословием», — продукт этого желания обращаться с Богом скорее как со средством к бесконечному самопревозношению, а не как с целью, достигаемой через полное самоотвержение.

Еще одно искушение — использовать имя Бога для оправдания того, что совершается в погоне за властью, богатством и положением. С верой в полное божественное оправдание своих поступ-

ков, они принимаются творить злодеяния, «которых природа, таковая, какова она сама по себе, несомненно, устыдилась бы». Наша история сверх всяких мер полна бедствиями, которых натворили амбициозные идеалисты, ослепленные своим многословием и жаждой власти и сами убедившие себя, что действуют во имя наивысшего блага своих ближних. В прошлые времена подобного рода зло искало себе оправдание в «Боге», «церкви» или «истинной вере»; сегодня идеалисты убивают, истязают и эксплуатируют во имя «революции», «нового порядка», «мира простого человека» или просто «будущего».

Наконец, есть искушения, которые возникают тогда, когда псевдорелигиозное — плод магических усилий и околорелигиозных занятий — начинает обретать силу. Дело в том (не будем заблуждаться на сей счет), что жертвоприношения, заклинания и «многословие» и в самом деле приносят плоды, особенно когда их совершают в сочетании с физической аскезой. Те, кто обращается к Богу, не отвернувшись от себя, конечно же не достигают Бога; но если они достаточно рьяно возьмутся за свою псевдорелигию, то их усилия не останутся безрезультатными. Некоторые из этих результатов — бесспорно, продукт самовнушения (именно через «многословие» Куэ* добивался того, что его пациенты сами себя излечивали от своих болезней).

Другие результаты, по всей вероятности, обусловлены воздействием, которое оказывает то «нечто, отличное от нас», в психической среде, не обязательно ведущее к праведности, но всегда — к силе. Является ли это «нечто» ступенью вторичной объективности, продуцируемой в психическую среду верой са-

* Эмиль Куэ (1857—1926) — французский психотерапевт, известный благодаря развитому им методу произвольного самовнушения.

мого человека, его близких и предшественников, или же это ступок первичной объективности, соответствующий, на психическом уровне, информации материальной вселенной, или же их сочетание, — едва ли можно установить. Отметим лишь, что люди, которые обращаются к Богу, не отбравшись от себя, похоже, довольно часто развивают в себе умение получать ответы на свои молитвы и временно приобретают значительные сверхъестественные силы, такие как способность к физическому исцелению и экстрасенсорному восприятию.

Но на самом деле, вот в чем вопрос: так ли это хорошо, когда наши молитвы-прошения исполняются именно так, как нам того хотелось? И насколько это полезно духовно, обладать такими «чудесными» силами? Мы уже обсуждали эти вопросы в главе «Молитва» и вернемся к ним еще раз в главе «Чудесное».

Верховный Жрец, в ритуальном облачении, появился на бойне и так обратился к свиньям: «Почему вы не хотите умирать? Я буду откармливать вас три месяца. Я буду готовиться десять дней и поститься три дня. Я устелю чудесной травой резное жертвенное блюдо и собственноручно уложу вас на него. Разве это вас не устраивает?»

Затем, уже с точки зрения свиней, он продолжал: «Наверное, жить на отрубях будет все же получше, так что надо бежать с бойни».

«Но все же, — продолжал он, уже со своей точки зрения, — для того чтобы наслаждаться почестями, пока жив, нужно быть всегда готовым умереть на поле брани или в корзине палача».

Поэтому он отверг точку зрения свиней и остановился на своей точке зрения. Так чем же тогда он отличался от свиней?

Чжуан-цзы

Каждый, кто жертвует чем угодно, кроме своей собственной личности или своих интересов, находится в точности на том же

уровне, что и свиньи Чжуан-цзы. Свиньи преследуют свою собственную выгоду в той мере, в какой они предпочитают жизнь на отрубях почестям и бойне; жрецы преследуют свою выгоду в том, что они предпочитают ритуализированную, не принимаемую Богом смерть свиней смерти своих собственных страстей и своеволия. И то, что относится к жертвоприношению, в равной степени применимо к заклинаниям, обрядам и «многословию», когда они используются (и это не редкость даже в высших религиях) как форма принудительной магии. Обряды и «многословие» занимают свое законное место в религии как вспомогательное средство достижения собранности, чтобы еще и еще раз обращать внимание к истине, мгновенно забываемой в водовороте мирской суеты. Но когда исполнение обрядов или произнесение священных слов облачается магическим содержанием, их использование или совершенно бессмысленно, или (что еще хуже) может привести только к возвышению «эго», что уже никак не может быть вкладом в достижение конечной цели человека.

Одеяние Исиды разноцветное, означающее космос; у Осириса же белое, символизирующее Разумный Свет за пределами космоса.

Плутарх

До тех пор, пока символ в сознании верующего выполняет вспомогательную роль и остается неотъемлемым атрибутом того, что он символизирует, в использовании таких вещей, как белые и разноцветные одеяния, особого вреда нет. Но если символ как таковой обретает собственную жизнь и становится целью сам по себе, тогда мы имеем дело, в лучшем случае, с поверхностным эстетизмом и чувственностью, а в худшем — с разновидностью психологически действенной магии.

Все внешнее должно отступить перед любовью, ибо оно — ради любви, а не любовь для него.

Ханс Денк

Церемонии сами по себе не греховны; но тот, кто полагает, что может принять жизнь через крещение или в причастии, по-прежнему живет суеверием.

Ханс Денк

Если вы вечно будете возиться с буквой Слова, разжевывать ее, пробовать на вкус, что великого совершите? Не удивительно, что вы столь отощали.

Джон Эверард

В те времена, когда преобладал Правильный Закон, новообращенные в бесчисленном множестве постигали дхарму, прослушав лишь полстиха или даже несколько слов из поучений Будды. Но теперь, когда мы живем во времена подражания, в эти последние дни буддизма, нам далеко до мудрости древних. Люди стали тонуть в море учений: они не знают, где искать то единое содержание, которое одно будет истинным. Вот поэтому появились Отцы (дзэн-буддизма). Они, указывая непосредственно на человеческий разум, научили нас искать в нем изначальное основание, и тем достичь буддовости. Это называется особой передачей вне письменных наставлений. Тому, кто наделен необычайной остротой ума или одарен превыше всякой меры, одного жеста или слова довольно, чтобы без промедления познать истину. Вот почему, отстаивая эту «особую передачу», Уммон крайне непочтительно отзывался об историческом Будде, а Якусан запрещал своим последователям даже заглядывать в сутры.

Дзэн — так именуют ответвление буддизма, которое держится особняком от Будды. Его также называют таинственным ответвлением, потому что он не придерживается дословного значения сутр. Вот

почему те, кто слепо следуют по стопам Будды, осыпают насмешками последователей дзэн; те же, кто невысокого мнения о письменах, испытывают понятную склонность к таинственному подходу. Приверженцы двух этих школ кивают головою друг на друга, не ведая того, что эти школы дополняют одна другую. Разве дзэн — не одна из шести добродетелей совершенства? Если да, то как он может противоречить учению Будды? По моему мнению, дзэн — это итог наставлений Будды и таинственного постижения сутр. Нет причины, по которой, следуя учению Будды, нам нужно избегать дзэн, но не стоит пренебрегать сутрами из-за учения дзэн... Те, кто изучают буддизм по сутрам, рискуют стать начетчиками, не понимая его подлинного смысла. Они никогда не смогут постичь предельную реальность. Вот таким людям дзэн может принести избавление. В то же время те, кто изучает дзэн, слишком подвержены пустословию и софистике. Они не понимают, насколько важно изучение священных текстов. Только если взаимно подправить такие однобокие взгляды, придет совершенное понимание учения Будды.

Чан Чичи

Едва ли можно лучше подвести итог тем выводам, к которым раньше или позже должен прийти каждый трезвомыслящий, духовно и психологически, разум, чем вышеприведенные строки, написанные в XI веке одним из мастеров дзэн.

Следующий отрывок — это горячий протест против преступлений и безрассудств, которые совершали во имя религии реформаторы XVI века, обратившиеся к Богу, не отвратившись от себя, для которых в результате гораздо важнее оказалось преходящее в историческом христианстве — церковное устройство, логические умозаключения, буква Писания, — чем Дух, которому следует поклоняться в Духе, чем Вечная Реальность, в самоотверженном по-

знании которой заключается вечная жизнь человека. Написал его Себастьян Каstellio, одно время любимый ученик Кальвина. Их пути разошлись, когда его учитель отправил на костер Сервета за ересь против своей ереси. Каstellio повезло, он жил в Базеле, когда из-под его пера вышел этот призыв к милосердию и уважению личности; окажись он в Женеве, не избежать ему пытки и смерти.

Если бы вы, наш славный князь (эти слова были адресованы герцогу Вюртембергскому), уведомили своих подданных о том, что придете к ним в некий неназванный час и велели, надев белые одежды, приготовиться встретить вас в час вашего прибытия, — как поступили бы вы, если бы по прибытии обнаружилось, что, вместо того чтобы облачиться в белое, они проводят время в жестокой перебранке, споря о вашей особе? Одни настаивают на том, что вы во Франции, другие — что в Испании, некоторые утверждают, что вы придете в карете, другие — что верхом, кто-то бьется об заклад, что следует ожидать пышной процессии, а другой — что с вами не будет ни свиты, ни кортежа. И что скажете вы, если распря эта не на словах только, но сопровождается зуботычинами и звоном мечей, а кто-то даже преуспел в том, чтобы истреблять и мучить непохожих на себя? «Он будет верхом». — «Нет, не верхом, а в карете». — «Ты лжешь!» — «Нет, не я, ты лжец». — «Получай!» — следует удар кулаком. «Сам получи!» — обидчик пронзен мечом. Князь, что бы подумали вы о таких подданных? Христос просил нас, чтобы мы надели белые одежды чистой и святой жизни; но чем заняты наши помыслы? Мы спорим не только о самом Христе, но и о Его отношении к Богу-Отцу, о Троице, о предопределении, о свободе воли, о природе Бога, об ангелах, о том, что ожидает душу после смерти, — тем великое множество, но для спасения они не значительны. Более того, познать такое и вовсе невозможно, пока не очистятся наши сердца, ибо это постигается только в духе.

Себастьян Каstellio

Люди всегда получают то, чего просят; беда только в том, что они понятия не имеют, пока не получают, что же на самом деле представляет собой то, чего они просили. Так, протестанты могли, если бы того захотели, пойти вслед за Кастеллио и Денком, но предпочли им Лютера и Кальвина — предпочли по той причине, что доктрины оправдания верой и предопределения более увлекательны, чем учения Вечной Философии. И не только более увлекательны, но и менее требовательны, ведь если все это правда, то можно спастись, не подвергая себя такому неприятному занятию, как самоуничтожение, которое представляет собой необходимое предусловие для познания Вечной Реальности. И не только менее требовательные, но и более отвечающие запросам интеллектуалов, их тяге к четким формулировкам и силлогизмам в изложении абстрактных истин. Скучно дожидаться Второго Пришествия; куда веселее спорить, клеймить оппонентов, дать волю гневу, называя это «праведным негодованием», и, наконец, перейти от словопрений к рукопашной, со словами, которые св. Августин столь деликатно назвал «доброжелательной резкостью», начать клеймить и выкорчевывать!

Выбрав Лютера и Кальвина вместо своих современников, духовных реформаторов, протестантская Европа получила то божество, которого хотела. Но заодно она получила, в числе прочих неожиданных последствий, Тридцатилетнюю войну, капитализм, зачатки современной Германии. «Если мы захотим, — писал недавно декан Эндж, — найти козла отпущения, на которого можно было бы свалить все те несчастья, которые Германия принесла миру... я все более и более убеждаюсь в том, что поистине злой гений этой страны — не Гитлер, не Бисмарк или Фридрих Великий, а Мартин Лютер... Оно (лютеранство) исповедует Бога, который не справедлив и не милосерден... Закон Природы, которому следовало быть апел-

ляционным судом против несправедливой власти, оказался отождествлен (Лютером) с существующим общественным строем, которому должно повиноваться беспрекословно». И так далее.

Правильные убеждения — это первый шаг Восьмеричного Пути, ведущего к освобождению; корень и первопричина порабощения — ложные убеждения или невежество — которое, не будем забывать, никогда не бывает непреодолимым, но всегда остается, в конечном счете, предметом свободы воли. Если мы не знаем, то это потому, что нам удобно не знать. Первородное невежество — тот же первородный грех.

Глава двадцать первая. Идолопоклонство

Для образованных людей идолопоклонство первобытного толка утратило свою привлекательность. Им несложно устоять перед искушением верить в то, что отдельные пред-

меты и явления природы — это боги и что некоторые символы и образы представляют собой подлинную форму божественных сущностей, и поэтому их следует боготворить и задабривать. Правда, и в наше время можно встретить подобные фетишистские предрассудки. Но хотя они и сохранились до наших дней, мало кто относится к ним с уважением. Примитивные формы идолопоклонства терпят, как терпят пьянство и проституцию, но не одобряют. Их место в общепризнанной иерархии ценностей — среди наименее почтенных.

Насколько же иначе обстоят дела с развитыми и более современными формами идолопоклонства! Они не только сохранились, но даже стали в высшей степени респектабельными. Ученые преподают их как самый современный заменитель чистой религии; множество профессиональных проповедников давно уравнили их с верой в Бога. Все это, конечно, хотя и прискорбно, однако не удивительно. Наша образовательная система дискредитировала более примитивные формы идолопоклонства, но наряду с этим она усердствует в дискредитации Вечной Философии и духовной работы. На месте Мумбо-Юмбо у основания и имманентного и трансцендентного Божественного на вершине она воздвигла в роли объекта поклонения пантеон исключительно человеческих идей и идеалов. В академических кругах и среди тех, кто подвергся обработке высшим образованием, мало фетишистов и мало самоотверженных созерцателей; зато хоть пруд пруди истовых поклонников той или иной формы политического или общественного идолопоклонства. Не раз доводилось отмечать, работая в университетских библиотеках, что книги по духовной религии мало кто открывает и спрашивает, в отличие от публичных библиотек, которые посещают мужчины и женщины, которых не облагодетельствовало (или не обокрало) продолжительное сидение на университетской скамье.

Множество разновидностей высшего идолопоклонства можно разбить на три основные группы: технологическое, политическое и нравственное. Из этих трех самое непритязательное и примитивное — идолопоклонство технологическое, так как его приверженцы, не отличаясь в этом от первобытных идолопоклонников, верят, что их искупление и освобождение зависит от материальных объектов — в данном случае технических новинок.

Технологическое идолопоклонство — это религия, чьи послания обращаются к нам, в открытую или подспудно, с рекламных страниц наших газет и журналов; из этого источника, добавим от себя, миллионы мужчин, женщин и детей получают свою прикладную жизненную философию. Технологическое идолопоклонство усиленно проповедуется и в Советской России, превратившись за годы индустриализации этой страны в своего рода государственную религию. Столь чистосердечна современная вера в технологических идолов (несмотря на все уроки войны — первого потребителя современной технологии), что в сознании масс полностью стерлись все остатки древних и по-настоящему правдивых представлений о *hubris* и неизбежной *nemesis*. В массах бытует убеждение, что в том, что касается разных технических новшеств, всегда получаешь их просто так — наслаждаться всеми преимуществами сложной, громоздкой и постоянно усложняющейся технологии можно без всякого ущерба для себя.

Политические идолопоклонники — почти такой же простодушный народ. Вместо механизмов они боготворят общественные и политические организации. Нужно, убеждены они, «определить» людей в эти организации, если понадобится — насильно, и тогда все беды людские — от греха и несчастья до национализма и войны — автоматически исчезнут. Большинство политических идолопоклон-

ников также поклоняются и идолу техники — и это несмотря на тот факт, что две эти псевдорелигии в конечном счете несовместимы. Технологический прогресс, в том виде, как он выглядит сейчас, может отправить в утиль любую политическую заготовку, какой бы оригинальной она ни была, притом даже не в считанные годы, а в течение месяцев, не говоря уже о поколениях. Более того, политические идолопоклонники подчас забывают о том, что человек, к сожалению, — существо, наделенное свободной волей; и если, по какой-либо причине, людям не понравится, как работает данная политическая организация, то даже лучшая из них не даст тех результатов, на которые рассчитывали ее создатели.

Нравственные идолопоклонники — куда большие реалисты, поскольку они видят, что одних новомодных изобретений и организаций недостаточно, чтобы обеспечить торжество добродетели и всеобщее счастье, и что люди, которые образуют общество и используют машины, сами являются судьями и от них зависит окончательное решение, будет ли уважаться личность в этом обществе, быть ли в нем порядку или раздорам. Конечно же, материальный и организационный инструментариий незаменим, и работать хорошим инструментом предпочтительнее, чем плохим. Но в руках безразличного или злонамеренного работника даже самый лучший инструмент будет или же бесполезным, или послужит во зло.

Моралисты утрачивают чувство реальности и ударяются в идолопоклонство в том, что поклоняются не Богу, но боготворят собственные этические идеалы, поскольку они воспринимают добродетель как цель саму по себе, а не как необходимое условие познания и любви к Богу, без которых любая добродетель никогда не станет совершенной или даже общественно полезной.

Стоит привести здесь отрывок из очень примечательного письма, написанного в 1836 году Томасом Арнольдом* своему давнему ученику и будущему биографу А. П. Стенли: «Фанатизм — это идолопоклонство; моральное зло идолопоклонства неотъемлемо от фанатизма. Фанатик боготворит нечто, порожденное его собственным желанием, и поэтому даже его самоотверженность в отстаивании собственных убеждений — только кажущаяся, поскольку в действительности он жертвует той частью своей природы, которой меньше всего дорожит, в пользу той, которая ему дороже всего. Поэтому я склонен относиться к нравственным ошибкам как к идолопоклонству, — породив некую идею, которая дорога нашему разуму, мы воздвигаем ее на место Христа, Единственного, из кого невозможно сотворить кумира и кто не вдохновляет на идолопоклонство, потому что Он объединяет в себе все представления о совершенстве и являет их в правдивой гармонии и сочетании. Но если своим разумом, следуя его природной склонности, я сотворю идолов из того наилучшего, что только может предложить мой разум, то истина и справедливость станут идолами, за которыми я должен буду следовать; лишь идолами, поскольку им не под силу дать всю ту пищу, которую требует разум, и пока мы будем боготворить их, уважительность, смирение и снисходительность, скорее всего, окажутся позабыты. Но Христос воплощает в себе одновременно истину и справедливость и всевозможные прочие качества... Слепая приверженность чему-то ведет к греховности, поскольку ее бдительность не охватывает всех уголков нашей нравственной природы, и это небрежение побуждает те ее части, что остались без присмотра, к еще большей греховности».

Этот отрывок как образец психологического анализа выше всяческих похвал.

* *Томас Арнольд* (1795—1842) — английский историк, реформатор системы школьного образования, ректор школы в Рагби.

Недостаток только в одном упущении: не ринимается во внимание, что из вечного порядка во временной может вливаться то, что называется благодатью или вдохновением. Благодать и вдохновение даются тогда и в той степени, когда человек отказывается от своеволия и предаёт себя, шаг за шагом, через постоянную собранность и непривязанность воле Бога.

Наряду с животной и духовной видами благодати, источник которых в Божественной Природе Вещей, существует и человеческая псевдоблагодать, такая, например, как наполнение силой и добродетелью вследствие самопожертвования во имя какой-то формы политического или морального идолопоклонства. Отличить подлинную благодать от ложной зачастую бывает непросто; но, по мере того как время и обстоятельства открывают в полной мере то, как они сказались на душе, различие становится возможным даже в том случае, когда наблюдатели не обладают особым даром духовной проницательности. Там, где благодать по-настоящему «сверхъестественна», за улучшение в одном аспекте личности не приходится платить атрофией или ущербом в чем-либо ещё. Добродетель, которая сопровождается и совершенствуется любовью к Богу и познанием Бога, — это нечто, совершенно отличное от «праведности книжников и фарисеев», которая для Христа была среди худших нравственных зол. Фанатизм, отсутствие чуткости и милосердия, духовная гордыня — это все обычные спутники стоической работы над собой, которая опирается на личное усилие. Поддержкой в этом усилии может быть разве только псевдоблагодать, которая дается тогда, когда человек посвящает себя достижению какой-либо цели, которая не является его подлинной целью, когда цель — это не Бог, но всего лишь увеличенная проекция собственных излюбленных идей или моральных превосходств. Идолопо-

клонническое обоготворение этических ценностей самих по себе и ради самих себя в конечном счете низлагает и сам объект своего поклонения. И это не только потому, как утверждает Арнольд, что нет больше всестороннего развития, но также и более всего потому, что даже наивысшие формы морального идолопоклонства уводят от Бога и тем самым отнимают у идолопоклонника просветление и освобождающее познание Реальности.

Глава двадцать вторая. Эмоциональность

Вы пребывали в убеждении в том, что вся ваша жизнь посвящена другим, и вы ни в чем не ищете собственного интереса. Ничто так не питает сомнение, как подобного рода ду-

шевная убежденность, будто мы полностью лишены себялюбия и наша душа всегда широко открыта ближнему. Ваше самолюбие привело вас к тому, что вы теперь без устали хвалите себя за то, что свободны от самолюбия; вы мучаетесь от того, что хоть в чем-то, но будете недовольны собой; вот в чем корень всех ваших терзаний. Ваше «я», оно делает вас столь резким и чувствительным. Вам хочется, чтобы и Бог, и люди постоянно были довольны вами, и вы желаете всегда быть довольны собой во всех ваших отношениях с Богом.

К тому же вы непривычны к тому, чтобы довольствоваться простой доброй волей, — ваше самолюбие требует живого чувства, ободряющей радости, некоего восторга или возбуждения. Вы слишком привыкли руководствоваться воображением и полагаете, что ваши разум и воля бездействуют, если вы не чувствуете их работы. Вы попали в зависимость от возбуждения сродни тому, что приносят разывравшиеся чувства или же посещение театрального представления. Очищая себя, вы впали в другую крайность — явную огрубелость воображения. Ничто так не противится не только веры, но также и подлинной мудрости. Нет более опасного заблуждения, чем те выдумки, которые люди изобретают, пытаясь бежать заблуждения. Именно воображение уводит нас от истинного пути; и та уверенность, которой мы ищем посредством воображения, чувств и впечатлений, это один из самых опасных источников, из которых проистекает фанатизм. Бездна тщеславия и порочности — вот что Бог позволил вам открыть в своем сердце; всмотритесь же в глубины сердечные с простотой и спокойствием, принадлежащим подлинному смирению. Только наше самолюбие безутешно, когда мы видим собственное несовершенство; вы же, не прячась, смело бросьте ему вызов, не преуменьшая и не выставляя свои недостатки в выгодном свете; стремитесь исправиться, при этом не делаясь раздражительным, — желать этого хорошо и само по себе, и перед Богом.

Письмо от архиепископа Камбрэ — какое событие, какая знаменательная честь! Однако, наверное, тот, кому адресовано было это письмо, не без некоторого волнения вскрывал конверт с личной печатью на сургуче. Просить совета и откровенного мнения о себе от человека, в котором соединились характер святого и литературный дар Марселя Пруста, — все равно что просить о самой жестокой встряске для самомнения. И, как и следовало ожидать, этот урок преподан самым ясным и чистым слогом — и вместе с горьким уроком дано духовное противоядие от его сокрушительных последствий. Обращаясь к своему адресату, Фенелон не щадит самодовольное «эго» — но, разрушая, всегда держит перед собой цель воссоздать личность на более высоком, неэгоистичном уровне.

Приведенное выше письмо — это не только восхитительный образец анализа характера; оно также содержит в себе очень интересные замечания о предмете эмоционального возбуждения в его отношении к жизни духа.

Это выражение, «религия переживания», имеет два различных и несовместимых значения. «Переживание», с которым имеет дело Вечная Философия, то есть непосредственное постижение Божественного Основания как проявление интуиции, доступно, в своей полноте, только чистому до самоотвержения сердцу. И есть такой тип переживания, к которому могут привести пышные церковные обряды или неистовые сектантские радения, или же сам человек может намеренно пробуждать их в себе усилием своего воображения. Такое «переживание» — это состояние эмоционального возбуждения, аффектации, которая может быть несильной и продолжительной или же короткой и эпилептически мощной; в своей тональности оно иногда выливается в ликование, а иногда — в подавленность, проявляется то в пении и танце, а то — в неконтролируемом плаче.

Однако эмоциональное возбуждение, какими бы ни были его причины и природа, это всегда возбуждение того индивидуализированного «я», которому следует умереть в каждом, кто надеется жить для Божественной Реальности. «Переживание» как чувственность, направленная на Бога (то есть высшая степень подобного возбуждения), несовместимо с «переживанием» как непосредственным осознанием присутствия Бога, которое принимает чистое сердце, остающееся укрощенным даже в своих наиболее возвышенных чувствах. Вот почему Фенелон в вышеприведенном отрывке настаивает на необходимости «спокойствия и простоты»; вот почему св. Франциск Сальский неустанно проповедует то спокойствие, которое он сам всегда воспитывал в себе; вот почему все священные тексты буддизма снова и снова повторяют: в безмятежности ума заключено необходимое условие освобождения. Мир, превосходящий всякое понимание, — это один из плодов духа. Но есть также и мир, который доступен пониманию, более простой мир эмоционального самоконтроля и самоотвержения; такой мир — не плод духа, но, скорее, один из его необходимых корней.

Несовершенные разрушают подлинную благодать, поскольку ищут чувственной сладости в молитве.

Св. Хуан де ла Крус

Мухе, что прикоснулась к меду, уже не улететь на крыльях; так и душа, что прилепляется к духовной сладости, разрушает свою свободу и сама себе создает помехи к созерцанию.

Св. Хуан де ла Крус

То, что справедливо в отношении возвышенных чувств, не менее справедливо и в отношении страданий. Так же, как одни люди

получают своеобразное наслаждение в неустанных заботах о своем плохом здоровье, так другие наслаждаются угрызениями совести. Покаяние — это *metanoia*, «изменение ума», и без него не может быть даже начала духовной жизни — поскольку жизнь духа несоместима с жизнью того «ветхого человека», поступки которого, помыслы и само существование — это зло, загрязняющее путь, зло, в котором следует раскаиваться. Вполне нормально, если это необходимое изменение ума сопровождается скорбью и самообвинением. Другое дело, что нельзя задерживаться на стадии угрызений совести, допускать, чтобы они стали постоянными, перешли в устоявшуюся привычку. Действительно, кто кого «грызет» в этой людоедской схватке? Наблюдения и самоанализ подскажут нам ответ: похвальные стороны «эго» грызут постыдные и, в свою очередь, сами получают укусы; и эти раны, нарывая, заставляют мучаться неизлечимым стыдом и отчаянием. Но, по словам Фенелона, «только наше самолюбие безутешно, когда мы видим собственное несовершенство». Самобичевание — болезненное занятие; но уже сама боль — достаточное подтверждение тому, что «я» осталось таким же, как и прежде. До тех пор, пока внимание сосредоточено на преступном «эго», оно не может быть сосредоточено на Боге, и «эго» (которое существует только за счет внимания и умирает, когда больше нет этой поддержки) не может раствориться в Божественном Свете.

Беги, как ада самого, размышлений о себе и о своих проступках. Ни к чему такие мысли, разве для того только, чтобы смириться и любить Нашего Господа. Довольно и того, что будешь считать себя грешником вообще, ведь так поступали и многие святые, которые теперь на небесах.

Шарль де Кондрен

Наши недостатки обратятся нам же во благо в том случае, если мы заставим их послужить нашему смирению, не ослабляя усилий исправить себя. Разочарование бесплодно — это просто отчаяние раненого самолюбия. Подлинный способ получить пользу из самоуничижения перед лицом наших недостатков — видя подлинную их отвратительность, не переставать уповать на Бога, ни в чем не полагая надежды на самого себя.

Фенелон

Снизойшла ли она (Мария Магдалина) с высот устремленности к Богу в бездну своей греховной жизни, чтобы блуждать в мерзости и запустении души, этой зловонной топи? Отнюдь не поступила она так. Почему же? Ибо Бог вразумил Своею благодатью ее душу, что не здесь следует искать обращения. Ибо, оставаясь в запустении греховном, она скорее откроет в себе способность грешить еще более, чем подобным деянием заслужит полное прощение всех своих грехов.

«Облако неведения»

В свете того, что было сказано выше, можно понять, какие именно духовные опасности могут угрожать религии, которая делает основную ставку на эмоции. Вера в огонь ада с ее театральными приемами, призванными стимулировать угрызения совести и вызвать кризис внезапного обращения; культ Спасителя, который постоянно поддерживает то, что св. Бернар Клервоский называет *amor carnalis*, или любовь по плоти к аватару и личностному Богу; ритуалистическая религия тайны, которая порождает высокое чувство благоговения и трепета и эстетического экстаза своими священнодействиями и ритуалами, своей музыкой и благоговениями, таинственной полутьмой и священными огнями, — каждая по-своему, но все они подвержены постоянному риску стать своеобразным

психологическим идолопоклонством, в котором Бог отождествляется с чувственной аффектацией «эго», направленной на Бога. В конечном счете аффектация становится целью самой по себе, которую боготворят, которой ищут, как человек, оказавшийся в зависимости от наркотиков, проводит жизнь в поисках искусственного рая.

Все это вполне очевидно. Но не менее очевидно и то, что у религий, не воздействующих на эмоции, очень мало приверженцев. Более того, когда появляются псевдорелигии с мощным эмоциональным зарядом, они немедленно завоевывают миллионы восторженных последователей в массах, для которых подлинные религии утратили смысл или перестали быть утешением. Но тогда как приверженцы псевдорелигий (в числе которых и современное политическое идолопоклонство, помесь национализма и революционности), скорее всего, не смогут продвигаться по пути подлинной духовности, этот путь всегда остается открыт для приверженцев даже самых экзальтированных разновидностей подлинной религии. Те, кто в действительности дошел до конца пути, ведущего к освобождающему знанию Божественного Основания, составляют очень незначительное меньшинство из общего числа.

Много званых, но, поскольку лишь немногие соглашаются быть избранными, избранных мало. Оставшиеся, говорят восточные представители Вечной Философии, могут заслужить еще один шанс на то, чтобы сдать экзамен космическому разуму, в обстоятельствах более или менее благоприятных, соответственно тому, что они сумели скопить своими поступками. Если они окажутся «спасены», этим неполным и неокончательным спасением будет некое райское состояние более свободного личностного существования, из которого (напрямую или через дальнейшие воплощения) они смогут дви-

гаться дальше к окончательному освобождению в вечность. Если они «погибли», тогда их «ад» — это временное состояние более плотной тьмы и более жесткой привязанности к своеволию, корню и движителю всякого зла.

Мы видим, таким образом, что путь эмоциональной религии может привести, если идти по нему не сворачивая, к великому благу, но не к величайшему. Эмоциональный путь выводит на путь единящего знания, и те, кто готов идти дальше по этому второму пути, вполне к тому готовы, если они использовали эмоциональный подход, не поддаваясь искушениям, которые поджидали их. Только совершенно просветленные и бескорыстные могут творить благо, за которое, так или иначе, не придется платить действительным или потенциальным злом.

Религиозные системы мира создавались, по большей части, мужчинами и женщинами, которые не были полностью бескорыстными или просветленными. Отсюда вытекает, что каждая религия имеет свои темные и даже пугающие стороны, в то время как добро, которое они творят, редко дается безвозмездно, но, в большинстве случаев, за него приходится платить — то ли немедля, то ли в расрочку. Не являются исключениями из этого правила и те учения и обычаи, столь значимые во всех организованных религиях мира, которые опираются на эмоции. Они приносят благо, но не задаром. Запрашиваемая цена варьируется соответственно внутреннему устройству каждого верующего. Некоторые из них сами вязнут в аффектах своей религии и, начиная боготворить эти ощущения, платят за добро своей религии эмоциональным злом, которое в действительности может перевесить добро. Другие сопротивляются искушению самопревозношения и берутся за обуздание своего

«я» и его эмоций, и поклоняются Богу, а не своим чувствам и фантазиям о Боге. Чем далее они продвинулись в этом направлении, тем меньше им придется платить за то благо, которое принесло им религиозное чувство. Благо, которого они никогда не познали бы без этого религиозного чувства.

Глава
двадцать
третья.
Чудеса

Откровения — это отклонения веры; это развлечения, которые губят простоту в отношениях с Богом, которые смущают душу и заставляют ее уклониться от прямоты в отноше-

ниях с Богом. Они отвлекают душу и занимают ее чем-то иным, чем Бог. Особые озарения, голоса, пророчества и прочее того же рода — это признаки слабости души, которая не может устоять пред натиском искушений или беспокойства о будущем и том ответе, который ей предстоит держать на Божьем Суде. Пророчества — это также знак тварного любопытства в душе, которой Бог в своем снисхождении, словно отец докучливому ребенку, дает пригоршню сладостей, чтобы удовлетворить его аппетит.

Ж.-Ж. Олье

Благодать, очищающая и освящающая душу, даже в наименьшей своей степени выше любого чуда, которое сверхъестественно только по причине своего происхождения, по образу сотворения (*quoad modum*), но не по своей внутренней реальности; даже при воскрешении из мертвых возвращается всего лишь природная жизнь, более низменная в сравнении с жизнью благодати.

Р. Гарригу-Лагранж*

Ты можешь ходить по воде? Это может и соломинка. Можешь летать по воздуху? Это может и муха. Покори свое сердце; тогда ты сможешь стать кем-то.

Ансари Гератский

Необычные телесные состояния, которыми часто сопровождается непосредственное восприятие Божественного Основания, конечно же, не являются составляющей частью этого опыта. На самом деле, многие мистики отвергали подобные вещи как знаки не Божественной благодати, но телесной слабости. Левитация, транс, потеря чувств — по словам де Кондрена, все это означает

* Режинальд Гарригу-Лагранж (1877—1964) — французский философ и теолог, представитель неотомизма, монах доминиканского ордена.

«принимать проявление Божие и Его святые послания совершенно животным и плотским способом».

«Одна капля освящающей благодати,— говорил он (св. Франциск Сальский),— стоит больше, чем целое море тех благодатных проявлений, которые теологи называют “дарованными”, в числе которых и дар чудотворения. Можно получать такие дары и при этом быть в состоянии смертного греха; и для спасения в них тоже нет необходимости».

Жан-Пьер Камю

Суфизм относится к чудесам как к «завесам», разделяющим душу и Бога. Мастера индийской духовности убеждают своих учеников не обращать внимания на «сиддхи», или психические силы, которые могут прийти непрошеными, как побочный продукт сосредоточенного созерцания. Работа над развитием этих сил, предупреждают они, отвлекает душу от Реальности и воздвигает непреодолимые преграды на пути просветления и освобождения. Подобную же позицию занимают и лучшие буддистские учителя; в одном из текстов пали есть даже примечательная история о том, как один из учеников Будды продемонстрировал перед ним необычную способность к левитации. Вполне характерно сдержанное замечание самого Будды: «Это,— сказал он,— не ведет ни к обращению необращенных, ни к пользе обращенных». И Будда продолжил говорить о спасении.

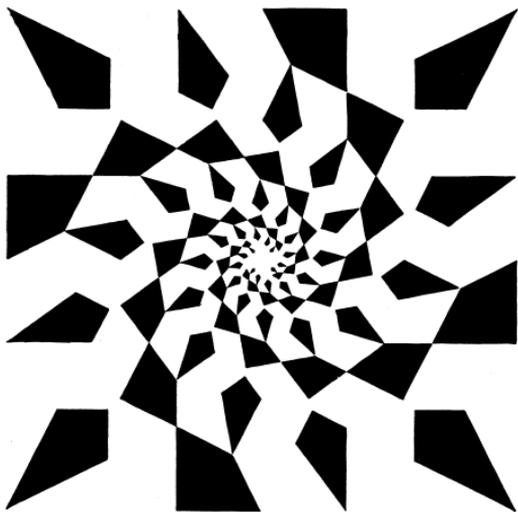
Ничего не зная о духовности и рассматривая материальный мир и свои представления о нем как истину в последней инстанции, материалисты изо всех сил стремятся убедить себя и других в том, что чудес не бывает и не может быть. Опытным путем познавая духовную жизнь и сопутствующие ей проявления, представители Вечной Философии убеждены в том, что чудеса все же случаются,

но не придают им особенного значения как вещам преимущественно отрицательным и недуховным.

Чудо, которое столь востребовано в наше время и в котором нет недостатка, — это исцеление через воздействие психической силы. То, в каких обстоятельствах и до какой степени стоит использовать силу психического исцеления, ясно указано в Евангелии: «Ибо что легче сказать: “Прощаются тебе грехи”, или сказать: “Встань и иди”?»). Тот, кто может «прощать грехи», может и безопасно пользоваться даром исцеления. Но прощать грехи возможно, в своей полноте, только тому, кто «говорит как имеющий власть», будучи, в силу своей добродетели, проводником Божественного Духа. К таким теоцентричным святым обычные необращенные люди испытывают любовь и благоговение, — желая быть близ них, и в то же время самой их святостью вынужденные сказать: «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный». Святость эта способна прощать грехи тех, кто оказывается близ нее, и они могут начать все сначала, взглянуть на последствия своих прошлых ошибок (ибо последствия конечно же никуда не делась) в новом ключе, который дает возможность нейтрализовать зло или обратить его во благо. Менее совершенный вид прощения можно получить и от тех, кто не обладает выдающейся святостью. Они уже говорят не как имеющие власть; этой властью наделила их организация, в которую верит грешник, как в некоего проводника сверхъестественной благодати. В этом случае соприкосновение необращенной души и Божественного Духа не прямое, но принимается через посредство воображения грешника

Те, кто святы в силу добродетели своего бескорыстного служения как проводники Духа, могут заниматься психическим исцелением совершенно безопасно для себя, поскольку им дано знать, кто

из больных готов принять прощение, и заодно — чудесное, но только лишь телесное исцеление. Те, кто не святы, но могут прощать грехи, в силу принадлежности к организации, в которую верят, как в проводника благодати, также могут заниматься исцелением, с твердой верой в то, что скорее принесут пользу, а не навредят. Но, к несчастью, некоторые обладают, по-видимому, врожденным умением исцелять, другие же могут обрести его, при этом даже в малой степени не обрета святости («можно получать такие дары и при этом быть в состоянии смертного греха»). Такие люди будут пользоваться своим умением без разбора, напоказ или к личной выгоде. Зачастую те исцеления, которые они устраивают, просто-таки захватывают дух, — однако, не имея власти прощать грехи или даже разобраться в психологических причинах тех симптомов, которые они столь чудесным образом «сняли», не понимая, чем вызваны и с чем связаны эти симптомы, такие «целители» оставляют душу незанятой, выметенной и убранной для пришествия семерых других духов, злейших, чем первый.

Глава двадцать четвертая. Ритуал, символ, священнодействие

А ш в а л а : «Яджнявалкья, раз уж все, связанное с жертвой, подвержено смерти и следует к смерти, каким способом жертвующий может преодолеть смерть?»

Я д ж н я в а л к я : «Зная тождество между жертвователем, огнем и священным словом. Ибо, несомненно, священное слово — это жертвователь, и священное слово — это огонь, и огонь, который одно с Брахманом, это жертвователь. Это знание ведет к освобождению. Таким знанием преодолевают смерть».

Брихадараньяка-упанишада

Другими словами, ритуалы, жертвоприношения и обряды значимы настолько, насколько они напоминают тому, кто принимает в них участие, о подлинной Природе Вещей, о том, кем ему следует быть и (если только он будет послушен имманентному и трансцендентному Духу) каким в действительности может быть его отношение к миру и Божественному Основанию.

В теории каждый ритуал или священнодействие не хуже, чем любой другой ритуал или священнодействие, с обязательным условием, что символизированный объект будет на деле представлять собой некоторый аспект Божественной Реальности и что связь между символом и фактом будет четко установлена и неизменна. Таким же точно образом теоретически один язык ничуть не хуже другого. Человеческий опыт может столь же действенно осмысляться на китайском языке, как на английском или французском. Но на практике китайский будет наилучшим языком для тех, кто вырос в Китае, английский — для англичан и французский — для французов. Конечно же, гораздо легче научиться совершать обряд и понять его доктринальное значение, чем овладеть сложностями иностранного языка. Тем не менее сказанное о языке в значительной степени относится и к религиозному ритуалу, поскольку людям, которые были приучены думать о Боге при помощи одной группы символов, очень сложно будет думать о Нем в терминах другой, в их глазах, неосвященной группы слов, обрядов и образов.

Господь Будда далее предостерег Субхути, сказав: «Субхути, не думай, что Татхагата однажды решит: “Я должен упорядочить свое учение, для того чтобы можно было пояснить дхарму”. Ты должен гнать от себя такую мысль. И вот почему: если кто-либо из учеников остановится на такой мысли, то он не только будет заблуждаться относительно учения Татхагаты, но будет тем самым порочить его. Более того, выражение “упорядочить учение” бессмысленно, поскольку Истина (в смысле Реальность) не может быть разрезана на части и сложена в определенном порядке. Это выражение — не более чем образ».

«Алмазная сутра»

Но, несмотря на всю свою неадекватность и радикальную несхожесть с фактами, к которым они относятся, слова остаются наиболее надежными и точными из наших символов. Всякий раз, когда мы хотим точно изложить факты или представления, мы должны прибегать к помощи слов. Обряд, скульптурный или живописный образ может передавать больше значений и обертонов значений, делать это гораздо более емко и с большей наглядностью, чем словесная формула; однако им свойственно делать это в форме, которая гораздо более неопределенна и однозначна, чем словесная. Зачастую, обращаясь к современной литературе, приходится сталкиваться с мнением о том, что средневековые храмы были архитектурными, скульптурными и живописными эквивалентами теологической «суммы», и что верующие Средневековья, которые восхищались произведениями искусства, окружавшими их, тем самым и просвещались относительно самого учения. Эту точку зрения, очевидно, не разделяли более искренние священнослужители Средневековья. Так, Култон приводит слова проповедников, которые сетовали на то, что церковное собрание получает совершенно ложные представления о католицизме, разглядывая картины в соборах,

вместо того чтобы слушать проповеди. (Подобную картину можно наблюдать и в наши дни, когда католики-индейцы Центральной Америки изобретают самые дикие ереси, задумываясь над скульптурными и живописными символами, которыми конкистадоры заполняли свои церкви.)

Возражения св. Бернара Клервоского относительно богатства архитектуры, скульптуры и обрядности Клуни были мотивированы не только интеллектуальными, но также и сугубо нравственными соображениями. «Столь великое и удивительное многообразие форм встречается глазу, что невольно испытываешь искушение обратиться к чтению мрамора, а не книг, провести свой день, переводя взгляд от одной скульптуры к другой, вместо размышления о законе Божьем». Но душа приходит к единому познанию Реальности через созерцание, свободное от образов; следовательно, те, кто, действительно настроен достичь конечной цели человека, соглашаясь со св. Бернаром и его цистерцианцами — чем меньше отвлекающих образов, тем лучше.

Большинство людей поклоняются богам потому, что они хотят достичь успеха в своих мирских предприятиях. Такого рода материального успеха можно добиться очень быстро (подобным поклонением) здесь, на земле.

Бхагавад-Гита

Среди тех, кто очищен своими благими деяниями, есть четыре типа людей, что поклоняются Мне: уставший от мира, ищущий знания, ищущий счастья и человек с духовным различием. Наивысший из них — человек с различием. Его единение со Мной неразрывно. Он неизменно верен Мне, и никому другому. Ибо Я очень дорог такому человеку, и дорог он Мне.

Несомненно, все они благородны;
 Но человека с различием
 Я вижу как Самого Себя,
 Ибо один только он любит Меня,
 Потому что Сам Я —
 Последняя и единственная цель
 Его верного сердца.

Не одну долгую жизнь
 Зрело его различие;
 Сделал он Меня своим прибежищем,
 Знает, что Брахман — это все.
 Немного есть столь великих!

Люди, чье различие притупилось от мирских желаний, устанавливают тот или другой обряд и прибегают к культу различных божеств, соответственно с побуждением своей врожденной природы. Но, какое бы божество не выбрал верный для поклонения, если у него есть вера, Я сделаю его веру непоколебимой. Наделенный верой, что Я дал ему, он поклоняется тому божеству и получает от него все, о чем молится. В действительности, один Я — дающий.

Но эти люди, понимание которых мало, молятся только о том, что скоротечно и тленно. Те, кто поклоняются дэвам, пойдут к дэвам. Те, кто поклоняются Мне, придут ко Мне.

Бхагавад-Гита

Если освященные обряды постоянно повторяются в духе веры и преданности, то тем самым создается более или менее длительный эффект в психической среде, которая заполняет собой сознание всех людей. Именно из этой психической среды индивидуальное сознание, если можно так сказать, кристаллизуется в более-менее

сложившуюся личность, в зависимости от более или менее совершенного развития тела, с которым сознание связано. (Об этой психической среде замечательный современный философ, д-р С. Б. Броуд писал в статье о телепатии, помещенной в «Записках общества психических исследований», следующее: «Таким образом, нам нужно всерьез рассматривать возможность того, что существование личности инициирует более или менее перманентные модификации структуры или процесса чего-то, что не есть ни его сознание, ни его мозг. Нет основания предполагать, что этот субстрат может быть чем-либо, что можно в полной мере соотнести с притяжательными местоимениями, такими как «мое», «твое» и «его», в той степени, в какой они относятся к разуму или одухотворенному телу... Модификации, которые производятся в этом субстрате прошлым опытом и переживаниями, скажем, некоего М., активируются настоящими переживаниями и интересами Н., и они приобретают характер каузальных факторов в создании или модифицировании последующих переживаний Н.».)

Внутри этой психической среды, или внеличностной платформы индивидуального сознания, достаточно устойчивое и независимое существование имеет то, что можно метафорически воспринимать как сгусток, обладающий своей собственной производной и вторичной объективностью. Получается так, что в момент исполнения обрядов истово верующие на самом деле открывают, что есть нечто «иное», отличное от субъективного в их собственном воображении. И до тех пор, пока эта отраженная психическая сущность «питается» верой и любовью своих верных, она будет не просто обладать объективностью, но силой отвечать на молитвы людей. В конечном счете, безусловно, «Я один дающий», в том смысле, что все это происходит в соответствии с божественными зако-

нами, правящими вселенной в ее психическом и духовном аспектах не менее, чем в материальном. Тем не менее дэвы (те несовершенные образы Божественного Основания, которым из-за своего добровольного невежества поклоняются люди) могут восприниматься как относительно независимые силы. Первобытное представление о том, что боги питаются жертвами, которые им подносят,— это просто примитивное выражение глубокой истины. Дэвы, когда их перестают боготворить, когда теряют свою силу вера и преданность, слабеют и в конце концов умирают. Европа полна древних святилищ, чьи боги, богини и святые места утратили свою силу и вторичную психическую объективность, которой они когда-то обладали. Так, во времена, когда жил и писал Чосер, дэва по имени Томас Беккет мог дать любому пилигриму в Кентерберии все, чего бы тот ни просил, но просил с верой. Это, когда-то могущественное божество, теперь мертвее мертвого; однако по-прежнему есть такие церкви на Западе, такие мечети и храмы на Востоке, где даже самый далекий от религиозного и сверхчувственного посетитель не может не ощутить некоего интенсивного «сверхъестественного» присутствия.

Было бы, конечно же, ошибкой представлять, что это присутствие того Бога, кто есть Дух и кому следует поклоняться в Духе; это скорее психическое присутствие мыслей и чувств людей, связанное с той особенной, ограниченной формой Бога, к которой они прибегают «соответственно с побуждением своей врожденной природы». Эти мысли и чувства, отраженные в объективность, обитают в священном месте совсем так же, как мысли и чувства другого рода, но не меньшей силы продолжают жить там, где в прошлом страдали люди или совершались преступления. Присутствие, которое чувствуется в этих освященных строениях, присутствие, про-

буждаемое исполнением традиционных обрядов, присутствие, которое неотъемлемо от сакраментального предмета, имени или формулы,— все это реальные присутствия, только не Бога или аватары, но чего-то, что, хотя и может отражать Божественную Реальность, все же меньше, чем Реальность, и отличается от нее.

*Dulcis Jesu memoria
dans vera cordi gaudia:
sed super mel et omnia
ejus duscis praesentia.*

«Сладко воспоминание об Иисусе, дающее подлинную радость сердцу; но слаще меда и всего прочего Его присутствие». Эта строфа, открывающая гимн XII века, в пятнадцати словах подытоживает отношения, существующие между обрядом и подлинным присутствием, характером их восприятия верующим. Систематически развиваемая *memoria* (вещь, сама по себе полная сладости) сначала содействует пробуждению в памяти, затем приводит, в некоторых душах, к непосредственному постижению *praesentia*, которое приносит с собой радость, совершенно отличную и другого рода. Этим присутствием (чьа отраженная объективность подчас до такой степени полна, что постигается не только истово верующими, но и более или менее безразличными посторонними) всегда будет проявление того Божественного Сущего, которое перед этим упоминали, будь то Иисуса, то ли Кришны или же Будды Амитабхи.

Вот, в чем состоит ценность этого занятия (повторения имени Будды Амитабхи). До тех пор, пока один человек упражняется в этом способе (духовности), а другой человек упражняется в другом способе, они уравновешивают один другого, и, встречаясь, они все равно что не встречаются. Если же два человека упражняются одним спосо-

бом, их поглощенность будет становиться все глубже и глубже, и они будут тяготеть один к другому, помнить и все больше сходитья, жизнь за жизнью, один с другим. Более того, тот, кто произносит имя Будды Амитабхи, несомненно, увидит Будду Амитабху — то ли в настоящее время, то ли в будущем, и всегда будет неотделим от него. По причине этой близости, как тот, кто близок с изготовителем благовоний, пропитывается теми же благовониями, так и повторяющий имя Будды Амитабхи будет пропитан благовонием сострадательности Амитабхи и станет просветленным, не прибегая ни к каким соответствующим средствам.

Сурангама-сутра

Мы видим, таким образом, что истовой вере, преданности и поклонению, помноженным на настойчивое усилие многих людей в общей форме поклонения или духовного упражнения, свойственно придавать объективность идее или воспоминанию, в которой (котором) они черпают свою радость. Тем самым верующие, можно сказать, создают подлинное потустороннее присутствие, которое действительно существует «там» не менее, чем «здесь», но совершенно иным способом.

Можно с полным основанием считать, что обрядовере, черпающее силу в освященных действиях и словах, действительно обладает силой, которая в другом контексте была бы названа магической. Мантра действительно работает, жертвоприношение не остается неотвеченным, священнодействие дарует благодать *ex opere operato*^{*}: все это есть или, скорее, может быть предметом непо-

средственного восприятия; это факты, которые каждый, кто захочет выполнить необходимые условия, может проверить сам эмпирически.

* Из совершенного деяния (*лат.*)

Но благодать, даруемая *ex opere operato*, — не всегда духовная благодать, и освященные действия и формулы имеют силу, которая не обязательно будет от Бога. Верующие могут (зачастую так и бывает) получать силу и благодать друг от друга, и от веры и поклонения своих предшественников, продолжающих отраженную жизнь в самостоятельных психических сущностях, которые неразрывно ассоциируются с определенными местами, словами и действиями. Значительная часть обрядовой религии — это не духовность, а оккультизм, очищенный и благонамеренный тип белой магии. Здесь, наверное, вполне уместно будет сравнить обрядоверие с занятием, скажем, искусством или наукой. Нет ничего плохого в том, чтобы заниматься наукой или искусством; более того, если их понимать не как цели, но только лишь как средства к конечной цели всей жизни, они могут принести немало полезного. И так же нет вреда в обрядоверии — скорее, в нем заключены возможности немалых благ для человека при условии, что обрядоверие будет восприниматься не как истинная религия, но как один из путей к истинной религии — как действенный способ напомнить людям с помощью определенного рода психофизической театрализации, что есть Бог, «в познании Которого полагается наша жизнь вечная».

Если же ритуалистическая белая магия воспринимается как сама по себе истинная религия, если психические сущности, которые она пробуждает, принимаются за Самого Бога, а не проекции человеческих мыслей и чувств о Боге или даже о чем-то меньшем, чем Бог, и если священнодействия и обряды совершаются и посещаются ради того, чтобы ощутить «духовную сладость», а также силу и преимущество, которые приносит выполнение указанных обрядов, — тогда это идолопоклонство. Такое идолопоклонство, в самом лучшем случае, будет очень возвышенным и во многом благо-

творным типом религии. Но последствия поклонения Богу как чему угодно, но только не Духу, и любым способом, но не в Духе и Истине, неизбежно будут нежелательными в том смысле, что они ведут только к частичному спасению и откладывают окончательное воссоединение души с Вечным Основанием.

То, что огромному множеству людей присуща неискоренимая тяга к обрядам и ритуалам, ясно видно из истории религии. Почти все еврейские пророки противостояли ритуализму. «Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши», «Ибо Я милости хочу, а не жертвы», «Ненавижу, отвергаю праздники ваши и не обоняю жертв во время торжественных собраний ваших». И все же, несмотря на то, что все написанное пророками воспринималось как боговдохновенное, Храм в Иерусалиме продолжал быть, на протяжении сотен лет спустя их времени, центром религиозных церемоний, обрядов и кровавых жертвоприношений. (В этой связи стоит отметить, что пролитие крови, своей собственной или крови животных или других людей, воспринималось как особенно действенный способ принуждения «окультурного» или психического мира отвечать на прошения и даровать сверхъестественные силы. Этот действительный факт, который со всей очевидностью следует из антропологических и археологических исследований, — еще одно неоспоримое основанием избегать животных жертвоприношений, суровой телесной аскезы и даже, поскольку мысль — это тоже форма действия, «поедания глазами» пролитой крови, что стало вполне привычным в некоторых христианских кругах).

То, что сделали евреи, несмотря на своих пророков, сделали и христиане, несмотря на Христа. Мы видим Христа в Евангелиях проповедующим, а не исполняющим ритуалы или делящим освященную пищу; Он высказывается однозначно против «много-

слова»; Он настаивает на первостепенной важности личной молитвы; для Него незначимы жертвоприношения и малозначим — Храм. Но это не удержало христианство от того, чтобы пойти своим, слишком человеческим путем. Точно по такому же пути развития пошел и буддизм. Для Будды текстов пали ритуал — это те же околы, которые не дают душе достичь просветления и освобождения. Тем не менее религия, которую он основал, со всей полнотой использует церемонии, «многословие» и освященные ритуалы.

По всей очевидности, есть две основные причины, которые поясняют, почему именно так сложилось развитие исторических религий.

Во-первых, большинство людей не требует духовности или избавления, но, скорее, нужна религия, которая даст им эмоциональное удовлетворение, ответы на молитву, сверхъестественные силы и частичное спасение в посмертном раю.

Во-вторых, некоторые из тех, кто и в самом деле жаждут духовности и освобождения, считают, что для них наиболее эффективными средствами к достижению указанных целей являются церемонии, «многословие» и освященные обряды. Именно участие в этих действиях и произнесение этих формул сильнее всего напоминает им о Вечном Основании всего сущего; именно погружаясь в символы, они легче всего приходят к тому, что эти символы означают. Каждая вещь, событие или мысль — это точка пересечения между тварью и Творцом, между более или менее опосредствованным проявлением Бога и лучом, так сказать, непроявленного Божественного; каждая вещь, событие или мысль может, следовательно, стать дверью, через которую душа перейдет от времени в вечность.

Вот почему религия обряда и священнодействия может привести к освобождению. Но в то же время каждое человеческое существо любит власть и самопревозношение, и каждая освященная це-

ремония, словесный образ или традиционный обряд — это канал, через который сила может протекать из заволаживающей психической вселенной во вселенную воплощенных «я». Вот почему религия обряда и священнодействия также может и уводить от освобождения.

Есть и еще одна помеха, неотъемлемо присущая любой системе организованного священнодействия, а именно то, что она дает власть жреческой касте, и злоупотребление этой властью очень скоро переходит в норму. В обществе, в котором прививается мнение, согласно которому спасения можно достичь исключительно или преимущественно через исполнение определенных священнодействий и они могут действительно совершаться только священничеством, — такое профессиональное священничество будет обладать огромной принудительной силой.

Обладание такой силой — это постоянное искушение использовать ее для личного удовлетворения и корпоративного возвышения. И такого рода искушению, если оно повторяется достаточно часто, большинство людей, которые вовсе не святые, неизбежно поддаются.

Вот почему Христос учил своих учеников молиться, дабы не быть им введенными во искушение. Вот это и есть или должен быть направляющий принцип всех общественных реформ — организовать отношения между людьми таким образом, чтобы у каждой личности или группы личностей внутри общества был минимум искушений для алчности, гордыни, жестокости и жажды власти. Поскольку люди, мужчины и женщины, остаются теми, кто они есть, только через сокращение количеств и силы искушения человеческие сообщества могут быть, по крайней мере в некоторой степени, освобождены от зла. К тому же искушения, которым подвергается

жреческая каста в обществе с преимущественно сакраментальной религией, такого рода, что никто, кроме поистине святых людей, не в силах длительно противостоять им.

То, что случается, когда служители религии оказываются введены в подобное искушение, ясно видно из истории Римской церкви. Католическое христианство, благодаря тому, что оно учило одной из разновидностей Вечной Философии, дало миру не одного великого святого. Но поскольку Вечная Философия в католичестве оказалась скрытой под непомерными напластованиями сакраментализма и идолопоклоннической увлеченности преходящим, те из ее иерархов, кто не отличался особой святостью, оказались перед лицом огромных и совершенно ненужных искушений. Как и следовало ожидать, не устояв перед искушениями, верхушка Римской церкви оказалась причастной к гонениям, симонии, политике силы и секретной дипломатии, финансовым махинациям и сотрудничеству с диктаторами.

Я почти убежден в том, что с той поры, когда Господь Своєю благодатью привел меня к вере в Его дорогого Сына, не было случая, чтобы я однажды преломил хлеб или пил вино, даже среди житейских дел, без воспоминания и глубокого чувства, связанного с пронзенным телом и пролитой кровью моего дорогого Господа и Спасителя.

Стефан Грелле

Мы уже обращали внимание на то, что обрядовость и сакраментализм, когда их делают сердцевиной организованного религиозного поклонения, ни в коем случае нельзя считать чистым благословением. Но вот, чтобы сам человек всю свою жизнь, в ее повседневности, преобразовал в своего рода непрерывный ритуал, чтобы каждый предмет в окружающем его мире воспринимался как

символ Вечного Основания этого мира, — вот, что было бы по-настоящему желательно. Все учителя духовной жизни — от авторов Упанишад до Сократа, от Будды до св. Бернара — согласны в том, что без самопознания не может быть полноценного познания Бога, что без постоянной собранности не может быть полного освобождения. Человек, который научился воспринимать предметы материального мира как символы, людей — как храмы Святого Духа и поступки как священнодействия, — такой человек научился непрерывно напоминать себе, кто он есть, где его место в отношении ко Вселенной и ее Основанию, как он должен вести себя по отношению к своим ближним и что ему следует делать для того, чтобы прийти к своей конечной цели.

«Все вещи обладают своей реальностью, — пишет Кеннет Сондерс в своем ценном исследовании Четвертого Евангелия, Гиты и Лotosовой сутры, — и причина этому — Логос, пребывающий в этом мире, делающий его таинством, а не иллюзией, подобно слову-иллюзии в веданте». Тому, что Логос присутствует в вещах, жизнях и сознательном разуме, как и они в Логосе, на самом деле много полнее и определеннее учили ведантисты, чем автор Четвертого Евангелия; и та же идея, конечно же, является основополагающей в теологии даосизма. Но хотя все вещи фактически существуют на пересечении Божественного Проявления и луча непроявленного Божественного, отсюда отнюдь не вытекает, что каждому известно, что это именно так. Наоборот, подавляющее большинство людей верит, что их собственная личность и окружающие их материальные предметы обладают реальностью в себе, всецело независимые от Логоса. Такое убеждение приводит к тому, что люди начинают отождествлять свое существование со своими ощущениями, желаниями и личными взглядами, а это самоотождеств-

ление с тем, чем они не являются на самом деле, в свою очередь, возводит непреодолимую преграду перед Божественным влиянием и самой возможностью освобождения. Для почти всех из нас в большинстве случаев вещи — не символы и поступки — не священнодействия, и нам следует приучать себя, настойчиво и осознанно, не забывать о том, что это так.

Мир опутан оковами собственной деятельности, разве что эта деятельность не совершается, как поклонение Богу. Следовательно, ты должен каждый свой поступок превратить в священнодействие (словно бы это была яджня, подношение, которое, будучи в своей сущности Божественным Логосом, тождественно с Божественным, которому оно предлагается) и быть свободным от всякой привязанности к их плодам.

Бхагавад-Гита

В точности такие же учения можно найти у христианских писателей, которые советовали относиться к людям и даже к неодушевленным предметам как к храмам Святого Духа и всякое действие или страдание постоянно «преподносить Богу».

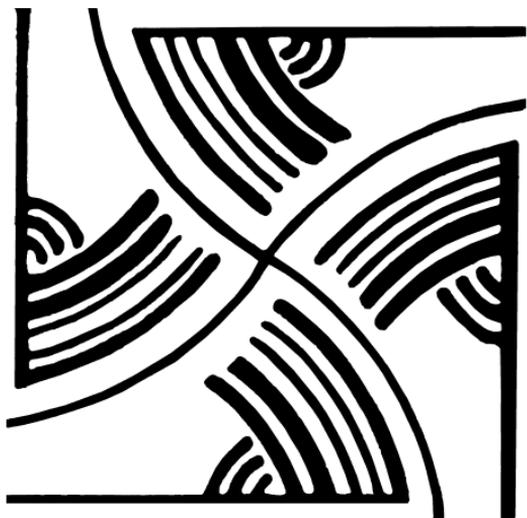
Вряд ли есть необходимость уточнять, что этот процесс сознательного освящения может быть применим только к таким поступкам, которые по природе своей не являются злыми. К несчастью, первоначально к Гите обращались не как к независимой работе, но как к теологическому отступлению в рамках эпической поэмы; и, поскольку Махабхарата, как почти всякий эпос, главным образом повествует о подвигах воинов, совет Гиты действовать в непривязанности и только для Бога относится прежде всего к тому, как следует поступать в сражении. Но, среди всего прочего, неизбежные спутники и последствия войны — массовое распространение

гнева и ненависти, гордыни, жестокости и страха. Как здесь не спросить: разве возможно (при том, что Природа Вещей всегда будет такой, какова она есть) освящать действия, психологические последствия которых, равно как и те страсти, их побуждающие, совершенно уведут душу от Бога? Будда писаний пали несомненно бы дал отрицательный ответ на этот вопрос. Лао-цзы, мудрец Дао Дэ Цзина, Христос синоптических Евангелий — тоже.

Кришна Гиты (который, по некоему литературному совпадению, одновременно и Кришна Махабхараты) дает положительный ответ. Но этот положительный ответ, нужно помнить, ограничен определенными условиями. Убивать, находясь в состоянии неприязненности, рекомендуется только тем, кто является воином в силу принадлежности к касте, для кого война — это обязанность и общественно признанный род деятельности. Но то, что есть долг, или дхарма для кшатрия, — это адхарма и запретное для брахмана; это не может даже частично являться профессией или кастовой обязанностью для торгового и рабочих классов. Любое смешение каст, любое принятие одним человеком призвания и обязанностей другого человека — это всегда, как считают индийцы, нравственное зло и угроза общественной стабильности. Так, занятие, полностью соответствующее брахманам, — быть провидцами, чтобы они могли истолковать своим ближним природу вселенной, конечной цели человека и путь к освобождению. Когда же солдаты или правители, ростовщики, ремесленники или рабочие узурпируют функции брахманов и излагают философию жизни соответственно своему однобокому пониманию вселенной, общество оказывается ввергнутым в смятение. Таким же точно образом смятение воцарится, когда брахман, человек ненасильственной духовной власти, оказывается наделен насильственной властью кшатрия, или когда управление го-

сударством — работа кшатрия — оказывается узурпированной банкирами и биржевиками, или, наконец, когда дхарма воинской касты — воевать — навязывается, через воинскую повинность, одинаково на брахмана, вайшью и шудру.

История Европы времен позднего средневековья и Возрождения — это преимущественно история общественных потрясений, которые возникли, когда многие из тех, кому следовало быть пророками, расстались с духовной властью ради денег и власти политической. Современная же история — это позорное свидетельство того, что случается, когда политические заправилы, дельцы или же классово сознательный пролетариат возлагают на себя функцию брахманов создавать философию жизни; когда ростовщики диктуют политику и решают вопросы войны и мира; и когда обязанность воинской касты оказывается навязанной всем и каждому, независимо от его психофизического строения и призвания.

Глава двадцать пятая. Духовные упражнения

Обряд, священнодействие, церковная служба — все это предназначается для общественного богослужения. Это средства,

которые призваны напомнить индивидуальным членам церковного собрания о подлинной Природе Вещей и о том, каково должны быть отношение людей друг к другу, вселенной и к Богу.

Духовные упражнения — для индивидуального поклонения то же, чем является обряд для общественного богослужения. Это средства, к которым должен обращаться верующий, когда он входит в комнату свою и, затворив дверь свою, молится Отцу своему, Который втайне. Как и все прочие приспособления, от псалмопения до шведских упражнений, от логики до двигателя внутреннего сгорания, духовные упражнения можно применять либо хорошо, либо плохо. Некоторые из тех, кто пользуется духовными упражнениями, преуспевают в духовной жизни, другие, пользуясь теми же упражнениями, остаются на месте. Верить в то, что их использование уже содержит в себе просветление или же гарантирует его, — это просто идолопоклонство и суеверие. Полное небрежение духовными упражнениями, отказ от попытки открыть для себя, как и в чем они могут помочь в достижении нашей окончательной цели — это не что иное, как самомнение и упрямое мракобесие.

Св. Франциск Сальский не раз говорил: «Отовсюду только и слышны разговоры о совершенстве, но я вижу очень немногих, кто на деле воспитывает его в себе. У всякого свое представление о совершенстве. Для одного совершенство заключается в покрое одежды, для другого — в посте, третий ищет совершенства в подаянии, или частом причащении, в благочестивых раздумьях или в некоем особом даре созерцания, или в необычных дарах и благословениях — но все они, как мне кажется, ошибаются, потому что путают средства, или результаты, с целью и причиной».

Единственное же совершенство, которое известно мне, — это сердечная любовь к Богу и любовь к ближнему, как к самому себе. Ми-

люсердие — единственная добродетель, которая должным образом объединяет нас с Богом и человеком. В подобном единстве состоит наша окончательная цель и предел, все же остальное просто заблуждение».

Жан-Пьер Камю

Сам св. Франциск советовал пользоваться духовными упражнениями как средством к любви к Богу и своему ближнему и утверждал, что подобные упражнения заслуживают всяческого поощрения; но эта приверженность к определенным формам и часам умственной молитвы никогда не должна, предупреждал он, становиться чрезмерной. Пренебречь послушанием или срочной необходимостью проявить милосердие ради того, чтобы не прерывать духовные упражнения, — это будет небрежение целью и непосредственными средствами ради средств, которые не являются непосредственными, но на несколько шагов отстают от конечной цели.

Духовные упражнения являются продолжением особого класса аскетических практик, задача которых, во-первых, подготовить интеллект и эмоции для более высоких форм молитвы, в которых душа остается в высшей степени пассивной в отношении к Божественной Реальности, и, во вторых — изменения характера, становящиеся возможными через открытие себя Свету, возрастающее познание себя и ненависть к себе, которые являются его результатом.

На Востоке систематизация умственной молитвы проводилась с некоего неизвестного, но, точно, очень раннего времени. Известно, что и в Индии, и в Китае духовными упражнениями (и сопровождавшими их или даже предшествовавшими им более или менее сложными физическими упражнениями, особенно дыхательными) пользовались за несколько столетий до Рождества Христова. На Западе монахи Фиваиды уделяли значительную часть дня медитации

как средству к созерцанию или единящему познанию Бога; и на всем протяжении христианской истории умственная молитва более или менее методически использовалась для того, чтобы сопровождать голосую молитву общественного и личного богослужения.

Однако попытка свести виды умственной молитвы в проработанную систему духовных упражнений не предпринималась, по-видимому, до конца средневековья. Эту новую форму духовности стали популяризировать реформаторы внутри Церкви, пытаясь оживить приходящее в упадок монашество и укрепить религиозную жизнь мирян, на которую оказало глубочайшее впечатление коррупция священнослужителей, и в целом в значительной степени потерпевшую от Великой Схизмы. Среди наиболее ранних систем наиболее заметной и влиятельной были каноны Виндесгейма, который был в тесной связи с Поборниками Простой Жизни.

К концу XVI — началу XVII века духовные упражнения, иначе и не скажешь, просто-таки вошли в моду. Иезуиты, в ранний период своей деятельности, показали, что тем, кто постоянно практикует упражнения св. Игнатия Лойолы, развивающие интеллект и воображение, по силам достичь трансформации характера, чрезвычайного напряжения воли и преданности. Поскольку в то время репутация иезуитов в католической Европе была очень высока, столь же высока стала и репутация духовных упражнений. На протяжении I века Контрреформации составлялись, издавались и охотно использовались самые разнообразные системы умственной молитвы (многие из них, в отличие от упражнений св. Игнатия Лойолы, носили выражено мистический характер). После квиетистской полемики мистицизм снискал себе дурную славу, а вместе с мистицизмом — и многие из популярных прежде систем, составленных их авторами именно для того, чтобы помочь душе совершить восхождение путем мистического созерцания. Мы, в свою очередь,

постараемся дать здесь несколько характерных образцов, принадлежащих к разным религиозным традициям.

Знай, что когда учишься терять себя, достигнешь Возлюбленного. Нет другой тайны, которую можно было бы открыть, и более этого ничего не известно мне.

Ансари Гератский

Шестьсот лет спустя, как мы видели, св. Франциск Сальский говорил примерно то же самое молодому Камю и всем тем, кто приходил к нему в наивном убеждении, что святой сможет открыть им какой-то простой и безотказный прием, которым можно достичь единящего знания Бога. Потерять себя в Возлюбленном — другой тайны нет. Но все же суфизм, как и его мистический двойник в христианстве, охотно прибегал к использованию духовных упражнений — конечно же, не как к цели самой по себе и даже не как к непосредственному средству, но как способу единения с Богом, созерцания в беззаветной любви к Богу.

Двенадцать лет я был кузнецом своей души. Я клал ее в горн поста и обжигал в огне испытаний, на наковальне осуждения я ковал ее молотом стыда, пока не выковал из моей души зеркало. Пять лет я был зеркалом для самого себя и без усталости полировал это зеркало разнообразными деяниями веры и благочестия. Затем еще год я провел в созерцании. Увидел я, что опоясан ремнем гордыни, тщеславия, самодовольства, и надежды, что спасение мое в признании и одобрении моих трудов. Пять лет еще провел я в трудах, пока не износился этот пояс, и я заново исповедал ислам. Я оглянулся и увидел, что все сотворенное мертво. Я произнес четыре акбира над ними и похоронил их всех, и, вернувшись с похорон, без вмешательства людей, с единой помощью от Бога, я пришел к Богу.

Баязид Бистунский

Самая простая и наиболее широко используемая форма духовного упражнения — это повторение Божественного имени или какой-то фразы, утверждающей существование Бога и зависимость от Него человеческой души.

И посему, когда ты понуждаешь себя к такому труду (созерцанию) и чувствуешь по благодати, что ты призван Богом, возвысь свое сердце к Богу в кротком движении духовном. И помышляй о том, что Бог сотворил тебя, и выкупил тебя, и благодатью Своею привел тебя к такому твоему состоянию; и не приемли никаких иных помыслов о Боге. И даже этих не приемли, кроме одного твоего устремления, ибо и одного намерения, обращенного к Богу без всякой иной причины, чем Сам Он, будет довольно.

Если же тебе желательно, чтобы это намерение выразилось и сложилось в одном слове, чтобы ты впредь мог неотступно держать его при себе, избери маленькое слово из одного слога, которое лучше двусложного, ибо чем короче слово, тем лучше согласуется оно с работой духа. Таковым словом есть вот какое слово — «БОГ» и еще таковое слово — «ЛЮБОВЬ». Выбери то, какое пожелаешь, или любое другое односложное слово из тех, что тебе нравятся. И прикрепи это слово к твоему сердцу, чтобы никогда впредь оно не отходило из него, что бы с тобой не приключилось.

Слово это будет твоим щитом и твоим копьем, будешь ли ты жить в мире, или шествовать на брань. Этим словом будешь ты побивать это облако и эту тьму над тобой. Этим словом истребишь ты всякого рода помышление под облаком забвения. В той мере, в какой любая мысль приблизится к тебе и станет вопрошать, чего тебе угодно принять, отвечай ей никаким другим словом, как только этим одним (БОГ или ЛЮБОВЬ). Если же помысел предложит, в своей великой учености, истолковать тебе это слово, отвечай, что будешь держать его только целым, а не разделенным или незавершенным. И если бу-

десь неотступно держаться такового делания, не сомневаясь, что помысел этот вскоре отойдет.

«Облако Неведения»

В другой главе автор «Облака» предлагает, чтобы слово, которое символизирует нашу окончательную цель, временами перемежалось со словом, указывающим на наше теперешнее положение в отношении к этой цели.

Не разделяй и не рассматривай эти слова в любострастии ума, изучая качества этих слов, как если бы ты в изучении усилил и свое к этому деланию рвение. Не должно быть так, верится мне, в таком делании и в этой задаче. Держи их целыми, эти слова; и под ГРЕХОМ понимай «глыбу», разумеи, что это не что иное, как ты сам.

...И потому, что должен ты и далее жить этой ничтожной жизнью, ты обязан постоянно чувствовать в некоторой части себя эту зловонную грязную глыбу греха, как если бы она прилеплась и стала одно с твоею внутренностью, поэтому тебе следует попеременно поминать эти два слова — ГРЕХ и БОГ. В целом держись того понимания, что если с тобою Бог, тогда отпадет от тебя грех, а избавившись от греха, непременно будешь иметь Бога.

«Облако Неведения»

Шейх взял меня за руку и повел меня к обители дервишей. Я присел на ступенях, а шейх выбрал книгу и стал читать. Я же, по обыкновению ученых, поскорей хотел выведать, что за книгу читает он.

Шейх понял, чем заняты мои мысли. «Абу Саид, — сказал он, — все сто двадцать четыре тысячи пророков были посланы проповедовать одно слово. Они взывают к людям, чтобы те говорили «Аллах» и посвятили себя Ему. У тех, кто слышал это слово лишь ухом, оно вылетело в другое ухо; но те, кто слышали его душой, запечатали это слово в своей душе и повторяли до тех пор, пока оно не проникло

в их сердца, и все их существо не стало этим словом. Они сделались свободными от произношения слова, они были избавлены от звучания его букв. Поняв духовное значение этого слова, они стали настолько поглощены им, что уже не осознавали, что и сами они перестали существовать.

Абу Саид

Возьми краткий стих из псалма, и он станет тебе щитом и ограждением против всех твоих недругов.

Кассиан, приводя слова аввы Исаака

В Индии повторение Божественного имени или мантры (короткой фразы, выражающей поклонение или цитату из учения) называется *джапам* и является излюбленным духовным упражнением среди всех сект индуизма и буддизма. Самая короткая мантра — ОМ, звуковой символ, который сосредотачивает в себе всю философию Веданты. Этой и другим мантрам индуисты приписывают магическую силу. Их повторение — это священнодействие, дарующее благодать *ex opere operato*. Подобную же действенность признавали и поныне признают за священными словами и формулами буддисты, мусульмане, иудаисты и христиане.

И, конечно же, как традиционные религиозные обряды, очевидно, обладают властью пробуждать действительное присутствие сущностей, отражаемых в психическую объективность верой и поклонением многих поколений верующих, так же и слова и выражения, издревле считавшиеся священными, могут стать каналами, передающими силу, иную и большую чем та, что принадлежит человеку, который в этот момент произносит их. В то же время постоянное повторение «этого слова БОГ или этого слова ЛЮБОВЬ» может, в благоприятных обстоятельствах, оказать глубокое воздейст-

вие на бессознательный разум, побуждая его к той самозабвенной однонаправленности воли, мысли и чувства, без которой невозможно познание в единении с Богом. Более того, может случиться так, что если это слово просто повторяется «только в его целом, а не разделенным или незавершенным» в рассудке, тот Факт, который означает это слово, в конечном итоге предстанет душе в интуитивной форме всеобъемлющего постижения. Когда такое случается, «двери букв этого слова открываются» (говоря языком суфиев) и душа входит в Реальность.

Но, хотя все может произойти, нет никакой гарантии, что это случится обязательно. Не существует духовного лекарства, приятной и проверенной панацеи для души, изнывающей в своей обособленности и лишенной Бога. Нет, излечения гарантировать никто не в силах; и лекарство духовных упражнений, если применять его не так, как надо, может привести к новой болезни или обострить старую.

Например, просто механическое повторение Божественного имени может вылиться в некую оцепенелость или помрачение сознания, которые столь же неподвластны аналитическому мышлению, как и превышающее его интеллектуальное видение. Зачастую, принимаясь за упражнение, верующий уже успел составить себе своего рода представление о переживании, которое приносит с собой повторение священного слова. В подобном случае это оцепенение, или любое другое необычное состояние, принимается за непосредственное восприятие Реальности, усиленно вызывается и идолопоклоннически прививается с обращением воли к тому, что предположительно есть Бог, еще до того, как воля отвратилась от своего «я».

Опасности, в той же или других формах, которые подстерегают практикующего *джапам*, если его опыт самоограничения недо-

статочен и недостаточны его собранность и сосредоточенность, встречаются и тем, кто прибегает к более сложным духовным упражнениям. Интенсивное сосредоточение на образе или идее, которое рекомендуют многие учителя, и восточные и западные, может быть очень полезно для некоторых людей в некоторых обстоятельствах и очень вредно в других случаях. Это упражнение полезно, когда концентрация приводит к умственной тишине, к такому молчанию интеллекта, воли и чувств, что Божественное Слово можно произносить внутри самой души. Оно вредно, когда образ, на котором сосредотачиваются, принимает реальный, до галлюцинаций, облик, который принимается за объективную Реальность и идолопоклоннически боготворится.

Ничуть не менее вредно, когда упражнение на сосредоточение приводит к необычным психофизическим результатам, которыми человек, испытывающий их, начинает гордиться, как особой благодатью и божественным общением. В числе этих необычных психофизических явлений наиболее обычные — это видения и голоса, дальновидение, телепатия и другие психические силы, а также любопытный феномен сильного телесного жара. Многие из тех, кто занимается концентрацией, время от времени испытывают этот жар. Некоторые из христианских святых, наиболее известные из которых — св. Филипп Нери и св. Катерина Сиенская, — испытывали его постоянно. На Востоке даже были разработаны особые техники, чтобы регулировать увеличение температуры тела, которое происходит в результате концентрации, контролировать его и с пользой использовать, например чтобы созерцатель не мерз в холодную погоду. В Европе, где не совсем ясно представляют себе природу этого феномена, многие самодельные созерцатели испытывали этот жар и, воображая, что это некая особая Божествен-

ная благодать или даже переживание единения, при этом не обладая достаточным самоконтролем и смирением, впали в идолопоклонство и духовную гордыню, уводящую от Бога.

В следующем отрывке, фрагменте одного из величайших священных текстов Махаяны, содержится тщательный разбор духовных упражнений, которые предписывались хинаянистскими учителями — концентрация на символических объектах, медитация на мимолетности и тлене (чтобы избавить душу от привязанности к мирскому), на различных добродетелях, которые следует прививать в себе, и на основополагающих доктринах буддизма (многие из этих упражнений детально описаны в книге «Путь чистоты», которая была полностью переведена и опубликована Обществом по изучению текстов пали. Махаянистские упражнения описываются в Шурангама-сутре, а также в изданиях, посвященных тибетской йоге).

В этом упражнении йогин видит (в своем воображении) формы солнца или луны, или нечто, напоминающее формой лотос, или преисподнюю, или различные формы, такие как небо, огонь и тому подобные. Все эти образы направят его на путь философов; они отбросят его в состояние шраваковости, в царство пратьекабудд. Но если отстранить все подобные формы, наступит состояние отсутствия образа, тогда само собой представится и условие согласия с Таковостью, и Будды все вместе из всех своих стран придут и возложат свои сияющие руки на голову того, кто достиг такого благодатного состояния.

Ланкаватара-сутра

Другими словами, напряженное сосредоточение на любом образе (даже если это будет священный символ, как лотос) или на любом понятии, от понятия ада до понятия некоей желательной добродетели или ее вершины в одном из божественных признаков, это

всегда будет сосредоточение на чем-то, что создает само сознание человека. Временами искусство концентрации, у людей собранных и знакомых с самоограничением, само собой выливается в состояние открытости и бдительного недеяния, в котором только и возможно подлинное созерцание. Но иногда тот факт, что концентрация происходит на том, что создается разумом самого человека, который занимается этим упражнением, порождает некоего рода ложное или неполное созерцание. Таковость, или Божественное Основание всего сущего, открывает себя тем, в котором нет эгоцентризма (нет даже альтер-эгоцентризма), будь то эгоцентризм воли, воображения, чувств или интеллекта.

Скажу далее, что следует отвергать интроверсию, поскольку не должно принимать и экстраверсию, но следует постоянно жить в глубине Божественной Сути и в небытии вещей; и если по временам человек чувствует, что отделился от них (Божественной Сути и тварного небытия), ему следует вернуться к ним, не через интроверсию, но через опустошение.

Бенет Кенфилдский

Интроверсия — это процесс, который осуждается Ланкаватара-сутрой как путь йогина, путь который ведет, в худшем случае, к идолопоклонству, а в лучшем — к частичному познанию Бога на высотах внутри, но никогда к совершенному познанию во внутренней, как и внешней полноте. Опустошение (в котором отец Бенет различает два рода, пассивное и активное) — это, в терминах Махаяны, «состояние отсутствия образов» в созерцании и, в деятельной жизни, состояние полной непривязанности, в котором вечность постигается нераздельной со временем; и познается, что сансара — одно с нирваной.

Так знай, что если будешь стоять на том и не падешь, то неослабно держись твоего делания и побивай во веки веков это облако неведения, что промеж тобою и твоим Богом, острым копьём беззаветной любви. И, негодуя, отвергай каждый помысел о чем-либо, что есть под Богом. И неотступно стой на этом, что бы ни приключилось. Ибо только это делание способно истребить основание и корень греха...

Что еще прибавить к этому? Разве не доводилось тебе проливать слезы по твоим грехам или по страстям Христовым или же никогда ты не размышлял о наслаждениях райских и о том, что эти размышления могут принести тебе? Бесспорно, много добра, многую помощь, многую пользу, премного благодати обретешь ты в таком занятии. Но сравнительно с этим слепым движением любви к Господу, все прочее мало и немногое может без него. В нем самом то, что было лучшим уделом Марии, без того, что мы только что поминали. Без этого в благочестивых размышлениях пользы мало или вовсе никакой. Это истребляет не только основание и корень греховный, о чем мы говорили, но также и приносит добродетели. Ибо, если рассудить, как следует, то все добродетели следует тщательно и совершенно рассмотреть, почувствовать и постичь в этом делании, нисколько не примешивая к нему твоего намерения. И сколько бы ни было у человека добродетелей без любви к Богу, через таковое их несовершенство ко всем ним будет примешано нечто злонамеренное. Ибо добродетель — это не что иное, как взвешенное и упорядоченное чувство, обращенное ни к кому более, как к Самому Богу ради Него Самого.

«Облако Неведения»

Если упражнения в сосредоточении, повторение Божественного имени или медитация на признаках Бога или представляемых в воображении сценах из жизни святого или аватары помогают тем, кто пользуется этими упражнениями, достичь самоотвержения, открытости и (пользуясь словами Августина Бейкера), «любви к чистой

Божественности», тогда такие упражнения будут желательными и лишь к пользе того, кто их делает. Если они дают другие результаты — что ж, дерево познается по его плодам.

Бенет Кенфилдский, английский капуцин, который написал «Правило совершенства» и был духовным наставником Мадам Акари и кардинала Беруя, рекомендует в своем трактате способ, которым можно концентрацию на образе перевести в созерцание без образов, «слепое рассмотрение», «любовь к чистой Божественности». Время, посвященное умственной молитве, следует начинать с напряженного сосредоточения на сцене страстей Христовых; затем разуму следует оставить мысленный образ освященного человеческого образа и перейти от него к не имеющему формы и свойств Божественному, которое представляет собой эта воплощенная чело- вечность. На удивление похожее упражнение описывается в *Бар- до Тёдол*, «Тибетской книге мертвых», творении, совершенно невероятному в своей глубине и красоте.

Кто бы ни был твоим божеством-покровителем, продолжительное время проведи в медитации на эту форму — как на зримую и все же не существующую в реальности, словно образ, сотворенный чародем... Затем пусть видение божества-покровителя постепенно исчезнет, начиная с конечностей, пока ничего не останется; тогда помести себя в состояние Ясности и Пустоты — которое ты не можешь ощущать как нечто — и пребывай в этом состоянии некоторое время. Снова медитируй на божество-покровителя; снова медитируй на Ясный Свет; делай так попеременно. После этого и позволь твоему собственному разуму постепенно исчезнуть из виду, начиная от конечностей.

«Тибетская книга мертвых»

Чтобы подвести всему вышесказанному итог, можно привести одну фразу из Экхарта: «тот, кто ищет Бога в неизменной форме,

овладевает формой, утрачивая Бога, скрытого в ней». Здесь ключевое слово «неизменной». Допустимо некоторое время искать Бога в форме, которая изначально признается не более чем символом Реальности, символом, который ранее или позднее должен быть отвергнут в пользу того, что он обозначает. Искать его в неизменной форме — неизменной потому, что на нее смотрят не иначе, как на очертания Реальности — это привязываться к иллюзии и впадать в идолопоклонство.

Основные препятствия к тому, чтобы приступить к занятиям умственной молитвой в одной из ее форм — это невежество в отношении Природы Вещей (которое, конечно же, никогда еще не было столь ужасающим, как в наш век всеобщего образования) и безоглядная увлеченность собственными интересами, положительными и отрицательными эмоциями, которые связаны со страстями и с тем, что формально именуется как «свободное время». И когда занятия уже начаты, основными помехами на пути к цели умственной молитвы являются отвлечения.

Несомненно, всем людям, даже самым святым, в той или иной степени приходится отвлекаться. Но не менее очевидно и то, что человеку, который в промежутках между занятиями умственной молитвой ведет беспорядочную, несобранную, эгоистичную жизнь, придется отвлекаться по более частым и худшим поводам, чем тому, кто живет в сосредоточении на своей окончательной цели, не позволяя себе забыть, кто он есть и как связан со вселенной и ее Божественным Основанием. Некоторые наиболее ценные духовные упражнения смогли с выгодой использовать даже отвлечения таким образом, что эти помехи к самоотвержению, умственной тишине и пассивности в отношении с Богом преобразовать в средства к духовному развитию.

Но сначала, в порядке предисловия к описанию этих упражнений, стоит отметить, что все учителя искусства умственной молитвы согласны в том, что советуют своим ученикам никогда не пытаться усилием поверхностной воли бороться с отвлекающими мыслями, которые вторгаются в разум в тот момент, когда занимающийся духовными упражнениями стремится к сосредоточенности.

Почему так следует поступать, немногословно и ясно пишет Беннет Кенфилдский в своем «Правиле совершенства»: «чем больше человек действует, тем более он пребывает в себе и в своем существовании. И чем более он пребывает в себе и своем существовании, тем меньше Бога и Его существования пребывает в нем». Каждое возвышение обособленного личностного «я» приводит к тому, что это «я» соответственно все меньше осознает присутствие Божественной Реальности. Но любая насильственная реакция поверхностной воли против отвлекающих мыслей и чувств автоматически усиливает обособленное, личностное «я» и тем самым сокращает возможности человека прийти к познанию и любви Бога. Пытаясь насильно изгнать наши мечтания, уводящие от Бога, мы лишь углубляем тьму нашего природного невежества. И раз так, нам не нужно понуждать себя к борьбе со всем тем, что нас отвлекает, но нужно найти способ или обойти их, или каким-то образом получить от них пользу для упражнения. К примеру, если мы уже достигли определенной степени бдительной пассивности по отношению к окружающему и вторгающимся помыслам, мы можем просто «взглянуть свысока» на злобного и похотливого дебила, который стоит между нами и объектом нашего «однаправленного созерцания». Мы способны теперь замечать, как отвлечения появляются в преддверии нашего сознания; мы замечаем их появление и затем, легко и нежно, безо всякого напряжения воли, переносим фокус внимания на Ре-

альность, которая на какое-то мгновение открылась нам, или же (по прошлому опыту или как акт веры) мы предчувствуем или просто знаем, что она присутствует там, на заднем плане. Во многих случаях такой, не требующий сил перенос внимания заставит отвлечения утратить свою навязчивую «здешность» и, по крайней мере на некоторое время, исчезнуть.

Если сердце скитается или отвлеклось, мягко верните его на место и со снисхождением опять усадите перед Учителем. И даже если свое время вы посвятили только тому, что возвращали свое сердце и снова помещали в присутствие Нашего Господа, пусть оно уходило всякий раз, когда вы приводили его обратно, вы очень хорошо потрудились на протяжении этого времени.

Св. Франциск Сальский

В этом случае обхождение отвлекающих помыслов составляет ценный урок в терпении и настойчивости. Еще один и более непосредственный способ поставить себе на службу обезьяну в нашем сердце, описан в «Облаке Неведения»:

Когда же видишь, что никак не удастся тебе совладать в них (с помыслами), пади ниц пред ними, словно побежденный пред сильнейшим на поле брани, и мысли так, что бессмысленно более бороться с ними, и посему ты вверяешь себя крепкой руке Божией, оказавшись в руках твоих недругов... Но непременно, думается мне, тебе следует уразуметь, для чего же нужен этот прием,— для того лишь, чтобы у тебя открылись глаза и понял ты, каков есть на самом деле, подлое ничтожество, и даже хуже, чем ничтожество; вот таковое-то знание и чувствование о себе и есть смирение. И само это смирение вопиет к Богу, дабы в своем могуществе снизошел Он и отплатил твоим врагам, возвел бы тебя и ласково отер твои очи духовные, словно отец, отъемлющий дитя свое, уже было погибшее, от пасти вепря и от лютых медведей.

«Облако Неведения»

Наконец, есть и такое упражнение, к которому часто прибегают в Индии. Оно заключается в том, чтобы бесстрастно изучать отвлечения по мере того, как они возникают, и проследить их развитие через припоминание отдельных мыслей, чувств и поступков, от самого их начала в темпераменте и характере, физическом строении и приобретенных привычках. Этот прием поможет душе открыть подлинные причины ее обособленности от Божественного Основания ее бытия. Она начинает понимать, что ее духовное невежество вызвано инертным упрямством или же откровенной непокорностью ее индивидуализированного «я», и, в особенности, ей удастся открыть, где же находятся сгустки, самые плотные и тяжелые, этого «я», заслоняющего собой Бога. Затем, приняв решение по мере сил в ходе повседневной жизни избавляться от этих помех на пути к Свету, она тихо оставляет мысль о помехах, и пустая, очищенная и молчаливая, душа пассивно раскрывается перед тем, что может находиться внутри нее и за ее пределами.

«*Noverim te, poverim Te*»*, — любил повторять св. Франциск Ассизский. Самопознание, ведущее к самоунижению и смирению, вот в чем заключается условие любви и познания Бога. Великое достоинство духовных упражнения, которые используют отвлекающие мысли, в том, что они усиливают самопознание. Каждая душа, приступая к Богу, должна знать, кто и что она есть. Выбрать для духовных упражнений такую форму устной или умственной молитвы, которая, скажем так, превышает собственный нравственный статус — это все равно что лгать; и последствия такой лжи — ложные преставления о Боге, идолопоклонническое обожествление личных и неправдоподобных фантазий и (если нет смирения, которое дается в самопознании) духовная гордыня.

* Познаю себя — познаю Тебя (лат.).

Вряд ли стоит напоминать, что у этого метода, как и у всякого другого, имеются как свои преимущества, так и подводные камни. Те, кто пользуются им, подвергают себя постоянному искушению забыть о своей цели ради слишком уж примитивных человеческих средств — увлечься самобичеванием или пытаться обелить свое прошлое, не оставляя места для чистого Божественного, перед которым «сердитая обезьяна» вытворяла все те проделки, которые теперь с таким наслаждением откапывает в своем прошлом.

Теперь мы подошли к тому, что можно назвать духовными упражнениями на каждый день. Здесь уже, как можно понять, трудность только в том, как напомнить самому себе, в часы работы и досуга, что наша вселенная — все-таки нечто большее, чем то, что предстает взору того, кто поглощен работой или удовольствиями? У этой проблемы нет однозначного решения. Некоторые виды работы и отдыха настолько просты и нетребовательны, что позволяют постоянно повторять священное имя или фразу, не отвлекаясь, размышлять о Божественной Реальности или, что даже лучше, поддерживать непрерывную умственную тишину и бдительную пассивность. Занятия, которым посвящал свой день брат Лоуренс (его тренировка «приучать себя к присутствию Бога» даже снискала нечто вроде популярности в кругах, которые прежде никак не интересовались умственной молитвой или духовными упражнениями) почти целиком были такого простого и нетребовательного рода. Но есть и другие задачи, слишком сложные, чтобы сохранять подобную непрерывную сосредоточенность. Так, читаем у Экхарта, «священник, который служит мессу, может сбиться, если излишне сосредоточится на том, что и в каком порядке делать и говорить. Обдумывать лучше до или после службы; перед алтарем не теряй прямоты душевной». Этот совет применим к любому

занятию, требующему нераздельного внимания. Но нераздельное внимание не каждый день требуется от нас, и сохранять его, непрерывно и достаточно длительное время, не так уж просто. Отдых тоже необходим, и каждый волен выбирать, чем его заполнить, мечтами или чем-то лучшим.

У кого Бог на уме, Бог во всем, единственно и безраздельно, такой человек берет с собой Бога всюду, где бы ни работал и куда бы ни шел; и Бог один делает всю его работу. Этот человек не ищет ничего, только Бога, ничто его не привлекает, только Бог. Он становится един с Богом в каждом помышлении. Как множественность не может разделить Бога, так ничто не может разрушить этого человека или лишить его целостности.

Экхарт

Я не имел в виду, что нам следует добровольно подвергнуть себя воздействию легкомысленной и рассеянной жизни, избави Бог! Это значило бы искушать Бога и навлечь на себя опасность. Но если случится отвлечься, что, по промыслу Божию, может случиться в всяком месте и во всякий час, то развлечения, если встречать их с должной предосторожностью, стараясь не утратить часы, отведенные для молитвы и чтения, будут лишь на добро. Зачастую все то, что заставляет вас тосковать по уединению, куда полезнее для вашего смирения и самоотвержения, чем может быть самое строго охраняемое одиночество... Иногда несколько часов, проведенных за душеполезным чтением, ревностная молитва, увлеченная беседа может потешить ваши достоинства и принести с собой удовлетворение и самоуспокоенность, и вы будете представлять себя немало продвинувшимся к совершенству; наполняя вас неправдивым представлением о себе, ваша гордыня лишь возрастет, и вы будете выходить из религиозных упражнений менее терпимой ко всему, что перечит вашей воле. Если вы ищите моего совета, то держитесь такого простого правила: сами не ищи-

те никаких развлечений, но спокойно терпите, если Бог пошлет вам то, чего вы не искали, доведется ли прервать или оставить ваши религиозные упражнения. Это великое заблуждение — искать Бога где-то вдалеке, возможно, в вещах совершенно недостижимых, забывая о том, что Он рядом с нами в наших повседневных заботах, настолько, насколько мы сносим в смирении и бодрости духа все то, что доставляют нам множество самых разных несовершенств, наших ближних и наших собственных.

Фенелон

Размышляйте над тем, что ваша жизнь — это непрестанное умирание, и вознесите свой разум к Богу, который превыше всего, и всякий раз, когда пробьют часы, говорите: «Боже, я преклоняюсь пред твоим вечным существованием; я счастлив, что мое мимолетное существование может прекратиться в любой миг, а значит, в любой миг может благоговейно предстать перед твоей вечностью.

Ж.-Ж. Олье

Когда вы прогуливаетесь в уединенном месте или где-либо еще, взгляните на общую волю Божью, которой Он приводит в движение всякое деяние своего милосердия и справедливости на небесах, на земле и под землей, и принимайте, восхваляйте, а затем любите эту наивысшую волю, которая есть сама святость, сама справедливость, сама красота. Далее взгляните на ту особенную волю Бога, которой Он любит своих и действует в них самыми различными способами, утешая и наказуя. И далее вам следует немного поразмышлять над тем, сколь различны бывают и утешения, но в особенности же бедствия, которые доводится претерпевать добру; и далее в великом смирении принимайте, восхваляйте и любите всю эту волю. Размышляйте над тем, что есть эта воля в вашей собственной жизни, во всем том хорошем или плохом, что случалось и еще может случиться с вами, за исключением греха; затем принимайте, восхваляйте и любите все

это, клятвенно заверяя, что вы вечно будете дорожить, почитать и преклоняться перед этой наивысшей волей, во всем подчиняться желанию Божьему и отдавать Ему всех, кто есть у вас, в том числе и меня. Итогом ваших размышлений пусть будет величайшее доверие этой воле, что своей работой она принесет благо нам и нашему счастью. Добавлю еще, что когда вы выполните это упражнение дважды или трижды подобным образом, можете сокращать, изменять или уstraивать его по своему усмотрению, ибо оно часто будет вкладываться в ваше сердце в виде духовного рвения.

Св. Франциск Сальский

Пребывая в свете, вовсе нет никаких причин для преткновения, ибо все отрывается этим светом. Куда бы ты ни шел, он неотступно с тобой в твоей груди, и тебе нет нужды говорить, «глянь сюда, глянь туда»; и когда ты лежишь на своем ложе, он неотступен от тебя, наставляя тебя и судя твой скитающийся ум, который скитается, где ему вздумается, и твои помышления о высоком и воображения, и заставляет их повиноваться. Ибо, если пойдешь вслед своим помышлениям, скоро пропадешь. Пребывай в этом свете и увидишь в нем, что есть грех и каковы твои изъяны и твое падшее состояние, в котором ты находишься. В этом свете, что показывает тебе все это, оставайся; не уклоняйся ни вправо, ни влево.

Джордж Фокс

Далее следует отрывок, взятый из китайского текста «Пробуждение веры» Ашвагхоши^{*}; эта работа первоначально была написана на санскрите в первом столетии нашей эры, но оригинал ее утрачен. Ашвагхоша посвящает один из разделов своего трактата «надлежащим средствам»,

^{*} *Ашвагхоша* — индийский буддийский поэт, драматург, философ и проповедник, классик санскритской литературы, живший в I—II вв.

как они именуются в буддистской терминологии, посредством которых может быть достигнуто объединяющее познание Таковости. Перечень этих незаменимых средств включает в себя милосердие и сострадание ко всем чувственным существам, как к людям, так находящимся на дочеловеческом уровне, самоуничижение или самоконтроль, личное поклонение инкарнациям Абсолютной Буддовости и духовные упражнения, предназначенные для того, чтобы освободить разум от неудержимого стремления к обособлению и независимой индивидуализированности и тем самым сделать его способным осознать тождественность своей собственной сущности с всеобщей Сущностью Разума. Приведем здесь только последние два из этих «надлежащих средств» — Путь Спокойствия и Путь Мудрости.

Путь Спокойствия. Назначение этой тренировки двояко: привести к остановке все беспокоящие мысли (а все мысли, связанные с различием, беспокоят), успокоить все настроения и эмоции, которыми обычно поглощено сознание, так, чтобы было возможно сосредоточить разум для цели медитации и постижения. Затем, когда разум приведен к спокойствию остановкой всякого рассудочного мышления, практиковать «отражение», или медитацию, но не аналитически, через различие, но более интеллектуальным способом (ср. схоластическое различие разума и интеллекта), через осознание значения и смысла своих мыслей и впечатлений. С помощью этой практики «остановки и осмысления» вера, которая уже была пробуждена, будет развиваться, и постепенно два аспекта этой практики сольются воедино — разум, совершенно спокойный, но предельно активный в постижении. Если раньше вполне естественным было полагаться на собственную способность к различению (аналитическому мышлению), то теперь оно должно быть постепенно сведено на нет и прекращено.

Тому, кто упражняется в «остановке», следует удалиться в спокойное место и там, сидя прямо, старательно пытаться успокоить и сосре-

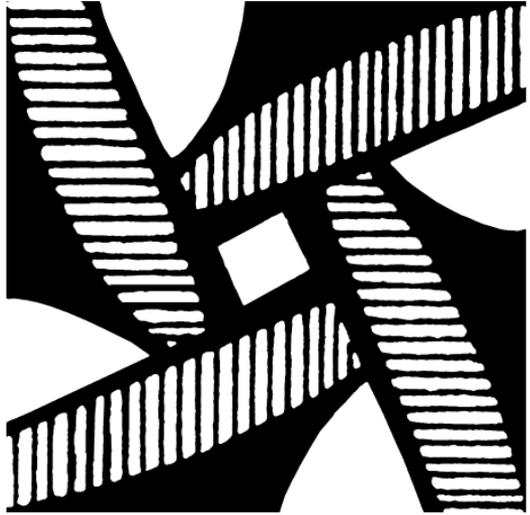
доточить разум. Хотя поначалу и можно думать о дыхании, не следует затягивать эту практику, или позволять разуму задерживаться на частных проявлениях или образах, или представлениях, порождаемых чувствами, на таких как первичные элементы земли, воды, огня и эфира (объекты, на которых обычно сосредотачивались хинаянисты на определенной стадии своей духовной тренировки), или же позволять разуму останавливаться на чем-либо из того, что он производит: на восприятии, разграничении, разделении, настроении или эмоции. Все виды идей, как только они начинают складываться в образы, следует немедленно отбрасывать; следует избавиться даже от самих понятий наблюдения и отбрасывания. Разум должен стать подобным зеркалу, отражая предметы, но не удерживая их и не составляя о них мнения. Представления сами по себе бесплотны, так пусть они возникают и уходят незамеченными. Представления, возникающие от чувств и нижнего разума, не смогут оформиться сами собой, пока не привлекут к себе внимание; если их не замечать, то не будет появления и исчезновения. И это же справедливо в отношении происходящего вне разума; нельзя позволять отвлекать внимание и тем самым создавать помехи для тренировки. Разум не может быть совершенно пустым, и поскольку мысли, порождаемые чувствами и нижним разумом, отклоняются и отбрасываются, их место следует заполнить правильной медитацией. Вопрос: что же такое правильная медитация? Ответ: правильная медитация — это постижение самого разума, его чистой нераздельной Сущности. Когда разум сосредоточен на своей чистой Сущности, то не будет навязчивых мыслей, относящихся к «я», не будет даже самого «я» в процессе постижения, ни постижения как феномена...

Путь Мудрости. Задача этой тренировки — приучить человека пользоваться навыком внутреннего проникновения, который пришел к нему в результате предшествовавших тренировок. Когда человек поднимается, стоит, идет, делает что-то, ему следует все время сосредотачивать свой разум на действии и процессе, а не на своем отноше-

нии к действию или его характеру и ценности. Следует думать: «хоть-ба, остановка, постижение», а не: «я иду, я делаю это, это хорошо, этого делать нельзя, я обретаю добродетели, это я, кто осознает, как чудесно это есть». Тем самым появляются блуждающие мысли, чувство радости или же неудачи и несчастья. Вместо этого следует просто практиковать концентрацию разума на самом действии, понимая его как целесообразное средство к достижению спокойствия ума, постижения, интуиции и Мудрости; и так следует продолжать, не теряя веры, готовности и бодрости. После долгой практики старые привычки ослабевают и исчезнут, а их место займет уверенность, удовлетворенность, сосредоточенность и спокойствие.

К чему должен привести Путь Мудрости? Есть три разновидности состояний, которые сдерживают человека на пути к Просветлению. Первая — это соблазны, возникающие от чувств, от внешних условий и от различающего разума. Вторая — внутренние состояния ума, его мысли, желания и настроение. Предшествующие занятия (нравственного воспитания и самоограничения) призваны свести их на нет. К третьему классу преград относятся инстинктивные и фундаментальные устремления личности (и поэтому наиболее скрытые и упорные) — воля к жизни и наслаждению, воля лелеять собственную обособленность, воля к размножению; все они порождают алчность и похоть, страх и гнев, вожделение, гордыню и себялюбие. Практика парамиты Мудрости предназначена для того, чтобы обуздать и уничтожить эти фундаментальные и инстинктивные преграды. С помощью этой парамиты разум постепенно становится чище, светлее, спокойнее. Интуиция становится более проникновенной, вера глубже и шире, пока они не выливаются в непостижимое *самадхи* чистой сущности разума. По мере того как человек продолжает практику Пути Мудрости, мысли об утешении или одиночестве все реже и реже посещают его; вера становится более крепкой и полной, благотворной и радостной; и страх падения исчезает. Но не думай, что завершения можно достигнуть легко или быстро; возможно, понадобится много пере-

рождений, и одна эра успеет сменить другую. До тех пор, пока сомнения, неверие, злословие, злое поведение, кармические преграды, слабость веры, гордыня, лень и мысленное возбуждение сохраняются, если даже останется их тень, не будет достижения *самадхи* Будд. Но тот, кто достиг сияния наивысшего *самадхи*, или объединяющего познания, сможет постичь, вместе со всеми Буддами, совершенное единство всех чувственных существ с *дхармакайей* буддовости. В чистой *дхармакайе* нет никакой двойственности, нет ни тени различия. Все чувственные существа, если бы они могли осознать ее, уже были бы в нирване. Чистая сущность разума — это наивысшее *самадхи*, это ануттара-самьяк-самбодхи, это праджня парамита, это Высшая Совершенная Мудрость.

Глава
двадцать
шестая.
Настойчивость
и постоянство

Тот, кто прерывает строй своих духовных
упражнений и молитвы, подобен человеку, ко-

торый позволил птице вырваться из руки — едва ли он сможет снова поймать ее.

St. John of the Cross

Si volumus non redire, currendum est. (Если не хотим пятиться, нужно бежать вперед.)

Пелагий

Если ты скажешь: «Довольно и этого, я уже достиг совершенства», потеряешь все. В том обязанность совершенства — напоминать тебе о твоём несовершенстве.

Св. Августин

У буддистов есть похожее высказывание, а именно, что если архат думает о себе, что он архат, это подтверждение того, что он не архат.

Скажу тебе, что никто не сможет пережить это рождение (Бога, познаваемого в душе) без огромного усилия. Никто не сможет достичь этого рождения, пока не сможет отстраниться в своем разуме от земного.

Экхарт

Если бы наложили на меня суровую епитимью, то не знаю, есть ли такая, какой бы я часто и с готовностью не принимала, но только не понуждение себя к молитве через собранность чувств. Правда, жестокость, с которой сатана набрасывался на меня, была столь непреодолимой и мои злые обычаи так сильны, что я не в силах была понудить себя стать на молитву; и печаль моя, когда я входила в молельню, была так велика, что требовалось мне все мужество, что было у меня, чтобы заставить себя переступить порог. Так говорят обо мне, что мужества мне не занимать, что Бог дал мне мужество совсем не женского рода, но как же плохо распорядилась я им. Наконец, Наш Гос-

подъ облегчил мою ношу, и, заставив себя молиться, я обрела больший мир и радость, чем прежде, когда у меня было желание молиться.

Св. Тереза

Одному из своих духовных чад наш дорогой отец (св. Франциск Сальский) сказал: «Относитесь терпимо ко всем, но более всего — к самому себе. Вот что я хочу сказать — пусть вас не обескураживают собственные несовершенства, но всегда поднимайтесь с новым мужеством. Я рад тому, что вы каждый день начинаете заново; нет лучшего способа обрести духовную жизнь, как постоянно начинать заново и никогда не думать, что уже сделано довольно. Где взять нам терпения сносить недостатки наших ближних, если нам нестерпимы собственные изъяны? Тот, кто терзается собственными падениями, не поправит их: всякое полезное исправление приходит от спокойного умиротворенного ума.

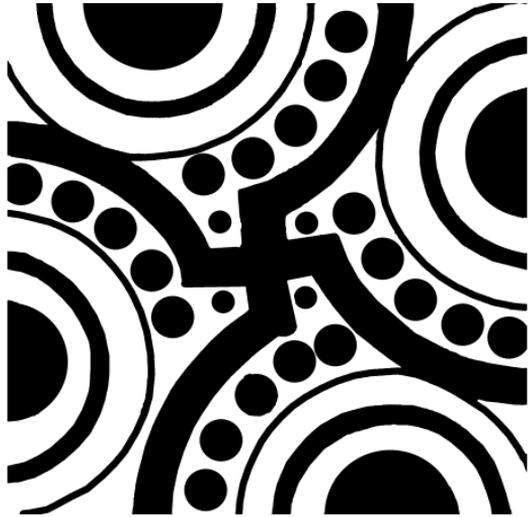
Ж.-П. Камю

Едва ли найдется такая душа, которая, взявшись за внутреннюю молитву, через какое-то время не откроет в себе крайнего нерасположения к этому занятию, имея великое множество неясного в уме и великую невосприимчивость в чувствах. Так что если несовершенная душа не будет должным образом наставлена и подготовлена, ей грозит опасность, а в случае, если такое сопротивление внутренней природы продлится немалое время, душа впадет в подавленность, а возможно, и воздержится от поиска молитвенного состояния, ибо склонна будет подумать, что вовсе нет никакой надежды понуждать себя к молитве, поскольку, как видится ей, чтобы она ни помышляла или действовала в Боге, не более чем пустая трата времени; а посему полезнее будет посвятить свое время другому занятию.

В самом деле, есть некоторые души, ведомые Богом Всемогущим никаким путем, как только подобной молитвой сухости. Они не находят никакого чувственного удовольствия в сосредоточении, напротив,

непрестанную боль и противление. И все же, через сокровенную милость и отвагу, запечатленную в глубинах духа, не отступают по причине всего этого, но решительно пробиваются сквозь все трудности и продолжают, стараясь изо всех сил, свои внутренние упражнения, к великому своему преуспеянию духовному.

Августин Бейкер

Глава
двадцать
седьмая.
Созерцание
действие
общественное
единство

Во всех исторических определениях Философии вечности есть следующие непреложные истины: конечная цель человечес-

кой жизни — созерцание или прямое и интуитивное постижение Бога; действие — это средство к этой цели; ситуацию в обществе можно считать благоприятной ровно в той степени, в какой оно допускает возможность созерцательной жизни для своих членов; существование, по крайней мере, меньшинства созерцателей необходимо для нормальной обстановки в обществе. В наше время расхожей философией масс безоговорочно признается, что цель человеческой жизни — действие; созерцание (прежде всего его низшая форма, т.е. дискурсивное мышление) — средство к этой цели; благосостояние общества основывается на действиях его членов, направленных на прогресс в технологии и организации (этот прогресс, по общему мнению, непосредственно никак не связан с нравственным и культурным развитием); меньшинство созерцателей совершенно бесполезно, а, возможно, даже вредно для общества, которое его терпит. Нет необходимости далее распространяться относительно этого *Weltanschauung** современности; в открытую или подспудно, он обращается к нам с каждой рекламной страницы любой газеты или журнала. Мы же приведем фрагменты текстов, в которых речь о более древних, истинных, почти неизвестных положений Вечной Философии.

Работа — для очищения ума, не для восприятия Реальности. Постигание Истины приносится различием, но никак не трудами, пусть даже десятью миллионами трудов.

Шанкара

Знай же, что окончательная цель всякой вещи — та, которая предназначена ей тем, кто первый придумал или привел ее в движение; а первый создатель и движитель вселенной — интеллект. Соответственно, окончательная цель вселенной должна быть во благо интеллекту, воистину

* Мироззрение (нем.).

так. Значит, истина должна быть окончательной целью для всей вселенной, и рассуждение поэтому должно быть основным занятием Разума. И по этой причине Божественный Разум, облекшись в плоть, утверждает, что Он пришел в мир, чтобы познали истину... Более того, Аристотель дает такое определение Первофилософии, что это познание истины, не какой-то истины, но той истины, в которой источники всей истины, а именно той, что относится к первооснове бытия всех вещей; посему ее истина — это первооснова всей истины, поскольку положение вещей одинаково в истине, как и в бытии.

Св. Фома Аквинский

Вещь может принадлежать созерцательной жизни двояко, в своей сути или через предрасположенность... Добродетели нравственности принадлежат созерцательной жизни через предрасположенность. Сам акт созерцания, который по сути есть содержанием созерцательной жизни, сдерживается одновременно неукротимостью страстей и внешними беспокойствами. Добродетели же нравственности усмиряют неукротимость страстей и подавляют обеспокоенность внешними занятиями. Отсюда добродетели нравственности принадлежат созерцательной жизни через предрасположенность.

Св. Фома Аквинский

Эта работа милосердия хотя и наполнена действием, но немало способствует и располагает начинающего к достижению созерцания впоследствии.

Уолтер Хилтон*

* Уолтер Хилтон (ок. 1340—1396) — английский монах-августинец, мистик и аскет. Автор трактата «Ступени совершенства».

В буддизме, как и в Веданте, и во всех формах христианства, за исключением разве что самых недавних, правильное действие — это средство, которое подготавли-

вает разум к созерцанию. Первые семь шагов Восьмеричного Пути — это подготовка через деятельность и нравственность к объединяющему познанию Таковости. Только тот, кто не оставляет Четыре Добродетельных Деяния — а они включают в себя все остальные добродетели, а именно воздаяние любовью за ненависть, отречение, «святое безразличие», или отсутствие желаний, покорность дхарме или Природе Вещей, — может надеяться достичь освобождающего понимания, что сансара и нирвана едины и что душа и все остальные существа имеют своим живым первоисточником Умственный Свет, или «лоно Будды».

Совершенно естественно встает вопрос — кто призван к высшей форме молитвы, которой есть созерцание? Ответ недвусмысленно прост — все призваны к созерцанию, потому что все призваны к деятельному освобождению, которое есть ничто иное, как познание, которое объединяет познающего с тем, что познается, а именно с вечным Основанием или Божественным. Восточные представители Вечной Философии, наверное, не согласились бы с тем, что призваны все «здесь и сейчас»; непосредственно в этой жизни, сказали бы они, это может быть во всех отношениях невозможно для данной личности — достичь чего-либо большего, чем частичное освобождение, наподобие посмертного выживания в каком-то из «раев», откуда личность может продолжить своей путь то ли к полному освобождению или вернуться к тому материальному состоянию, которое, с чем согласны все мастера духовной жизни, предлагает столь неповторимо благоприятные условия для того, чтобы сдать экзамен космическому разуму с последующим просветлением. В ортодоксальном христианстве отвергается возможность того, что индивидуальная душа может иметь более чем одно воплощение или какое-то ее дальнейшее продвижение в посмертном состоянии. Если душа идет в ад, она там и остается. Если в чистилище, то толь-

ко лишь для того, чтобы, искупив злые деяния прошлого, получить возможность «благодатного видения». Если же она попадет в рай, тогда ей будет открыто столько «благодатного видения», сколько она заработала своим поведением в скоротечной земной жизни и во веки веков, не более того. Из этого следует, что если все призваны к созерцанию, то они призваны со своего непосредственного места в иерархии бытия, на которое их поставили природа, воспитание, свободная воля и благодать. Как сказал выдающийся современный богослов, отец Гарригу-Лагранж, «все души получают отдаленный призыв к мистической жизни, и если этим душам посчастливится избежать, как и следует тому быть, не просто смертного, но и простительного греха, если они будут, каждая соответственно своему устройению, послушны Святому Духу и если они проживут достаточно долго, однажды придет такой день, когда они получат непосредственное и действенное призвание к высокому совершенству и к мистической жизни в истинном смысле этого слова». Это мнение — что жизнь мистического созерцания это должное и нормальное развитие «внутренней жизни» сосредоточенности и посвящения себя Богу — в таком случае оправдывается следующими соображениями. Первое, у этих двух жизней одинаковый принцип. Второе, только в жизни мистического созерцания внутренняя жизнь обретает свое завершение. Третье, их цель, вечная жизнь, одна и та же; более того, совершенно готовит к этой цели только жизнь мистического созерцания.

Созерцателей мало, ибо мало душ смиренных, до совершенства.

«Подражание Христу»

Бог не уготовал такое возвышенное призвание (мистического созерцания) лишь для некоторых душ; наоборот, Он желает, чтобы все

смогли принять его. Но Он находит лишь немногих, кто позволяет Ему проводить в них столь утонченную работу. Много есть таких, которые, когда Он посылает им испытания, уклоняются от этих трудов, мучительных и поначалу бесплодных, вместо того, чтобы подчиниться, как следовало бы, в совершенном терпении.

Св. Хуан де ла Крус

Это утверждение, что все призваны к созерцанию, кажется противоречащим тому, что мы знаем о врожденном разнообразии темпераментов и учению о том, что существуют по меньшей мере три основных пути к освобождению: кроме познания, еще и пути трудов и поклонения. Но противоречие здесь скорее кажущееся, чем действительное. Если дороги поклонения и трудов ведут к освобождению, то это потому, что они выходят на путь знания. Если душа, идущая путем поклонения и трудов, не выходит на путь знания, она не обретает полного освобождения, но в лучшем случае достигает неполного спасения в «раю». Возвращаясь к вопросу о темпераменте, мы видим, что в действительности некоторые люди склонны делать доктринальный и практический упор на одном моменте, а некоторые на другом. Но хотя кому-то от рождения может быть ближе путь созерцания, трудов или поклонения, однако даже те, у кого крайности темперамента предельно выражены, могут воспользоваться и другими путями, не только тем, к которому они призваны от природы. Прирожденный созерцатель, с его требуемым уровнем послушания водительство Света, может научиться очищать свое сердце трудами и направлять разум преданным поклонением Богу; те же, кому от рождения ближе путь трудов и путь поклонения, тоже могут открыть для себя — «Остановитесь и познайте, что Я — Бог». Нет никакой нужды становиться жертвой своего особенного таланта. Какие и сколько бы их

ни было, много или мало, в одной области или в другой, наши таланты даны нам для того, чтобы привести к одной великой цели. От нас зависит, как их использовать — более легким и худшим способом или более упорным и лучшим.

Те, кто более приспособлены к активной жизни, могут подготовить себя к созерцанию, исполняя то, что надлежит им делать в активной жизни, в то время как те, кто более приспособлены к созерцательной жизни, могут принять на себя труды активной жизни с тем, чтобы как следует подготовиться к созерцанию.

Св. Фома Аквинский

Тот, кто силен в вере, слаб в понимании, как правило, доверяется никчемным людям и поклоняется ложному объекту. Тот, кто силен в понимании, слаб в вере, склоняется к бесчестию, трудно излечим, как болезнь, вызванная лекарством. Тот, кто обладает ими в равной мере, поклоняется правильному объекту.

Тот, кто силен в концентрации, слаб в энергии, побеждается праздностью, поскольку концентрация имеет часть в природе праздности. Тот, кто силен в энергии, слаб в концентрации, побеждается отвлечениями, поскольку энергия имеет часть в природе отвлечения. Следовательно, их нужно уравнивать между собой, поскольку от равенства в обоих приходят созерцание и восторг..

Сосредоточенность должна быть сильна во всех случаях, поскольку сосредоточенность удерживает разум от отвлечений, которым он может поддаться, поскольку вера, энергия и понимание имеют часть в природе отвлечения; и удерживает от праздности, которой он может поддаться, поскольку концентрация имеет часть в природе праздности.

* *Буддахоша* (V в.) — выдающийся комментатор буддийских священных текстов, принадлежал к одной из древнейших школ индийского буддизма Схавиравада (*пали букв.* «проповедующие со слов старейшин»).

Буддахоша*

В этом месте стоит отметить по ходу разговора, что Бог — ни в коем случае не единственный объект созерцания. Однонаправленная концентрация на том, что не есть наивысшим, может стать опасной формой идолопоклонства. В письме к Хукеру Дарвин писал, что «это жестокое проклятье для каждого человека, оказаться столь поглощенным любим предметом, как я поглощен своим». Это зло потому, что однонаправленность может привести к более или менее полному отмиранию всех остальных сторон ума. Дарвин сам отмечал, что в поздние годы он был неспособен даже в малой степени заинтересовать себя поэзией, искусством или религией. Профессионально, в отношении к своей избранной специальности, человек может быть совершенно зрелым. Духовно, а иногда и нравственно, в отношении к Богу и своему ближнему он может оставаться почти на зародышевом уровне.

В случаях, когда объект однонаправленной концентрации — Бог, так же есть опасность того, что незадействованные способности мозга могут атрофироваться. Отшельникам Тибета и Фиваиды было не занимать однонаправленности — исключения и разделение. Но ведь могло быть и так — окажись они, в полном смысле слова, «послушны водительству Святого Духа», они пришли бы к пониманию того, что однонаправленность исключения, это, в лучшем случае, подготовка к однонаправленности присоединения — постижение Бога в полноте космического бытия, как и во внутренних высотах индивидуальной души. Подобно даосскому святому, они, наконец, вернулись бы в мир верхом на укрощенной и обращенной индивидуальности, «ели и пили», общались с «мытарями и грешниками», с «пьяницами и мясниками», как сказали бы буддисты. Для полностью просветленной, до конца свободной личности, сансара и нирвана, время и вечность, феноменальное и Реальность едины по су-

ти. Вся ее жизнь — это постоянное бодрствование в непрерывном созерцании Божественного в вещах, жизнях, мыслях и событиях мира становления. Здесь нет места расщеплению души, нет никакой атрофии ее сил и способностей. Напротив, здесь есть всеобщее усиление и развитие сознания и в то же время его расширение и трансформация. Еще ни один святой не жаловался, что поглощенность в Боге была «жестоким проклятием».

В начале было Слово; взирай на Того, кого слушала Мария. И Слово стало плотью; взирай на Того, кому служила Мария.

Св. Августин

Бог вдыхает нас в Себя созерцанием, и тогда мы должны быть всецело Его; но затем Дух Божий выдыхает нас наружу, для трудов любви и созидания.

Рёйсбрук

Действие, по словам Аквината, есть нечто прибавляемое к жизни молитвы, а не отнимаемое от нее. Одна из причин для подобной рекомендации вполне прагматична — действие, «отнимаемое от жизни молитвы», это действие, непросветленное соприкосновением с Реальностью, совершаемое без вдохновения и без водительства; последствия его скорее всего будут безрезультатными и даже пагубными. «Мудрецы древности, — говорит Чжуан-цзы, — сначала сами находили Дао, затем помогали находить его другим». Как тут вытягивать сучок у кого-то из глаза, если бревно с собственном глазу не дает видеть Божественное Солнце и трудиться в его свете. Говоря о тех, кто предпочитает немедленное действие, а не приобретение, через созерцание, сил к результативному действию св. Хуан де ла Крус спрашивает: «Чего они добьются?» —

и отвечает: *Poco mas que nada, y a veces nada, y aun a veces dano* («Почти ничего, иногда совсем ничего, иногда себе навредят»). Приход должен уравновешивать издержки. От этого никуда не деться не только на уровне экономики, но также на физиологическом, интеллектуальном, нравственном и духовном уровнях. Мы не можем вырабатывать мускульную энергию, пока не заполним наше тело топливом в виде пищи. У нас едва ли получится сказать что-то толковое, прежде чем мы не начнем читать и переваривать внутри себя сказанное лучшими. У нас не получится правильно и результативно действовать, прежде чем мы не научимся открываться руководству Божественной Природы Вещей.

Нам прежде необходимо принять то, что создано вечным, для того, чтобы научиться самим создавать что-то во времени. Но созданное вечностью невозможно принять как-то иначе, как только посвятив хотя бы малую часть нашего времени молчаливому ожиданию. Это означает, что в той жизни, где этические издержки уравновешиваются духовным приходом, действие должно чередоваться с передышкой, речь — с бдительно-пассивной тишиной. *Otium sanctum quaerit caritas veritatis; negotium justum suscipit necessitas caritatis* («Любовь к Истине ищет святой праздности; потребности любви предпринимают праведные действия»). Тела людей и животных — это своего рода поршневые двигатели, в которых за напряжением всегда следует расслабление. Даже неустанно работающее сердце отдыхает между ударами. Нет ничего в живой Природе, хоть отдаленно напоминающее величайшее техническое изобретение человека, постоянно вращающееся колесо (именно этим, несомненно, объясняется то безразличие, усталость и апатия у людей, которые на современных фабриках вынуждены приспособить свои телесные и умственные движения к круговому вращению ме-

ханически-однообразного движения). «То, что человек принимает в созерцании, — говорит Экхарт, — он изливает в любви». Благонмеренный гуманист и просто крепкий христианин, которые воображают, что можно соблюдать вторую заповедь, даже не поразмыслив над тем, как лучше всего любить Бога всем своим сердцем, душой и разумением, взялись за невыполнимую задачу бесконечно лить из сосуда, который никогда не наполняется.

Дщерям Милосердия следует любить молитву, как тело любит душу. Так же, как тело не может жить без души, так и душа не может жить без молитвы. И до тех пор, как дщерь молится, как подобает молиться, она будет преуспевать. Не идти, но бежать она будет на путях Господа, и вознесена будет к высокой ступени любви Господней.

Св. Винсент де Поль*

Семьи, города, страны и народы наслаждаются величайшим счастьем, когда один человек не проходит мимо Великого и Прекрасного... Такие люди не только себя освобождают; они освобождают разум каждого, кто встретится им на пути.

Филон

* *Винсент де Поль* (1581—1660) — французский священник, младший современник св. Франциска Сальского, посвятивший свою жизнь благотворительности. Основал орден священников-миссионеров (лазаристов) и женский благотворительный орден винцентинок.

О том же говорит и аль-Газали, который считал мистиков не просто основным источником нашего знания о душе, ее способностях и изъянах, но солью, которая сохраняет все общество от загнивания. «И во времена философов, — читаем мы у него, — как и во всякое другое время, можно найти таких пламенных мистиков. Бог не оставит свой мир без них, ибо

они — опора этого мира». Мистик, умирая для себя, обретает способность к бесконечному вдохновению, становится орудием, которым Божественная благодать работает с теми, чья необращенная природа не откликается на нежное прикосновение Духа.

Оглавление

Об авторе этой книги 5

Олдос Хаксли. Вечная философия

Перевод Евгения Бондаренко

Введение 7

Глава первая. Это есть Ты 15

Глава вторая. Природа основания 45

*Глава третья. Личность, святость, Божественное
воплощение* 69

Глава четвертая. Бог в мире 101

Глава пятая. Милосердие 133

*Глава шестая. Самоограничение, непривязанность,
правильная жизнь* 154

Глава седьмая. Истина 194

Глава восьмая. Религия и темперамент 225

Глава девятая. Самопознание 246

Глава десятая. Благодать и свободная воля 252

Глава одиннадцатая. Добро и зло 267

Глава двенадцатая. Время и вечность 280

*Глава тринадцатая. Спасение, освобождение,
просветление* 304

*Глава четырнадцатая. Бессмертие
и жизнь после смерти* 320

Глава пятнадцатая. Молчание 327

Глава шестнадцатая. Молитва 333

<i>Глава семнадцатая. Страдание</i>	345
<i>Глава восемнадцатая. Вера</i>	356
<i>Глава девятнадцатая. Бога не обманешь</i>	363
<i>Глава двадцатая. Tantum religio potuit suadere malorum</i>	371
<i>Глава двадцать первая. Идолопоклонство</i>	381
<i>Глава двадцать вторая. Эмоциональность</i>	388
<i>Глава двадцать третья. Чудеса</i>	397
<i>Глава двадцать четвертая. Ритуал, символ, священнодействие</i>	402
<i>Глава двадцать пятая. Духовные упражнения</i>	420
<i>Глава двадцать шестая. Настойчивость и постоянство</i>	446
<i>Глава двадцать седьмая. Созерцание, действие, общественное единство</i>	450

